А. А. Егорейченко

Культуры штрихованной керамики

А. А. Егорейченко

Культуры штрихованной керамики

МИНСК
БГУ
2006

УДК 930.26(476)
ББК 63.4(45 Беи)
Е30

Рекомендовано Ученым советом
исторического факультета БГУ
11 октября 2005 г., протокол № 2

Р е ц е н з е н т ы:
доктор исторических наук, профессор *М. Ф. Гурин*;
кандидат исторических наук, доцент *О. Л. Липницкая*

Егорейченко, А. А.
Е30 Культуры штрихованной керамики / А. А. Егорейченко. — Минск : БГУ, 2006. — 207 с. : ил.
ISBN 985-485-607-0.

В монографии дана комплексная характеристика племен междуречья Немана, Западной Двины и Припяти конца II тыс. до н. э. — первой половины I тыс. н. э. На основе ряда признаков общепринятая среди исследователей культура штрихованной керамики разделена на две самостоятельные: культуру ранней штрихованной керамики, которая существовала в последней четверти II—I тыс. до н. э. и была характерна для эпохи бронзы; культуру поздней штрихованной керамики, относящуюся к классическому железному веку в рамках рубежа н. э. — первой половины I тыс. н. э.

Издание рассчитано на археологов, историков и всех тех, кто интересуется древней историей Восточной Европы.

УДК 930.26(476)
ББК 63.4(45 Беи)

ISBN 985-485-607-0

Светлой памяти моего учителя,
Валентина Васильевича Седова,
посвящаю

ВВЕДЕНИЕ

Эпоха поздней бронзы и железного века лесной полосы Восточной Европы представляет собой чрезвычайно важный период в истории региона. В это время происходит формирование и определенная консолидация ряда балтских и финно-угорских племен, которым присущи конкретные археологические культуры. Их характеристика дана в многочисленных археологических публикациях. Вместе с тем далеко не все стороны их развития получили должное освещение. До сих пор не существует единства мнений по вопросу перехода от эпохи бронзы к железному веку. Назрела необходимость более четкого выделения культур эпохи бронзы и железного века лесных пространств Восточной Европы. Как и раньше, исследователи традиционно выделяют монолитные культуры (штрихованной керамики, днепро-двинская, дьяковская), которые существовали на протяжении длительного времени, от конца II тыс. до н. э. до середины I тыс. н. э., объясняя перемены в их облике и структуре эволюционными изменениями. На современном этапе изучения назрела необходимость их членения на культуры поздней бронзы и железного века, поскольку переход от одной стадии развития к другой был не эволюционным, а взрывным, в корне меняющим весь облик этих культур.

Начало железного века в лесной полосе Восточной Европы исследователи относят к VIII—VII вв. до н. э. (Смирнов, 1974. С. 77, 78; Митрофанов, 1980. С. 102; Шмидт, 1992. С. 116; и др.). Однако такая датировка с определенной оговоркой может быть приемлема лишь в отношении некоторых археологических культур южной части этого региона (милоградская, юхновская), имевших непосредственный контакт со скифами, у которых черная металлургия и металлообработка получили распространение уже с VII в. до н. э. Не ранее этого времени металлургия железа укореняется и в ряде районов Центральной Европы. Собственно лесные культуры (штрихованной керамики, днепро-двинская, дьяковская и др.) практически на всем протяжении I тыс. до н. э. демонстрируют костяную и каменную индустрию, поэтому говорить о классическом железном веке в этом регионе примерно до рубежа н. э. представляется неоправданным. Недаром Л. Крживицкий на заре изучения ранних городищ со штрихованной керамикой в Литве красноречиво назвал, хотя и неоправданно, это время как «последние моменты неолитической эпохи в Литве» (Крживицкий, 1913. С. 301—317). Широкое распространение железных изделий, а следовательно, начало железного века, в междуречье Немана и Западной Двины относится к самому концу I тыс. до н. э.

Целью настоящей работы является освещение истории населения в междуречье Немана, Западной Двины и Днепра, на протяжении конца II тыс. до н. э. — первых веков н. э. В современном территориальном делении это — Северо-Восточная и Восточная Литва, Юго-Восточная Латвия, Северо-Западная и Центральная Беларусь, где локализована намеченная еще в конце 20-х гг. XX в. А. Н. Лявданским и окончательно выделенная в 50-х гг. А. Г. Митрофановым культура штрихованной керамики. Именно она дает яркий образец радикальных перемен в материальной культуре и хозяйственно-экономическом укладе на рубеже эр, что позволяет разделить ее на две самостоятельные культуры: 1) культуру ранней штрихованной керамики (КРШК); 2) культуру поздней штрихованной керамики (КПШК).

Сравнительный анализ показывает, что между ними гораздо больше различий, чем элементов сходства. Так, объединяющими остаются такие признаки, как отсутствие погребений и сохранение обычая покрывать поверхность сосудов штриховкой. Отдельные сходные элементы наблюдаются в топографии поселений и в домостроительстве. Однако наряду с ними в расположении и защите городищ, а также в характере домостроительства отмечены и новации.

Несмотря на определенную преемственность, следует подчеркнуть принципиальную разницу между памятниками I тыс. до н. э. и первых веков н. э. Первые с полным основанием можно отнести к эпохе бронзы, поскольку подавляющая часть инвентаря, обнаруженная на этих городищах, сделана из кости и камня. Вторые характерны для развитого железного века, когда костяные и каменные изделия почти полностью вытесняются железными.

Освещение основных вопросов изучения культур штрихованной керамики в работе базируется главным образом на материалах городищ Северо-Восточной и Восточной Литвы, Юго-Восточной Латвии, Северо-Западной и Центральной Беларуси. Очень близки по костяному и каменному инвентарю КРШК памятники I тыс. до н. э. Центральной Латвии, однако у них наблюдается и ряд принципиальных расхождений. Здесь, в отличие от основного ареала, имеют место погребальные памятники в виде курганов и грунтовых могильников, существенно отличаются элементы фортификационного зодчества, есть определенные несоответствия в керамическом комплексе. Не исключено, что прав А. В. Васкс, выделяющий эту территорию в локальный вариант культуры (Васкс, 1991. С. 125). Материалы городищ Центральной Латвии достаточно полно опубликованы и проанализированы (Граудонис, 1967; Graudonis, 1989; Vasks, 1994), поэтому они привлекаются в основном для аналогий.

Основу настоящей работы составили разнообразные археологические материалы. Это — прежде всего коллекции, полученные в результате собственных разведок и раскопок автора, которые осуществлялись на протяжении 26 лет. За этот период им были исследованы городища КРШК Зазоны, Ратюнки, Укля и укрепленные поселения КПШК Городище Мядельского р-на, Ивань, Кащеличи. Существенную источниковедческую базу работы составляют различные публикации предшественников и современных археологов, посвященные исследуемой проблеме. Помимо этого, были использованы материалы, хранящиеся в архивах Института истории НАН Беларуси и Института археологии РАН. При подготовке работы автором были изучены археологические коллекции, которые находятся в фондовом хранении Института истории НАН Беларуси, Национального музея истории и культуры Беларуси, кафедры археологии и специальных исторических дисциплин исторического факультета Белорусского государственного университета, Государственного Эрмитажа в г. Санкт-Петербурге и Национальном музее Литвы (г. Вильнюс).

Автор выражает искреннюю признательность лаборантам кафедры археологии и специальных исторических дисциплин исторического факультета Белорусского государственного университета Ю. П. Латушковой, Л. Е. Матвеевой, З. А. Харитонович, которые на протяжении многих лет принимали участие в раскопках, производимых автором, и оказали существенную помощь в подготовке иллюстративного материала. Хотелось бы выразить благодарность также сотрудникам Управления редакционно-издательской работы БГУ за подготовку рукописи к печати.

Глава 1

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУР ШТРИХОВАННОЙ КЕРАМИКИ

Описание ряда городищ, позднее причисленных к культурам штрихованной керамики, содержится уже в некоторых источниках середины — второй половины XIX в. Информация о них крайне скудна. Как правило, это просто фиксация отдельных городищ, которая имеет в настоящее время чисто историографический интерес (Корева, 1861. С. 732, 742; Столпянский, 1866. С. 78, 217; Кахано́ўскі, 1984. С. 58 и др.). Отсутствие фактологической базы тем не менее не мешало отдельным авторам иметь свое суждение о назначении этих памятников. Большинство исследователей того времени (К. Гревинк, А. Киркор, К. Тышкевич) приписывало городищам различные функции. Некоторые из них (укрепленные поселения, убежища) подмечены верно, другие — весьма далеки от реальных (вечевые сходбища, судилища, места жертвоприношений) [Тышкевич, 1865. С. 5; Киркор, 1882. С. 242; Татур, 1892. С. 13—22].

В связи с подготовкой и проведением IX Археологического съезда в Вильне активизируется археологическое изучение западнорусских губерний, в котором выдающуюся роль сыграл Ф. В. Покровский. В рамках этого начинания им были составлены и опубликованы археологические карты Виленской и Гродненской губерний (Покровский, 1893. С. 1—164; Покровский, 1895. С. 1—65), в которых дано подробное описание десятков городищ, имевших напластования культур штрихованной керамики (топография, форма, размеры, предания). Позднее, при подготовке X Археологического съезда в Риге, им была подготовлена и опубликована еще одна археологическая карта. Она посвящена Ковенской губернии и также содержит характеристику ряда укрепленных поселений (Покровский, 1896. С. 1—161). Эти сведения отличались высокой точностью и скрупулезностью и не потеряли научного значения до сих пор. Важно подчеркнуть, что исследователь не ограничился только регистрацией памятников. Им проведен детальный осмотр со сбором подъемного материала на городищах Офяришки (Литва), Островляны, Якубишки (Беларусь), а на городище Богутишки (Литва) заложен шурф, в котором выявлены находки КПШК (Покровский. 1897. С. 190—194; Покровский, 1899. С. 164—167). Эти материалы на долгие годы стали эталонными для других исследователей.

Накопленные обширные данные позволили Ф. В. Покровскому сделать первые аналитические наблюдения по топографии, оборонительным сооружениям и назначению этой категории археологических памятников. Он правильно отметил преобладание в Восточной Литве и прилегающих районах Беларуси городищ холмового типа. Критикуя К. Гревинка, А. Киркора и братьев Евфстафия и Константина Тышкевичей, Ф. В. Покровский совершенно справедливо указывал на поселенческую функцию городищ. Характеризуя эту группу памятников, он писал: «Подобно тому, как замковые горы представляют собой остаток княжеских поселений, так точно и городища служили, по всей вероятности, местом поселения таких лиц, которые в доисторической Литве пользовались среди других лиц какими-нибудь, хотя бы например материальными преимуществами и так или иначе могли влиять на соседний район, хотя бы последний в некоторых случаях мог не превосходить и пределов городища. Одним словом, за городищем, по нашему мнению, должно быть принято значение места однодворного поселения» (Покровский, 1896. С. 13). Из рассмотренного текста вытекает, что Ф. В. Покровский не только определял функциональное назначение этой категории памятников, по и предпринял попытку установления их возраста. Исследователь относил их, по-видимому, к периоду распада первобытнообщинных отношений. Конечно, подобный взгляд в современных условиях далек от истины, но для того времени, когда археологическое изучение ранних поселений только зарождалось, это был серьезный шаг вперед.

Первые значительные раскопки городищ культур штрихованной керамики были предприняты на территории Литвы в начале XX в. В 1907 г. Императорская археологическая комиссия поручила слушателю Санкт-Петербургского археологического института В. А. Каширскому (окончил курс института в 1908 г. — *А. Е.*) проведение археологических раскопок в Восточной Литве на городище Межуляны. Эти работы велись на протяжении двух полевых сезонов и были прерваны по причине смерти исследователя. К сожалению, о них имеется лишь краткая информация отчетного характера, сообщающая о находке на городище каменного очага и каменного топора. Среди материалов этого городища, хранящихся в фондах Государственного Эрмитажа, есть два венчика от ребристых сосудов (№ 790/95, 790/96), которые позволяют отнести ранние наслоения культурного слоя к КПШК. Подавляющее большинство других находок относится к более позднему времени (ОАК за 1907 г. С. 106, 107; ОАК за 1908 г. С. 161—163).

Большей результативностью отличались исследования Л. Крживицкого на территории Северо-Восточной Литвы. На протяжении двух полевых сезонов, 1909—1910 гг., им были проведены раскопки двух городищ, Пятрашюнай и Дукшты, которые дали яркие материалы преимущественно КРШК. Особым богатством выделялся вещевой комплекс городища Пятрашюнай. Там были найдены десятки каменных клиновидных топоров, многочисленные и разнообразные изделия из кости (ОАК за 1909—1910 гг., 1913. С. 172, 173). Характеризуя вещевой комплекс раскопанных городищ, Л. Крживицкий ошибочно предполагал, что он относится к последним моментам неолитической эпохи, которая, по его убеждению, заканчивалась в Литве в V—VII вв. н. э. (Крживицкий, 1913. С. 317). В последующем этот исследователь предпринимает раскопки еще нескольких укрепленных поселений, публикуя их результаты в различных изданиях (Седов, 1970. С. 18).

Обобщая характеристику дореволюционного периода в области изучения культур штрихованной керамики, следует отметить, что это было время первоначального накопления источниковедческой базы, предварительной систематизации и отдельных, по существу еще робких попыток интерпретации материалов.

Новый этап в изучении этих культур наступает в 20-е гг. XX в. Наиболее интенсивные разведывательные и раскопочные работы в этот период проводились на территории Беларуси и были связаны прежде всего с деятельностью А. Н. Лявданского, а также его коллег: С. А. Дубинского, А. Д. Ковалени, А. О. Рынейского, С. С. Шутова и др. В 1923—1924. гг. А. Н. Лявданский, работая еще ассистентом Смоленского университета, проводит небольшие исследования на городищах Свидно Логойского р-на, Смолевичи и Буда Смолевичского р-на Минской обл. По-

лученный им материал позволил провести параллель между этими памятниками и исследованными Ф. В. Покровским укрепленными поселениями Богутишки и Офяришки. Вслед за А. А. Спицыным он отнес их к числу «литовских» и датировал VI—VIII вв. н. э. (Ляўданскі, 1925. С. 88—93).

В конце 1920-х гг. А. Н. Лявданский проводит раскопки на таких городищах, как Старая Рудица Дзержинского р-на, Кимия, Оздятичи, Новоселки Борисовского р-на, Ивань и Слуцк Слуцкого р-на Минской обл., на которых выявляет материалы КПШК. Помимо этого, он обследует ряд укрепленных поселений в Минской и Витебской обл. (Дубінскі, 1930. С. 510—512). Одновременно с ним И. Р. Колодкин и М. Н. Конвисаров осмотрели 13 городищ в Борисовском и Березинском р-нах Минской обл. А. О. Рынейский совершает археологическую разведку по р. Птичь, в верховьях которой фиксирует памятники КПШК, а С. С. Шутов и Н. Н. Улащик ведут поисковую работу в нижнем течении р. Свислочь (Рынейскі, 1930. С. 201; Шутаў, Улашчык, 1930. С. 105—121; Ляўданскі, 1932а. С. 226; Ляўданскі, 1932б. С. 231—235).

Интенсивные исследования А. Н. Лявданского в западнодвинском регионе, Верхнем Поднепровье и в бассейне Припяти, проведенные в конце 1920-х — начале 1930-х гг., позволили ему выделить три группы укрепленных поселений и очертить их ареалы. Первая группа с лепной гладкостенной керамикой охватывала Смоленское Поднепровье и Белорусское Подвинье. Вторая группа городищ с штрихованной посудой располагалась в Центральной Беларуси, третья, с лепной гладкостенной керамикой, но отличной от смоленской, занимала Южную Беларусь. По мнению А. Н. Лявданского, городища с лепной штрихованной керамикой являлись древнейшими, в отличие от поселений Белорусского Подвинья и Смоленского Поднепровья. Ошибочность этого положения заключалась в том, что исследователь в те годы не мог уловить разницы между лепной гладкостенной посудой днепро-двинской культуры (ДДК) и посудой среднего и верхнего слоев Тушемли. Существенным шагом вперед была его датировка центральнобелорусских городищ более ранним временем, а именно первыми веками н. э., что соответствует современной хронологии КПШК. Им также была высказана мысль о принадлежности населения этого региона балтам (Ляўданскі, 1930. С. 336).

В дальнейшем при подготовке к I Всесоюзному съезду археологов и этнографов, проходившему в Ленинграде, А. Н. Лявданский сформулировал ряд принципиальных выводов. Согласно его воззрениям, поселения со штрихованной керамикой прошли несколько стадий развития: от селищ сначала к слабоукрепленным поселкам, а затем к городищам с дерево-земляной фортификационной системой. Помимо этого, он уточнил восточную границу распространения этих памятников, охарактеризовал в общих чертах материальную культуру и основные занятия населения. Принципиально важным был и вывод о том, что городища являлись центрами родовых общин (Ляўданскі, 1932в. С. 216, 217).

Учитывая сказанное, следует подчеркнуть, что А. Н. Лявданский вплотную подошел к выделению основных археологических культур эпохи железа на территории Беларуси и Смоленщины (Егорейченко, 1993. С. 39). Это в свою очередь позволило П. Н. Третьякову в 1940—1941 гг. составить общую карту локальных групп городищ лесной полосы Восточной Европы (Третьяков, 1941. С. 9—55).

В отличие от Беларуси работы по изучению городищ культур штрихованной керамики на территории, входившей в состав Польши и прибалтийских республик (Литва, Латвия), носили в 1920—1930-е гг. эпизодический характер. Так, супруги Владимир и Елена Голубовичи обследовали несколько десятков городищ в междуречье Немана и Западной Двины, однако хронология этих памятников и этническая атрибутация были определены неверно (Голубович Е., Голубович В., 1945. С. 126, 127). В Литве после удачных раскопок Л. Крживицкого на ряде городищ (Дукшты, Мошкенай, Пятрашюнай) наступил длительный перерыв (Забела, 1993. С. 42, 43). Только в 30-е гг. на некоторых пилкалнисах Северо-Восточной Литвы (Возгеляй, Вяликушкес, Покачинес) провел небольшие исследования П. Ф. Тарасенко, результаты которых были им опубликованы уже в послевоенные годы (Тарасенко, 1952. С. 86—91). Все эти городища он интерпретировал как обрядовые, с чем трудно согласиться.

На территории Латвии в межвоенные годы сравнительно большим раскопкам (588 кв. м) подверглось лишь одно городище Дигная, которое имело напластования культур штрихованной керамики, однако в научный оборот эти материалы были введены гораздо позднее, в 1959 г. (Васкс, 1991. С. 141).

Работы конца XIX в. — 30-х гг. XX в. представляли собой этап первоначального накопления источниковедческой базы и ее предварительного осмысления. Существенный прорыв наметился в начале 30-х гг. благодаря интенсивным полевым исследованиям А. Н. Лявданского, после которых появилась возможность выделения локальной группы городищ со штрихованной керамикой и ее дальнейшего изучения.

Новый этап в изучении городищ со штрихованной посудой начинается в конце 40-х гг. XX в. и связан прежде всего с именем А. Г. Митрофанова, который окончательно выделил их в самостоятельную культуру штрихованной керамики. К активной полевой деятельности на территории Беларуси исследователь приступил в 1948 г. На протяжении шести полевых сезонов им проведены интенсивные разведки городищ в центральной части страны, а на пяти поселениях предприняты раскопки (Вязынка, Збаровичи, Кимия, Лабенщина, Новоселки). Конечным результатом этой кропотливой работы стала защита в 1955 г. А. Г. Митрофановым кандидатской диссертации на тему «К истории населения Средней Белоруссии в эпоху раннего железа». В ней была дана обобщающая характеристика развития культуры: ее ареал, описание поселений, хронология и периодизация, анализ материальной культуры и основных занятий ее носителей. Важным вкладом в науку являлось открытие и введение в научный оборот жилых построек на городищах Вязынка и Збаровичи, которые А. Г. Митрофанов определял как большие наземные дома (Митрофанов, 1955).

Вместе с тем А. Г. Митрофанов отчетливо понимал, что далеко не все стороны культуры штрихованной керамики ему удалось осветить. Так, отсутствие ранних материалов не позволило поставить и решить вопрос о происхождении этой общности, оставалась спорной ранняя датировка культуры, поэтому стояла острая необходимость дополнительных изысканий.

На протяжении второй половины 1950—1960-х гг. А. Г. Митрофанов исследовал укрепленные поселения в Васильковке, Вязынке, Городище Мядельского р-на, Дедиловичах, Малышках, Оздятичах, Старой Рудице, Качановичах и др., материалы которых являются важной источниковедческой базой для характеристики КПШК. Особый интерес среди перечисленных памятников представляет городище в Малышках, давшее уникальные материалы по домостроительству. Широкомасштабные раскопки городищ в различных районах культуры позволили исследователю поставить вопрос о формировании ее носителей на местной субстратной основе и уточнить ареал (Митрофанов, 1969. С. 69—76).

Логическим завершением многолетних исследований А. Г. Митрофанова стали его публикация в «Очерках по археологии Белоруссии» (Митрофанов, 1970. С. 184—212) и монография, в которой дана обобщающая характеристика культуры (Митрофанов, 1978). В этой работе А. Г. Митрофанов, касаясь территории расселения, под влиянием В. В. Седова частично изменил свою позицию и довел юго-восточную границу до Посожья, что не может быть оправданно (Егорейченко, 1992. С. 12, 13). По сравнению с диссертационной работой, изменились взгляды исследователя на хронологию и периодизацию культуры штрихованной керамики. Очевидно, под воздействием критики П. Н. Третьякова (Третьяков, 1966. С. 176) А. Г. Митрофанов пересмотрел нижнюю хронологическую границу и отнес ее к VII—VI вв. до н. э. По его убеждению, за длительную историю своего существования культура прошла в своем развитии два этапа: 1) VII—I вв. до н. э.; 2) I—V вв. н. э. (Митрофанов, 1978. С. 8—28). В дальнейшем в одной из своих последних обобщающих работ он предложил трехступенчатую периодизацию культуры: 1) VII—V вв. до н. э.; 2) IV—I вв. до н. э.; 3) I—V вв. н. э. (Митрофанов, 1980. С. 102—110). Несмотря на ее привлекательность, выделение промежуточного этапа представляется спорным, так как критерии для его выделения (увеличение роли производящего хозяйства, сравнительно широкое распространение железа, появление ребристых горшков и т. д.) археологическими фактами не подтверждаются (Егорейченко,

1992. С. 13). В последние годы своей полевой деятельности А. Г. Митрофанов вновь возвращается к исследованию городища Малышки, на котором выявляет остатки пятого многокамерного дома (Митрофанов, 1978. С. 421, 422; Митрофанов, 1979. С. 443). Позднее этот уникальный памятник доисследовал Э. М. Загорульский (Загорульский, 1994; Загарульскі, 1995. С. 127, 128).

Помимо А. Г. Митрофанова, в 1950-е гг. исследованием памятников КПШК занималась Ф. Д. Гуревич. Ею проведены небольшие раскопки на одном городище и селище и составлен свод памятников археологии в бассейнах рек Немана и Вилии, в который вошли и поселения КПШК (Гуревич, 1962. С. 23—36, 145—155).

Начиная с конца 1970-х гг. целенаправленными исследованиями укрепленных поселений Центральной и Северо-Западной Беларуси занимается автор. Вплоть до 1992 г. сферой его научных интересов стали городища КПШК (Городище Мядельского р-на, Ивань, Кащеличи). Наиболее масштабные работы были проведены на Иваньском городище, расположенном на южной периферии. Раскопки этого поселения дали обильный вещевой комплекс, дополняющий характеристику различных сторон культуры: оборонительных сооружений, домостроительства, связей населения с другими племенами и т. д. (Егорейченко, 1993. С. 39—42; Егорейченко, 1996).

До конца 1970-х гг. памятники КРШК, синхронные литовским и латышским, на территории Беларуси были не известны. Практически одновременно два ранних городища (Горани и Ратюнки) стали объектом исследований Я. Г. Зверуго и Л. В. Дучиц. Во время раскопок Я. Г. Зверуго на городище Горани (1978—1981 гг.) был получен яркий костяной и каменный инвентарь, характеризующий культуру I тыс. до н. э. (Зверуго, 1992. С. 92—103). В 1978, 1979 и 1981 гг. первые раскопки в Ратюнках предприняла Л. В. Дучиц. Материалы I тыс. до н. э. были обработаны А. Г. Митрофановым. В совместной публикации совершенно справедливо проводилась параллель между городищем Ратюнки и укрепленными поселениями Северо-Восточной Литвы (Наркунай, Няверишке, Сокишкяй, Пятрашюнай), однако начальная дата Ратюнок (VII—VI вв. до н. э.), несмотря на имевшиеся возможности (находки костяных булавок с гвоздевидной шляпкой и сложнофигурной пуговицы), определена неверно (Дучиц, Митрофанов, 1994. С. 163—182).

С 1992 г. целенаправленное изучение памятников КРШК ведет автор. В 1992—1994 гг. было исследовано городище Тарилово на озере Укля. Его раскопки позволили определить смену населения в I тыс. до н. э. (Егорейченко, 1994. С. 20—22; Егорейченко, 1996б. С. 8—11). В 1995—1999 гг. объектом изучения было укрепленное поселение Зазоны, на котором удалось проследить элементы застройки раннего этапа. Разнообразный вещевой комплекс этого памятника позволил не только дополнить картину быта и занятий его обитателей, но и четко определить его хронологические рамки (Егорейченко, 1997. С. 22—26; Егорейченко, 2001. С. 38, 39). Начиная с 1999 г. (в 2000 г. раскопки велись под руководством А. М. Медведева. — *А. Е.*) археологическая экспедиция Белорусского государственного университета под руководством автора продолжает изучение городища Ратюнки. На основании прекрасно сохранившихся очагов удалось проследить на нем планировку большей части поселения, выделить этапы его заселения, охарактеризовать материальную культуру древнего населения (Егорейченко, 2003. С. 33—35; Егорейченко, 2004. С. 530—532).

Анализ накопленных к концу XX в. данных позволил автору по-новому подойти к решению ряда вопросов. Основной из них — разделение культуры штрихованной керамики на две самостоятельные, КРШК, характерную для эпохи бронзы, и КПШК, которая является отражением классического железного века (Егорейченко, 2000. С. 168—171; Егорейченко, 2001б. С. 36—41; Егарэйчанка, 2002. С. 67—70; Егорейченко, 2004. С. 70—76). Автором впервые предложены уточненные датировки отдельных городищ и, соответственно, хронология культур штрихованной керамики на территории Беларуси, детализированы связи племен с соседними территориями и их взаимодействие (Егорейченко, 1992. С. 47—50; Егарэйчанка, 1999. С. 152—156; Егорейченко, 2001а. С. 38, 39; Егорейченко, 1998. С. 36—45 и др.). Большинство из этих тезисов нашли отражение в последней обобщающей работе уходящего столетия (Егарэйчанка, 1999. С. 113—173).

В 1980—1990-е гг. целенаправленное изучение городищ КПШК в Белорусском Понеманье вел А. М. Медведев. Основные результаты этих работ изложены в монографии (1996) и серии статей. Среди важнейших выводов этого исследователя следует отметить выделение локальных групп поселений КПШК в Верхнем Понеманье и элементов западнобалтийского влияния в материальной культуре (Медведев, 1996. С. 14—17, 24, 35). Много внимания А. М. Медведевым уделено хронологии укрепленных поселений (Медведев, 1994б. С. 21—28; Медведев, 1996. С. 45, 46; Медведев, 1999. С. 36—47), однако верхние датировки некоторых городищ представляются неоправданно завышенными.

Чрезвычайно важными для характеристики КПШК являются материалы раскопок М. Ф. Гурина на городище Мысли. На нем впервые для этой культуры выявлены полуземляночные жилища. Благодаря непродолжительному существованию поселения, здесь четко прослежена планировка и застройка, система оборонительных сооружений. В результате раскопок была получена серия выразительных импортных изделий, позволяющая точно определить время существования городища (Гурин, 2000. С. 24—39).

В 80—90-е гг. XX в. были предприняты раскопки некоторых городищ, находящихся в периферийной зоне. Э. М. Зайковский и В. В. Хартанович исследовали укрепленные поселения Аношки и Воронча, локализованные на южной окраине культуры (Зайкоўскі, Мядзведзеў. 2001, С. 63—77; Хартанович, 1988). М. И. Лошенков и А. В. Ильютик свои работы сконцентрировали на востоке и юго-востоке ареала, в бассейнах Березины и Орессы (Лысуха, Петровичи, Слободка, Сорочи и др.). Сложность изучения памятников этой зоны заключается в том, что поселения здесь имеют напластования нескольких культур железного века: милоградской, зарубинецкой и КПШК. Нередко милоградская и зарубинецкая посуда этих городищ несет на себе штриховку, что вводит в заблуждение исследователей. Несмотря на полное отсутствие на них костяных и каменных изделий, М. И. Лошенков и А. В. Ильютик упорно пытаются доказать наличие в этом регионе материалов КРШК, проводя несуществующие параллели между милоградской посудой и керамикой городищ Северо-Восточной Литвы (Ільюцік, 1994. С. 38—45; Ильютик, 1996. С. 141—161; Ильютик, 1998. С. 24—39; Ильютик, Лошенков, 2003. С. 127—152; Лашанкоў, 1994а. С. 29—34; Лашанкоў, 1994б. С. 122—124; Лашанкоў, 1997. С. 147—155; Лошенков, 1992. С. 70—73; Лошенков, 1996. С. 51—53).

Первые публикации в послевоенной Литве, посвященные поселениям культур штрихованной керамики, появились в 1950-е гг. Это были работы П. Ф. Тарасенко, в которых он подвел итоги своих исследований 1930-х гг. (Тарасенко, 1952. С. 86—91. Tarasenka, 1956). Возобновление раскопок на укрепленных поселениях этой республики относятся ко второй половине 1950 — началу 1960-х гг. Среди них наиболее значимыми являлись исследования таких городищ, как Аукштадварис и Няменчине, которые стали эталонными для характеристики КПШК на территории Литвы (Daugudis, 1962. P. 43—69; Kulikauskas, 1958. P. 20—43). Материалы этой же культуры были получены в ходе раскопок и других городищ (Navickaitė, 1959. P. 103—118; Jablonskytė-Rimantenė, 1961. P. 3—15; Petrauskaitė, 1959. P. 119—124).

На протяжении 1960—1980-х гг. основными исследователями культур штрихованной керамики в Литве были Е. Данилайте (Е. Григалавичене) и В. Даугудис. Сферой научных интересов Е. Данилайте первоначально было изучение штрихованной посуды. В ряде статей и диссертации исследовательница проанализировала происхождение штрихованной керамики, основные формы горшков и систему их орнаментации, локальные различия и исторические судьбы племен, оставивших эту посуду (Данилайте, 1967. С. 229—231; Данилайте, 1968; Данилайте, 1970а. С. 17—20; Данилайте, 1970б. С. 44—47; Grigalavičienė, 1989. P. 69—83; и др.). В дальнейшем она перешла к характеристике костяного инвентаря КРШК (Grigalavičienė, 1975. P. 73—83; Grigalavičienė, 1976a. P. 51—55; Grigalavičienė, 1976b. P. 69—79). Целью научных исследований В. Даугудиса в течение многих лет являлось изучение оборонительных сооружений и жилых построек на городищах Литвы, в том числе и культур штрихованной керамики (Daugudis, 1962. P. 43—69; Daugudis, 1974. P. 59—69; Daugudis, 1975. P. 61—70; Dau-

gudis, 1976. P. 57—67; Даугудис, 1989. С. 40—42; Даугудис, 1990. С. 59—61; и др.).

Заметным событием в литовской археологической историографии стала публикация в 1986 г. материалов трех городищ КРШК: Наркунай, Няверишке и Сокишкяй. Исследованные широкими площадями, они дали яркие результаты для характеристики оборонительных сооружений и застройки поселений, а также вещевого комплекса их обитателей (Volkaitė-Kulikauskienė, 1986. P. 5—49; Grigalavičienė, 1986a. P. 52—88; Grigalavičienė, 1986b. P. 89—137). Среди последних полевых исследований в Литве следует отметить раскопки Е. Григалавичене на городище Керяляй, нижние напластования которого содержали находки культур штрихованной керамики (Grigalavičienė, 1992. P. 85—105), и А. Лухтана на городище КПШК Аукуро Калнас (Лухтанас, 2001. С. 22).

Первая обобщающая характеристика культур штрихованной керамики в Литве содержится в «Очерке литовской археологии» (LAB, 1961. P. 113—125, 144—158). Его источниковедческую базу составляли дореволюционные раскопки ранних памятников и материалы городищ Аукштадварис, Мигонис и Няменчине, исследованных незадолго до написания этого коллективного труда. Информация, помещенная в «Очерке», крайне скудна и представляет ныне в большей степени чисто историографический интерес. В 1995 г. основные итоги изучения главным образом памятников КРШК были подведены Е. Григалавичене в вышедшей монографии, однако сводной характеристики этой культуры она не содержит (Grigalavičienė, 1995). Подобная работа весьма успешно была проделана А. Лухтаном, благодаря которой стало возможным иметь комплексное представление об истории развития Северо-Восточной Литвы в I тыс. до н. э. (Лухтан, 1989; Luchtanas, 1992. P. 56—85). Им же рассмотрен вопрос о времени прекращения КПШК в литовском ареале (Лухтанас, 2001. С. 22—28). Анализ КПШК на территории Литвы содержится в докторской диссертации М. М. Михельбертаса (1987).

Поселения Юго-Восточной Латвии, входящие в ареал культур штрихованной керамики, стали объектом археологических исследований сравнительно поздно, только в 70-е гг. XX в. Начиная с этого времени были проведены раскопки таких городищ, как Гутини, Мадаланы, Ступели, Упурсала, а также селищ Вилмани I—III, Индрица, Керкузы, Криганы, Кристапини, Слобода (Васкс, 1991. С. 67; Vasks, 1995. 57—80 lpp.).

Крупнейшим исследователем штрихованной керамики Латвии был Я. Я. Граудонис. На основании различий в керамическом комплексе он выделил пять локальных групп, для которых характерны свои формы горшков. Возникновение штрихованной керамики этот исследователь связывал с распространением культуры шнуровой керамики и ее смешением с местными неолитическими племенами (Граудонис, 1967). Проблема формирования и развития штрихованной керамики в Латвии им рассматривалась и в более поздних работах (Граудонис, 1980. С. 59—69).

Вопросами взаимодействия племен на основе изучения посуды КПШК занималась И. Р. Цимермане (Цимермане, 1980. С. 70—79; Цимермане, 1985. С. 47—50).

С начала 80-х гг. штрихованная керамика Латвии стала объектом изучения А. В. Васкса. Руководствуясь технологическими и морфологическими признаками, он выделяет 4 района распространения этой посуды: 1) Западная Латвия; 2) Центральная Латвия; 3) Юго-Восточная Латвия; 4) Северо-Восточная Латвия. Этот исследователь справедливо полагает, что далеко не весь ареал штрихованной керамики можно отнести собственно к культуре. Сложность ее выделения усугубляется отсутствием четких критериев. По его убеждению, к КРШК (ранний этап культуры штрихованной керамики по А. В. Васксу. — *А. Е.*) относится территории Юго-Восточной Латвии и с определенной оговоркой Центральной Латвии, где отмечены могильники, не известные в основной части ареала. Учитывая близкие параллели между вещевым комплексом городищ Центральной Латвии с одной стороны и укрепленных поселений Северо-Восточной Литвы, Северо-Западной Беларуси и Юго-Восточной Латвии с другой, с подобным подходом можно согласиться, выделив район Центральной Латвии в особую локальную группу. Что касается КПШК (поздний этап культуры штрихованной керамики по А. В. Васксу), то здесь сомнений нет. Находки ребристых горшков четко огра-

ничивают ее ареал в пределах Юго-Восточной Латвии (Васкс, 1991. С. 119—129).

Отдельные вопросы изучения культур штрихованной керамики нашли отражение в российской историографии. Так, в частности, М. Б. Щукин еще раз проанализировал материалы среднебелорусских городищ и высказал свою точку зрения по поводу их хронологии и контактов насельников с племенами Центральной Европы (Щукин, 1991. С. 109—119; Щукин, 1994. С. 238). Д. А. Мачинский выдвинул оригинальную гипотезу о связи носителей КПШК с ранними славянами (Мачинский, 1981. С. 31—52). Это положение нашло поддержку среди некоторых петербургских исследователей (Булкин, 1983. С. 5—8; Лебедев, 1989. С. 105—115), однако оно не обладает убедительной доказательной базой (Егорейченко, 1988. С. 61—66; Godłowski, 2000a. S. 305; Godłowski, 2000b. S. 364).

Немало внимания уделял различным аспектам изучения культур (культуры) штрихованной керамики В. В. Седов. Им проанализированы поселения и жилые постройки этих общностей, дана и сводная характеристика культур (Седов, 1967. С. 177—195; Седов, 1975. С. 276—301; Седов, 1970. С. 18—25). Обобщающий раздел о культурах (культуре) штрихованной керамики содержится и в капитальном труде П. Н. Третьякова (1967. С. 161—163, 174—177). Впрочем, работы В. В. Седова и П. Н. Третьякова отражают уровень знаний середины 60-х гг. XX в., когда сами культуры штрихованной керамики были изучены недостаточно. Интенсивные полевые исследования, проведенные в различных частях ареала, и накопленные в процессе раскопок материалы ставят насущной задачу повторного осмысления всей совокупности данных.

Глава 2

КУЛЬТУРА РАННЕЙ ШТРИХОВАННОЙ КЕРАМИКИ

2.1. ТЕРРИТОРИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ

Культура ранней штрихованной керамики (КРШК) занимала сравнительно небольшую территорию. Основная концентрация древнейших городищ, относящихся к концу II — первой половине I тыс. до н. э., отмечена прежде всего на северо-востоке Литвы, в верхнем бассейне р. Швянтойи (приток Немана), и левобережных притоках среднего течения Западной Двины. К кругу ранних городищ этой культуры принадлежат также поселения крайнего северо-запада Беларуси (Браславский, Мядельский, Поставский и некоторые другие районы) и Юго-Восточной Латвии, в основном в поречье Западной Двины, вблизи границы с Литвой и Беларусью. Более позднее происхождение, не ранее второй половины I тыс. до н. э., имеют городища, зафиксированные в Центральной Беларуси, в бассейне верхнего Немана и в неманско-днепровском междуречье (рис. 1).

Выделение относительно четкого ареала КРШК наталкивается на ряд сложностей, связанных прежде всего с наличием штрихованной посуды в сопредельных и даже удаленных от ее основного ареала культурах и культурных группах. Отсутствие до недавнего времени четких критериев этой общности приводило нередко к тому, что к ее территории присоединяли практически все зоны, в которых доминирует или имеется посуда со штрихами различной выразительности на поверхности. Так, на севере в ареал КРШК, помимо Юго-Восточной Латвии, отдельные исследователи включают не только все остальные латышские территории, но и некоторые районы Эстонии (Граудонис, 1967. С. 108; Граудонис, 1980. С. 66; Митрофанов, 1978. С. 8; Васкс, 1991. С. 123—128).

Основными доводами против включения этих земель в ареал КРШК являются иные формы посуды и виды ее орнаментации, а также наличие там могильников различных типов, которые в основном ареале культуры не известны вообще.

К востоку от КРШК локализуются городища днепро-двинской культуры (ДДК). Несмотря на то что посуда последней гладкостенная и это обстоятельство, казалось бы, дает надежный критерий для разделения культур, граница между ними нуждается в дальнейшей конкретизации. Это в первую очередь касается района Браславского Поозерья, где нередко на одних и тех же го-

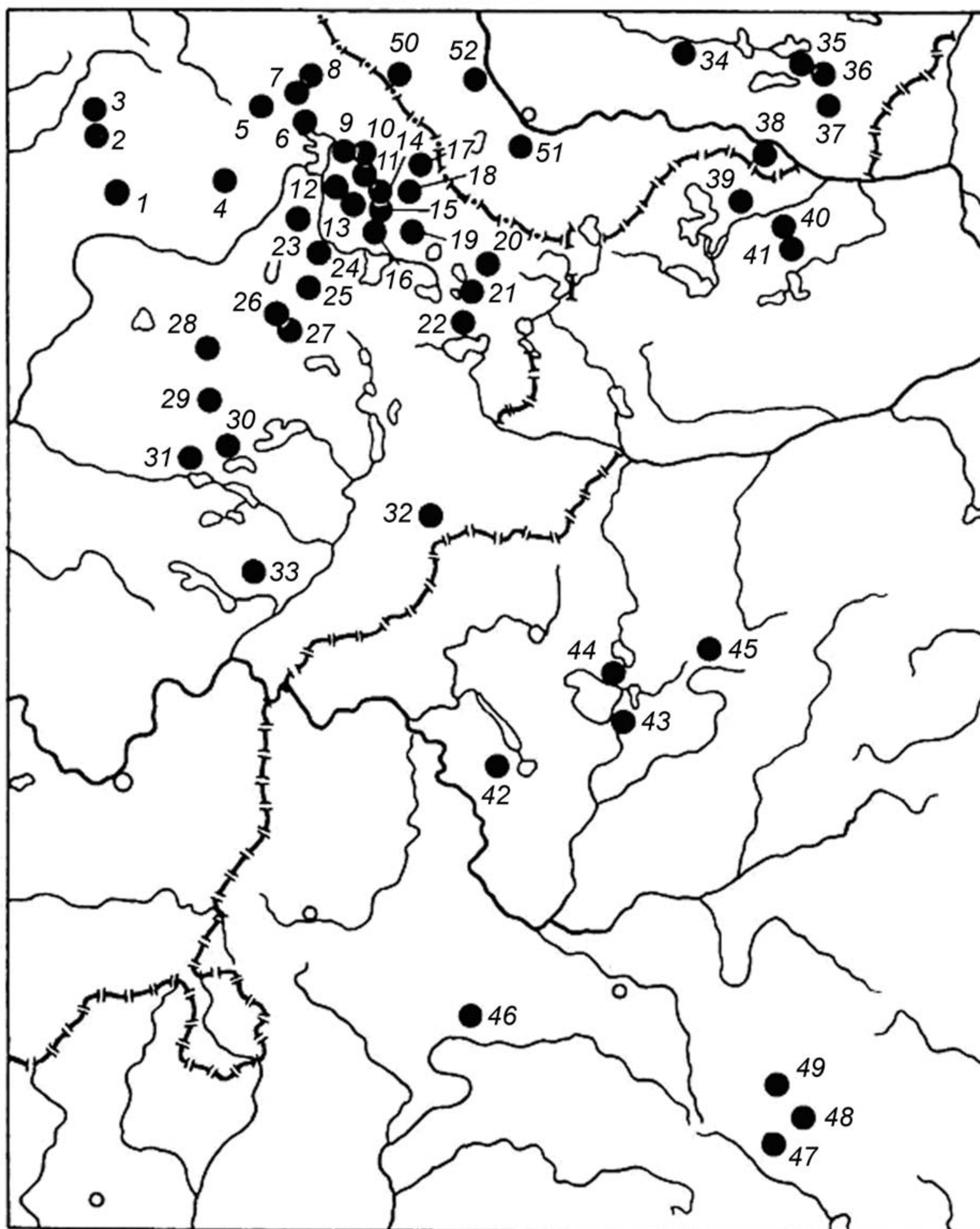


Рис. 1. Ареал культуры ранней штрихованной керамики: *1* — Кяряляй; *2* — Эльнишкес; *3* — Бакшенай; *4* — Юодонис; *5* — Мошкенай; *6* — Меленай; *7* — Пятрашюнай; *8* — Калночяй; *9* — Вяликушкес; *10* — Вяликушкес Сала; *11* — Пакачинес; *12* — Гугяй; *13* — Скинейкяй; *14* — Марцюнишкес; *15* — Шишпонишкес; *16* — Минейкишкес; *17* — Пилякальнис; *18* — Голубишкес; *19* — Асавитай; *20* — Юркакальнис; *21* — Сокишкяй; *22* — Дукштас; *23* — Возгеляй; *24* — Гутаучяй; *25* — Антильге; *26* — Спитренай; *27* — Шинкунай; *28* — Наркунай; *29* — Воренай; *30* — Паскубетишкес; *31* — Малкестас; *32* — Няверишке; *33* — Павяндяне; *34* — Гутини; *35* — Кристапини; *36* — Упурсала; *37* — Мадаланы; *38* — Керкузы; *39* — Зазоны; *40* — Ратюнки; *41* — Тарилово (Укля); *42* — Горани; *43* — Занарочь; *44* — Гатовичи; *45* — Городище; *46* — Кащеличи; *47* — Банцеровщина; *48* — Лабенщина; *49* — Дворище; *50* — Ступели; *51* — Замок Даугавпилсский; *52* — Дигная

родищах имеются отложения как КРШК, так и ДДК.

Слабая изученность поселений в этом регионе до недавнего времени и пренебрежение стратиграфическими наблюдениями приводили к тому, что памятники Браславщины различные исследователи относили то к одной, то к другой культуре (Третьяков, 1966. С. 175; Седов. 1970. Рис. 5; Митрофанов, 1978. Рис. 1; Шадыро, 1985. Рис. 1; Дучиц, Митрофанов, 1994. С. 163—181). Новейшие исследования, проведенные в этом регионе Л. В. Дучиц и А. А. Егорейченко, позволили более четко определить восточный рубеж КРШК на левобережье Западной Двины. Он проходил в восточной части Браславского р-на по линии городищ Ратюнки — Тарилово. Восточнее намеченной линии носители КРШК, по-видимому, не проникали, причем окончательная стабилизация границы в этом районе наметилась только к рубежу новой эры. Об этом свидетельствуют прежде всего стратиграфические наблюдения за культурным слоем городищ Ратюнки и Тарилово. На обоих поселениях в самых нижних напластованиях отмечено преобладание гладкостенной днепро-двинской керамики. Однако если в Ратюнках она очень рано сменяется баночной и слабопрофилированной посудой КРШК, то в Тарилове штрихованные горшки преимущественно ребристых очертаний доминируют только в средних пластах культурного слоя. Ранняя штрихованная керамика на этом городище представлена в незначительном количестве (Егорейченко, 1996. Табл. 1, 2).

Южнее разграничение КРШК и ДДК проходило примерно по линии городов Шарковщина — Докшицы, выходя на верхнюю Березину. К числу ранних памятников культуры А. Г. Митрофанов относил и ряд городищ средней Березины (Кимия, Новоселки, Оздятичи и др.), нижние слои которых содержали обломки посуды, сопоставимой с милоградской VI—IV вв. до н. э. (Митрофанов, 1978. С. 11—14. Рис. 14: 20—57). Однако, исходя из комплекса признаков (форма и орнаментация посуды, отличные от основного ареала; практически полное отсутствие костяного и каменного инвентаря; открытие в Оздятичах жилищ, сопоставимых с милоградскими и т. д.), связь этой территории с КРШК представляется маловероятной (Егорейченко, 1996. С. 64, 65; Егорейченко, 1997. С. 75).

Еще менее аргументированной видится связь КРШК с рядом городищ, вытянувшихся полосой с нижней Березины на восток, в Поднепровье и далее в Посожье. Эта версия, предложенная В. В. Седовым, была поддержана некоторыми белорусскими исследователями (Седов, 1970. Рис. 5; Митрофанов, 1978. С. 8; Загорульский, 1977. Рис. 11). В последние годы ее активно отстаивает М. И. Лошенков, который усматривает присутствие носителей КРШК не только в обозначенном регионе, но и на левобережье нижней Припяти (Лошенков, 1992. С. 70—73; Лашанкоў, 1994а. С. 29—34; Лошенков, 1996. С. 51—53; Лашанкоў, 1997. С. 147—154). Основной ошибкой этих исследователей является то, что их аргументация основана на единственном признаке, штриховке посуды, который без учета других этнокультурных критериев не является убедительным при решении вопроса о границах культуры (Третьяков, 1962. С. 7). Об этом свидетельствуют и наблюдения А. А. Бобринского в сфере технологии керамического производства. Как доказано этим исследователем, приемы обработки поверхности сосудов в зонах непосредственного контакта являются наиболее подвижным элементом технологии, который усваивается и становится признаком и у нового населения, оказавшегося в зоне непосредственного влияния культурных традиций тех племен, кому они исконно принадлежали (Бобринский, 1978. С. 221). Весьма показателен и тот факт, что процент штрихованных сосудов в этой области возрастает в восточном направлении (Холопеничи — 15 %, Щатково — 20 %, Петровичи — 29 %, Кистени — 50 %), от центра к окраине, а не наоборот, как это логично было бы ожидать в случае отнесения этих памятников к КРШК.

Судя по керамическим остаткам, ранние отложения городищ части Гомельско-Могилевского Поднепровья, Посожья и Северо-Восточного Полесья относятся к милоградской культуре. Ни на одном из этих поселений не обнаружены баночные и слабопрофилированные сосуды, сопоставимые с горшками классических памятников КРШК (Егорейченко, 1996. С. 69; Егарэйчанка, 1999. С. 118). Отсутствуют здесь костяные

изделия, а пряслица таких городищ, как Кистени, Щатково, Яново и др., типичны для милоградских племен (Егорейченко, 1996. С. 69). Исключение составляют глиняные грузики городища Холопеничи в виде плоского кружка, однако они по высоте, диаметру отверстия и некоторым другим признакам отличны от аналогичных изделий в основном ареале и сопоставимы с пряслицами полесского варианта зарубинецкой культуры (Егорейченко, 1982. Рис. 1: 1—6). Что касается поздних отложений культурного слоя на городищах этой зоны, то они по ряду признаков (керамический материал, металлические изделия и др.) могут быть связаны с группой памятников Чечерск — Кистени зарубинецкой культуры, выделенной А. М. Обломским (Обломский, 1983. С. 16). К этому же кругу древностей относится и грунтовый могильник с трупосожжениями у д. Юрковичи Ветковского р-на Гомельской обл., большинство горшков которого имело штрихи на поверхности (Дробушевский, 1996. Рис. 1: 9. Рис. 3: 1, 15. Рис. 4: 19. Рис. 5: 12). Слабое присутствие классических поздних «штриховиков» фиксируется только в бассейне нижней Березины (Лысуха, Петровичи, Слободка, Чижаха и др.) [Ільюцік, 1994. Мал. 2: 4, 5; Ильютик, 1996. Рис. 4: 2, 3; Лашанкоў, 1994б. С. 123] и связано с началом I тыс. н. э. — вне хронологических рамок КРШК.

Не ясной остается ситуация на левобережной части Белорусского Понеманья. Памятники КРШК, равно как и других культур I тыс. до н. э., за исключением некоторых маловыразительных селищ, открытых Ф. Д. Гуревич (Гуревич, 1962. С. 18. Рис. 7), здесь не известны.

2.2. ПОСЕЛЕНИЯ

Ведущим типом поселений КРШК были городища. Селища в это время встречаются крайне редко и относятся, по-видимому, к периоду, предшествующему появлению укрепленных поселений (Luhtanas, 1992. P. 84). Топография городищ тесно связана с рельефом местности. Следует подчеркнуть, что в Северо-Восточной Литве, Юго-Восточной Латвии и Северо-Западной Беларуси подавляющая часть их расположена на холмах-останцах вблизи рек и озер (рис. 2, 3, вкл.). Подобное размещение укрепленных поселений диктовалось двумя факторами: с одной стороны, требованиями эффективной обороны, а с другой — спецификой хозяйственной деятельности племен, которая предусматривала устройство поселков в местах, благоприятных для занятий животноводством, подсечным земледелием, охотой и рыбной ловлей. Высота холмов, на которых располагаются поселения, колеблется от 5 до 18 м (Сокишкяй) над уровнем воды или окружающей местности. Форма площадок была строго подчинена конфигурации самого холма. Она, как правило, имеет округлые, реже подтреугольные очертания.

В Средней Беларуси, где городища появляются позднее, во второй половине I тыс. до н. э., наряду с холмовыми, существовали единичные поселки, расположенные на мысах.

Городища КРШК, в отличие от укрепленных поселений южных культур, занимавших иные ландшафтные зоны (милоградская, юхновская и др.), имеют небольшие размеры — их площадь колеблется от 0,2 га (Дукштас) до 1 га (Сокишкяй). Наиболее типичными среди них являются поселения, жилая площадка которых составляет 0,3—0,5 га.

Как показывают исследования, самые ранние городища имели сравнительно слабую систему защиты, которая тем не менее при существовавшем уровне развития наступательного оружия и способах осады была достаточно эффективной. Можно предполагать, что первоначальным этапом при формировании системы защиты городищ было выравнивание вершины холма под площадку будущего поселения и сброс излишков грунта на склоны, в результате чего они приобретали дополнительную крутизну. Помимо этого, по краям поселений возводили одну-две линии простейших укреплений в виде плетня. Такие виды защиты зафиксированы на наиболее ранних городищах Северо-Восточной Литвы. Так, на большом Наркунайском городище двухрядный плетень окружал, вероятно, всю площадку поселения (Volkaitė-Kulikauskienė, 1986. P. 47. 9—12 pav.). На городище Няверишке аналогичные укрепления были прослежены с западной, северо-за-

Рис. 2. Городище Зазоны. Вид с запада (*фото К. С. Шидловского*)

Рис. 3. Городище Ратюнки. Вид с северо-востока (*фото Г. А. Красковского*)

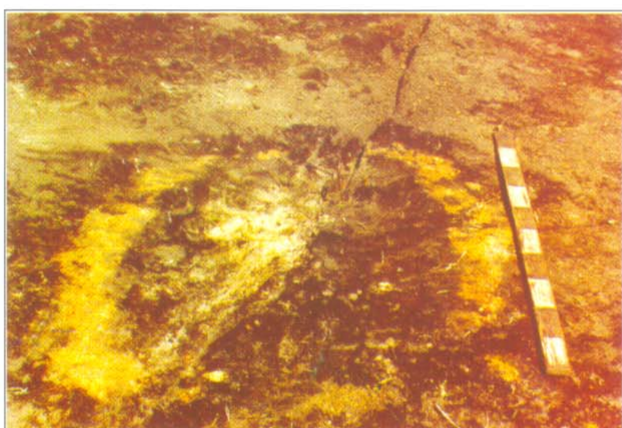
Рис. 4. Городище Кащеличи. Вид с северо-востока

Рис. 5. Городище Ивань. Вид с юго-запада

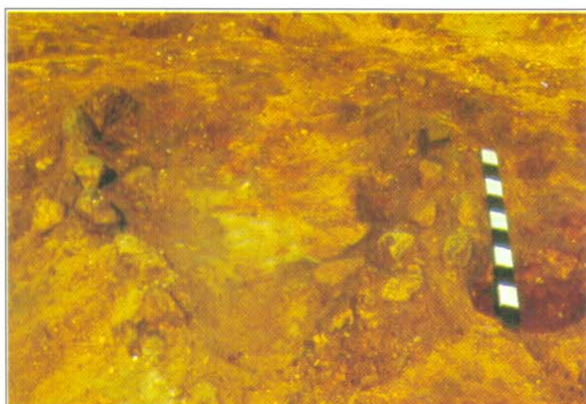
1

2

3



4



5

6

Рис. 6. Очаги городища Ратюнки (*1—4*) культуры ранней штрихованной керамики и городища Кацеличи (*5, 6*) культуры поздней штрихованной керамики

Рис. 12. Костяные рукояти культуры ранней штрихованной керамики из городища Ратюнки

Рис. 13. Костяные булавки с гвоздевидным навершием культуры ранней штрихованной керамики из городища Ратюнки

падной и северо-восточной сторон, защищая жилые сооружения в наиболее низкой части холма (Grigalavičienė, 1986a. P. 86. 4, 5 pav.).

На территории Беларуси следы оборонительных сооружений на исследовавшихся ранних городищах (Горани, Зазоны, Ратюнки, Тарилово) пока не выявлены. Исходя из типологической близости этих поселений литовским, можно предполагать, что они имели аналогичные укрепления. Об этом косвенно свидетельствуют скопления угля и обугленного дерева, зафиксированные Л. В. Дучиц на городище Ратюнки в основании траншеи, которой был прорезан северный склон холма (Дучиц, Митрофанов, 1994. С. 163. Рис. 1: 6).

Более сложную фортификационную систему имело городище Сокишкяй. Ранее считалось, что земляные укрепления на городищах КРШК появляются не ранее середины I тыс. до н. э. или даже конца I тыс. до н. э. (Митрофанов, 1978. С. 15; Митрофанов, 1980. С. 102; Daugudis, 1975. P. 70). Раскопки Е. Григалавичене на городище Сокишкяй позволяют существенно подкорректировать эту точку зрения. Укрепления поселка с самого начала (последняя четверть II тыс. до н. э.) имели комплексный характер. Они включали в себя как земляные, так и деревянные конструкции. Основную защитную функцию городища, по-видимому, выполняли рвы. Один из них, имевший сравнительно большие размеры (длина — 50 м, ширина — 3—5 м, глубина — до 2 м), оборонял площадку городища с трех наименее защищенных направлений. Второй ров шириной 2—3 м и глубиной 0,6 м был отделен от первого невысоким (до 0,6 м) земляным валом. Земляные оборонительные сооружения дополнялись двойной линией плетня, установленного по краям малого рва. В северной части городища были выявлены две параллельные цепочки ям от кольев, располагавшихся перпендикулярно плетню. По мнению Е. Григалавичене, это были остатки деревянной кладки, которая вела к подножию холма (Grigalavičienė, 1986b. P. 136). Однако, судя по размерам и расположению кольевых ям, складывается впечатление, что здесь находился вход на городище, который с двух противоположных сторон был защищен таким же плетнем, как и сама площадка поселения.

В середине — второй половине I тыс. до н. э. начинается широкое применение земляных оборонительных сооружений. Однако валы, защищавшие площадки в этот период, были еще невысокими, до 1 м высотой, и, вероятно, дополнялись деревянными частоколами и стенами, проходившими по их вершинам. На большом Наркунайском городище в слабо защищенном месте был выкопан ров шириной и глубиной до 2 м, земля из которого пошла на строительство дугообразного вала высотой до 1 м (Volkaitė-Kulikauskienė, 1986. P. 47. 16 pav.).

Следует подчеркнуть, что земляные валы ранних городищ Северо-Восточной Литвы имели не только малую высоту, но и простейшую конструкцию — они, как правило, насыпаны из однородного грунта без устройства внутривальных конструкций и укрепления склонов насыпи. По этому показателю с ними резко диссонируют городища I тыс. до н. э. Центральной и Западной Латвии со штрихованной посудой, отнесенные Я. Я. Граудонисом к культуре штрихованной керамики. Изучение оборонительных систем этих поселений показало значительно более высокий уровень фортификационного мастерства их обитателей. В этом регионе уже в I тыс. до н. э. для укрепления земляных насыпей применяется обкладка наружных склонов крупными валунными камнями с последующим перекрытием их глиной (Винакалнс, Диевукалнс, Кивуткалнс). В некоторых случаях защиту вала от оплывания осуществляла только глина (Клангюкалнс). К I тыс. до н. э. Я. Я. Граудонис относит и появление на городищах внутривальных конструкций (Граудонис, 1985. С. 136). Простейшие из них представляли собой каменные кладки (Клангюкалнс) или параллельные ряды камней (Диевукалнс, Кивуткалнс), более сложные — каменные камерообразные сооружения (Клангюкалнс) или даже деревянные срубы, размещенные в основании вала (Кивуткалнс).

Применение таких довольно сложных конструктивных приемов в фортификационном деле племенами Западной и Центральной Латвии уже в I тыс. до н. э. вызывает определенное сомнение. К сожалению, Я. Я. Граудонис, рассматривавший оборонительное зодчество этого региона, никаких убедительных свидетельств в пользу предло-

женной датировки не приводит (Граудонис, 1985. С. 133—136). Однако если даже признать, что рассуждения латышского исследователя верны и устройство различных внутривальных конструкций на городищах Западной и Центральной Латвии относится к I тыс. до н. э., этот факт, на мой взгляд, является дополнительным аргументом против включения указанных районов в ареал классической КРШК.

Традиция устройства прочных внутривальных конструкций и укрепления склонов валов не была характерной ни для основного ареала КРШК, ни для других культур лесной полосы Восточной Европы I тыс. до н. э. В соседней днепро-двинской культуре, которая ближе всего стоит к КРШК по большинству признаков, применение каменных либо деревянных сооружений внутри валов до сих пор не отмечено: при возведении оборонительных насыпей применялись только песок и глина. Исключение составляют отдельные городища, на которых при устройстве валов использовался дерн (Шадыро, 1985. С. 17; Шмидт, 1963. С. 146, 147; Шмидт, 1992. С. 34).

В целом же в большинстве культур лесного региона в развитии фортификационного дела проявляются общие тенденции, вызванные сходными физико-географическими условиями проживания и идентичным уровнем социально-экономического развития. Эволюция оборонительного строительства шла от возведения простейших деревянных оград по периметру площадок городищ и подрезания склонов холмов и мысов, на которых устраивались поселения, до возведения комплексных защитных систем, включавших как земляные, так и деревянные преграды. Наиболее показательными в этом плане являются укрепленные поселения днепро-двинской и дьяковской культур (Шадыро, 1985. С. 14—17; Шмидт, 1992. С. 27—31; Смирнов, 1974. С. 7—17).

Южнее этих этнокультурных группировок, в ареалах милоградской и юхновской культур, где городища также были ведущими поселениями, развитие фортификационного дела шло более быстрыми темпами. Как правило, там деревоземляные укрепления на городищах возводили либо сразу, либо после небольшого перерыва, причем размеры валов и рвов, в отличие от подобных на более северных территориях, на порядок выше (Егорейченко, 1996. С. 16—20; Пузикова, 1981. С. 14. Рис. 9; Лошенков, 1998. С. 77. Рис. 2). По-видимому, это было связано с реально существовавшей угрозой с юга, со стороны скифской лесостепи, о чем можно судить по находкам скифских наконечников стрел даже в Южной Беларуси (Залашка, 1985. С. 160—162; Вергей, 1996. Рис. 3: 2, 15: Егорейченко, 1996. Рис. 33: 4; Мельниковская, 1967. Рис. 29: 1—9. Рис. 30: 1—7).

Неукрепленные поселения КРШК изучены крайне слабо. Их топография в большинстве случаев так же, как и городищ, подчинена рельефу местности. Как правило, они размещались в местах, имеющих естественные преграды. Чаще всего — это возвышенности среди заболоченных пойм (Занарочь, Нача) либо всхолмления по берегам рек и озер (Гатовичи, Засвирь, Ясилевичи).

К числу наиболее ранних неукрепленных поселений, частично изученных раскопками, относятся селища у деревень Гатовичи и Занарочь. Первое располагалось на берегу небольшой речки Скемы, на месте неолитической стоянки. В ходе раскопок, проведенных здесь М. М. Чернявским, была выявлена цепочка из четырех ям, предположительно от наземного жилища столбовой конструкции. В культурном слое поселения обнаружены фрагменты гладкостенной и штрихованной керамики. Среди определимых обломков отмечены куски одного сосуда, позволяющие реконструировать его как горшок слабопрофилированной формы, орнаментированный по шейке рядом ямочных вдавлений (Митрофанов, 1978. Рис. 2: 1). Близкие обломки посуды были выявлены М. М. Чернявским и на Занарочском поселении, которое занимало пологую возвышенность на южном берегу оз. Нарочь (Митрофанов, 1978. Рис. 2: 5, 6). Судя по керамическому материалу, оба поселения можно отнести к началу — первой половине I тыс. до н. э. По-видимому, концом существования культуры датируется селище Ясилевичи, обнаруженное М. А. Ткачевым на невысокой возвышенности, которая располагалась на обрывистом берегу р. Лебеди, правого притока Немана. Здесь баночные и профилированные сосуды встречены вместе с ребристыми, характеризующими КПШК (Митрофанов, 1978. Рис. 2: 3, 7, 12). К этому же времени относятся и ранние отложе-

ния многослойного поселения Засвирь, расположенного на пологой возвышенности в 0,3 км восточнее оз. Свирь. На нем Я. Г. Зверуго в 1976—1979 гг. исследовал 1180 кв. м. Древнейшие находки этого селища представлены обломками каменных клиновидных и сверленых топоров, а также костяным пулевидным наконечником стрелы, датированным по дьяковским аналогиям VIII—III вв. до н. э. (Звяруга, Мядзведзеў, 1984. С. 28).

2.3. ПЛАНИРОВОЧНАЯ СТРУКТУРА ГОРОДИЩ

Городища КРШК, располагаясь на вершинах холмов, имели сравнительно небольшие, пригодные для проживания и хозяйственных нужд площадки. Это обстоятельство, казалось бы, способствует тому, что на протяжении нескольких полевых сезонов можно исследовать их если не целиком, то по крайней мере на большей части, решив тем самым среди прочих и вопрос о планировочной структуре и домостроительстве обитателей городищ. Однако выяснение этой позиции упирается в ряд существенных препятствий. Во-первых, до сих пор полностью не исследовано ни одно поселение. Сравнительный анализ по регионам показывает, что к настоящему времени значительно больше изучено ранних городищ в Северо-Восточной Литве (Вяликушкес, Возгеляй, Воренай, Дукштас, Мошкенай, Б. Наркунай, Няверишке, Сокишкяй, Пятрашюнай и др.). Среди них два (Няверишке, Сокишкяй) исследованы широкой площадью: Няверишке — 1486 кв. м (76 %), Сокишкяй — 1115 кв. м (31 %). На территории Беларуси, где раскопки памятников с ранними напластованиями начались позднее, количество изучавшихся городищ меньше (Горани, Городище, Зазоны, Кащеличи, Лабенщина, Ратюнки, Тарилово), а вскрытые на них участки составляют незначительный процент от общей площади поселений: Зазоны — 434 кв. м (7 %), Горани — 680 кв. м (19 %), Лабенщина — свыше 900 кв. м (36 %), Тарилово — 120 кв. м (11 %), Городище — 1030 кв. м (19 %). Значительно лучше исследовано только одно городище, Ратюнки, на котором вскрыто 1008 кв. м площади поселения (66 %). Что касается территории Латвии, то там существенными раскопками исследовано лишь одно городище — Мадаланы (812 кв. м). Во-вторых, функционируя на протяжении длительного времени, поселения неоднократно подвергались перестройкам, расчленить которые только по столбовым ямам от разновременных построек удается крайне редко. В этой связи характеризовать планировочную структуру городищ КРШК можно с большой долей осторожности и гипотетичности.

Ранее считалось, что для поселений I тыс. до н. э. была типична такая застройка, при которой жилища располагались по краям площадок, оставляя центральную часть свободной для содержания скота, иных хозяйственных и общественных нужд (Очерки ..., 1970. С. 189; Даугудис, 1968. С. 27; Граудонис, 1985. С. 138). Однако исследования 1970—1990-х гг. позволяют внести существенные коррективы в решение этого вопроса. Исходя из современных данных можно выделить следующие системы застройки укрепленных поселений: 1) иррегулярная; 2) регулярная.

Среди памятников иррегулярной застройки особого рассмотрения заслуживает городище Няверишке, на котором в процессе широкомасштабных раскопок Е. А. Григалавичене выявила три стратиграфических горизонта с остатками 24 разновременных наземных столбовых построек, располагавшихся в восточной, северной и северо-западной частях площадки.

Древнейший период в функционировании этого поселения характеризовался 6 однокамерными домами, занимавшими восточную часть городища. Они располагались двумя рядами. Три из них (№ 1—3) примыкали к краю площадки и были ориентированы длинными сторонами по линии север — юг. Три других (№ 4—6) составляли внутренний ряд с ориентацией северо-запад — юго-восток. Судя по расположению, постройка № 4 была более ранней. Ее частично перекрывало жилище № 5.

Наиболее интенсивно жизнь на городище протекала на среднем этапе. С ним связано 13 построек (№ 7—9), которые занимали

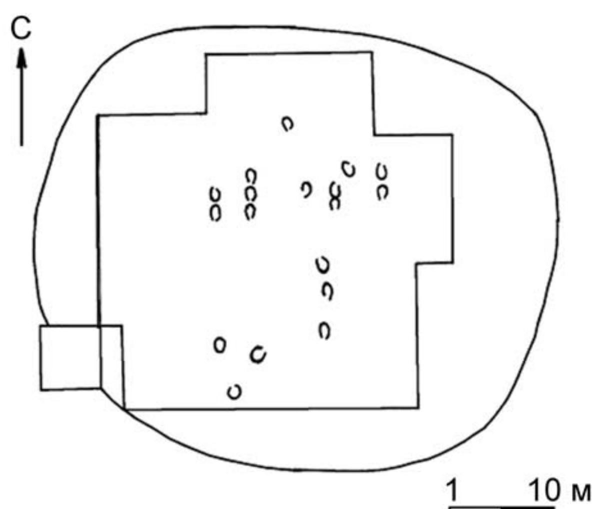


Рис. 7. Размещение очагов на городище Ратюнки

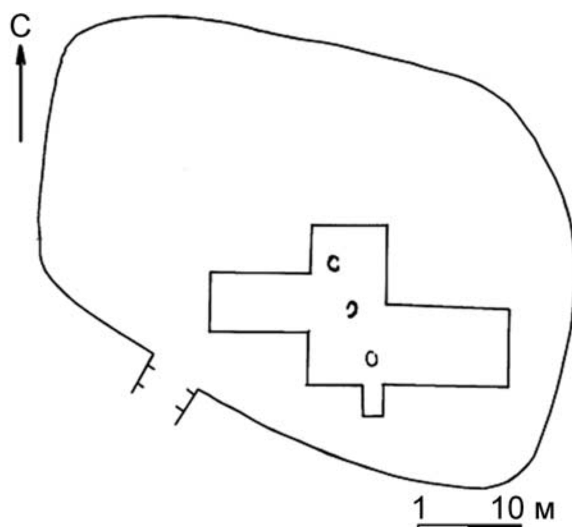


Рис. 8. Размещение очагов на городище Зазоны

северную и восточную части жилой площадки. В отличие от жилищ нижнего стратиграфического горизонта, жилые дома среднего этапа размещались тремя рядами. К первому, внешнему ряду, по-видимому, относились постройки № 12—14, 17, что свидетельствует о какой-то локальной перестройке этого ряда. Жилища имели различную ориентацию: западную (№ 17—19), северо-западную (№ 4), северо-восточную (№ 15, 16). Вторая линия построек включала в себя дома № 8, 9, 12, 13, которые располагались по дуге в северной и западной частях площадки. В отличие от жилищ внешнего ряда они отстояли друг от друга на значительно большем расстоянии — от 5 до 7,5 м, — за исключением построек № 12, 13, которых отделяло пространство не более 1 м. Ориентация их также была различна: северо-восток — юго-запад (№ 13), север — юг (№ 12), северо-запад — юго-восток (№ 8, 9).

Заключительный, внутренний ряд состоял из построек № 21—25, располагавшихся в северной и западной частях площадки в неправильном шахматном порядке. Они были ориентированы длинными стенами по линиям северо-восток — юго-запад (№ 25), северо-запад — юго-восток (№ 21, 23, 24). По-видимому, именно с этим стратиграфическим горизонтом были связаны цепочки кольевых ям от ограды, которая защищала внешний ряд построек (Grigalavičienė, 1986a. 5 pav.).

Подобная иррегулярная застройка, отмеченная на городище Няверишке, до настоящего времени остается единственной среди поселений КРШК. Как показывают наблюдения, на большинстве исследованных городищ господствовала регулярная планировка, согласно которой дома располагались по определенной системе — это, прежде всего, кольцевое размещение, когда жилища довольно жестко «привязаны» к краю площадки, а ее центральная часть остается свободной для использования в хозяйственных и общественных целях. Такое расположение построек отмечено на городищах Аукштадварис, Вяликушкес, Мошкенай, Б. Наркунай, Пятрашюнай в Литве, Лабенщина, Ратюнки — в Беларуси (Даугудис, 1968. С. 27; Volkaitė-Kulikauskienė, 1986. 9 pav.; Митрофанов, 1978. Рис. 5) [рис. 7].

Не исключено, что на территории Беларуси существовал еще один вид регулярной застройки, а именно диагональная. Так, на городище Зазоны в процессе исследования южной части площадки были открыты три очага, расположенных в линию с северо-запада на юго-восток (рис. 8). Эти остатки отопительных систем могут свидетельствовать о размещении многокамерного дома (или группы однокамерных жилищ) по диагональному принципу. Однако подобная версия может быть только предположительной, до проведения более масштабных раскопок.

2.4. ЖИЛЫЕ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ

Традиции домостроительства в ареале КРШК отличались высокой устойчивостью. На протяжении всего периода существования здесь была доминирующей столбовая конструкция возведения стен жилых и хозяйственных построек. По данным Р. Волкайте-Куликаускене, на большом Наркунайском городище наряду с ней применялась и примитивная срубная техника домостроительства, которая, однако, не получила распространения на других поселениях культуры (Волкайте-Куликаускене, 1985. С. 18; Volkaitė-Kulikauskienė, 1986. P. 47).

В ареале КРШК известны исключительно наземные постройки, которые могли быть как однокамерными, так и многокамерными. На большом Наркунайском городище и те и другие существовали одновременно (Волкайте-Куликаускене, 1985. С. 18; Volkaitė-Kulikauskienė, 1986. P. 47). Однако на протяжении всего I тыс. до н. э. на территории Северо-Восточной Литвы доминировали однокамерные дома столбовой конструкции, остатки которых выявлены не только на большом Наркунайском городище, но и на других поселениях культуры: Аукштадварис, Вяликушкес, Пятрашюнай, Сокишкяй (Даугудис, 1968. С. 27; Grigalavičienė, 1986a. 5 pav.; Grigalavičienė, 1986b. P. 136, 137). Размеры этих построек разнообразны. Они варьируют от 2 × 4 м до 4 × 8,5 м. Жилища отапливались очагами, в расположении которых не прослеживается какой-либо закономерности. Одни из них могли находиться в центре жилища, другие тяготели к одному из углов. Как отмечает Е. А. Григалавичене, у домов, зафиксированных на городище Няверишке, вход располагался со стороны, обращенной к центру площадки городища. На территории Беларуси такие же однокамерные постройки столбовой конструкции были обнаружены А. Г. Митрофановым на городище Лабенщина. Они располагались на террасированом участке края площадки и представляли собой прямоугольные в плане дома, которые отапливались очагами, расположенными ближе к одной из длинных стен (Митрофанов, 1978. Рис. 5). Такой же принцип расположения жилых построек на искусственно созданных террасах у края площадки отмечен на некоторых днепро-двинских городищах (Шмидт, 1992. С. 45).

По-видимому, многокамерные жилые постройки для КРШК были мало характерны. Наиболее четко они зафиксированы только на большом Наркунайском городище. Они представляли собой дома длиной до 8 м, разделенные, судя по очагам, на 2—3 жилых помещения (Volkaitė-Kulikauskienė, 1986. P. 47. 58 pav.).

Одним из главных конструктивных элементов любого жилища является отопительная система, которая наряду с техникой возведения стен нередко может служить этнокультурным показателем. На поселениях КРШК дома отапливались очагами. По конструктивным особенностям их можно разделить на три вида: 1) очаги, внешний контур которых выложен камнями по всему периметру либо в форме подковы; 2) очаги с глиняным бортиком по периметру; 3) очаги, целиком выложенные из камней.

Наиболее распространенным был первый вид. Под такого очага обычно представлял собой круглую или овальную линзу песка, реже глины, края которой обложены камнями. Длина подобных очагов — 1—1,2 м в поперечнике. Обкладка камнями имеет чаще всего подковообразную форму, реже — кольцевидную (рис. 6: 2, рис. 9: 1). Очаги такого вида выявлены на городищах Лабенщина, Няверишке, Ратюнки, Сокишкяй (Митрофанов, 1978. Рис. 5; Grigalavičienė, 1986a. 5—7 pav; Grigalavičienė, 1986b. 7: 1 pav.) [рис. 6: 2]. Наиболее близкие аналогии им имеются на городищах западного варианта ДДК (Шадыро, 1985. С. 30. Рис. 14).

Второй вид очагов конструктивно близок первому. Их основу также составлял песчаный или глинобитный под, однако их контур оформлен не камнями, а глиняным бортиком подковообразной формы шириной 0,08—0,1 м и высотой до 0,1 м. Очаги имели круглую или овальную в плане форму размерами от 0,75 × 0,75 м до 1 × 1,4 м (рис. 6: 1, 3, 4, рис. 9: 2—4). Такие виды отопительных систем отмечены только в западнодвинском бассейне КРШК, на городищах Зазоны и Ратюнки (Егорейченко, 1997. С. 23; Егорейченко, 2003. С. 35). Наиболее близкие аналогии

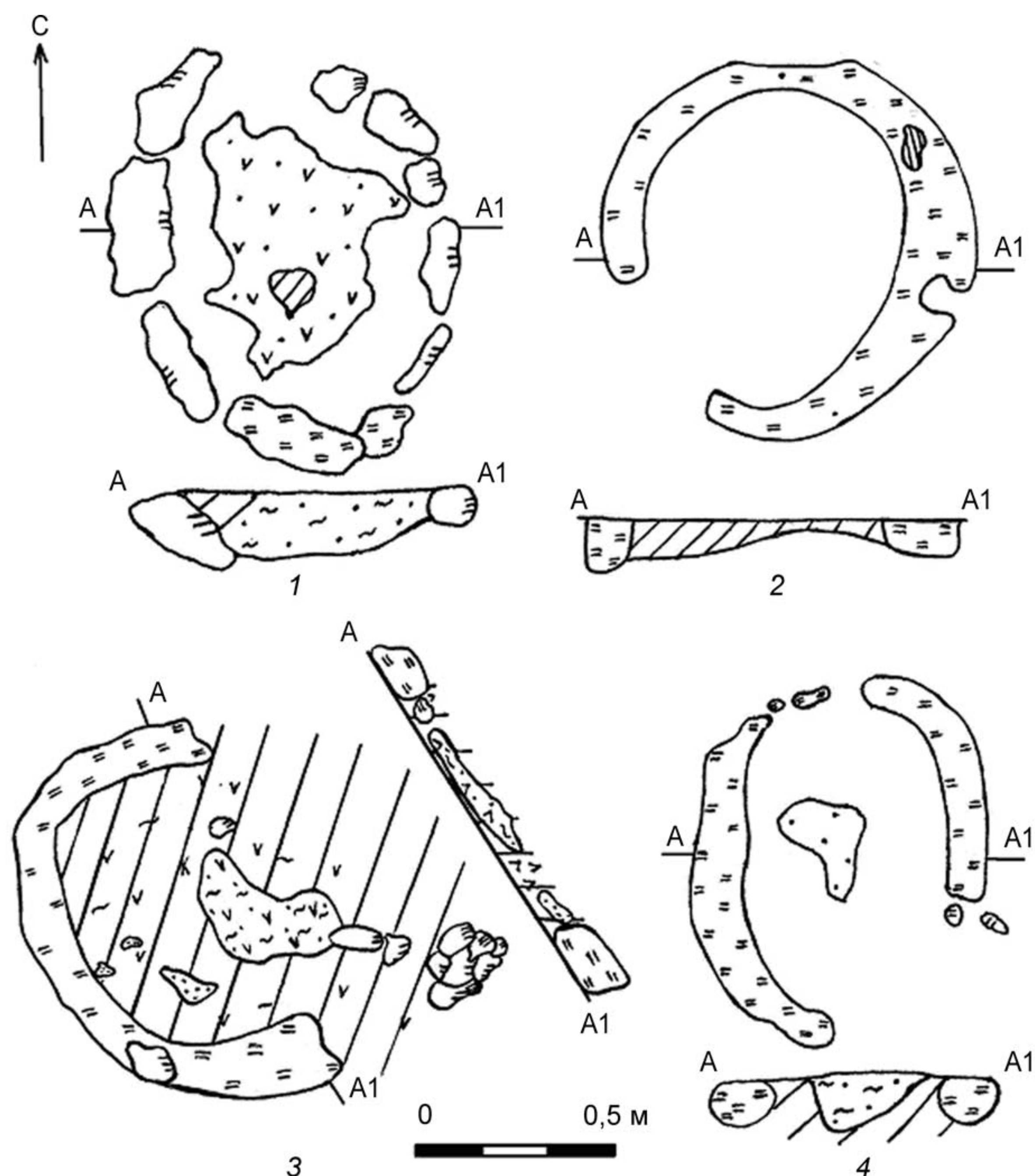


Рис. 9. Городище Ратюнки. Планы очагов

им известны на городище Брикули в Латвии и на памятниках ДДК в верховьях Западной Двины (Васкс, 1987. С. 44, 45, 52, 53. Рис. 8; Минасян, 1974. Рис. 2). Вместе с тем следует отметить, что встречаются они широко: от Швеции на западе до Волго-Окского междуречья на востоке (Васкс, 1987. Рис. 8. С. 52, 53). Как промежуточный вариант между очагами первого и второго видов можно рассматривать очаги, обнаруженные на большом Наркунайском городище, в обкладке которых одновременно применялись глина и камни (Volkaitė-Kulikauskienė, 1986. 4, 5 pav.).

Наконец, третий вид очагов, целиком выложенных из камней, относится к числу малохарактерных для памятников КРШК. Он отмечен только на городище Сокишкяй. Это были каменные вымостки диаметром 1—1,5 м, в которых камни лежали в один слой, тесно примыкая друг к другу (Grigalavičienė, 1986b. P. 137. 7: 2 pav.). Следует

подчеркнуть, что очаги подобного вида встречаются на поселениях ДДК в Смоленском Поднепровье (Шмидт, 1992. С. 46, 47. Рис. 10).

Характеризуя хозяйственные постройки КРШК, необходимо отметить следующий факт. На большей части ее ареала (Северо-Восточная Литва, Северо-Западная Беларусь, Юго-Восточная Латвия) не обнаружено ям-погребов, столь характерных для подавляющего большинства более южных культур. В этом ареале для хозяйственных нужд использовались, по-видимому, исключительно наземные постройки, которые по своему облику и технике возведения стен близки жилым домам. Одним из примеров такого сооружения может служить постройка, обнаруженная Е. Григалавичене на городище Сокишкяй. Она была двухкамерной. Ее размеры: 5 × 2 м. Постройка имела плетнево-каркасную конструкцию. Основу стен составляли вертикально забитые колья толщиной до 0,1 м, переплетенные прутьями. В одном из помещений находился очаг, целиком сложенный из глины, диаметром до 0,6 м. Как полагает Е. Григалавичене, эта постройка использовалась для специальных хозяйственных занятий (Grigalavičienė, 1986b. P. 137. 8 pav.).

2.5. ХАРАКТЕРИСТИКА КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ

Городища КРШК существовали на протяжении длительного времени. Помимо этого, они имели отложения и более позднего времени. Практически все укрепленные поселения в том или ином объеме содержат материалы КПШК, а многие из них и находки третьей четверти I тыс. до н. э., когда городища вторично используются в качестве убежищ. Сочетание артефактов КРШК с остатками материальной культуры второй половины I тыс. н. э. наиболее характерно для территории Северо-Западной и Центральной Беларуси (Горани, Городище Мядельского р-на, Зазоны, Тарилово и др.). Наконец, на отдельных городищах встречаются находки X—XIII вв. (Ратюнки) либо периода развитого феодализма (большое Наркунайское городище). Как правило, стратиграфически напластования более поздних эпох не вычленяются, и это обстоятельство вносит дополнительные трудности в характеристику культурного слоя.

Его мощность на укрепленных поселениях зависит от ряда факторов, среди которых преимущественными, по-видимому, были длительность и интенсивность жизни на каждом отдельно взятом городище. В подавляющем большинстве случаев толщина культурного слоя возрастает от центра к краю площадок. Обычно в центральной части городищ напластования не превышают 0,25—0,4 м, в то время как на периферии они могут составлять до двух метров (Сокишкяй) и более метров (большое Наркунайское городище, Тарилово). Объясняется это, с одной стороны, тем, что в результате перепланировочных работ культурный слой сбрасывался на склоны, увеличивая тем самым размеры пригодной для жизнедеятельности площадки, а с другой — размещением по краям жилых построек, вблизи которых рост культурного слоя происходил значительно интенсивней. Исключением из этого правила является, пожалуй, только одно поселение, городище Горани, на котором отмечено возрастание культурного слоя от края к центру площадки. На периферии он представлял серую супесь толщиной 0,2—0,3 м, в то время как в центральной части это был интенсивно черный супесчаный слой мощностью до 2—2,5 м. Объясняется это, по-видимому, тем, что первоначальное мысовидное всхолмление, на котором было устроено поселение, имело в центре седловину, отчего выравнивание площадки происходило в противоположном направлении: от краев к середине площадки.

Культурный слой на городищах КРШК представляет собой, как правило, темно-серую супесь, которая в нижних напластованиях нередко приобретает почти черную окраску из-за вкрапления мелких углей (Зазоны, Ратюнки, Тарилово и др.). Одной из особенностей поселений является то, что в культурных отложениях встречается большое количество камней. Чаще всего это — россыпи, не имеющие определенной системы залегания (рис. 10). Камни имеют различные раз-

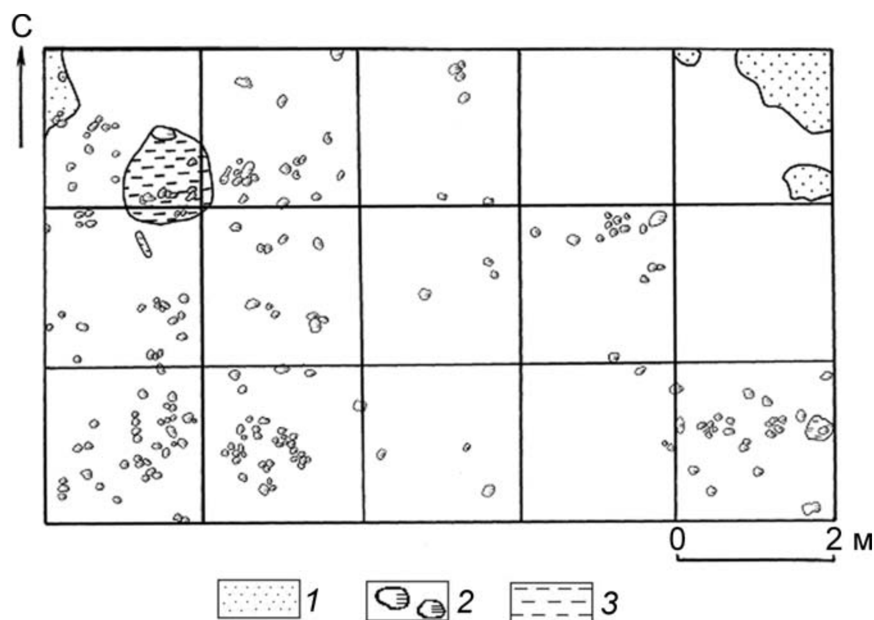


Рис. 10. Скопление камней в раскопе 1999 г. на городище Ратюнки (глубина — 0,5—0,6 м). Условные обозначения: *1* — песок, *2* — камни, *3* — глина

меры: от 0,05 до 0,3 м в поперечнике. Многие из них несут следы пребывания в огне. Наряду с бессистемной формой залегания на большинстве городищ встречаются и каменные вымостки обычно круглой либо овальной в плане формы, длина которых составляет от 0,5 до 2 м в поперечнике. Камни в этих скоплениях могут залегать как в один, так и несколько слоев. Размеры их так же, как и в россыпях, разнообразны. Вымостки могут включать обожженные или без следов огня камни и комбинации из тех и других. Скопления булыжных камней наблюдаются не только на памятниках КРШК. Они присутствуют на многих поселениях лесной полосы в железном веке и в фазе Е эпохи «великого переселения народов» (Станкевич, 1960. С. 42, 49, 53; Гуревич, 1960. С. 363, 367, 370; Шадыро, 1985. Рис. 4—6; Третьяков, Шмидт, 1963. Рис. 13, 57; Митрофанов, 1967. С. 252; Митрофанов, 1978. Рис. 33; и др.). Назначение этих каменных вымосток до настоящего времени остается открытым. Исследователями выдвигались различные версии: в них видели конструктивные элементы жилищ (Крживицкий, 1913. С. 308; Гуревич. 1960, С. 367), развалы очагов (Станкевич, 1960. С. 79; Третьяков, Шмидт, 1963. С. 65). Существует предположение, что камни могли использоваться и в оборонительных целях (Третьяков, Шмидт, 1963. С. 65). Однако ни одна из предложенных версий для памятников КРШК не может считаться убедительной. Как показано выше, камень при строительстве носителями этой культуры не использовался. Не применялся он и при обкладке очагов на ряде городищ западнодвинского бассейна. Мне представляется более приемлемой версия А. Г. Митрофанова, согласно которой нагретые камни использовались для дополнительного обогрева жилищ (Митрофанов, 1978. С. 19).

2.6. ВЕЩЕВОЙ КОМПЛЕКС

Широкомасштабные исследования городищ КРШК, предпринятые в Литве и в Беларуси, дали возможность создать достаточно емкий банк данных, который позволяет осветить различные стороны жизни и деятельности ее носителей. Среди обширного вещевого комплекса изделий из глины, кости, камня и цветных металлов наиболее многочисленную группу составляет лепная посуда, обломки которой являются доминирующими на каждом из изучавшихся поселений.

2.6.1. Посуда

Технология изготовления горшков КРШК во всем своем ареале имеет как общие черты, так и определенные отличия. Основу формовочной массы составляла жирная глина, в которую в качестве примесей добавляли дресву. Как отмечают исследователи, дресва, встречающаяся в глине, обычно крупная (Вакс, 1991. С. 67; Медведев, 1996. С. 37). Однако этот признак характерен не для всех поселений. Так, на городище Зазоны уже в посуде нижних отложений культурного слоя преобладает мелкая дресва. На укрепленном поселении Ратюнки в глиняном тесте горшков также чаще присутствует мелкозернистая (до 0,1 см) либо сочетание мелкой дресвы с крупной. Аналогичную картину дает и городище у д. Городище Мядельского р-на, причем на этом памятнике смесь крупной и мелкой дресвы превалирует в нижних отложениях культурного слоя, уступая место мелким зернам в верхних пластах. На некоторых поселениях Юго-Восточной Латвии, в частности на городище Мадаланы, формовочная масса наряду с минеральными добавками содержала и органику в виде навоза жвачных животных (Вакс, 1991. С. 67). На других памятниках культуры подобная примесь не выявлена. Однако это вовсе не означает, что органика как составная часть глиняной массы не применялась. Так, на Гораньском городище в глине сосудов отмечены в небольшом количестве зерна растений, солома и обломки веток (Звяруга, Мядзведзеў, 1993. С. 95).

Моделирование сосудов велось с помощью ленточно-кольцевого налепа. Судя по определимым фрагментам ширина лент составляла 5—6 см. При формировании нижней части использовался донный или донно-емкостный начин. Толщина стенок сосудов колеблется в основном от 0,5 до 0,8 см. Посуда с меньшей или большей толщиной единична.

Сосуды КРШК имеют неравномерный костровый обжиг. Преобладающий тон — темный: обычно от коричневого до темно-коричневого цвета. На памятниках, происходящих с территории Беларуси, отмечено возрастание числа более светлых (бежевых, светло-коричневых) фрагментов горшков в верхних пластах культурного слоя (Зазоны, Ратюнки).

КРШК принадлежит к числу этнокультурных общностей, которые не имели мисковидной посуды. Ее носители пользовались преимущественно горшковидными сосудами. По своей профилировке они подразделяются на две группы: баночные и профилированные. Несмотря на относительную простоту посуды, единого подхода к ее типологии среди исследователей нет. Определенные сложности в этом вопросе связаны с тем, что универсальной схемы членения посуды, охватывающей весь регион культуры, до сих пор не существует. Имеющиеся разработки касаются либо отдельных памятников, либо групп памятников, локализованных на ограниченном пространстве.

Р. Волкайте-Куликаускене, рассматривая посуду большого Наркунайского городища, выделяет лишь две указанные группы, не обращая внимания на существующие внутри них различия (Volkaitė-Kulikauskienė, 1986. P. 47). Другие исследователи предлагают более сложные схемы классификации керамики. Так, А. Г. Митрофанов по материалам Центральной Беларуси намечал внутри баночных сосудов три разновидности по степени наклона венчика. Группа профилированных горшков им рассмотрена в суммарном виде без выделения вариантов (Митрофанов, 1978. С. 29, 30). В свою очередь Е. Григалавичене, анализируя посуду городищ Северо-Восточной Литвы, наметила пять видов профилированных сосудов, характерных для разных хронологических этапов. Что касается баночной посуды, исследовательница, как и Волкайте-Куликаускене, рассматривает ее без вариантных особенностей (Grigalavičienė, 1995. P. 204—210. 119 pav.). Более сложная типология штрихованной керамики предложена А. М. Медведевым. На основании различий в профилировке верхних частей им выделено два варианта баночной посуды и три профилированной (Медведев, 1996. С. 39). Наконец, А. В. Вакс в монографии, посвященной керамическому комплексу памятников поздней бронзы и железного века Латвии, применил максимально разветвленную типологическую схему. Основываясь, как и другие исследователи, на профилировке верхних частей горшков, он выделяет по два типа в каждой из рассматриваемых форм (I, C — баночные; CS, S —

профилированные), которые в свою очередь подразделяются на варианты (Васкс, 1991. С. 21, 22, 70, 71. Рис. 1. Табл. 18). Внутри вариантов также имеются отличия, фиксируемые по форме среза венчика. Необходимо отметить, что типология глиняной посуды, разработанная А. В. Васксом, находит поддержку среди части белорусских археологов (Ильютик, 1996. С. 145, 147; Ильютик, 1998. С. 26, 27; Мядзведзеў, 1999. С. 38). Однако она обладает одним существенным недостатком, а именно: ее применение возможно только при условии работы с полными формами сосудов. Фрагментированные части, составляющие основу керамического материала, к сожалению, не способны в большинстве случаев диагностировать не только варианты, но и типы внутри групп, что признает и сам автор (Васкс, 1991. С. 20).

Анализ ранней штрихованной керамики показывает, что среди баночной посуды можно выделить два типа: 1) с вертикально поставленным венчиком (табл. 1: 2—6, табл. 2: 1—7, 9, 10); 2) с венчиком, склоненным внутрь сосуда (табл. 1: 1, табл. 2: 8). В количественном отношении преобладают первые. Характер оформления верхней части сосуда позволяет наметить два варианта: 1) с округленным венчиком; 2) с венчиком, имеющим форму, близкую к конической. Во всем ареале культуры сосуды с округлым срезом венчика являются доминирующими. Посуда с коническим оформлением верха встречается крайне редко, в основном на поселениях Северо-Восточной Литвы. Размеры баночных сосудов колеблются в широких пределах: диаметр устья — от 10 до 30 см, высота — от 7 до 30 см.

Баночная форма посуды представляет устойчивую группу, которая характерна на всем протяжении КРШК. На большинстве изучавшихся городищ в белорусской части ареала их пик приходится на наиболее ранние отложения культурного слоя. Позднее наступает стабилизация на более низком уровне и новый незначительный подъем их численности на заключительном этапе существования городищ (рис. 11, табл. 1).

Баночные сосуды, как правило, имеют беспорядочную штриховку, которая начинается уже под срезом венчика и покрывает все тулово вплоть до днища. Орнаментация для них мало характерна. Она представлена ограниченным набором композиций и технических приемов нанесения. Чаще всего встречаются круглые ямки диаметром 0,5—0,8 см, нанесенные в один ряд через определенные интервалы под краем венчика (табл. 2). В отдельных случаях углубления оформлялись косо поставленной палочкой, вследствие чего они приобретали форму, близкую к овальной. Как исключение встречаются сквозные отверстия под краем венчика (Зазоны). Подобный вид орнаментации присущ главным образом баночной посуде днепро-двинских городищ (Шадыро, 1985. Рис. 44, 51—53) и его появление на горшках КРШК можно объяснить наличием контактной зоны между этими культурами в области Браславского Поозерья и соответственно взаимным проникновением отдельных элементов декора.

Какой-либо закономерности в залегании баночных сосудов, по-видимому, не существует. По крайней мере, на двух городищах, на которых были возможны подобные наблюдения (Зазоны, Ратюнки), орнаментированные фрагменты зафиксированы практически во всех пластах культурного слоя.

Среди профилированных горшков, распространенных в ареале КРШК, по величине и степени наклона венчика также можно выделить два типа. К первому относятся сосуды с коротким прямым отогнутым наружу венчиком и слабо выраженной шейкой (табл. 3, табл. 4: 1—4, 7, 9, 12). В качестве варианта в этой группе фиксируется небольшая по численности категория горшков, у которых шейка отчетливо выражена с помощью пальцевой бороздки, а венчик чаще всего поставлен вертикально. Подобные сосуды имеют ярко выраженную узкую локализацию — они обнаружены только в Центральной Беларуси (Городище Мядельского р-на, Лабенщина и некоторые др.). По своему облику эти горшки занимают промежуточное положение между слабопрофилированной посудой КРШК и горшками милоградской культуры, носители которой во второй половине I тыс. до н. э. играли существенную роль в среднебелорусском регионе (Егорейченко, 1996. С. 64—66).

Второй тип профилированных горшков представлен сосудами, имеющими высокий прямой, вертикально поставленный венчик, переходящий в слабо расширяющееся тулово

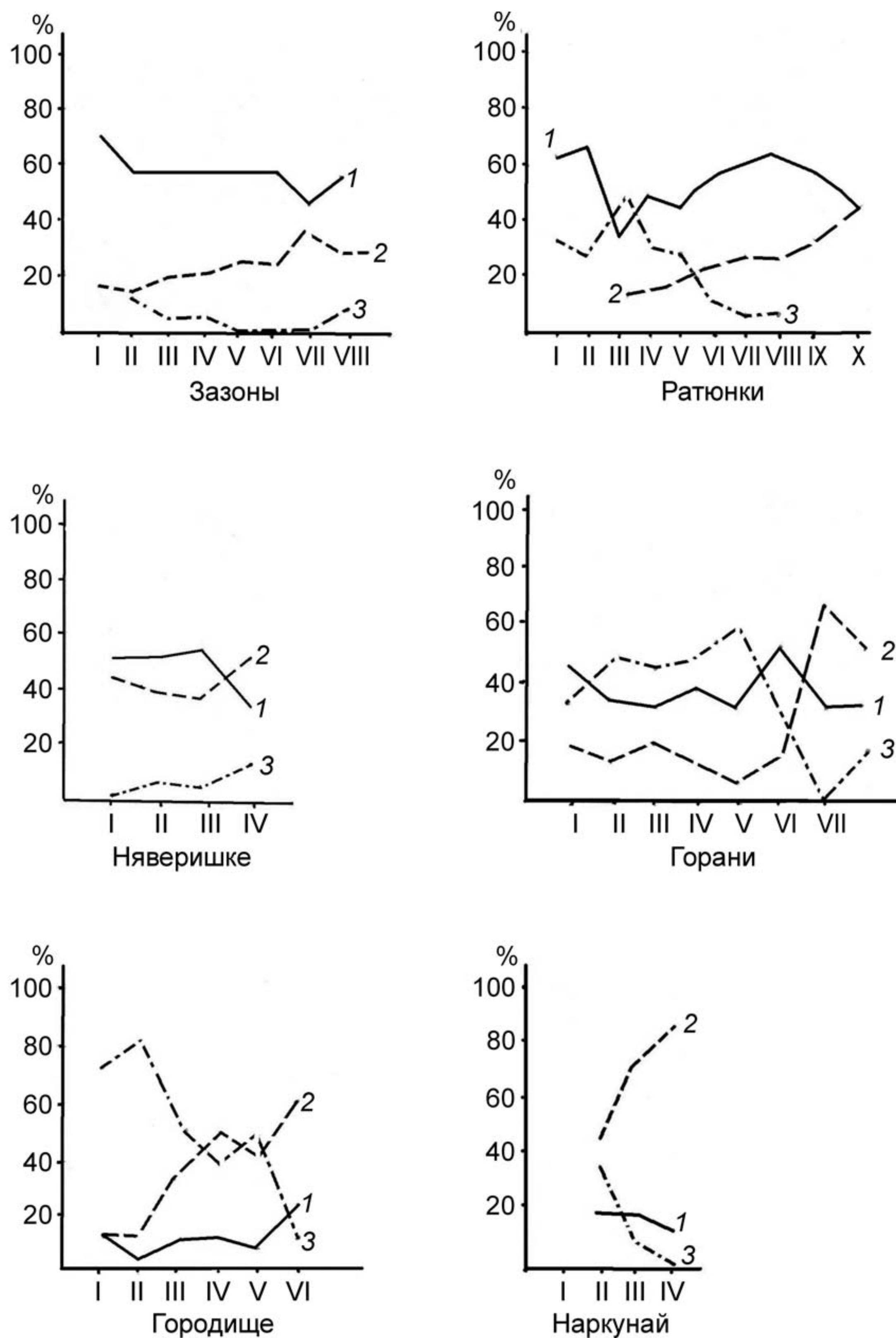


Рис. 11. Распределение венчиков сосудов культур штрихованной керамики по пластам и слоям (*1* — баночные сосуды КРШК; *2* — слабопрофилированные горшки КРШК; *3* — ребристые горшки КПШК)

(табл. 4: 5, 6, 8, 10, 11). По форме оформления среза среди профилированных сосудов так же, как и у баночных, можно наметить два варианта: 1) с округленным краем венчика; 2) с коническим оформлением венчика. Горшки второго варианта редки и характерны для Северо-Восточной Литвы. Размеры горшков: диаметр устья — 12—23 см, высота — 13—25 см.

Как отмечает Е. Григалавичене, профилированная посуда является древнейшей и берет свое начало от сосудов эпохи средней бронзы, распространенных на той же территории, где впоследствии формируется КРШК (Grigalavičienė, 1986a. P. 87). В численном выражении эта категория горшков на территории Литвы преобладает. Что же касается городищ белорусской части ареала, то здесь картина сложнее. Превалирование профилированных сосудов над баночными отмечено только на городище у д. Городище Мядельского р-на (рис. 11).

В Горанях слабопрофилированные горшки преобладали только в самых нижних отложениях культурного слоя (рис. 11). В Зазонах и Ратюнках баночная посуда изначально доминировала (рис. 11). Однако во всех без исключения поселениях белорусского ареала культуры прослеживается тенденция сокращения числа профилированных горшков к концу существования городищ.

Эта категория посуды так же, как и баночная, имеет беспорядочную штриховку разной степени выразительности, которая покрывает всю поверхность практически от среза венчика до днища. Что же касается орнаментации, то на профилированных горшках она встречается чаще и богаче по технике нанесения и разнообразию композиций. Наиболее распространенным видом декора являются ямочные вдавления, которые, как и на баночной посуде, располагаются в один ряд через определенные интервалы на уровне шейки (табл. 3: 2, 4; табл. 4: 2, 3, 5—9, 13). Диаметр вдавлений — от 0,3 до 0,8 см. Наряду с однорядным расположением ямок имеются композиции в виде «виноградных гроздей» (рис. 4: 4, 12). Такой вид орнамента представлен преимущественно на посуде городища у д. Городище Мядельского р-на. Как разновидность ямочного декора можно считать вдавления косо поставленной палочкой, зафиксированные на горшках поселений Браславского поозерья (Зазоны, Ратюнки). К числу редких видов орнамента относится налепной валик треугольной в сечении формы, который располагался на шейке. Подобный вид украшения посуды отмечен на некоторых городищах Северо-Восточной Литвы (Вяликушкес, Сокишкяй). По-видимому, его истоки следует искать в орнаментации посуды эпохи бронзы, однако Е. Григалавичене отнесла фрагменты с налепными валиками из Сокишкяйского городища к типу d, который, по ее убеждению, был характерен для среднего слоя этого поселения (вторая — третья четверти I тыс. до н. э.) [Grigalavičienė, 1986a. 6 pav. 38 pav.]. Что касается ямочных вдавлений, то этот вид орнамента, судя по стратиграфическим наблюдениям, применялся на всем протяжении существования культуры.

2.6.2. Изделия из камня

Основной набор артефактов носителей КРШК характеризуется господством предметов из камня, кости и рога, которые служили основными видами сырья для изготовления орудий труда, оружия, бытового инвентаря и украшений. Кремень как исходный материал для производства изделий, характерных для предшествующих эпох, в I тыс. до н. э. практически выходит из употребления. Находки из него единичны (Возгеляй, Нявеpишке, Пятрашюнай, Сокишкяй). Это — наконечники стрел, скребки, ножи, топорик, которые, не исключено, относятся либо ко времени, предшествующему возникновению городищ КРШК, либо к начальной поре их функционирования.

Для изготовления рубящих, скоблящих и подтесывающих орудий труда применялись прежде всего мелкозернистые породы камня: диорит, диабаз, гранит, песчаник и др. Наиболее многочисленную группу каменных находок составляют изделия клиновидной в сечении формы, которые среди исследователей выступают под различными названиями: клиновидные топоры (В. И. Шадыро), долотовидные топоры, долота (Е. Григалавичене), топоры-долота (Я. Я. Граудонис) и т. д. Такой разнобой в их наименовании связан с тем, что они могли применяться для различных операций. В зависимости от размеров и

угла затески рабочей части эти орудия труда использовались в качестве топоров, долот, стамесок и т. д. Длина их колеблется от 3,4 до 11,7 см. Форма сечения разнообразна: симметричное или ассимитричное лезвие; стенки прямые параллельные либо сужающиеся к обушку, либо выпуклые; край обушка бывает плоский, скругленный и почти конический (табл. 5). Судя по тому, что обушок в большинстве случаев имеет хорошую сохранность, эти орудия труда вставлялись в костяную муфту либо в деревянную коленчатую рукоять. Вычленить хронологически ранние и поздние разновидности топоров-долот по форме, размерам и другим признакам в настоящее время не представляется возможным. Так, например, на городище Сокишкяй среди опубликованных 32 целых находок близкие по форме сечения, размерам, отношению длины к ширине либо общей длины к длине рабочей части изделия встречались как в раннем, так и в среднем горизонтах культурного слоя (Grigalavičienė, 1986a. 11:13, 14 pav., 12—14 pav.). На других городищах аналогичных находок обнаружено значительно меньше, что не дает возможности сделать объективные заключения. Такие же орудия труда были характерны для городищ Латвии и днепро-двинской культуры (Граудонис, 1967. Табл. II; Graudonis, 1989. VI: 7, 8, 11—13 tab; Шадыро, 1985. Рис. 15: 1—7. Рис. 16, 17).

Каменные проушные топоры на городищах КРШК встречаются значительно реже и, в основном, в обломках. Большая часть их принадлежит к числу рабочих. Это — топоры, сечение которых близко к трапеции. По различиям в форме можно наметить три группы. К первой относятся топоры клиновидной в плане формы. Их размеры разнообразны: длина — 8—13 см, ширина — 4—5 см. Внутри этой группы выделены два типа, различающиеся между собой по форме обушка: 1) топоры с округлым обушком (табл. 6: 1, 3, 4, табл. 8: 2). В свою очередь экземпляры первого типа по отношению длины к ширине подразделяются на два варианта: 1) вытянутые, остролистные, у которых соотношение длины к ширине составляет не менее 2,8:1; 2) округлобокие с пропорцией не более 2:1. Топоры первого варианта типа 1 известны по раскопкам городищ Горани, Няверишке, Сокишкяй. Что касается второго варианта, то они найдены пока лишь на двух памятниках (Горани, Няверишке). Фрагменты топоров с округленным обушком обнаружены на многих поселениях КРШК (Зазоны, Засвирь, Наркунай, Ратюнки), однако в силу невыразительности обломков их вариантная идентификация не представляется возможной.

Топоры второго типа, с уплощенным обушком (табл. 6: 2, табл. 8: 4, 5), обнаружены на большинстве изучавшихся поселений: Зазоны, Наркунай, Няверишке, Ратюнки и др. Размеры целых экземпляров колеблются примерно в тех же пределах, что и у топоров первого типа.

Ко второй группе топоров относятся экземпляры, у которых форма в плане близка к трапециевидной (табл. 7). Топоры подобных очертаний редки (Горани, Кяряляй, Няверишке, Ратюнки, Сокишкяй). Их размеры: длина — 10,8—11 см, ширина — 3—6 см. Аналогии им имеются на поселениях Латвии (Граудонис, 1967. Табл. IV: 4; Graudonis, 1989. V: 12 tab.).

Наконец, третью группу топоров составляют изделия биконической в плане формы. Известны всего лишь две находки подобного вида, происходящие из городищ Сокишкяй и Юодонис (табл. 8: 1, 3). Их размеры: длина — 5,6—11,8 см, ширина — 3—4,3 см. К этой же группе примыкает миниатюрный топорик, обнаруженный на большом Наркунайском городище, который, по-видимому, имел сакральное назначение (Volkaitė-Kulikauskienė, 1986. 19: 4 pav.). Аналогичные изделия опять-таки известны на территории Латвии (Graudonis, 1989. V: 1 tab.).

Наряду с рабочими у носителей КРШК, бесспорно, имели распространение и боевые топоры, однако их характеристика связана с объективными трудностями. До настоящего времени целые экземпляры не обнаружены. Известен лишь один фрагмент обушковой части, происходящий из городища Няверишке (табл. 8: 6). Судя по характерным особенностям, это был ладьевидный топор, аналоги которому можно найти на памятниках ранней бронзы лесной полосы Восточной Европы (Эпоха бронзы ..., 1987. Рис. 21: 4, 5. Рис. 25: 22, 24).

Помимо топоров, в боевых целях использовались каменные булавы. Такой вид оружия известен, в частности, по раскопкам го-

родища Няверишке. Булава имела округлую форму диаметром 6 см с уплощенной поверхностью в местах выхода канала отверстия и слегка ограненной боковой поверхностью (Grigalavičienė, 1986a. 10: 11 pav.). Подобное оружие имело давние традиции — близкие экземпляры известны, по крайней мере, с эпохи ранней бронзы (Эпоха бронзы ..., 1987. Рис. 26: 20).

О том, что производство проушных топоров и булав осуществлялось на месте, свидетельствуют высверлины, которые известны на большинстве исследованных поселений. Они чаще всего имеют цилиндро-коническую форму высотой 3—5 см и диаметром 1—2 см.

Среди крупных изделий из камня необходимо отметить зернотерки, сделанные из удлиненных валунов. Одна сторона у них имеет вогнутость, образовавшуюся в процессе работы. Такие находки отмечены в Зазонах, Няверишке, Тарилово и других поселениях культуры. В качестве терочников использовались округлые камни диаметром 7—10 см с одной или несколькими уплощенными сторонами (табл. 9).

Еще одну группу каменных изделий составляют точильные бруски квадратной или прямоугольной формы толщиной до 3 см, сделанные, как правило, из мелкозернистых пород камня.

2.6.3. Костяные изделия

Наиболее многочисленную группу индивидуальных находок составляют предметы, сделанные из кости и рога. Кость, как сырье, использовалась для изготовления самых разнообразных поделок: орудий труда, оружия, предметов быта и украшений.

Среди рабочего инвентаря обращают на себя внимание роговые топоры. Два из них обнаружены на большом Наркунайском городище. Первый представлял собой обточенный кусок рога с заостренным лезвием и подпрямоугольным обушком, длина которого составляла 13,5 см (табл. 10: 2). На городище Юодонис найден роговой топор, сходный с наркунайским, но его отличает то, что обушковая часть у него представляет собой основание рога (табл. 10: 3). Его длина — свыше 11 см. Сходные находки известны на городищах Латвии (Graudonis, 1989. 15: 9 tab.). Второй экземпляр наркунайского топора длиной 14 см отличался от предыдущего тем, что обушковая часть у него имела с одной стороны боковой уступ (Volkaitė-Kulikauskienė, 1986. 22 pav.). Топоры подобного типа характерны и для поселений Латвии. Целая серия таких находок обнаружена на Кивуткалнском городище (Graudonis, 1989. XII: a tab.). Еще один топор найден в нижних отложениях культурного слоя Лабенщинского городища. Он имел симметрично расширяющееся лезвие с не подвергавшимся обработке туловом и обушок в виде розетки рога (табл. 10: 1). А. Г. Митрофанов склонялся к мысли о том, что этот топор, который, как он полагал, изготовлен из непрочного материала (лосиный рог), вероятнее всего, использовался в качестве культового предмета (Митрофанов, 1978. С. 51, 52). Однако многочисленная серия роговых изделий подобного назначения, выявленных прежде всего на городищах Латвии, заставляет отказаться от такого предположения. Судя по незавершенности отверстия для рукояти и недоведенной до конца заточке лезвия, это была заготовка проушного топора.

Самую многочисленную группу костяных изделий составляют проколки и различного рода острия. Для их изготовления использовались разнообразные кости. Значительная серия проколок сделана из метакарпальных костей, имевших с одной стороны естественное сужение. В этом случае операция по их изготовлению чаще всего сводилась к подрезке и заточке окончания кости или же к дополнительному стачиванию одной из сторон (табл. 11: 7—9, 19—27).

Следующую группу проколок составляют экземпляры, сделанные из крупных трубчатых костей, расколотых и заточенных в наиболее узкой части (рис. 11: 10—12, 17). В меньшей степени для производства проколок и остриев применялись ребра животных. В этом случае кость раскалывали и полученные таким способом пластины заостряли с одного из концов. Подобные изделия без видимых изменений существовали на всем протяжении КРШК. Абсолютно аналогичные орудия труда известны на поселениях Латвии и ДДК (Граудонис, 1967. Табл. XVI: 1—5. Табл. XVII; Graudonis, 1989. 21—24 tab; Vasks, 1994. VIII: 1, 6, 7 tab.; Шадыро, 1985. Рис. 22: 1, 5—10,

12—18. Рис. 23; Третьяков, 1976. Рис. 3: 9—11).

Второй по численности категорией орудий труда из кости являются долота, изготовленные из расколотых и обрубленных трубчатых костей. Размеры их разнообразны: высота — 4—9 см, ширина — 1,5—3 см. Такие орудия труда представлены на большинстве городищ культуры (табл. 12).

Функционально к долотам примыкают стамески, отличающиеся от последних тем, что у них рабочая часть имеет не лопатовидную, а коническую форму. В количественном отношении стамески значительно уступают долотам, но также присутствуют практически на каждом городище. Аналогичный инструментарий широко представлен на памятниках I тыс. до н. э. лесной полосы Восточной Европы (Граудонис, 1967. Табл. XIV: 1—10; Шадыро, 1985. Рис. 24, 25; Третьяков, 1976. Рис. 3: 6—8, 20; Szymański, 1998. Tab. 1: 5, 9, 11).

Инструментом, применявшимся для плетения, служил кочедык. Его изготавливали, как правило, из трубчатых костей, у которых нижняя часть имеет косой срез и шлифовку (Volkaitė-Kulikauskienė, 1986. 25: 1, 3 pav.). Длина целых кочедыков колеблется от 8 до 14 см. Такой инструментарий также представлен на каждом поселении культуры. Аналогичные орудия труда типичны для ДДК и ранних городищ Латвии (Шадыро. 1985. Рис. 22: 2, 4, 11).

Редкими находками для городищ КРШК являются тупики, служившие для обработки шкур (табл. 13). Они сделаны из лопаточных костей крупных животных. Их длина колеблется от 27 см до 33 см. Обнаружены на городищах Зазоны (1) и Ратюнки (2). Аналогичные орудия труда были распространены в ДДК (Шмидт, 1992. Табл. 5: 1, 4).

Универсальным инструментом, применявшимся при различных трудовых операциях, был нож. Для его изготовления обычно использовали реберные, реже расколотые трубчатые кости животных, у которых рабочая часть имеет клиновидное сечение. Основываясь на форме изделий, можно выделить два типа ножей: 1) с выделенным черенком (табл. 14: 1); 2) с лезвием, плавно переходящим в черешок без уступов (табл. 14: 3, 5). Первый тип ножа известен на большинстве изучавшихся городищ: Зазоны, Наркунай, Ратюнки, Сокишкяй и др. Находки ножей второго типа более редкие. Они известны на таких поселениях, как Мошкенай и Наркунай. Размеры этих орудий труда разнообразны — длина целиком сохранившихся экземпляров колеблется от 8 до 22 см.

Среди мелкого инструментария присутствуют иглы. Их изготавливали из осколков костей. Они имеют уплощенную или круглую в сечении форму. Одна целиком сохранившаяся игла обнаружена на большом Наркунайском городище. Это был осколок кости с двумя заостренными концами и круглым отверстием, проделанным в верхней трети высоты (Volkaitė-Kulikauskienė, 1986. 26: 2 pav.). Длина иглы — 9,9 см. Абсолютно аналогичный экземпляр обнаружен на городище Кивуткалнс в Латвии (Graudonis, 1989. XXV: 4 tab.).

Бесспорно, перечисленным ассортиментом набор костяных орудий не ограничивался. Так, Е. Григалавичене среди находок городища Няверишке выделяет группу резцов, изготовленных из необработанных осколков кости (Grigalavičienė, 1986a. 17: 4, 7, 13 pav.).

Существенную часть костяных изделий носителей КРШК составляет боевое и охотничье оружие, а также орудия рыбной ловли. Комплекс предметов вооружения включал в себя оружие ближнего и дальнего боя. К первому прежде всего относятся многочисленные наконечники копий. Практически все они, за редким исключением, имеют втульчатое окончание, поэтому основным критерием для выделения отдельных типов может служить способ оформления боевой части.

По различиям в форме все наконечники подразделяются на два типа: 1) экземпляры, у которых лезвийная часть сформирована путем косого среза кости; 2) копья, имеющие фигурно выточенное лезвие пера.

По способу крепления к древку внутри копий I типа выделены следующие разновидности.

Вариант 1. Втульчатые наконечники (табл. 15: 3, 7—12). Их длина колеблется от 9 до 18 см. Однако преобладающими являются экземпляры, у которых длина составляет 13—16 см. Диаметр втулки у них сравнительно мал: на памятниках Литвы — 0,9—1,7 см, на городищах Северо-Западной Беларуси (Горани) этот показатель выше — 1, 9—2,7 см. Наконечники копий I типа ва-

рианта 1 обнаружены на большинстве исследованных городищ: Вяликушкес, Дукштас, Горани, Кащеличи, Мошкенай, Наркунай, Нявеpишке, Ратюнки, Сокишкяй. Хронологические рамки их бытования — все I тыс. до н. э. (Grigalavičienė, 1976. P. 54). Аналогичные наконечники известны на городищах Латвии, Эстонии и западнодвинского бассейна ДДК (Граудонис, 1967. Табл. XIV: 12; Vasks, 1994. VIII: 3 tab; Grigalavičienė, 1976. P. 54; Третьяков, 1976. Рис. 14: 15; Шадыро, 1985. Рис. 29: 1—6).

Вариант 2. Наконечники, у которых срез начинается от края втулки, вследствие чего она приобретает незамкнутую форму и должна иметь дополнительное крепление. Боевая часть таких копий часто дополнительно обработана (табл. 15: 1, 2, 4, 5). Длина наконечников второго варианта составляет 9—12 см. Территория их распространения значительно уже, чем у копий первого варианта. Они обнаружены на городищах Наркунай, Пятрашюнай, Сокишкяй в Северо-Восточной Литве.

Вариант 3. Наконечники с косым срезом пера и выемкой в основании для крепления с древком (табл.15: 6). Известен всего лишь один экземпляр подобного копья, происходящий из городища Зазоны, длиной 18,8 см. Аналогии ему не известны.

Копья II типа вытачивали из лопаточных костей диких животных. По одному сравнительно целому экземпляру подобных наконечников обнаружено на городищах Горани и Ратюнки. Они имеют листовидную форму с продольным валикообразным расширением по центру пера (табл. 16: 1, 4). Их размеры: длина — 15,6 см; 18 см; диаметр втулки — 1,6 и 2 см. Соотношение длины пера к длине втулки у них составляет примерно 2:1. На наконечнике, происходящем из городища Ратюнки, на втулке сохранилось отверстие для крепления с древком. Аналогичный экземпляр копья известен по раскопкам укрепленного поселения ДДК Осыно (Третьяков, 1976. Рис. 4: 6). Наконечники второго типа, по-видимому, являются подражанием бронзовым копьям, распространенным в предлужицкой и лужицкой культурах в 1450—800 гг. до н. э. (Gedl, 1975. Tab. XIV: 6, 8; PZP, 1978. Tab. XVI: 4; PZP, 1979. Ryc. 17: 6). Такой ранней датировке (не позднее начала I тыс. до н. э.) не противоречат и стратиграфические условия залегания наконечника копья из Ратюнок — он обнаружен в предматериковом слое.

Бесспорно, среди оружия ближнего боя у носителей КРШК были распространены и наконечники дротиков. По форме они близки как копьям, так и стрелам, поэтому их выделение вызывает определенные трудности. По способу насада они могли быть втульчатыми и черешковыми. Втульчатые наконечники, как и копья I типа варианта 1, имели косой срез боевой части и отличались от них только размерами. К числу таких дротиков, по-видимому, можно отнести находки, происходящие из большого Наркунайского городища и городища Ратюнки (табл. 17: 1, 3). Еще три дротика из городища Ратюнки относятся к двум типам. Два из них — одношипные (табл. 17: 2, 5). Длина целого экземпляра составляла 11,3 см. Третий имел ланцетовидную форму пера, которое плавно переходило в сужающийся черешок (табл. 17: 4).

К группе черешковых принадлежит наконечник из городища Зазоны. Он имеет ромбовидное в сечении асимметричное по форме перо, отделенное от черешка одним уступом (табл. 17: 6). Его длина составляет около 16 см. Точных аналогий ему нет. По форме пера этому дротику близки наконечники стрел из городищ Латвии и днепро-двинской культуры (Graudonis, 1989. XLIV: 17 tab.; Шадыро, 1985. Рис. 30: 1).

Следующую категорию оружия ближнего боя составляют кинжалы либо боевые ножи. Этот вид вооружения, в отличие от копий, довольно редок. По различиям в их форме можно выделить два типа: 1) шиловидные; 2) ножевидные. Первые внешне почти ничем не отличаются от проколок (табл. 14: 2). Они изготовлены из цельных или трубчатых костей длиной 15—22 см. Такой тип кинжалов известен пока только по раскопкам двух городищ Северо-Восточной Литвы: Мошкенай и Сокишкяй. Второй тип кинжалов имел более широкое распространение. По особенностям оформления рукояти среди них выделяются три варианта.

Вариант 1. Кинжалы, у которых лезвие плавно переходит в черешок (табл. 14: 9). Один экземпляр такого оружия найден на городище Ратюнки. Его длина — 18 см.

Вариант 2. Кинжалы с одним уступом в месте перехода лезвия в черешок (табл. 14: 4). Найдены на городищах Зазоны и Нарку-

най. Оформление уступа либо резкое (Зазоны), либо плавное (Наркунай). Длина кинжалов — 11—18 см.

Вариант 3. Кинжалы, у которых лезвие отделено от черешка двумя слабо выраженными уступами (табл. 14: 6). Известен один экземпляр, обнаруженный на большом Наркунайском городище. Его длина составляет 19 см.

Оружие дальнего боя представлено многочисленными и разнообразными по форме наконечниками стрел. По способу насада среди них выделяются две группы: 1) втульчатые; 2) черешковые. Наконечники стрел первой группы сравнительно редкие. Их форма позволяет выделить два типа: 1) пулевидные (табл. 18: 8—13); 2) наперстковидные (табл. 18: 1—7). Наконечники первого типа выявлены только на городищах Горани (8) и Наркунай (2). Их размеры: длина — 6—8 см, диаметр втулки — 0,5—0,7 см. Аналогичные находки известны в ареалах днепро-двинской и дьяковской культур (Шадыро, 1985. Рис. 30: 14, 15; Шмидт, 1992. Табл. 1: 18; Смирнов, 1974. С. 29. Табл. I: 1; Розенфельдт, 1974. Рис. 3: 2; Дубынин, 1974. Табл. I: 5. Табл. II: 19). К. А. Смирнов, основываясь на скифских параллелях, датирует их VIII—III вв. до н. э. (Смирнов, 1974. С. 29).

Наконечники стрел второго типа, в форме наперстка, известны шире. Они открыты на городищах Зазоны (1), Горани (1), Ратюнки (3). Это — типично охотничье оружие, применявшееся для поражения пушных зверей. Их размеры: длина 2—4,5 см, диаметр втулки — 0,7—1,2 см. К сожалению, их малочисленность не позволяет определенно судить о времени их бытования, но, по-видимому, они применялись на всем протяжении существования культуры. Аналогичные наконечники широко представлены в дьяковской, реже днепро-двинской культурах (Смирнов, 1974. С. 29. Табл. I: 4; Розенфельдт, 1974. Рис. 4: 4; Дубынин, 1974. Табл. II: 20, 26; Шмидт, 1992. Табл. 1: 19).

По сравнению с втульчатыми, черешковые наконечники стрел дают значительно большее видовое разнообразие. Основываясь на форме пера, выделяются следующие типы.

Тип 1. Двушипные наконечники стрел (табл. 19). Имеют разнообразную форму сечения пера: ромбовидную, овальную, треугольную, уплощенноовальную и т. д. Черешок в плане прямоугольный или шиловидный, имеет различные виды сечения: прямоугольную, овальную, уплощенноовальную. Длина целых наконечников составляет от 7,8 до 8 см. Они обнаружены на городищах Наркунай в Литве (4 экз.), Зазоны (3), Ратюнки (6). Двушипные наконечники были характерны для многих культур I тыс. до н. э. лесной полосы Восточной Европы (Смирнов, 1974. Табл. I: 26; Дубынин, 1974. Табл. II: 13, 14, 17; Шадыро, 1985. Рис. 28: 1—3; Шмидт, 1992. Табл. 1: 9, 11, 14; Graudonis, 1989. XVIII tab.). Неповторяемость этих наконечников (различные формы сечения пера и черешка) затрудняет выяснение хронологии отдельных вариантов, но в целом складывается впечатление, что они бытовали на всем протяжении культуры.

Тип 2. Одношипные наконечники (табл. 20). Имеют, как правило, ромбовидное сечение пера. Черешок в плане чаще всего прямоугольный с таким же или овальным сечением. Длина наконечников составляет 6,8—9,6 см. Найдены на городищах Наркунай (4), Сокишкяй (1) в Литве, Зазоны (1) и Ратюнки (3) в Беларуси. Многочисленные аналогии им имеются на памятниках дьяковской и днепро-двинской культур, а также на городищах Латвии (Смирнов, 1974. Табл. I: 21; Дубынин, 1974. Табл. II: 9, 13—16, 27; Шадыро, 1985. Рис. 28: 4; Шмидт, 1992. Табл. 1: 3—8; Graudonis, 1989. XVIII: 10, 11 tab.). По мнению К. А. Смирнова, этот тип наконечников имеет раннюю датировку. Подобные экземпляры встречаются уже на памятниках III—II тыс. до н. э., а на Каширском городище большинство их залегало в нижних отложениях культурного слоя (Смирнов, 1974. С. 31). Все это дает основание отнести наконечники типа 3 к рубежу III—II — первой половине I тыс. до н. э.

Тип 3. Ромбовидные наконечники стрел. По технике изготовления выделяются два варианта. 1) Наконечники, сделанные из расколотых реберных костей, в результате чего имеют плоское сечение пера и черешка (табл. 21: 1, 6, 10, 20). Их длина обычно составляет 6—8 см. Более крупные экземпляры редки. Наконечники типа 3 обнаружены на городищах Мошкенай (2), Пятрашюнай (1) в Литве, Ратюнки (1) — в Беларуси. 2) Наконечники, выточенные из цельных костей. Имеют ромбовидное сечение пера и

овальное черешка (табл. 21: 9, 11). Их длина достигает 11 см. Наконечники варианта 2 обнаружены на городищах Мошкенай (1) и Пятрашюнай (1). Аналогии наконечникам первого варианта не известны. Что касается наконечников стрел второго варианта, то близкие им экземпляры отмечены на памятниках дьяковской культуры (Дубынин, 1974. Табл. I: 19, 20; Смирнов, 1974. С. 36). Хронология их остается не ясной.

Тип 4. Шиловидные наконечники с упором (табл. 21: 14, 17). По одному экземпляру этого типа найдено на городищах Горани и Наркунай. Их длина составляет соответственно 6,5 и 8,6 см. Наконечник из Гораней имеет овальное сечение пера и круглое черешка, у наркунайского оба сечения представляют круг. Точной аналогией наркунайской находке является наконечник стрелы, происходящий из днепро-двинского городища Демидовка (Шмидт, 1992. Табл. 1: 24).

Тип 5. Ланцетовидные наконечники стрел. Среди них выделяются два варианта.

Вариант 1. Наконечники, у которых перо плавно переходит в черешок (табл. 21: 3, 7). Они сделаны, как правило, из расщепленных реберных костей, поэтому имеют овальное или подпрямоугольное сечение пера и черешка. Их длина — 4—7 см. Пять экземпляров наконечников этого типа обнаружено на городище Горани. Аналогичные наконечники стрел были распространены на поселениях Латвии (Graudonis, 1989. XVI: 5, 6 tab.).

Вариант 2. Наконечники, имеющие перехват на лезвии пера и невыделенный черешок (табл. 21: 5). Их длина — 5—6 см. Известны две находки этого типа. Обе обнаружены на городище Горани. Аналогии им не известны.

Тип 6. Листовидные наконечники. Имеют различия в форме, по которым выделяются три варианта.

Вариант 1. Наконечники, у которых перо плавно переходит в черешок (табл. 21: 19). 4 экземпляра таких стрел найдено на городище Горани (Зверуго, 1992. С. 95). Аналогии им имеются среди находок дьяковской культуры (Дубынин, 1974. Табл. II: 28).

Вариант 2. Наконечники с перехватом в месте перехода пера в черешок. Их длина составляет 4,5—5,5 см. Обнаружены на городище Горани (3 экз.). Подобный вид наконечника найден на Троицком городище дьяковской культуры (Крис, 1970. Табл. 7: 13).

Вариант 3. Наконечники с упором (табл. 21; 8, 21). Их длина колеблется от 5 до 7,5 см. 5 экземпляров этого типа обнаружено на Гораньском городище. Аналогичные им находки отмечены на городищах дьяковской культуры (Смирнов, 1974. С. 33. Табл. I: 36).

По-видимому, стрелы хранились и переносились в специальных колчанах, от которых сохраняются, как правило, костяные донца с прямоугольной закраиной для формирования стенок. По крайней мере так трактует эти изделия И. Г. Розенфельдт (Розенфельдт, 1968. С. 272). К. А. Смирнов, опираясь на этнографические параллели, не исключает возможности их применения и в качестве днищ специальных коробок из бересты (Смирнов, 1974. С. 60). В ареале КРШК два костяных донца диаметром 6 и 4,8 см найдены на городище Ратюнки, у которых были проделаны сквозные отверстия для крепления (табл. 22). Аналогии им имеются в дьяковской и днепро-двинской культурах (Розенфельдт, 1968. Рис. 1: 1, 3, 9; Смирнов, 1974. Табл. VII: 21; Дубынин, 1974. Табл. IV: 25, 26; Шмидт, 1992. Табл. 6: 13).

Редкой находкой, свидетельствующей об использовании верхового коня, является фрагмент костяного псалия, который происходит из городища Пятрашюнай (Grigalaviciene, 1995. 100: 11 pav.). По-видимому, это была костяная пластина с заостренными, ножевидными окончаниями и зауженной центральной частью. В сохранившемся фрагменте имелись два отверстия: одно, овальной формы — в окончании, второе, круглое — в центре. Наиболее близкой аналогией находке из Пятрашюная является экземпляр, обнаруженный на городище Мукукалнс в Латвии (Граудонис, 1967. Табл. XVIII: 10). Появление костяных псалиев в западной части лесной полосы Восточной Европы, вероятно, нужно связывать с лужицкой культурой, в которой известны как костяные, так и металлические экземпляры (Kostrzewski, 1955. Rys. 427; Граков, 1967. Рис. 62: 2. Рис. 62: 4).

Расположение городищ КРШК вблизи водоемов, богатых рыбой, способствовало тому, что рыбная ловля продолжала оставаться существенным элементом хозяйственной деятельности племен. В костяном инвентаре она фиксируется по находкам гарпунов и рыболовных крючков.

Большая часть обнаруженных гарпунов относится к отделу отделяющихся по классификации К. А. Смирнова (Смирнов, 1974. С. 34, 35). Это были однозубые гарпуны с муфтой (табл. 23: 1, 4—6). Их находки известны на многих памятниках культуры: Возгеляй (1), Бакченяй (1), Зазоны (3), Наркунай (1). Длина целых наконечников колеблется от 11 до 16 см. Подобные находки широко распространены по всей лесной полосе Восточной Европы, особенно много их в дьяковской культуре (Смирнов, 1974. С. 35. Табл. II: 11; Дубынин, 1974. Табл. III: 1—7, 10—13, 17—20; Graudonis, 1989. XVIII: 5, 7 tab.; Шмидт, 1992. Табл. 2: 1—9; Никольская, 1959. Рис. 6: 3; Збруева, 1952. Табл. X: 4, 6).

Отделяющиеся гарпуны К. А. Смирнов датировал не позднее IV—III вв. до н. э. (Смирнов, 1974. С. 35). По-видимому, близкое время хождения (первая половина — третья четверть I тыс. до н. э.) имели и гарпуны КРШК.

Еще два одношипных гарпуна имели упор в месте соединения с черешком (табл. 23: 8, 9). Их длина — 12, 5—14 см.

Средством индивидуальной рыбной ловли наряду с гарпунами служили рыболовные крючки. Их находки имеются только на двух городищах: Наркунай (1) и Пятрашюнай (3). Судя по целиком сохранившимся экземплярам, они имели прямое цевье с отверстием для крепления и заостренный конец без жала (табл. 23: 2, 3, 7). Их высота — 3,5—5,5 см.

Для крепления отдельных категорий инвентаря использовались костяные муфты и различные рукояти. Муфты-насадки имели круглую или овальную в сечении рукоять, завершавшуюся лопатовидным окончанием, в котором проделывали овальное в разрезе отверстие (табл. 24). Их высота — 7,5—9 см. Применялись подобные муфты, по-видимому, для крепления каменных и, возможно, костяных долотовидных орудий труда. Наиболее массовая серия таких изделий обнаружена на городище Горани (10). На других поселениях они редки: Кимия (1), Малышки (1), Няверишке (2), Ратюнки (4).

В отличие от муфт-насадок костяные рукояти имеют различную форму и степень отделки. По внешним признакам можно выделить два типа.

Тип 1. Рукояти трапециевидной в плане формы (табл. 25). Их изготавливали из роговых отростков, иногда даже без дополнительной обработки поверхности. Рукояти имеют круглое или элипсоидное отверстие. В первых, вероятно, крепились острия, во вторых, как предполагал А. Г. Митрофанов, костяные долота (Дучиц, Митрофанов, 1994. С. 174). Длина рукоятей этого варианта составляет 7—11 см. Их находки известны на городищах Зазоны, Няверишке, Ратюнки, Сокишкяй. Аналогичные рукояти являются традиционными для многих синхронных культур лесной полосы (Третьяков, 1976. Рис. 4: 12, 14; Шадыро, 1985. Рис. 26: 8, 10—14, 17, 18; Шмидт, 1992. Табл. 3: 10, 13).

Тип 2. Рукояти с навершием. Форма последнего позволяет выделить два варианта.

Вариант 1. Рукояти с грибовидным навершием (табл. 26: 1, 2, 4, 5). Выточены из рогов животных. Их длина составляет 6,5—10 см. Обнаружены на городищах Возгеляй (1), Зазоны (1), Сокишкяй (2), Ратюнки (1). Рукояти из Зазон и Ратюнок имели орнаментацию: первая в виде четырех круговых рельефно выраженных борозд, вторая декорирована двумя сдвоенными круговыми бороздками, расположенными на расстоянии 2 см друг от друга. Близкие по форме и орнаментации изделия были характерны для ДДК (Шадыро, 1985. Рис. 26: 15; Шмидт. 1992. Табл. 3: 6).

Вариант 2. Рукояти с гвоздевидным навершием (табл. 26: 3, 6; рис. 12, вкл.). Их длина составляет 6—11,5 см, обнаружены на городищах Возгеляй (1), Зазоны (1), Ратюнки (2). Как и рукояти варианта 1, имеют аналогии среди древностей ДДК (Шмидт, 1992. Табл. 3: 12).

Существенную группу находок составляют детали одежды и украшения из кости. Среди первых наиболее выразительными являются булавки различной формы. Региональные особенности этих изделий рассмотрены в ряде работ. Так, Я. Я. Граудонис, проанализировав около 500 находок из городищ и могильников Латвии, выделил две группы, отличающиеся оформлением верхней части: 1) булавки, у которых головка не имеет следов обработки, за исключением просверленного отверстия; 2) булавки с искусственно приданной формой верхней части. Последние в свою очередь подразделены этим исследова-

телем на ряд типов (Graudonis, 1974. 63—71 lpp.). Характеристика находок, происходящих из восточнолитовских городищ КРШК, нашла отражение в ряде работ Е. Григалавичене (Grigalavičienė, 1976. P. 69—79; Grigalavičienė, 1995. P. 163—172).

Придерживаясь общей классификационной схемы, предложенной Я. Я. Граудонисом, можно выделить две группы булавок: 1) булавки, у которых головка сохраняет естественную форму кости; 2) булавки с искусственно приданной формой головки. Первые схожи с проколками. Их отличает более тонкая игла и в большинстве случаев отверстие в головке (табл. 27). Размеры этих булавок различны: их длина варьирует от 9 до 20 см. По сравнению с изделиями второй группы они не многочисленны, хотя встречаются на большинстве памятников культуры: Варенай (2), Городище Мядельского р-на (3), Зазоны (1), Кащеличи (2), Кяряляй (2), Лабенщина (4), Мошкенай (2), Пятрашюнай (2), Ратюнки (2), Сокишкяй (4). Аналогии этим булавкам встречаются среди древностей ряда культур лесной полосы Восточной Европы. Они отмечены на днепро-двинских, дьяковских городищах, на поселениях Латвии и Сувалкии (Шмидт, 1992. Табл. 8: 5—9, 13—19; Дубынин, 1974. Табл. VI: 13; Graudonis, 1974. 1: 1—8 att.; Graudonis, 1989. XXVII: 1—7 tab.; Szymański, 1998. Tab. 1: 4).

По мнению Я. Я. Граудониса, булавки I группы имеют широкий хронологический диапазон: все I тыс. до н. э. и, возможно, начало н. э. (Graudonis, 1974. 5 att. 72 lpp.). Такая датировка в принципе может быть применима и к находкам КРШК. Вместе с тем представляется, что большая часть их относится к сравнительно позднему времени: вторая половина — конец I тыс. до н. э. Так, по данным Е. Григалавичене, все подобные находки из городища Сокишкяй были обнаружены в верхнем горизонте культурного слоя среднего этапа (третья четверть I тыс. до н. э.) [Grigalavičienė, 1986b. P. 137]. На городище Зазоны такая булавка найдена на глубине 0,1—0,2 м, т. е. в верхней части культурного слоя. На городище Кащеличи, где преобладают отложения КПШК, две булавки обнаружены ближе к материку и могут быть датированы концом I тыс. до н. э. Важно подчеркнуть, что только этот вид заколки характерен и для городищ КПШК: Ивань, Новоселки, Кимия и др. (Егорейченко, 1996. Рис. 41: 3; Митрофанов, 1978. Рис. 19: 14—17, 31, 34).

Вторая группа булавок, с искусственно приданной верхней частью, отличается большим разнообразием форм. Многие из них представлены единичными экземплярами и, по-видимому, характеризуют эстетические запросы резчика и потребителя. «Серийные» булавки чаще всего являются подражаниями бронзовым центральноевропейским, и это обстоятельство позволяет использовать их в качестве датирующего материала. На основании различий в форме верхней части выделены следующие типы.

Тип 1. Булавки с гвоздевидной или грибовидной шляпкой и изогнутой либо прямой иглой. По конструктивным элементам на ножке или их отсутствию прослеживаются пять вариантов: 1) с ушком, имеющим отверстие, канал которого направлен параллельно игле (табл. 28; рис. 13, вкл.); 2) с ушком, у которого отверстие просверлено перпендикулярно игле (табл. 29: 4, 7—9); 3) с отростками на ножке (табл. 29: 2, 5); 4) с дополнительными нарезными круговыми валиками на игле или на головке (табл. 29: 1, табл. 30); 5) с гладкой прямой или слегка изогнутой иглой (табл. 29: 6).

Булавки первого варианта выявлены на укрепленных поселениях Зазоны (1), Ратюнки (15), Сокишкяй (3). Их длина варьирует от 6 до 11 см. Обращает на себя внимание тот факт, что девять из пятнадцати булавок, обнаруженных на Ратюнковском городище, имели орнаментацию. Пять из них декорированы поперечными или диагональными нарезными линиями (табл. 28: 3, 9, 10, 15, 16), еще четыре — циркульным орнаментом (табл. 28: 5, 8, 11, 12). Аналогичные заколки, в том числе и орнаментированные, известны только в ДДК, причем исключительно в бассейне Западной Двины (Третьяков, 1976. Рис. 4: 24—26; Шадыро, 1985. Рис. 27: 1—3). Подобная форма костяных булавок, как справедливо отметил А. Б. Лухтан, появляется уже в позднем неолите (Лухтан, 1989. С. 89). Они, в частности, известны на поздненарвском поселении Абора I в Латвии (Лозе, 1979. С. 77. Табл. XVI: 10, 11). От находок КРШК их отличает более короткая и толстая прямая игла. Реальными же прототипами рассматриваемых булавок, по-видимо-

му, послужили бронзовые заколки, широко распространенные главным образом в предлужицкой культуре в конце II — начале III периода эпохи бронзы (1400—1200 гг. до н. э.) [Gedl, 1975. Tabl. VI: 1, 4—6, 8, 13. Tabl. VIII: 10. Tabl. X: 2. Tabl. XI: 12. Tabl. XII: 5. Tabl. XIII: 22. Tabl. XVI: 13. Tabl. XVIII: 6—8, 10—12, 21. Tabl. XXVI: 5, 42. Tabl. XXXI: 7; Czebreszuk, 1997. Ryc. 3: 5; Kłosińska, 1997. Ryc. 12. Tabl. XI: 2, 5. Tabl. XIV: 1—4. Tabl. XVIII: 1]. Наиболее ранние экземпляры этих булавок имеют крупную гвоздевидную, богато орнаментированную шляпку. На рубеже фаз BC/BD периода ранней бронзы их сменяют заколки с небольшой грибовидной шляпкой, лишенной декора (Kłosińska, 1997. Ryc. 12). Аналогичные заколки в это же время появляются и в Восточной Прибалтике (Š turms,1936. Taf. 15: m. Taf. 18: c; Dąbrowski, 1997. Ryc. 46: b), достигая ареала КРШК. Именно такой вид бронзовой булавки обнаружен на Наркунайском городище (табл. 38: 2). Есть все основания полагать, что именно эти булавки послужили реальным прототипом костяных заколок.

Булавки второго варианта отличаются от вышерассмотренных иной формой ушка и направлением канала отверстия. Они обнаружены на городищах Мошкенай (3), Наркунай (2), Сокишкяй (3). На территории Беларуси не известны. Длина целых экземпляров составляет 13—17 см. Близкие по форме и размерам экземпляры известны на городищах Латвии (Graudonis, 1989. XXVIII: 2 tab.). По мнению Я. Я. Граудониса, такие булавки датируются концом II — первой четвертью I тыс. до н. э. (Graudonis, 1974. 5 att.). Генезис их остается открытым. Отдаленные прототипы им известны в унетицкой и предлужицкой культурах, однако их датировка, по-видимому, не выходит за пределы 1500 г. до н. э. (Kłosińska, 1997. S. 142. Ryc. 12).

Булавки третьего варианта известны на памятниках Литвы и Юго-Восточной Латвии. Они найдены на городищах Возгеляй (1), Дигная (1), Мошкенай (3), Наркунай (1), Няверишке (1), Пятрашюнай (2), Сокишкяй (2). Форма отростков различна, а их количество колеблется от 2 до 4. Длина целых экземпляров варьирует от 11 до 15 см. Близкие по форме заколки известны только на памятниках Центральной Латвии (Граудонис, 1967. Табл. VII: 9; Vasks, 1994. IX: 9 tab.). Датировка этого вида булавок у Я. Я. Граудониса расплывчата: конец первой — третья четверть I тыс. до н. э., возможно, все I тыс. до н. э. (Graudonis, 1974. 5 att.). Более раннюю датировку предлагают литовские археологи. Так, Е. Григалавичене относит их к V периоду эпохи бронзы, 850—700 гг. до н. э. (Grigalavičienė, 1976b. P. 71). В свою очередь А. Б. Лухтан, основываясь на стратиграфических наблюдениях, склонен датировать их началом — первой четвертью I тыс. до н. э. (Лухтан, 1989. С. 89).

Булавки четвертого варианта отмечены на городищах Возгеляй (1), Кяряляй (2), Наркунай (1), Юодонис (1). Количество рельефных валиков варьирует от одного до четырех. У некоторых экземпляров в верхней части имеется орнаментация в виде крестовидных нарезных линий либо спиралевидной заштрихованной ленты (табл. 30: 1, 5, 6, 9). Их размеры: 9—14 см. Близкие по форме булавки известны на городищах Центральной Латвии, где они датированы концом II — второй четвертью I тыс. до н. э. (Graudonis, 1967. 5 att.), и в дьяковской культуре (Смирнов, 1974. Табл. IV: 20).

Булавки пятого варианта обнаружены на городищах Литвы: Возгеляй (1), Вяликушкес (1), Мошкенай (1), Сокишкяй (1). Их длина — 4,5—8 см. По мнению А. Б. Лухтана, их прототипами могли послужить скифские гвоздевидные заколки (Лухтан, 1989. С. 91). Однако такая параллель представляется малоубедительной, учитывая полное отсутствие каких-либо связей между носителями КРШК и скифами. Против этой версии свидетельствуют и условия обнаружения булавки из городища Сокишкяй. Она обнаружена в раннем горизонте культурного слоя, датированном Е. Григалавичене последней четвертью II — первой четвертью I тыс. до н. э. (Grigalavičienė, 1986b. P. 136). По-видимому, их прототипами могли послужить бронзовые булавки, известные на территории Польши в фазах Bb1 — BC эпохи ранней бронзы (1500—1300 гг. до н. э.) [Kłosińska, 1997. Ryc. 12].

Тип 2. Булавки с плоской расширяющейся головкой. На основании различий в оформлении верхней части А. Б. Лухтан выделяет четыре варианта: 1) с лопатовидной головкой; 2) с веслообразной верхней частью;

3) с треугольной; 4) с круглым завершением (Лухтан, 1989. С. 87). Этот тип булавок был распространен только в Северо-Восточной Литве и Латвии. На городищах Беларуси он не встречается.

Вариант 1 (табл. 31: 2—4, 7, 9). По одному экземпляру найдено на городищах Мошкенай, Наркунай, Пятрашюнай. Длина целиком сохранившейся булавки из Большого Наркунайского городища составляла 10,3 см. Аналогии им известны только на городищах Латвии (Граудонис, 1967. Табл. IX: 6, 7. Табл. X: 6, 10, 16; Graudonis, 1974. 3: 3 att. 4: 25 att; Graudonis, 1989. XXVII: 13, 23 tab.). По мнению Я. Я. Граудониса, подобные булавки датируются второй половиной I тыс. до н. э. (Graudonis, 1974. 5 att.).

Вариант 2 (табл. 31: 11, 12, 16). Подобные булавки обнаружены на городищах Возгеляй (1), Кяряляй (2), Мошкенай (2), Пятрашюнай (2), Сокишкяй (7). Их длина варьирует от 12 до 15 см. У большинства экземпляров в расширенной части имеется отверстие. Аналогии этим булавкам так же, как и варианта 1, имеются на памятниках Латвии (Граудонис, 1967. Табл. IX: 4, 13, 14, 16; Graudonis, 1974. 4: 13, 14 att.; Graudonis, 1989. XXVII: 19—22, 24—28, 30 tab.). Хронология их не ясна. Я. Я. Граудонис полагает, что они бытовали длительное время: от последней четверти II тыс. до н. э. до начала н. э. (Graudonis, 1974. 5: III att.). Более узкую датировку весловидных булавок предлагает А. Б. Лухтан. Ссылаясь на данные Я. Домбровского, он относит появление бронзовых прототипов в Польше к концу VI периода эпохи бронзы (Лухтан, 1989. С. 88).

Вариант 3 (табл. 31: 17). Булавки с треугольной формой головки известны по раскопкам городища Пятрашюнай (2). Обе сохранились фрагментарно, поэтому размеры их не установлены. Наиболее близкие им булавки типа II — B14 по Я. Я. Граудонису бытовали в Латвии почти на всем протяжении I тыс. до н. э. (Graudonis, 1974. 3:1 att. 5 att.).

Вариант 4 (табл. 31: 1, 5, 6, 8, 10, 13, 14). Булавки с круглой или слегка удлиненной формой навершия, в котором имеются одно-два отверстия. Обнаружены на городищах Мошкенай (4), Наркунай (3), Нявяришке (1), Пятрашюнай (1), Сокишкяй (1). Их длина — 7—16 см. Аналогичные булавки сравнительно широко представлены на памятниках Латвии (Граудонис, 1967. Табл. IX: 10, 15, 16. Табл. X: 2, 3, 7—9, 11, 14, 15; Graudonis, 1974. 4: 4, 12, 20—24 att.; Graudonis, 1989. XXVII: 8, 9 tab. XXIX: 1—24 tab.), где они датируются второй четвертью — концом I тыс. до н. э. (Graudonis, 1974. 5 att.). Однако не исключено, что наиболее ранние экземпляры могут быть отнесены по крайней мере к последней четверти I тыс. до н. э. Бронзовые прототипы этих булавок известны в могильниках Северного Кавказа (могильники Гинчи, Гатын-Кале) [Эпоха бронзы ..., 1994. Табл. 100: 49, 51—53. Табл. 102: 8], которые датированы в рамках 1700—1400 гг. до н. э. (Эпоха бронзы ..., 1994. С. 325).

Тип 3. Булавки с кольцевидным навершием (табл. 31: 5, 8). По внешнему виду близки заколкам варианта 4 типа 2, отличаясь от них правильной формой головки и более крупным отверстием. Обнаружены на городище Мошкенай (2) и Наркунай (1). Длина одной из мошкенайских булавок достигала 8 см. Аналогичные экземпляры сравнительно часты на памятниках Латвии (Graudonis, 1974. 1: 11—13 att.; Graudonis, 1989. XXIX: 23—26, 28 tab.). Я. Я. Граудонис выделяет эти булавки в тип II — A5, при этом совершенно справедливо обращая внимание на бронзовые прототипы, происходящие из памятников Центральной и Восточной Европы, где они датированы первой половиной I тыс. до н. э. (Graudonis, 1974. 1: 9, 10 att. 5 att.).

Тип 4. Булавки с плоской, плавно расширяющейся головкой, противоположные стороны которой оформлены вырезами (табл. 32: 1—3, 5—7). Известны в основном в белорусском ареале культуры: Горани (2), Зазоны (1), Ратюнки (1). На памятниках Северо-Восточной Литвы один экземпляр обнаружен на городище Пятрашюнай. Длина целых заколок достигает 8—10 см. Булавка, схожая с ратюнковской, найдена на городище Мукукалнс в Латвии (Граудонис, 1967. Табл. VIII: 15). Хронология этого типа не ясна. Реальные бронзовые прототипы им не известны. Возможно, в качестве образца для подражания могли послужить бронзовые булавки, имеющие кольцевые нарезки в верхней части иглы и известные в Центральной Европе в периоды C и D эпохи бронзы

(Gedl, 1985. Tabl. XXII: 4. Tabl. XXIV: 3; Horst, 1991. Abb. 1: d. Abb. 2: 6).

Тип 5. Булавки с прямой либо овальной в сечении головкой, отделенной от иглы круговой канавкой (табл. 32: 1—3, 5—7). Известны по раскопкам городищ Горани (3), Зазоны (1), Наркунай (2), Няверишке (1), Пятрашюнай (5), Ратюнки (1), Сокишкяй (1). Длина целых экземпляров составляет 10,5—12,5 см. За пределами культуры подобные булавки редки. Близкие по форме находки отмечены на городище Кивуткалнс в Латвии (Graudonis, 1974. 4: 8, 11 att.; Graudonis, 1989. XXVII: 14, 16 tab.). Хронологические рамки булавок этого типа не определены, однако вполне допустимо предположить, что они появляются ближе к середине I тыс. до н. э. Так, булавка из городища Няверишке была обнаружена в верхнем горизонте культурного слоя среднего этапа, датированного второй — третьей четвертью I тыс. до н. э. (Grigalavičienė, 1986b. P. 137). Не относятся к числу ранних и булавки из городищ Зазоны и Ратюнки. Обе они найдены в четвертом пласте (середина — верхняя часть культурного слоя городищ).

Тип 6. Булавки, у которых головка образована круговыми нарезками или канавками (табл. 33: 3, 13). Найдены на городищах Горани (2), Няверишке (1), Пятрашюнай (1), Сокишкяй (1). Целиком сохранилась только одна булавка, происходящая из городища Горани. Ее длина составляет около 10,5 см. Точные аналогии им не известны. Их прототипами, как и булавок 4-го типа, могли послужить бронзовые заколки с круговой нарезкой в верхней части, встречающиеся в Центральной Европе в III и, возможно, в начале IV периода эпохи бронзы (Dąbrowski, 1968. Tabl. V: b, g. S. 66, 103).

Тип 7. Булавки с высокой головкой и сужающейся ножкой, отделенной от иглы вырезами или полукруговой нарезкой (табл. 32: 4, 8). По одному экземпляру таких заколок обнаружено на городищах Зазоны и Сокишкяй. Последняя находка сохранилась целиком. Ее общая длина составляет 11,5 см, высота головки — 4 см. Аналогии этим булавкам ни в синхронных, ни в предшествующих культурах не известны.

К числу достаточно широко распространенных элементов одежды относятся костяные пуговицы, напоминающие собой шахматную туру, посаженную на гвоздевидную ножку (табл. 34: 1—4, 6, 7). Их длина колеблется от 2,5 до 4 см. Находки подобных изделий известны на городищах Кяряляй (1), Мошкенай (2), Наркунай (1), Ратюнки (2). Аналогии им известны на поселениях Латвии: Кивуткалнс, Тервете (Graudonis, 1989. XXV: 20, 21 tab.; Граудонис, 1967. Табл. VIII: 9). Рассматриваемые пуговицы, как и большая часть булавок, относятся к раннему этапу культуры. Нет никаких сомнений в том, что их прототипами послужили бронзовые пуговицы, известные в балтийском регионе в III—IV периодах эпохи бронзы. Ближайшим прототипом костяным поделкам КРШК является пуговица из кургана Алкникен Калининградской обл. (Šturms, 1936. Taf. 14: g), которая датирована по совокупности находок III периодом эпохи бронзы (Dąbrowski, 1968. S. 107).

Существенную группу изделий из кости составляют амулеты и подвески. Первые чаще всего представлены клыками молодых кабанов и медведей (табл. 35. Табл. 36: 1—8), реже — пластинками, сколотыми с лицевой поверхности клыков кабанов (табл. 36: 9). Некоторые из них декорированы циркульным орнаментом. По способу крепления амулеты подразделяются на две группы: 1) с одним или несколькими отверстиями; 2) с вырезами для закрепления нитки. Амулеты из зубов животных составляют неотъемлемую часть вещевого комплекса практически каждого исследованного поселения. Их находки известны по раскопкам следующих памятников: Вяликушкес (2), Воренай (2), Горани (3), Зазоны (5), Кяряляй (1), Лабенщина (1), Мошкенай (2), Наркунай (1), Пятрашюнай (3), Сокишкяй (6), Юодонис (1). В количественном отношении преобладают амулеты, изготовленные из клыков кабана. Судя по стратиграфическим наблюдениям, подобные подвески бытуют на всем протяжении культуры. Аналогичные им изделия были широко распространены в большинстве синхронных культур лесной полосы Восточной Европы (Никольская, 1959. Рис. 6: 6; Шадыро, 1985. Рис. 27: 14; Шмидт, 1992. Табл. 6: 8, 12, 14, 15; Graudonis, 1989. XXV: 13—15 tab.; и др.).

К числу уникальных предметов культового назначения относится миниатюрная скульптура идола, найденная на городище

Наркунай. Она представляет собой фигуру человека в высокой конической шапке, с ромбовидным туловом и схематически выраженными конечностями (табл. 34: 9). Высота скульптурки — 9,3 см. Аналогии ей не известны. Из этого же городища происходит незаконченная зооморфная фигурка водоплавающей птицы, вырезанная из рогового отростка лося (Volkaitė-Kulikauskienė, 1986. 45 pav.). Подобная мелкая пластика широко представлена в культурах позднего неолита и ранней бронзы лесной полосы, отличаясь от рассматриваемой тщательностью изготовления и высокой реалистичностью в передаче изображения птиц и животных (Эпоха бронзы ..., 1987. Рис. 6: 18, 20 22, 26; Археалогія ..., 1997. Мал. 129: 14; Rimantenė, 1996. 117 pav. 118 pav. 120: 4, 5 pav.).

Собственно подвески немногочисленны и характеризуются бедностью форм. Основой для их изготовления служили фрагменты трубчатых либо реберных костей, а также костяные пластинки. Объемные подвески имеют цилиндрическую или коническую форму (Табл. 37: 2, 5, 6, 8—10). В верхней части имеется одно, реже два отверстия для подвешивания. Подвески такого типа найдены на городищах Зазоны (1), Мошкенай (1), Ратюнки (3). Высота целых экземпляров колеблется в пределах 4—6,2 см. Близкие по форме подвески были характерны для днепро-двинской культуры (Третьяков, 1976. Рис. 4: 22; Шмидт, 1992. Табл. 7: 14, 15, 17). Хронология этих украшений остается неясной. Однако, судя по тому, что на городищах Зазоны и Ратюнки они обнаружены в нижних отложениях культурного слоя, можно предполагать об их хождении по крайней мере в первой половине I тыс. до н. э.

Плоскостные подвески по своей форме распадаются на несколько типов.

Тип 1. Биконические с отверстием для подвешивания в верхней части (табл. 37: 11, 12). Известны только по раскопкам городища Горани (2 экз.). Их высота составляет 7,4—7,7 см. Аналогии им не известны.

Тип 2. Зооморфные (табл. 37: 1). Одна подвеска, изображающая неопределимого зверя, обнаружена на городище Ратюнки. Ее высота — 5,9 см. В верхней части имеются два отверстия. Аналогии этой подвеске не известны.

Тип 3. Сложнофигурные, близкие к восьмеркообразным (табл. 37: 4). По одному экземпляру таких подвесок выявлено на городищах Горани и Тарилово. Аналогии им не известны.

Нагрудные украшения, помимо подвесок, представлены одной костяной бусиной боченкообразной формы (Volkaitė-Kulikauskienė, 1986. Pav. 39: 2). Она обнаружена на Наркунайском городище. Ее длина — 4,5 см, высота — 2,5 см. Подобные изделия в смежных культурах, как и подвески типов 2, 3, не известны.

На некоторых городищах культуры известны костяные дудочки-манки: Горани (2), Наркунай (1). Они представляют собой трубчатые кости с просверленными отверстиями (табл. 34: 5, 8, 10). Аналогичные находки встречаются практически на всей территории Восточной Европы (Дубынин, 1974. Табл. VI: 1, 9, 15—17; Graudonis, 1989. XXV: 12 tab.; Шмидт, 1992. Табл. 7: 5—7).

2.6.4. Изделия из металла и глины

Изделия из цветного металла в КРШК крайне редки и представлены исключительно украшениями и деталями одежды. Наибольший интерес среди них вызывают два бронзовых браслета, происходящие из Большого Наркунайского городища. Один из них имел плоско-выпуклое сечение. Его лицевая поверхность декорирована елочным узором, полукружиями, косыми насечками и точками (табл. 38: 3). Украшения с подобным сечением и сходным орнаментом были характерны для культур Центральной и Западной Европы в III периоде эпохи бронзы (1370—1150 гг. до н. э.) [Kostrzewski, 1955. Ryc. 245; Šturms, 1936. Taf. 18: i. Taf. 25: d; Dąbrowski, 1968. S. 104. Tab. IX: 3; Dąbrowski, 1997. S. 65. Ryc. 46: a. Ryc. 53: b; PZP, 1978. Tab. VI: 6, 7; Schauer, 1991. Abb.7: 6, 7; Coblenz, 1991. Abb. 3: 7; Ter an, 1996. Abb. 3: 3; Novotná, 1997. Tab. III; Kłosińska, 1997. S. 63. Ryc. 12: 37, 323].

Типологически близка этому браслету и вторая находка, однако ее отличает меньшая ширина исходной бронзовой пластины и отсутствие на ней орнамента (табл. 38: 1). Подобные изделия имеют более широкие хронологические и территориальные рамки.

Они, в частности, известны не только в Центральной Европе, но и на Дону, Северном Кавказе и в других местах, где появляются уже во II периоде эпохи бронзы (Эпоха бронзы лесной полосы ..., 1987. Рис. 61: 4; Эпоха бронзы Кавказа ..., 1994. С. 352. Табл. 109: 12; Šturms, 1936. Taf. 5: a, b. Taf. 13: c, c1. Taf. 15: i; Kłosińska, 1997. Tabl. XXVII: 5 и др.).

Глина как сырье применялась не только для изготовления посуды, но и некоторых других изделий, связанных главным образом с бронзолитейным производством. Наиболее часто встречаемыми находками на поселениях являются тигли. Целые экземпляры или чаще их фрагменты обнаружены на большинстве исследованных городищ: Горани, Городище, Зазоны, Ратюнки (Беларусь); Вяликушкес, Возгеляй, Дукштас, Кяряляй, Мошкенай, Наркунай, Пятрашюнай (Литва). По форме эти изделия можно разделить на три типа.

Тип 1. Тигли с плоским или слегка округленным дном и зауженной горловиной (Зверуго, 1992. Рис. 8: 8). Целиком сохранившийся экземпляр из Гораней имел небольшие размеры: высота — 5,3 см, диаметр устья — 2 см.

Тип 2. Тюльпановидной формы с круглым либо коническим дном (Volkaitė-Kulikauskienė, 1986. 51 pav.). Известны три целых тигля: Наркунай (1), Кяряляй (2). Их высота колеблется от 6 до 8,5 см, диаметр устья — от 3,7 до 4,5 см.

Тип 3. Ложковидные (Volkaitė-Kulikauskienė, 1986. 52 pav.). По одному целому экземпляру найдено на городищах Горани и Наркунай. Их длина соответственно составляет 6,3 и 7,4 см, глубина выемки для металла — 0,6 и 1,5 см.

Глиняные льячки, как и тигли, имели традиционную для многих культур форму в виде ложечки с черенком, в котором проделано отверстие для деревянной рукояти (Grigalavičienė, 1995. 55: 4, 8 pav.). Находки их не столь часты: Вяликушкес, Возгяляй, Сокишкяй, Ратюнки и др. Размеры углублений для металла следующие: диаметр 2—3 см, глубина — 0,7—0,9 см.

Бронзу применяли прежде всего для изготовления украшений. На многих городищах (Возгеляй, Вяликушкес, Наркунай, Кяряляй, Ратюнки, Сокишкяй) встречены обломки литейных форм для производства круглых в сечении браслетов и шейных гривен (табл. 39). Аналогичные изделия имели широкое распространение во многих регионах Центральной и Восточной Европы: в Польше, Восточной Прибалтике, Верхнем Поволжье (Kostrzewski, 1955. Ryc. 431; Graudonis, 1989. XXXV tab.; Vasks, 1994. XV: 6—33 tab.; Смирнов, 1974. Табл. IX: 2; Дубынин, 1974. Табл. XVII: 5).

На городище Наркунай, помимо литейных форм для браслетов, обнаружены формы для отливки кельтов меларско-акозинского типа (табл. 40). На других городищах культуры подобные находки единичны: Возгеляй (1), Сокишкяй (1).

В отличие от подавляющего большинства других культур на поселениях КРШК глиняные пряслица единичны и обнаружены только в Северо-Восточной Литве: Наркунай (3), Няверишке (1). По этому показателю выделяется городище Сокишкяй, на котором зафиксирована серия биконических и сложнофигурных в сечении пряслиц (Grigalavičienė, 1986b. 25: 5—13, 15, 16 pav.). Однако эти находки нужно связывать не с КРШК, а с самым поздним слоем, содержащим облитую и шероховатую керамику, которая сменяет штрихованную посуду. Не исключено, что в КРШК пряслица изготавливали из дерева. Один обугленный экземпляр подобного изделия найден на городище Тарилово.

Помимо глиняных пряслиц на поселениях выявлена серия грузиков различных форм. По способу крепления среди них выделены два отдела: с отверстием и без него. Для монолитных грузиков характерны три типа.

Тип 1. Миндалевидные (табл. 41: 2). Обнаружены на городищах Няверишке и Сокишкяй. Их длина составляет от 5 до 8 см.

Тип 2. Шаровидные (табл. 41: 1). Известна одна находка, происходящая из городища Няверишке. Ее диаметр — 3,4 см.

Тип 3. Катушкообразные (табл. 41: 3, 5, 6). Серия подобных грузиков (4 экз.) найдена на городище Сокишкяй. Их длина составляет 4,3—7 см.

Грузики с отверстием по своей форме напоминают дьяковские, хотя полной идентичности между ними нет. Два из них, найденные на городище Няверишке, имели сильно уплощенную поверхность и вогнутое дно (Grigalavičienė, 1986a. 21: 2, 3 pav.). Они со-

поставимы с типом 14 по классификации К. А. Смирнова, однако не имеют нарезок по краям. В дьяковской культуре такие изделия датированы VII-VI—IV-III вв. до н. э. (Смирнов, 1974. С. 65). Ряд грузиков с расширенной верхней плоскостью, сравнительно четко выделенным перехватом сопоставим с типом 8а по К. А. Смирнову (табл. 41: 4, 7—9). Наиболее представительная серия подобных изделий происходит из городища Горани. В дьяковской культуре они бытуют на протяжении IV—III вв. до н. э. — I в. н. э. (Смирнов, 1971. С. 96).

Глина служила материалом и для изготовления некоторых украшений. Так, в частности, на некоторых городищах известны бусины. Подобные находки из-за непрочности материала крайне редки. По форме сечения среди них можно выделить два типа.

Тип 1. Цилиндрические (Grigalavičienė, 1995. 66: 23, 24 pav.). Их размеры: диаметр — 0,7—1,5 см, ширина — 0,7—1,1 см. По одному экземпляру таких бусин обнаружено на городищах Возгеляй, Мошкенай. Подобный тип украшений широко представлен на памятниках дьяковской культуры (Смирнов, 1974. С. 58. Табл. VII: 12; Дубынин, 1974. Табл. XXI: 10).

Тип 2. Округлые продольно вытянутые (Grigalavičienė, 1995. 66: 25 pav.) Их диаметр — 1,4—1,7 см, ширина — 1,4—2,6 см. Найдены в Зазонах (1) и Няверишке (1).

Таким образом, на памятниках КРШК представлен широкий спектр находок, позволяющий охарактеризовать хозяйство и быт ее носителей. При изготовлении подавляющей части этих изделий использовались собственные сырьевые ресурсы.

2.7. ОСНОВНЫЕ ВИДЫ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

2.7.1. Земледелие

В отличие от более южных культур (милоградской, юхновской и др.), у которых зримо фиксируется доминирование земледелия в той или иной форме, у носителей КРШК оно в силу ряда факторов, прежде всего природно-климатических, широкого развития, по-видимому, не получило. Учитывая преобладание лесного ландшафта в ареале культуры, отсутствие плодородных земель, уровень социального развития общества, можно предполагать, что земледелие имело подсечно-огневой характер. Археологически это подкрепляется значительным количеством каменных топоров, в том числе и сверленых, которые могли применять при вырубке лесов. К земледельческим орудиям труда относятся находки каменных зернотерок и округлых пестов, использовавшихся при помоле зерна. Об ограниченном характере земледелия свидетельствует полное отсутствие орудий уборки урожая (серпы и жатвенные ножи) и ям-хранилищ, которые в более южных культурах в большом количестве присутствуют на каждом поселении.

Сведения о видовом составе выращиваемых культур у племен КРШК крайне ограничены. По данным А. Б. Лухтана, на городище Вяликушкес были обнаружены обугленные зерна пшеницы и ячменя. Палинологическими исследованиями выявлена пыльца пшеницы и в пойме р. Нярис близ Кярнаве (Лухтан, 1989. С. 138, 139). Однако есть все основания предполагать, что перечень культивируемых культур только этими двумя видами не ограничивался. На поселениях близкородственной днепро-двинской культуры в Верхнем Поднепровье археологическими и споро-пыльцевыми наблюдениями зафиксированы помимо пшеницы просо и лен (Шмидт, 1992. С. 57, 60).

2.7.2. Животноводство

Основу хозяйства составляло животноводство, которое не только обеспечивало жителей мясной и молочной продукцией, но и самым разнообразным сырьем: шкурами, шерстью, а также костным материалом для производства орудий труда, оружия и бытовых поделок. Впервые обстоятельную характеристику скотоводства и охоты носителей КРШК дал

А. Лухтан на примере большого Наркунайского городища* (Лухтан, 1986. С. 3—18). Им не только детально проанализирован состав стада обитателей, но и показана его динамика на всем протяжении существования этого поселения. Публикация новых материалов по городищам (Няверишке, Сокишкяй) Северо-Восточной Литвы (Grigalavičienė, 1986a. P. 84; Grigalavičienė, 1986b. P. 127—131) и анализ остеологических коллекций с городищ Зазоны и Ратюнки в Северо-Западной Беларуси позволяют расширить и уточнить наблюдения А. Лухтана.

Статистические наблюдения за костным материалом показывают устойчивое преобладание костей домашних животных по сравнению с дикими (табл. I), хотя доля охоты в ряде мест, в первую очередь в белорусской части ареала культуры, продолжала оставаться существенной.

Особняком в этом списке стоит городище Няверишке, где по данным Е. Григалавичене кости домашних животных составляют 92,9 % (Grigalavičienė, 1986a. P. 88). Столь высокие показатели вызывают определенное сомнение, поскольку даже в городских напластованиях древнерусского времени соотношение домашних и диких животных на порядок ниже (Археалогія, 2000. С. 158).

Сравнительный анализ конкретных видов домашней фауны на различных городищах КРШК затруднен вследствие ряда причин. Так, по двум памятникам территории Литвы, Няверишке и Сокишкяй, имеется только процентное соотношение костей животных. На всех без исключения городищах Литвы кости мелкого рогатого скота даны суммарно, в то время как по укрепленным поселениям северо-запада Беларуси имеются раздельные определения костей козы и овцы. Тем не менее, несмотря на имеющиеся затруднения, анализ остеологических данных позволяет сделать ряд принципиальных выводов.

Доминирующее положение в стаде племен КРШК занимала свинья. Кости этого животного с большим отрывом (от 43 до 50,5 %) преобладают на городищах Литвы (табл. II). На территории Беларуси близкий показатель отмечен на городище Ратюнки (38,2 % костей или 41,5 % особей). Что касается городища Зазоны, то на нем процент костей свиньи значительно ниже (27,4 %), незначительно уступая костям крупного рогатого скота, но по процентному соотношению особей превалирование свиньи в стаде фиксируется и здесь (табл. II). Как показывают материалы городища Ратюнки, забой свиньи, в основном, производился в возрасте от 3 до 24 месяцев*. Вместе с тем встречались кости животных, чей возраст колебался от 2 до 5 лет.

Таблица I

Процентное соотношение костей домашних и диких животных на городищах КРШК

Городище	Домашние	Дикие
Наркунай	73,0	27,0
Няверишке	92,9	7,1
Сокишкяй	87,0	13,0
Зазоны	65,1	34,9
Ратюнки	66,4	33,6

Особый интерес представляют наблюдения А. Лухтана в отношении остеологического материала из городища Наркунай. Им отмечено заметное сокращение поголовья свиней в слоях VIII—VII вв. до н. э., которое он связывает с ухудшением климата в Европе в это время и, соответственно, недостатком естественной кормовой базы. Аналогичная ситуация, как отмечает этот исследователь, была характерна и для польского Поморья (Лухтан, 1986. С. 10). Данные остеологических наблюдений с памятников территории Беларуси пока не могут ни подтвердить, ни опровергнуть это положение.

Вторую по численности группу домашних животных на поселениях Северо-Восточной Литвы составлял крупный рогатый скот. Его удельный вес в составе стада (по процентному соотношению костей) колебался от 21,5 до 29,3 %. На городищах Северо-Западной Беларуси поголовье крупного рогатого скота было большим: от 30,9 % в Ратюнках до 32,1 % в Зазонах (табл. II). По количеству особей коровы составляли 1/4—1/5 часть стада, за исключением городища Ратюнки,

* История животноводства в работах других исследователей (А. Г. Митрофанова, А. М. Медведева, А. А. Егорейченко) базируется в основном на материалах городищ КПШК.

* Определения остеологических коллекций городищ Зазоны и Ратюнки сделаны научным сотрудником отдела археологии каменного и бронзового веков Института истории НАН Беларуси А. А. Разлуцкой.

Таблица II

Соотношение видов домашних животных на городищах КРШК по количеству костей и особей

Наименование видов	Наркунай				Няверишке				Сокишкяй				Зазоны				Ратюнки			
	кости		особи		кости		особи		кости		особи		кости		особи		кости		особи	
	количество	% к числу домашних животных	количество	% к числу домашних животных	количество	% к числу домашних животных	количество	% к числу домашних животных	количество	% к числу домашних животных	количество	% к числу домашних животных	количество	% к числу домашних животных	количество	% к числу домашних животных	количество	% к числу домашних животных	количество	% к числу домашних животных
КРС	1083	25,9	36	25,0	—	29,3	—	—	—	21,5	—	—	170	32,1	8	20,0	782	30,9	43	16,5
Свинья	2296	55,0	71	49,3	—	50,5	—	—	—	43,0	—	—	145	27,4	13	32,5	968	38,2	108	41,5
МРС	614	14,7	27	18,8	—	10,1	—	—	—	16,2	—	—	73	13,8	7	17,5	657	25,9	81	31,2
Лошадь	181	4,3	8	5,6	—	—	—	—	—	5,2	—	—	114	21,5	10	25,0	64	2,5	17	6,5
Собака	3	0,1	2	1,4	—	—	—	—	—	—	—	—	28	5,3	2	5,0	63	2,5	11	4,2

Таблица III

Соотношение мелкого рогатого скота на городище Ратюнки по количеству костей и особей

Наименование видов	Зазоны				Ратюнки			
	кости		особи		кости		особи	
	количество	% к числу домашних животных	количество	% к числу домашних животных	количество	% к числу домашних животных	количество	% к числу домашних животных
Овца	49	9,2	4	9,7	547	21,6	57	21,9
Коза	7	1,3	1	2,4	110	4,3	24	9,2

где, несмотря на сравнительно высокий удельный вес костей, количество определимых особей не превышает 16,5 % (табл. II). Их возрастной состав на этом поселении варьирует в значительных пределах: от молочных особей до 5 лет и старше.

Численность мелкого рогатого скота значительно меньше, чем у двух предыдущих групп. Его доля (по количеству костей) составляла от 10,1 до 17,5 %, за исключением городища Ратюнки, на котором процент костей этих животных (26,1) лишь ненамного уступал костям крупного рогатого скота (табл. II). По количеству костей мелкий рогатый скот в Ратюнках занимал второе место, пропустив вперед свиноводство. По результатам остеологического анализа городищ Зазоны и Ратюнки, А. А. Разлуцкой удалось разделить кости овцы и козы, что дает возможность более конкретно рассматривать роль этих животных в стаде. В основном, обитатели этих поселений разводили овцу. Ее доля по количеству костей колеблется от 9,2 % (Зазоны) до 21,6 % (Ратюнки). Близкие показатели и по числу особей (табл. III). Не трудно заметить, что овцеводство у обитателей городища Ратюнки играло заметную роль, превышая по числу особей крупный рогатый скот. Роль козы в животноводстве была значительно скромнее (табл. III). Судя по превалированию костей зрелых особей (овца — 13 животных до 2 лет, 44 — от 2 до 4 лет и старше; коза — 2 особи молочного возраста, 10 — старше 1,4 лет), их выращивали прежде всего с целью получения шерсти.

Коневодство на поселениях КРШК, по-видимому, не получило широкого распространения. Кости лошадей на большинстве городищ не превышают 5,6 % (табл. II). Исключение составляют только Зазоны, на котором зафиксирована необычно высокая доля этого животного в стаде. Кости лошади здесь составляли 21,5 %, еще выше был процент особей — 25 %. Возможно, это связано с тем, что на этом городище присутствуют материалы второй половины I тыс. н. э., времени, когда роль коня увеличивается. Что касается рассматриваемого периода, то, по предположению А. Лухтана, лошадей выращивали прежде всего на мясо (Лухтан, 1986. С. 11), однако, судя по возрастной характеристике особей из городища Ратюнки (9 животных старше 5 лет против 5 до 4,5 лет), мясная составляющая в коневодстве, по-видимому, не была определяющей. Конь прежде всего использовался для верховой езды и в качестве тяглового животного. Такое предположение вполне закономерно, учитывая ряд находок костяных псалиев с сопредельных территорий (Лухтан, 1986. С. 11, 12; Смирнов, 1974. С. 61, 62. Табл. VIII: 9; Шмидт. 1992. Табл. 7: 11).

На некоторых городищах культуры выявлены кости собаки, которые составляют незначительный процент от общего числа костей домашних животных (Наркунай — 0,1 %, Зазоны — 5,3 %, Ратюнки — 2,5 %) [табл. II]. Любопытно отметить, что, по наблюдениям А. А. Разлуцкой, кости щенков и взрослых особей распределяются поровну (6 костей собак в возрасте до 15 месяцев; 5 — взрослых особей).

Сравнительный анализ остеологического материала показывает, что животноводство носителей КРШК имело прежде всего мясную направленность с преобладанием в стаде свиньи. Примерно такой же характер животноводства наблюдается и в некоторых других частях лесной полосы Восточной Европы, в частности, у племен дьяковской культуры и днепро-двинской в Верхнем Поднеп-

ровье. На городищах Латвии, Эстонии, днепро-двинских в бассейне Западной Двины, верхнеокских, юхновских и милоградских животноводство имело мясо-молочную направленность с преобладанием в стаде крупного рогатого скота (Граудонис, 1967. Табл. 5; Шадыро, 1985. Табл. 7).

2.7.3. Охота

Несмотря на доминирующее положение животноводства в хозяйственной деятельности, позиции охоты, судя по процентному соотношению определимых костей, все еще были сильны. Это в первую очередь касается белорусской части ареала, где кости диких животных превышают 30 % (табл. I). Добычу дикого зверя вели прежде всего с целью пополнения мясной пищи. Однако только этим ее роль не ограничивалась. Важное значение имел промысел пушного зверя. Наконец, кости диких животных наряду с рогами служили сырьем для изготовления различных изделий.

Видовой состав добываемых животных на городищах КРШК разнообразен. В Няверишке и Сокишкяе обнаружены кости 9 видов зверей, в Наркунае и Зазонах — 13. Наибольшее разнообразие отмечено в Ратюнках, где зафиксированы кости 17 представителей дикой фауны. Объектом охоты служили следующие животные: зубр, тур, лось, кабан, медведь, благородный и пятнистый олень, косуля, тарпан, волк, бобр, куница, заяц, лиса, выдра, барсук, кот лесной. Однако не все из перечисленных видов имели равное промысловое значение. Часть животных представлена единичными особями (выдра, барсук, кот лесной, тарпан), что может свидетельствовать о случайном характере их добычи (табл. IV).

Наиболее весомой была охота на крупных копытных животных, которая существенно дополняла мясной рацион. Судя по остеологическим данным, обитатели городищ отдавали предпочтение охоте на лося и кабана. Кости лося доминируют на таких поселениях, как Зазоны (25,3 %), Няверишке (35,4 %), Сокишкяй (35,9 %), Ратюнки (34,4 %) [табл. IV]. На порядок ниже этот показатель в Наркунае (11,9 %). На этом поселении превалируют кости кабана (34,7 %). Впрочем, охота на этого животного лишь немногим уступала добыче лося и на других памятниках: Няверишке — 22,3 %, Сокишкяй — 22,7 %, Зазоны — 19, 2 %, Ратюнки — 21,3 % (табл. IV). Существенную долю на белорусских городищах составляют кости благородного оленя (Зазоны — 15,9 %, Ратюнки — 10,6 %).

Весьма значимой была доля охоты на пушных зверей, кости которых колеблются в пределах 35—38 %. В реальности этот показатель, несомненно, был еще выше, учитывая то, что тушки несъедобных животных чаще всего выкидывались в местах добычи. Среди пушных зверей, по-видимому, наибольший интерес представлял бобр, обладавший рядом достоинств: его мясо наряду с другим шло в пищу; ценная шкурка могла использоваться не только для собственных нужд населения, но и служить объектом обмена; наконец, по предположению А. Лухтана, уже в глубокой древности люди применяли в качестве лечебного снадобья «бобровую струю» (Лухтан, 1986. С. 13). Кости бобра на городище Наркунай составляли 31,4 % либо 30,3 % от общего числа диких особей. Как предполагает этот исследователь, именно шкурки бобра служили средством обмена на цветные металлы, благодаря чему на этом поселении длительное время функционировал бронзолитейный центр (Лухтан, 1986. С. 13). На остальных городищах доля этого зверя ниже. Она колеблется от 15,6 до 16,4 % (табл. IV). По определению А. А. Разлуцкой, в Ратюнках добывали в основном зрелых особей старше 2 лет. Сравнительный анализ остеологического материала показывает, что приоритет в добыче бобра не являлся особенностью обитателей поселений КРШК. Близкая картина наблюдается практически во всей лесной полосе Восточной Европы рассматриваемого времени (Цалкин, 1962. Приложения 1, 3—5, 8, 9; Граудонис, 1967. С. 123; Шадыро, 1985. Табл. 9; Лухтан, 1986. С. 13; Шмидт, 1992. Табл. 7). Среди других пушных животных заметен заяц, кости которого составляют 16,1—16,4 % в Няверишке и Сокишкяе. На остальных поселениях удельный вес его скромнее (табл. IV). Несъедобные виды пушных животных (барсук, белка, лиса, кот лесной, куница) представлены незначительным количеством костей, что подтверждает их свежевание на месте.

Таблица IV

Соотношение видов диких животных на поселениях КРШК

Наименование видов	Наркунай				Няверишке				Сокишкяй				Зазоны				Ратюнки			
	кости		особи		кости		особи		кости		особи		кости		особи		кости		особи	
	количество	% к числу диких животных	количество	% к числу диких животных	количество	% к числу диких животных	количество	% к числу диких животных	количество	% к числу диких животных	количество	% к числу диких животных	количество	% к числу диких животных	количество	% к числу диких животных	количество	% к числу диких животных	количество	% к числу диких животных
Зубр	72	5,0	9	7,0	—	—	—	—	—	—	—	—	29	11,8	2	7,4	28	2,2	4	2,5
Тур	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	1,2	1	3,7	6	0,5	3	1,8
Кабан	503	34,7	34	26,4	—	22,3	—	—	—	22,7	—	—	47	19,2	3	11,1	265	21,3	29	17,8
Медведь	48	3,3	8	6,2	—	1,5	—	—	—	1,7	—	—	10	4,1	1	3,7	16	1,3	5	3,1
Олень благородный	74	5,1	7	5,4	—	—	—	—	—	—	—	—	39	15,9	5	18,5	132	10,6	18	11,0
Олень пятнистый	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,4	1	3,7	—	—	—	—
Лось	173	11,9	11	8,5	—	35,4	—	—	—	35,9	—	—	62	25,3	3	11,1	429	34,4	27	16,6
Косуля	38	2,6	8	6,2	—	3,9	—	—	—	3,9	—	—	18	7,3	3	11,1	33	2,6	7	4,3
Волк	22	0,1	1	0,8	—	—	—	—	—	—	—	—	19	7,8	2	7,4	53	4,3	7	4,3
Бобр	455	31,4	40	31,0	—	16,2	—	—	—	16,4	—	—	13	5,3	3	11,1	194	15,6	33	20,2
Куница	—	—	—	—	—	2,3	—	—	—	2,3	—	—	—	—	—	—	18	1,4	8	4,9
Заяц	12	0,8	3	2,3	—	12,3	—	—	—	12,5	—	—	1	0,4	1	3,7	23	1,8	9	5,5
Лиса	54	3,7	7	5,4	—	3,9	—	—	—	3,9	—	—	2	0,8	1	3,7	23	1,8	6	3,7
Выдра	—	—	—	—	—	0,8	—	—	—	0,8	—	—	—	—	—	—	3	0,2	1	0,6
Барсук	4	0,3	1	0,8	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,4	1	3,7	1	0,1	1	0,6
Кот лесной	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	0,5	1	0,6
Тарпан	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	0,2	2	1,2
Белка	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	0,3	2	1,2
Всего	1435	98,9	129	100,0	—	98,6	—	—	—	100,0	—	—	245	99,9	27	99,9	1237	99,1	163	99,9

Исходя из видового разнообразия диких животных и анализа костяного оружия, можно предполагать, что на охоте применялись различные способы и приемы. Так, при добыче крупного зверя, вероятнее всего, использовались загоны и западни, требовавшие коллективных усилий и особой осторожности. Охота на мелких животных могла быть как индивидуальной, так и в составе небольшой группы с использованием копий, лука и других орудий. Особое место занимала охота на пушного зверя, где важно было не повредить ценную шкурку. С этой целью применялись стрелы с тупыми наконечниками, однако, судя по малочисленности находок такого вида, их использование было ограниченным и, вероятно, узкоспециализированным, в частности, при добыче мелких пушных хищников и белки. Более распространенными приемами ловли пушных животных были силки и петли. Е. А. Шмидт, основываясь на том, что черепа хорьков и куниц на днепро-двинских городищах имели разрушения в затылочной части, предполагает применение и самоловных орудий типа современных плашек и пастей (Шмидт, 1992. С. 75). Наблюдение интересное, хотя и спорное, поскольку подобные разрушения черепов могли возникнуть и при лучной охоте, и при ловле силками и петлями, когда нужно было добить оглушенного или пойманного зверька.

2.7.4. Рыболовство

Расположение городищ КРШК в зоне, имеющей насыщенную систему рек и озер, предполагает активное занятие их обитателей ловлей рыбы. До настоящего времени об этой отрасли хозяйства исследователи судили только по немногочисленным находкам, характеризующим орудия ловли и детали снастей (гарпуны, крючки, грузила) [Митрофанов, 1978. С. 47; Лухтан, 1986. С. 17], вследствие чего значение этого промысла, на мой взгляд, было заниженным. Естественно, рыболовство не могло конкурировать ни с животноводством, ни даже с охотой, и тем не менее оно давало дополнительный и постоянный ценный источник пищи.

Благодаря исследованиям на городищах Зазоны и Ратюнки, удалось собрать ихтиологическую коллекцию, состоящую из 2448 костей рыб и 175 чешуй, при этом подавляющая часть находок была сделана в Ратюнках. Определения проводили младший научный сотрудник отдела археологии каменного и бронзового веков Института истории НАН Беларуси Э. А. Ляшкевич (кости) и младший научный сотрудник отдела ихтиологии Института зоологии НАН Беларуси А. В. Зубей (чешуя). Это позволило установить видовой состав промысловых рыб и получить их характеристику.

Объектами рыбной ловли выступали практически все виды рыб, известные и в настоящее время. Наиболее представительной является коллекция костей и чешуи из городища Ратюнки, где определено 12 видов рыб. В Зазонах этот показатель значительно ниже (7 видов), что может быть связано с малопредставительной серией находок ихтиофауны (табл. V).

Анализ видового состава рыб этих двух памятников свидетельствует о промысле в первую очередь хищных пород рыб. Так, на городище Ратюнки доля костей щуки составляла 43,7 % от общего числа определимых костей, в Зазонах еще выше — 51,7 %. Судя по определению Э. А. Ляшкевич, ловили главным образом зрелых особей в возрасте от 2 до 11 лет. Длина выловленных щук колебалась от 20 до 110 см.

Вторым по значению объектом рыбной ловли был окунь, доля которого на городище Ратюнки составляла 31,5 %, в Зазонах — 17,2 %. Согласно экспертному заключению, длина пойманных экземпляров колебалась от 10 до 46 см, при этом надо учитывать, что небольшие по размерам особи единичны.

Среди хищных рыб лов судака занимал третье место, составляя 7,5 % на городище Ратюнки. В Зазонах зафиксирована лишь одна кость этой рыбы. Длина известных экземпляров составляла 30—65 см. Замыкает ряд хищных промысловых рыб угорь, кости которого выявлены только в Ратюнках (1,1 %). По имеющимся данным выловленные экземпляры были длиной 65—75 см. Столь же редким был и лов сома (1,2 %).

Представители семейства карповых значительно уступают по удельному весу хищным породам рыб. Среди них выделяется только лещ, кости которого составляют 9,8 % в Ратюнках и 10,3 % в Зазонах (табл. V). Все экземпляры — крупные, ми-

Таблица V

Видовой состав рыб из городищ КРШК

Наименование видов	Зазоны		Ратюнки	
	количество костей	то же в %	количество костей	то же в %
Щука	15	51,7	534	43,7
Лещ	3	10,3	120	9,8
Густера	1	3,4	1	0,1
Карась	—	—	9	0,7
Язь	—	—	21	1,7
Плотва	3	10,3	21	1,7
Красноперка	1	3,4	—	—
Линь	—	—	7	0,6
Сом	—	—	15	1,2
Окунь	5	17,2	385	31,5
Судак	1	3,4	92	7,5
Ерш	—	—	—	—
Угорь	—	—	14	1,1
Голавль	—	—	2	0,2
Семейство карповых	—	—	304	—
Семейство окуневых	—	—	101	—
Неопределимые	—	—	793	—
Всего	29		2419	

нимальная длина их — 30 см, максимальная — 49 см. Удельный вес остальных представителей этого семейства (густера, карась, плотва, красноперка, язь, линь) — невелик, от 0,1 до 1,7 % (табл. V). И эти виды рыб представлены сравнительно крупными экземплярами: карась — до 30 см, линь — 10—37 см, густера — 16 см, язь — 20 см. Исключение составляет лишь плотва, выловленные особи которой варьируют от 12 до 20 см.

Итак, определение костных остатков до вида указывает на преимущественный лов хищной рыбы (83,8 %). Однако, учитывая то, что кости многих рыб удалось определить только до семейства, соотношение между хищниками и прочими, особенно карповыми, будет несколько ниже: 69,2 % против 31,8 %. К сожалению, остеологические определения ихтиофауны в других регионах лесной полосы, за исключением двух городищ днепро-двинской культуры (Наквасино и Новые Батеки), отсутствуют, и это делает сравнительный анализ рыболовства практически невозможным. Можно лишь отметить, что на днепро-двинских поселениях также преобладал лов щуки, где кости этой рыбы составляют еще больший процент: 67,1 % (Новые Батеки) и 82,5 % (Наквасино) [Шмидт, 1992. Табл. Д]. Все остальные показатели значительно отличаются.

Учитывая столь ярко выраженную специализацию рыбного промысла, закономерен вопрос о способах добычи щуки, судака и окуня. Как отмечает Е. А. Шмидт, на основании строения костей щук, найденных на днепро-двинских городищах, их лов производился главным образом весной во время нереста и в конце лета. В этом случае наиболее эффективным орудием ловли могли служить костяные гарпуны, находки которых отмечены на многих городищах культуры. Другие способы добычи этих категорий рыб были малопродуктивными. Естественно, часть их попадала и в сети, однако они наряду с вершами и другими приспособлениями из сплетенных прутьев предназначались главным образом для ловли рыб из семейства карповых. Интересно отметить, что, в отличие от Верхнего Поднепровья, где выявлены кости пре-

имущественно небольших по размерам карповых рыб и, следовательно, для их ловли должны были применяться мелкоячеистые сети (Шмидт, 1992. С. 78), в Браславском Поозерье, опять-таки судя по костям, сети, скорее всего, были крупноячеистые. Рассмотренные способы рыбной ловли были наиболее распространенными. Наряду с ними, естественно, применялись и другие приемы, известные по этнографическим данным.

2.7.5. Обработка кости

Кость была основным материалом для изготовления подавляющего числа орудий труда, оружия, бытовых вещей и украшений, поэтому костерезное производство занимало приоритетные позиции среди домашних ремесел. О технике обработки кости написано немало, в том числе и у племен КРШК (Изюмова, 1949. С. 15; Graudonis, 1961. 175 lpp.; Шмидт, 1992. С. 99; и др.), однако, как показано С. А. Семеновым, основные технологические приемы обработки этого исходного материала были выработаны еще раньше, в каменном веке (Семенов, 1957. С. 175—200). Более того, по мнению Е. Григалавичене, в I тыс. до н. э. происходит процесс определенной деградации, связанный с упрощением форм и ухудшением качества изготовления изделий (Grigalavičienė, 1976. P. 55). Высказанное этой исследовательницей замечание верно лишь отчасти. Действительно, формы ряда изделий, в частности наконечников стрел, не столь разнообразны, как это было в неолите и в эпоху ранней бронзы, однако появляется ряд новых вещей (булавки с искусственной формой навершия, наконечники копий, подражающие бронзовым аналогам, рукояти с орнаментацией и т. п.), требовавший высокого уровня исполнительского мастерства.

В связи с вышесказанным полагаю, что нет смысла еще раз останавливаться собственно на технике обработки кости. В то же время существует необходимость проанализировать видовой состав животных и анатомический набор костных остатков, использовавшихся для изготовления тех или иных предметов.

Основанием для подобных наблюдений послужила коллекция из 152 костяных предметов, обнаруженных на городище Ратюнки в 2001 г., состоящая из подавляющего большинства распространенных в то время изделий. По данным А. А. Разлуцкой, на этом поселении преобладали находки, сделанные из костей диких животных (57 %), в то время как кость домашних животных использовалась в 36,4 %. Отдельные экземпляры были изготовлены из костей птиц.

Наиболее часто в костерезном производстве применялись остеологические остатки копытных животных примерно в равной пропорции (37,7 % — диких, 36,4 % — домашних). Среди них предпочтение отдавалось костям и рогам лося, изделия из которых составляли 17,8 %. Далее с небольшим разрывом следуют поделки, изготовленные из костей мелкого рогатого скота (14,8 %). Доля других копытных в сырьевом ресурсе значительно уступает первым двум видам: кабан — 9,2 %, олень и домашняя свинья — по 8,5 %, крупный рогатый скот и лошадь — по 7,8 %, косуля — 2,8 %, зубр — 2,1 %. Замыкают этот ряд хищники (медведь — 5 %, лисица — 2,8 %, собака — 1,4 %, волк — 0,7 %) и грызуны (бобр — 5 %, заяц — 3,5 %, барсук — 1,4 %). Как видно из рассмотренного реестра, для изготовления изделий применялись в той или иной степени кости практически всех домашних и диких животных.

Не наблюдается никакой зависимости между конкретными категориями вещей и видами животных, чьи кости служили сырьем для последующего изготовления. Наиболее отчетливо это заметно на таких массовых орудиях труда, как долота и проколки. Первые изготовлены из костей кабана, лося, оленя, медведя, волка, свиньи, крупного рогатого скота и лошади. Исходным материалом для производства проколок служили различные кости зубра, кабана, оленя, лося, лисицы, барсука, крупного рогатого скота, свиньи, овцы, козы. Определенное исключение составляют лишь рукояти, которые чаще всего были изготовлены из рогов лося и благородного оленя.

Учитывая небольшие размеры большинства поделок, по-видимому, не имел большого значения выбор той или иной кости для их изготовления. Так, для производства долот применялись фрагменты бедренных, плечевых, трубчатых, лучевых, пястных костей, ребер и

даже нижних челюстей (кабан). Примерно такой же набор использовался при изготовлении проколок: лучевые, локтевые, малые и большие берцовые, плюсневые, пястные и прочие кости. Аналогичные наблюдения сделаны и при изучении костяного инструментария с городищ Северо-Восточной Литвы (Лухтан, 1989. С. 142). Материалом для производства наконечников стрел служили преимущественно ребра различных животных, однако наряду с ними использовались локтевые, плечевые и лучевые кости. Исключение составляют крупные орудия труда, как например тупики, для которых оптимальной исходной заготовкой была лопаточная кость.

2.7.6. Бронзолитейное производство

Находки изделий из цветных металлов на поселениях КРШК единичны. С полной достоверностью к ним можно отнести лишь булавку с грибовидным навершием и браслеты из большого Наркунайского городища. Связь остальных изделий из бронзы, обнаруженных на городищах Кяряляй, Няверишке, Павяндяне (очковидные подвески, браслеты), с КРШК проблематична. И тем не менее есть все основания утверждать о развитом характере бронзолитейного производства. Свидетельством тому являются находки, в первую очередь фрагментов тиглей и льячек, обнаруженных на большинстве исследованных городищ: Горани, Городище, Зазоны, Ратюнки, Вялекушкес, Возгеляй, Дукштас, Манюлишкес, Мошкенай, Наркунай, Пятрашюнай, Сокишкяй. Не менее значимым показателем местного бронзолитейного дела являются и обломки литейных форм, которые известны по раскопкам следующих поселений: Ратюнки, Возгеляй, Вялекушкес, Кяряляй, Наркунай, Сокишкяй. Таким образом, не будет преувеличением сказать, что цветной металлургией и обработкой занимались на подавляющем большинстве поселений. Отсутствие же собственно изделий можно объяснить высокой стоимостью привозного металла и переплавкой сломанных изделий.

Анализ общего уровня развития бронзолитейного дела и чисто археологические наблюдения, прежде всего на большом Наркунайском городище, свидетельствует не только о выделении в самостоятельную группу мастеров-бронзолитейщиков, но и о существовании специализированных центров, в которых производились наиболее сложные в техническом отношении изделия, как например топоры-кельты (Luchtanas, 1981. P. 17; Volkaitė-Kulikauskienė, 1986. P. 47). Аналогичные мастерские известны и в соседней днепро-двинской культуре (Шмидт, 1992. С. 87).

На городище Наркунай бронзолитейное производство было сосредоточено в юго-западной части площадки поселения, где на протяжении длительного времени функционировала специальная мастерская. По предположению А. Лухтана, начало ее деятельности относится к IX—VIII вв. до н. э., а закат к III—IV вв. н. э. (Luchtanas, 1981. P. 17). На других городищах культуры предметы бронзолитейного производства обнаружены на большой площади, что не дает возможности выделения помещений для занятий этим ремеслом.

Специализированных печей для плавки бронзы носители КРШК не знали. Этот процесс осуществлялся в тиглях, которые помещались в открытые очаги. Об уровне развития бронзолитейного дела свидетельствуют прежде всего литейные формы, которые характеризуют два принципиально отличных вида отливки. 1. Двусторонние формы, применявшиеся для литья кельтов меларско-акозинского типа (табл. 39). Они открыты на городищах Наркунай (25 фрагментов) и Возгеляй (1). Датируются VIII—VII вв. до н. э. (Luchtanas, 1981. P. 17). К этой серии примыкает литейная форма для отливки небольшого кельта без рельефных валиков на тулове из городища Сокишкяй. 2. Одноразовые формы, изготовленные по восковой модели для отливки круглых браслетов и гривен (табл. 38). Среди бронзолитейного инструментария они наиболее многочисленны. На пяти городищах Литвы (Возгеляй, Вяликушкес, Кяряляй, Наркунай, Сокишкяй) открыто около 70 фрагментов этого типа. В белорусской части ареала культуры найдено 17 обломков на городище Ратюнки и один в Зазонах. Для изготовления простейших изделий применялась главным образом ковка.

Вопрос о пути поступления цветного металла в ареал КРШК остается открытым. На основании спектральных анализов изделий

эпохи поздней бронзы и железного века Литвы А. Мяркявичюс установил, что подавляющая их часть изготовлена из оловянистой бронзы. Наиболее вероятной сырьевой базой, откуда поступал в Литву цветной металл, были месторождения меди в Центральной Европе (Григалавичене, Мяркявичюс, 1980. С. 110, 111).

2.8. ОБМЕН И КОНТАКТЫ С ДРУГИМИ ПЛЕМЕНАМИ

Географическое расположение поселений КРШК в бассейне Западной Двины и на правобережных притоках верхнего Немана свидетельствует о приоритетном характере связей с племенами балтийского региона. Именно такая первоочередная направленность контактов находит подтверждение в археологическом материале. Возникшая в IX—VIII вв. до н. э. собственная цветная металлургия нуждалась в исходном сырье, которое, как отмечалось выше, поступало из Центральной Европы при непосредственном участии соседних племен. Основными посредниками в этом обмене, по-видимому, были носители лужицкой культуры и культуры западнобалтийских курганов. С ареалом этих общностей связано происхождение подавляющей массы бронзовых изделий. Большинство из них не сохранилось, однако нашло отражение в подражаниях из костяного сырья. Собственно бронзовые изделия на поселениях единичны (булавка с грибовидным навершием, пластинчатые браслеты из Наркуная) и являются свидетельством прямых контактов с племенами южнобалтийского региона, в первую очередь с носителями предлужицкой, лужицкой культур и культуры западнобалтийских курганов, однако только этими изделиями ассортимент импортных изделий не ограничивался. В обмен главным образом на меха носители КРШК, вероятно, приобретали наконечники копий, находки которых известны на территории Литвы и Латвии. Однако дороговизна бронзы и готовых изделий не могла удовлетворить потребности местного населения, и по этой причине мы чаще сталкиваемся с подражаниями из кости, по которым можно определить недошедшие до нас оригиналы. К их числу относятся определенные типы булавок, сложнофигурные пуговицы и т. п. На западные контакты указывает и обломок костяного псалия из городища Пятрашюнай.

Наиболее тесные связи у носителей КРШК существовали с днепро-двинскими племенами. Эти две культуры имели общую границу, а в ряде мест, как например в Браславском Поозерье, прослеживается чересполосное проживание. Обе они принадлежат единому этносу, а их материальная культура и структура хозяйственной деятельности очень близки. Сходство отдельных типов орудий труда, оружия, других изделий (долота, проколки, кочедыки, тупики, наконечники стрел и копий, булавки и др.) настолько поразительно, что различить их культурную принадлежность без привлечения других признаков практически невозможно. И тем не менее в отдельных случаях следы влияния одной культуры на другую не вызывают сомнений. Так, в обеих общностях получили распространение костяные булавки с грибовидным навершием и ушком на игле. В днепро-двинской культуре они известны исключительно в бассейне Западной Двины (Замошье, Осыно). Их заимствование у носителей КРШК представляется бесспорным. С другой стороны, можно предполагать, что через ареал ДДК в ареал ранних «штриховиков» проникли первые бронзовые кельты акозинско-меларского типа, послужившие прототипами для последующего собственного производства этого оружия. По мнению В. С. Патрушева, такие кельты сформировались не в Швеции, а в западной области ананьинской культуры, в частности в Марийском Поволжье, откуда они распространились далеко на запад вплоть до Прибалтики и Скандинавии (Патрушев, 1975. С. 36, 37). С этой точкой зрения согласен и А. Лухтан, проанализировавший литейные формы с территории Литвы (Лухтан, 1982. С. 50).

Восточные традиции в ареале КРШК улавливаются так же и по такой категории находок, как глиняные грузики, большая часть которых обнаружена на городище Горани. Как уже отмечалось, эти изделия сопоставимы с дьяковскими грузиками типов 1, 6, 8а, 14, характерными почти для всего I тыс. до н. э. Представляется несомненным их заимствование у восточных соседей, носителей ДДК, на поселениях которой эти находки составляют большие серии (Шмидт, 1992. Табл. 33—38). Обращает на себя внимание и факт поразительного сходства ряда костяных наконечников стрел, прежде всего втульчатых пулевидных и наперстковидных, а также отделяющихся костяных гарпунов на всей территории лесной полосы Восточной Европы. Особенно многочисленны серии этих изделий в дьяковской культуре. Не исключено, что прототипы их следует искать на востоке и северо-востоке, поскольку местных корней они, кажется, не имеют (Археалогія Беларусі, 1997. Мал. 119, 122).

Исходя из предметов импорта и их подражаний, наиболее интенсивные контакты между КРШК и западными регионами наблюдаются в последней четверти II — первой четверти I тыс. до н. э. Что же касается восточных связей, то они становятся наиболее устойчивыми не ранее VIII в. до н. э.

В отличие от восточных культур, ДДК и дьяковской, где отчетливо заметны связи со скифами, очевидно, при посредничестве носителей милоградской и юхновской культур, в КРШК такие контакты не заметны. В Понеманье обнаружены единичные находки скифских втульчатых трехгранных наконечников стрел (Медведев, 1996. С. 53. Рис. 92: 1), однако они локализуются вне основного ареала и их связь с КРШК представляется проблематичной. По мнению А. М. Медведева, с которым можно согласиться, скифские наконечники попали в Понеманье через территорию Польши (Медведев, 1996. С. 53). Одной из самых северных находок скифских стрел является архаичный двухлопастный наконечник с шипом на втулке VII—VI вв. до н. э., найденный на территории Латвии (Граудонис, 1967. Табл. XX: 10). Наиболее вероятный путь проникновения этого экземпляра, по-видимому, был иным: по Западной Двине и Днепру через земли носителей ДДК и милоградской культуры.

Складывается впечатление, что вплоть до II в. до н. э. между племенами КРШК и милоградской культуры существовала полоса отчуждения, занимавшая южную часть Центральной Беларуси, в которой поселения обеих культур ранее этого времени не известны. Позднее в этой полосе появляется ряд городищ с керамикой гибридного типа в ранних отложениях. Наиболее выразительно она представлена на городище Лабенщина. Здесь присутствуют венчики классического милоградского облика от гладкостенных и штрихованных горшков (Ильютик, 1995. Рис. 1: 5, 6, 8, 9), баночная штрихованная посуда, не характерная для этой территории, наконец, и это наиболее важно, целый ряд обломков имеет венчик, близкий к милоградскому, но их тулово завершается плоским дном и покрыто беспорядочной штриховкой (Митрофанов, 1978. Рис. 12: 1—3, 11, 13). Такая же посуда присутствует и на других городищах, главным образом в бассейне Березины: Кимия, Лысуха, Новоселки, Оздятичи, Чижаха и др. На западе подобная керамика доходит до р. Лань, где она выявлена на разрушенном городище Заградье Слуцкого р-на. На всех этих городищах костяной инвентарь, столь характерный для классических памятников КРШК, за исключением редких булавок (Митрофанов, 1978. Рис. 19: 14—17, 31, 34. Рис. 21: 30—35), не обнаружен. С другой стороны, на городищах средней Березины помимо керамики фиксируется ряд других черт, присущих милоградским племенам (Егорейченко, 1996. С. 64, 65). К сожалению, находок, точно регистрирующих время взаимопроникновения носителей этих общностей в полосу «отчуждения», нет. Наиболее ранней находкой здесь является фрагмент наконечника копья, который А. Г. Митрофанов относил к среднему латену (Митрофанов, 1978. С. 37). Если это предположение верно, то формирование особой группы памятников в южной части Центральной Беларуси, вызванное взаимоассимиляционными процессами, нужно относить ко второй половине III—II вв. до н. э. Появление в этой зоне носителей милоградской культуры могло быть связано с выдавливанием какой-то части населения на север, в результате расселения в Полесье и Верхнем Поднепровье зарубинецких племен в конце III — начале II в. до н. э.

2.9. ХРОНОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ РАННЕЙ ШТРИХОВАННОЙ КЕРАМИКИ

Хронологические рамки КРШК не могут считаться достоверно установленными. Значительный временной разрыв оставался до недавнего времени при сравнении ранних памятников Северо-Восточной Литвы и Юго-Восточной Латвии с одной стороны и Северо-Западной Беларуси с другой. В Литве и Латвии время появления древнейших городищ исследователи относили к последней четверти I тыс. до н. э. (Grigalavičienė, 1986a. P. 87. Grigalavičienė, 1986b. P. 136, 137; Grigalavičienė, 1995. P. 237, 238; Volkaitė-Kulikauskienė, 1986. P. 47; Luchtanas, 1992. P. 59; Васкс, 1991. С. 91). Что касается территории Беларуси, то А. Г. Митрофанов датировал самые ранние памятники VI в. до н. э. (Митрофанов, 1978. С. 42). Однако эта датировка не имела под собой надежных хронологических индикаторов. А. Г. Митрофанов ссылался только на сходство слабопрофилированной штрихованной и милоградской посуды. Позднее исследователь определил начало культуры VII в. до н. э., однако дополнительных аргументов не привел, хотя и был знаком с материалами раскопок Л. В. Дучиц на городище Ратюнки (Митрофанов, 1980. С. 102, 104; Дучиц, Митрофанов, 1994. С. 180). Новейшие исследования в Браславском Поозерье позволили снять это противоречие и показать, что древнейшие городища этой зоны возникают примерно в то же время, т. е. в последней четверти II тыс. до н. э. (Егорейченко, 2001. С. 38, 39).

Начальную дату городищ КРШК определяет ряд бронзовых и костяных изделий. Одной из наиболее ранних находок является бронзовая булавка с гвоздевидным навершием из Большого Наркунайского городища (табл. 38: 2). Древнейшие заколки такого типа относятся ко II — началу III периода эпохи бронзы (1400—1200 гг. до н. э.) и характерны для предлужицкой культуры, однако более близкие параллели наблюдаются в Польше и Восточной Прибалтике, где их появление относят к фазам BC/BD периода средней бронзы. На ряде городищ (Зазоны, Мошкенай, Б. Наркунай, Няверишке, Ратюнки) обнаружены костяные гвоздевидные булавки с ушком, которые, бесспорно, копируют форму бронзовых. К числу импортных изделий относятся два бронзовых браслета из Наркунайского городища, чья датировка допустима III периодом эпохи бронзы. Еще ряд костяных находок также является имитацией бронзовых вещей, известных в южноприбалтийском ареале. Среди них два втульчатых копья (Ратюнки, Сокишкяй). Наконечник из Ратюнок, имевший лучшую сохранность, А. Г. Митрофанов сравнивал с железными скифскими копьями ранней поры (VI—IV вв. до н. э.) [Дучиц, Митрофанов, 1994. С. 175], однако между носителями КРШК и скифами какие-либо контакты, судя по материалам, отсутствовали. Его прототипами, бесспорно, послужили бронзовые копья предлужицкой и лужицкой культур, имевшие хождение в 1450—800 гг. до н. э. Наконец, к III—IV периодам бронзы следует относить сложнофигурные пуговицы из городищ Керяляй, Мошкенай, Наркунай и Ратюнки, чьи параллели с восточнопрусскими бронзовыми аналогами не вызывают сомнений. Как видно, наиболее ранние находки из городищ Литвы и Беларуси диагностируют начало жизни на них последней четвертью II тыс. до н. э.

Правильность археологического датирования подтверждается данными радиокарбонного анализа образцов, отобранных с двух укрепленных поселений Браславского Поозерья: Зазоны и Ратюнки*. Материалом для исследования послужил уголь, образцы которого были отобраны из различных пластов культурного слоя, не затронутого распашкой. Уголь из Зазон происходил из 4, 5 пластов (глубина — 0,3—0,6 м) и материковой ямы (табл. 6). Для радиоуглеродного датирования в Ратюнках наряду с углем (пласты 3, 6, 8, 10, 13) были использованы и человеческие кости из двух погребений, обнаруженных в культурном слое на глубине 0,7—0,8 м (пласт 8). Полученные ре-

* Радиоуглеродное датирование проведено в лаборатории литогидрогеохимии (группа геохимии изотопов) Института геологических наук НАН Беларуси. Руководитель — кандидат геолого-минералогических наук Н. Д. Михайлов.

Таблица VI

Радиоуглеродные даты городищ КРШК

№ п/п	Памятник	Лабораторный номер	C^{14} BP	Калибровочный календарный возраст, лет до н. э. (BC) или н. э. (AD)		Материал
				1 (68,3 %)	2 (95,4 %)	
1	Зазоны	IGSB-645	2925 ± 60	1204—1180 CalBC 1168—1014 CalBC	1298—1290 CalBC 1266—928 CalBC	Уголь, пл. 4
2	Зазоны	IGSB-648	3170 ± 200	1680—1200 CalBC 1190—1160 CalBC 1140—1130 CalBC	1880—910 Cal B.C.	Уголь, пл. 5
3	Зазоны	IGSB-651	2140 ± 50	334—330 CalBC 200—60 CalBC	360—284 CalBC 256—38 CalBC	Уголь, пл. 5
4	Зазоны	IGSB-652	2600 ± 50	822—762 CalBC 628—598 CalBC 568—564 CalBC	842—754 CalBC 694—534 CalBC	Уголь, яма
5	Ратюнки	IGSB-697	2920 ± 35	1160—1147 CalBC 1128—1030 CalBC	1252—1244 CalBC 1208—1002 CalBC	Уголь, пл. 3
6	Ратюнки	IGSB-928	1830 ± 30	70—340 CalAD 340—370 CalAD	60 CalBC — 450 CalAD 480—530 CalAD	Уголь, пл. 6
7	Ратюнки	IGSB-930	2320 ± 120	750—730 CalBC 720—710 CalBC 530—190 CalBC	770—100 CalBC	Уголь, пл. 9
8	Ратюнки	IGSB-933	2840 ± 500	1430—760 CalBC 63—590 CalBC 570—560 CalBC	1740—360 CalBC 290—250 CalBC 230—210 CalBC	Уголь, пл. 13
9	Ратюнки	IGSB-1121	2820 ± 70	1046—894 CalBC 800—848 CalBC	1164—1144 CalBC 1130—816 CalBC	Уголь, пл. 9
10	Ратюнки	IGSB-1147	4020 ± 85	2056—2810 CalBC 2662—2638 CalBC 2624—2404 CalBC 2420—2404 CalBC	2870—2806 CalBC 2772—2710 CalBC 2704—2292 CalBC	Уголь, пл. 9
11	Ратюнки	IGSB-1148	2970 ± 190	1400—90 CalBC 960—940 CalBC	1620—791 CalBC	Уголь, пл. 9
12	Ратюнки	IGSB-1149	2460 ± 120	760—630 CalBC 600—570 CalBC 560—410 CalBC	820—350 CalBC 290—240 CalBC 230—210 CalBC	Уголь, пл. 10
13	Ратюнки	IGSB-1150	575 ± 65	1300—1356 CalBC 1384—1424 CalBC	1294—1440 CalBC	Обугленное дерево, пл. 6
14	Ратюнки	IGSB-1080	2550 ± 75	806—754 CalBC 692—534 CalBC	822—474 CalBC 458—412 CalBC	Кость челов., пл. 8
15	Ратюнки	IGSB-1079	2350 ± 80	754—698 CalBC 532—358 CalBC 286—252 CalBC 222—214 CalBC	762—626 CalBC 598—338 CalBC 320—200 CalBC	Кость челов., пл. 8

зультаты в целом подтверждают хронологию культуры, разработанную на основании сравнительно-типологического метода (табл. 6). Вместе с тем отдельные даты образцов (IGSB-645, IGSB-648, IGSB-933, IGSB-1147, IGSB-1148) позволяют поставить вопрос о смещении нижней хронологической границы КПШК по меньшей мере до середины II тыс. до н. э. (табл. VI).

Большинство исследователей полагает, что КРШК (ранний этап культуры штрихованной керамики по их терминологии. — *А. Е.*) прекращает свое существование к рубежу н. э. (Митрофанов, 1980. С. 102, 103; Васкс, 1991. С. 123, 128; Медведев, 1996. С. 45; Grigalavičienė, 1986a. P. 88; Grigalavičienė, 1986b. P. 137; Volkaitė-Kulikauskienė, 1986. P. 47; Luchtanas, 1992. P. 84). В принципе с подобной точкой зрения нельзя не согласиться, однако с определенными оговорками. Не исключено, что отдельные группы населения продолжали существовать и позднее, в первых веках н. э., в период доминирования КПШК. Так, в частности, Е. Григалавичене отмечала, что на городищах Няверишке и Сокишкяй слабопрофилированная и баночная посуда была представлена во всех горизонтах культурного слоя, включая верхние, где отмечены ребристые горшки. Там же одновременно сочетались костяные и железные изделия (Grigalavičienė, 1986a. P. 87; Grigalavičienė, 1986b. P. 137). Такая же ситуация наблюдалась и на городище Зазоны. Посуда КРШК здесь представлена во всех пластах. Ребристые горшки на этом поселении немногочисленны. Ребро у них — невыразительное, орнаментация отсутствует. Железных изделий, которые можно было бы увязать с КРШК, здесь нет. Конечную дату городища определяет бронзовый наконечник пояса, характерный для фазы B2/C1a. Именно этим временем (не позднее начала III в. н. э.) необходимо датировать не только прекращение функционирования самого поселения, но и время исчезновения остаточного населения КРШК.

Глава 3

КУЛЬТУРА ПОЗДНЕЙ ШТРИХОВАННОЙ КЕРАМИКИ

3.1. АРЕАЛ

Культура поздней штрихованной керамики, в отличие от культуры ранней штрихованной керамики, занимала более широкую территорию. Ребристая посуда, которая является для нее основной, встречается и в ареале предшественницы. Однако там она, во-первых, не вытесняет баночные и слабопрофилированные горшки, во-вторых, имеет нечетко выделенные ребристые абрисы и, в-третьих, в большинстве случаев лишена орнаментации. Основная концентрация классических памятников наблюдается южнее.

Обладая резко отличной от соседних культур посудой, КПШК имеет сравнительно четкие границы. На севере ее памятники локализуются в поречье Западной Двины и низовьях ее притоков (Юго-Восточная Латвия и Северо-Западная Беларусь). На территории Литвы ребристая штрихованная керамика присутствует на всех без исключения городищах КРШК, однако основной ареал новой культуры находится южнее, в области Няриса (Вилии) и среднего течения Немана.

Естественными западными рубежами культуры выступают реки Неман* и Швянтойя. На территории Беларуси западная граница не совсем ясна вследствие недостаточной изученности этой территории и отсутствия городищ. Вместе с тем отдельные находки из обследованных либо частично раскопанных открытых поселений показывают, что граница, как и в Литве, по-видимому, проходила по Неману и низовьям его левобережных притоков (Свислочь, Рось, Зельвянка).

Частично и довольно точно южные пределы КПШК определил еще А. Н. Лявданский. Опираясь на собственные обследования и раскопки городищ в Южной Беларуси, он провел разграничительную черту по линии от советско-польской границы (имеется в виду территория Западной Беларуси, которая до 1939 г. входила в состав Польши. — *А. Е.*) на восток приблизительно через города Слуцк — Рогачев (Ляўданскі, 1930. С. 336; Ляўданскі, 1932. С. 216). Послевоенные исследования позволили уточнить и детализировать позицию А. Н. Лявданского. А. Г. Митрофанов полагал, что южная граница памятников с штрихованной керамикой проходила по водоразделу Днепра и Немана, верховьям Лани,

---

* На правобережье среднего Немана городища с ребристой штрихованной посудой единичны.

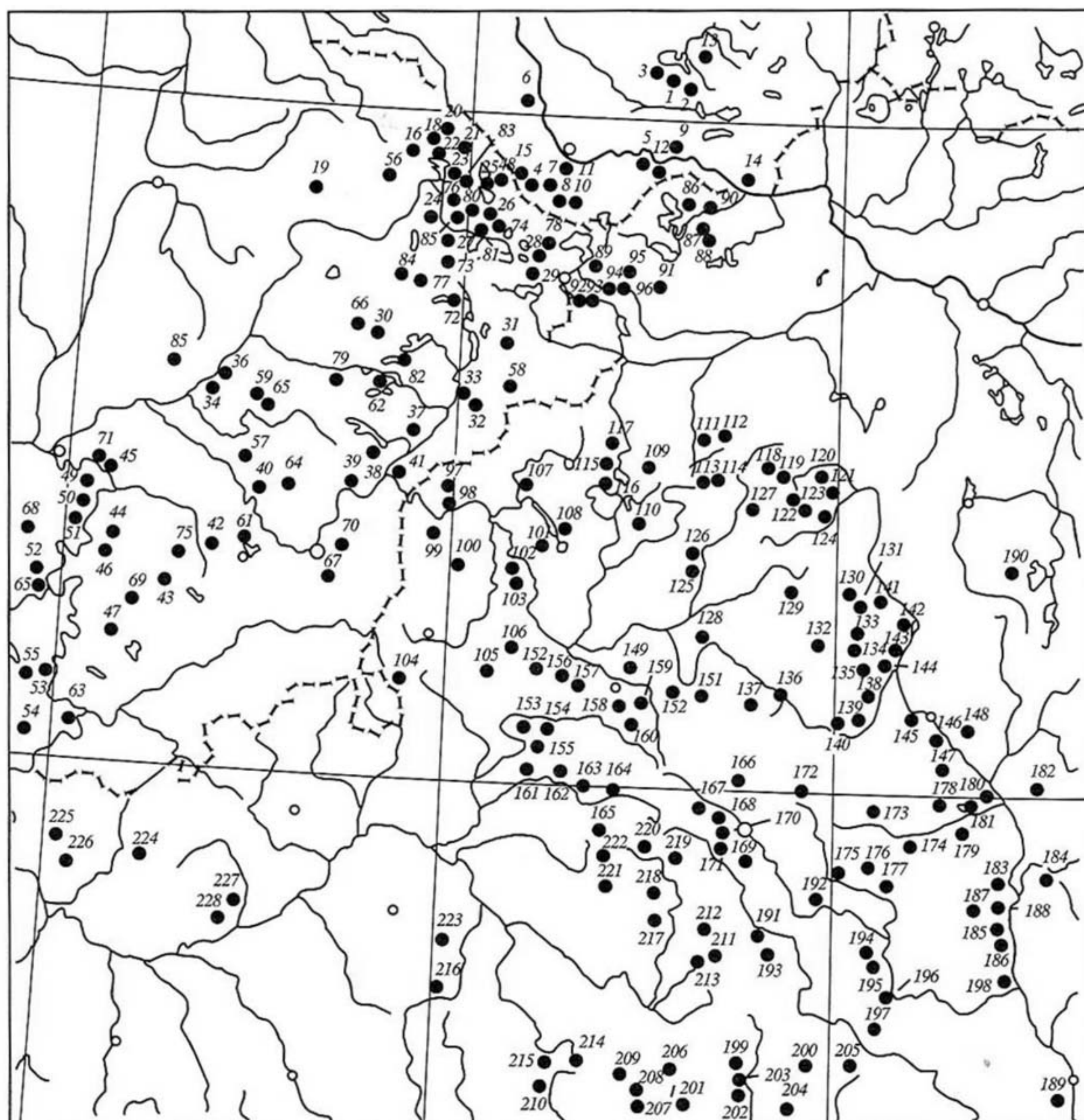


Рис. 14. Карта распространения поселений культуры поздней штрихованной керамики: *1* — Упурсала; *2* — Мадаланы; *3* — Кристапини; *4* — Криганы; *5* — Краслава; *6* — Керкузы; *7* — Вилмани; *8* — Маргаскалнс; *9* — Дигная; *10* — Меддеришки; *11* — Замок Даугавпилсский; *12* — Замок Каплавский; *13* — Брикули; *14* — Индрица; *15* — Кебены; *16* — Мошкенай; *17* — Меленай; *18* — Пятрашюнай; *19* — Кяряляй; *20* — Калначай; *21* — Манюлишкес; *22* — Вялекушкес; *23* — Пакачинес; *24* — Возгеляй; *25* — Голубишкес; *26* — Шишпонишкес; *27* — Гатаучяй; *28* — Сокишкяй; *29* — Дукштас; *30* — Воренай; *31* — Мажюленис; *32* — Акверишке; *33* — Богутишке; *34* — Антатилчяй; *35* — Пажилвяй; *36* — Берзгайняй; *37* — Павяндяне; *38* — Сюжонис; *39* — Няменчине; *40* — Брадялишкес; *41* — Лаворишкес; *42* — Пипиришкес; *43* — Аукштадварис; *44* — Майсеюнай; *45* — Довайнонис; *46* — Мигонис; *47* — Потяронис; *48* — Пилякалнис; *49* — Жегждряй; *50* — Гуочай; *51* — Бачкининкеляй; *52* — Норкунай; *53* — Румбонис; *54* — Павейсининкай; *55* — Обелите; *56* — Юодонис; *57* — Кярнаве; *58* — Няверишке; *59* — Барткунай; *60* — Бярзгойняй; *61* — Бражуоле; *62* — Куленис; *63* — Лишкява; *64* — Майшягала; *65* — Наркунай; *66* — Пакальняй; *67* — Папишкес; *68* — Пашлавантис; *69* — Паукшчяй; *70* — Пучкоряй; *71* — Румшишкес; *72* — Шейматис; *73* — Антильге; *74* — Асавитай; *75* — Баландишкес; *76* — Гугяй; *77* — Яурялес; *78* — Юркакальнис; *79* — Малкестас; *80* — Марцюнишкес; *81* — Минейкишкес; *82* — Паскубетишкес; *83* — Скинейкяй; *84* — Спитренай; *85* — Шинкунай; *86* — Ратюнки; *87* — Тарилово; *88* — Зазоны; *89* — Нурвяны; *90* — Слободка; *91* — Замошье; *92* — Дявгуны; *93* — Симаньки; *94* — Галбея; *95* — Осиногородок; *96* — Сороки; *97* — Кореняты; *98* — Якубишки; *99* — Игнацово; *100* — Гуры; *101* — Горани; *102* — Нефеды;

Случи и Птичи, выходя в дальнейшем на Друть (Митрофанов, 1969а. С. 71. Рис. 1). Подобное предположение в целом подкрепляется новейшими полевыми изысканиями. Действительно, концентрация городищ с ребристой штрихованной керамикой отмечена в верховьях левобережных притоков Припяти (Случь, Морочь, Лань), переходя западнее в бассейн Верхнего Немана, на р. Щару, где на некоторых открытых поселениях обнаружены обломки поздней штрихованной посуды (Подгородецкий, 1988. С. 375, 376).

Наибольшую сложность представляет выделение восточной границы. В свое время А. Н. Лявданский доводил ее до Днепра (Ляўдански, 1930. С. 336; Ляўдански, 1932. С. 216). А. Г. Митрофанов первоначально предполагал, что она могла проходить по рекам Усяж — Бук и верхнему течению Друти (Митрофанов, 1969а. С.71).

Однако в дальнейшем он изменил свою позицию и вслед за А. Н. Лявданским и В. В. Седовым довел локализацию памятников культуры штрихованной керамики до Днепра, не исключая вероятности их нахождения и в бассейне р. Сож (Митрофанов, 1978. С. 8). Подобная точка зрения, как уже отмечалось, ошибочна, поскольку штрихованная керамика части Поднепровья и Посожья связана с милоградской культурой и группой Чечерск — Кистени зарубинецкой культуры. Присутствие в последней значительного числа горшков, покрытых штрихами, А. М. Обломский связывает с сильным влиянием со стороны носителей культуры штрихованной керамики (Обломский, 1983. С. 16; Обломский, 1993. С. 53). Однако кроме штриховки, которая в этом районе имеет местные традиции, других признаков, указывающих на присутствие здесь племен этой общности, нет. В настоящее время не вызывает сомнений тот факт, что группа Чечерск — Кистени послужила основным компонентом в формировании позднезарубинецких памятников типа Грини — Вовки. Вместе с тем отдельные исследователи не исключают прямого или косвенного участия в их генезисе и носителей культуры штрихованной керамики, мотивируя это опять-таки исключительно штриховкой груболепной посуды (Терпиловский, 1985. С. 58; Обломский, 1993. С. 51; Щукин, 1994. С. 238; Щукин, 1995. С. 115). Как показано выше, только этот признак не может являться убедительным аргументом. Судя по исследованным памятникам, носители КПШК южнее устья Березины не проникали.

Область распространения ребристой штрихованной посуды на востоке ограничивается, в основном, правым берегом Березины. На левобережье городища КПШК единичны, но тем не менее они зафиксированы вплоть до р. Друть (рис. 14). На исследованных здесь укрепленных поселениях (Лемница, Эсьмоны) выявлены фрагменты ребристых штрихованных горшков, однако они, по наблюдениям А. М. Медведева, немногочис-

103 — Войстом; *104* — Щепановичи; *105* — Монтатишки; *106* — Сутьково; *107* — Свирь; *108* — Островляны; *109* — Микольцы; *110* — Бояры; *111* — Некасецк; *112* — Дягили; *113* — Шиковичи; *114* — Городище; *115* — Денисово; *116* — Боровичи; *117* — Ревячка; *118* — Варганы; *119* — Бирули; *120* — Осетичи; *121* — Березино; *122* — Старое Запонье; *123* — Асиновик; *124* — Городище; *125* — Малышки; *126* — Орпа; *127* — Долгиново; *128* — Безводное; *129* — Двиноса; *130* — Прусовичи; *131* — Тарасино; *132* — Городище; *133* — Малый Казинец; *134* — Камено; *135* — Васильковка; *136* — Мочаны; *137* — Кузевичи; *138* — Логойск; *139* — Силичи; *140* — Свидно; *141* — Дедиловичи; *142* — Корсаковичи; *143* — Кимия; *144* — Лавники; *145* — Лещины; *146* — Новоселки; *147* — Слободка; *148* — Оздятичи; *149* — Насилово; *150* — Красное; *151* — Загорцы; *152* — Кащеличи; *153* — Калдыки; *154* — Узболоть; *155* — Ясенишки; *156* — Городилово; *157* — Васьковцы; *158* — Дубровы; *159* — Радошковичи; *160* — Вязынка; *161* — Воложин; *162* — Доры; *163* — Яршевичи; *164* — Раков; *165* — Замостяны; *166* — Збаровичи; *167* — Лабенцщина; *168* — Банцеровщина; *169* — Михановичи; *170* — Городище; *171* — Дворище; *172* — Прилепы; *173* — Туры; *174* —Уборки; *175* — Городище; *176* — Гребенка; *177* — Волковыск; *178* — Городище; *179* — Городок; *180* — Уша; *181* — Мурово; *182* — Дмитровичи; *183* — Прибрежная; *184* — Капланцы; *185* — Чижаха; *186* — Городище; *187* — Богушевичи; *188* — Красная Зорька; *189* — Петровичи; *190* — Лешница; *191* — Дудичи; *192* — Жоровка; *193* — Ковалевичи; *194* — Болочанка; *195* — Междуречье; *196* — Блужский Бор; *197* — Мацевичи; *198* — Свислочь; *199* — Греск; *200* — Амговичи; *201* — Ленино; *202* — Ивань; *203* — Слуцк; *204* — Заградье; *205* — Осовец; *206* — Грозово; *207* — Степуры; *208* — Дороговица; *209* — Мысли; *210* — Горбуновщина; *211* — Теплень; *212* — Городище; *213* —Алеховка; *214* — Качановичи; *215* — Аношки; *216* — Городище; *217* — Старая Рудица; *218* — Дзержинск; *219* — Новосады; *220* — Каменка; *221* — Василевщина; *222* — Сула; *223* — Ворончa; *224* — Ошурки; *225* — Салы; *226* — Славичи; *227* — Яселевичи; *228* — Волчки

ленны и значительно уступают гладкостенной посуде, прежде всего днепро-двинской культуры (Медведев, 1995а. С. 114, 115).

По мнению В. В. Седова, определенная инфильтрация носителей культуры штрихованной керамики наблюдается и севернее по Днепру вплоть до Смоленска. В качестве доказательства этот исследователь приводит керамику изученного им городища Церковище (Воищина), на котором в нижнем слое найдены обломки сильнопрофилированных горшков, покрытых, как полагает В. В. Седов, штриховкой (Седов, 1964. С. 71, 72. Рис. 25: 1—6). К этой точке зрения присоединился и М. Б. Щукин (Щукин, 1994. С. 238). Однако уже сам В. В. Седов отмечал, что ребристая посуда, характерная для КПШК, на этом памятнике отсутствует, а следы на поверхности горшков, принятые им за штрихи, судя по рисунку, представляют собой расчесы, характерные для керамики киевской культуры. Более того, около 5 % венчиков имело орнаментацию в виде насечек либо защипов, характерных для зарубинецкой или постзарубинецкой традиций. Таким образом, включать Смоленское Поднепровье либо его какую-то часть в область прямого или опосредованного распространения КПШК представляется невозможным.

Смешение различных культурных традиций просматривается не только в Верхнем Поднепровье, но и в бассейне Западной Двины, который составляет значительную часть ареала ДДК. Здесь на целом ряде исследованных городищ (Замошье Полоцкого р-на, Заговалино, Кубличи Ушачского р-на, Кострица Лепельского р-на, Урагово Верхнедвинского р-на Витебской обл.) выявлена днепро-двинская посуда, поверхность которой покрыта штрихами. Классической ребристой посуды на большей части Полоцко-Витебского Подвинья нет, за исключением единичных фрагментов, найденных на городищах Урагово и Кострица (Егорейченко, 1996б. С. 10, 11).

Однако обращает на себя внимание тот факт, что некоторые типы орудий труда, найденные на укрепленных поселениях этой зоны, ничем не отличаются от изделий, известных в ареале КПШК. Это прежде всего касается ряда железных серпов. Как известно, для днепро-двинских племен были характерны изделия, у которых лезвие переходило в черенок под углом в 90° (Шадыро, 1985. Рис. 33: 8—13; Шмидт, 1992. Табл. 24: 9. Табл. 25: 4. Табл. 26: 5). Однако наряду с ними значительную серию в западнодвинском регионе составляют жатвенные орудия труда, аналогичные серпам КПШК. Подобные находки зафиксированы в Заговалино, Замошье, Кострице, Кубличах, Мазурино и других городищах (Шадыро, 1985. Рис. 32, 33).

Не характерны для носителей ДДК глиняные пряслица. Их практически нет в Смоленском Поднепровье (Шмидт, 1992. Табл. 33: 10, 11). Немногочисленны они и в Белорусском Подвинье (Шадыро, 1985. Рис. 57—59), причем большинство из них как по форме, так и орнаментации тождественны аналогичным изделиям КПШК. Важно подчеркнуть, что найдены эти пряслица на тех же городищах, на которых обнаружены серпы с обычной для КПШК профилировкой (Бураково, Заговалино, Кострица).

Приведенные выше факты свидетельствуют об инфильтрации небольших групп КПШК в ареал ДДК. Подобное предположение подкрепляется материалами новых раскопок, проведенных А. М. Медведевым на городище в г. Глубокое Витебской обл. Здесь при общем доминировании посуды ДДК в небольшом количестве обнаружены венчики ребристых горшков с уплощенным верхом, штриховкой, нанесенной от ребра к днищу, и вертикальными пальцевыми защипами по ребру, что характерно для классической посуды КПШК. Наряду с ними найдены и глиняные пряслица, типичные для этой культуры. Все же основной массив поселений с классическими чертами поздних «штриховиков» в бассейне Западной Двины локализуется ниже по течению этой водной магистрали. На территории Латвии граница проходила в Краславском р-не, а затем спускалась на юг, в Браславский р-н Витебской обл. Беларуси, проходя по линии городищ Зазоны — Ратюнки — Укля (рис. 14).

3.2. ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА

В КПШК доминирующим типом поселения были городища. По этому признаку она близка своей предшественнице, КРШК, однако имеет и ряд принципиальных отличий. Укрепленные поселения рубежа первых веков н. э. отличаются большим разнообразием

мест локализации. Исходя из этого критерия, выделяются четыре типа городищ: 1) холмовые; 2) мысовые; 3) городища, расположенные на сравнительно ровной местности; 4) городища, размещенные на высоком речном плато.

Холмовые городища, характерные для носителей штрихованной керамики в I тыс. до н. э., продолжают оставаться ведущими в северо-западной и западной частях территории культуры (рис. 4). Их площадь, как и ранее, невелика. Так, среди 92 городищ белорусской части ареала 61 (66,3 %) имело площадь 0,1—0,2 га, у 26 (28,3 %) — 0,3—0,5 га и только у 5 (5,4 %) — свыше 0,5 га (0,5—0,8).

Одной из особенностей КПШК является устройство городищ на мысовидных участках высокого берега рек. Подобные поселения наиболее характерны для верховьев левобережных притоков Западной Двины и правобережных притоков Днепра в Центральной Беларуси. Для бассейна Немана они, как и ранее, не характерны. На Березине известны примеры, когда носители культуры занимают старые милоградские городища (Кимия, Новоселки и др.). Как и поселения первого типа, они имеют незначительные размеры. На территории Беларуси преобладающими являются городища, площадь которых не выходит за пределы 0,2 га (16 — 62 %). Доля остальных — значительно ниже: 0,3—0,5 га — 6 (23 %), свыше 0,5 га — 3 (15 %).

Третий тип поселений характерен для Предполесья. Это — специфический вид городищ, который сформировался у носителей милоградской культуры в условиях полесского ландшафта (Егорейченко, 1996а. С. 12, 13) и был воспринят пришедшими на эту территорию «штриховиками» (рис. 5). Обычно носители КПШК использовали уже существовавшие поселения (Амговичи, Большая Слива, Заградье и др.), новых, за редким исключением (Ленино), не строили. Их площадь не столь жестко связана с местом расположения, как у городищ первых двух типов, и достигает 0,4—0,5 га.

На рубеже эр, главным образом в южной части ареала, появляются городища, расположенные на высоких коренных берегах рек. Их площадки отсекались от остальной части плато валом и рвом. Сторона, примыкавшая к речному руслу, земляных укреплений не имела. Площадь этих поселений сопоставима с площадью городищ третьего типа и составляет 0,5—0,6 га (Боровые, Ивань, Малышки, Старая Рудица). Исключением является лишь один памятник (Мысли), имеющий сравнительно небольшие размеры: 60 × 40 м.

Оборонительные сооружения КПШК характеризуются более сложной и мощной системой укреплений, по сравнению с поселениями I тыс. до н. э. При анализе холмовых городищ первых веков н. э. четко прослеживается тенденция усиления роли искусственных фортификационных сооружений. Так, среди 68 учтенных поселений белорусской части ареала, для которых имеются соответствующие данные, 41 (60 %) было защищено земляными валами и рвами. В реальности этот процент должен быть значительно выше, ибо, как показали раскопки некоторых городищ (Кащеличи, Ратюнки), земляные укрепления на их поверхности до наших дней не сохранились (Медведев, 1996. С. 21, 22). Больше половины этой группы поселений (58,5 %) имело по одному валу, преимущественно дуговидной формы, который защищал площадку в наиболее уязвимом месте. 36,6 % городищ имело двойную систему валов. Внутренний, дуговидный или кольцевидный, размещался на краю площадки; внешний, обычно кольцевидной формы, находился ниже, на склоне холма. Городища с еще более мощной защитой, состоящей из трех валов и рвов, в белорусском ареале единичны (Бирули, Монтатишки). Высота земляных насыпей колеблется от 0,3 до 2,5 м, однако преобладают валы, у которых высота составляет 1—1,5 м (современное состояние).

Необходимо отметить, что при обороне холмовых поселений нередко учитывались и естественные факторы. Так, одни из них располагались в заболоченной пойме рек (Городище Докшицкого р-на, Нефеды, Щеповичи), другие (Ратюнки) дополнительно защищались с нескольких сторон руслом реки.

Для городищ холмового типа, возникших еще в период КРШК, на рубеже — в начале I тыс. н. э. характерна коренная перестройка площадок и оборонительных сооружений. Наиболее ярким примером тому служит укрепленное поселение у д. Лабенщина. В ходе его исследования А. Г. Митрофанов выявил следы сильного пожара, который фиксировал конец КРШК и соответственно начало КПШК. Новые обитатели очистили пло-

щадку от остатков пожара, сбросив сгоревшие бревна со склонов, и расширили территорию поселения за счет подсыпки склонов слоем земли. Вслед за этим по периметру площадки была возведена новая оборонительная стена, следы которой в виде столбовых ям были прослежены в южной части городища. Ямы располагались парами на расстоянии 1,3—1,5 м. Слабо защищенные участки поселения были дополнительно укреплены земляными валами и рвами. Так, с напольной, юго-восточной стороны жители возвели два дугообразных и один курганообразный вал и вырыли два рва. Еще два дугообразных вала были насыпаны на пологом склоне с северной стороны ниже уровня площадки. Высота валов достигала 0,5—0,7 м, ширина — 6—8 м; глубина рвов — до 1 м. Как предполагал А. Г. Митрофанов, реконструкция оборонительных сооружений была проведена единовременно (Митрофанов, 1978. С. 16).

В отличие от Лабенщины развитие фортификационной системы на городище Кащеличи имело более сложный эволюционный характер. А. М. Медведев, проведший вслед за автором свои собственные исследования этого поселения, выделяет 5 этапов в его развитии. Городище, основанное в самом конце I тыс. до н. э. носителями КРШК, было изначально укреплено по периметру деревянной стеной и рвом глубиной 0,5 м при ширине 3 м, который дополнительно защищал площадку со стороны более пологого склона. Спустя определенное время ветхая деревянная стена была заменена новой, а этот же склон вымощен камнями. Наиболее существенными были перестройки последующих этапов. Так, на третьем проведены работы по расширению площадки, а в систему укреплений был включен земляной вал высотой 0,5 м и шириной 6 м. Заключительные этапы связаны с подсыпкой вала, высота которого достигла 1,5 м, и реконструкцией деревянных оборонительных сооружений как по краю площадки, так и на гребне земляной насыпи (Медведев, 1996. С. 21, 22).

Сходный путь развития имело и Збаровичское городище, чья история целиком связана с носителями КПШК. А. Г. Митрофанов, который провел здесь крупные раскопки, зафиксировал не менее трех этапов его перестройки. На раннем этапе площадка городища была защищена деревянной стеной. В дальнейшем ее площадь была увеличена в результате двух подсыпок, грунт для которых брали из периферийной части поселения, а само поселение защищено земляным валом (Митрофанов, 1978. С. 20. Рис. 8).

Мысовые городища концентрируются в восточной части ареала, в основном в бассейне средней Березины. Для подавляющего большинства этих поселений характерно обязательное наличие дугообразного вала, защищавшего площадку с напольной стороны. Городища, имеющие несколько валов и рвов, единичны: Дмитровичи, Котово I, Теплень — 2 вала; Богушевичи — 3 вала. Оборонительные сооружения на них не изучались. Можно лишь предполагать, что в нижней части средней Березины носители КПШК вторично использовали старые милоградские поселения, проведя модернизацию старых укреплений (Кимия, Новоселки). Аналогичные допущения возможны и в отношении городищ, расположенных на ровной местности.

Принципиально новым типом являются поселения, расположенные на высоких коренных берегах рек. Они единичны и встречаются главным образом на юго-восточной периферии (Боровые, Ивань, Малышки, Мысли, Старая Рудица). При их защите основной упор делался не на естественные факторы защиты, а на мощные деревоземляные укрепления, которые в виде дуги или скобы отсекали площадку от остальной части плато. Высота валов на этих поселениях достигает 4—5 м (Ивань, Малышки, Вязынка).

Малышкинское городище первоначально было защищено только деревянной стеной. Первые земляные укрепления здесь появляются после сильного пожара, уничтожившего ограду.

В отличие от городища Малышки поселения в Ивани и Старой Рудице изначально имели земляные укрепления. Первые обитатели Старой Рудицы сразу же сооружают дугообразный вал высотой до 1 м и ров шириной 3 м. По гребню вала проходила деревянная стена. После ее гибели в пожаре земляная насыпь дважды подсыпалась, ров расширен и углублен и за счет земли из рва возведен дополнительный вал (Митрофанов, 1969б. С. 83, 84).

В Ивани основу первоначальных укреплений составил старый милоградский вал высо-

той до 2 м. Эта насыпь была увеличена пришлым населением за счет культурного слоя, взятого с площадки городища, и перекрыта, как и в Малышках, с внешней стороны слоем плотной глины. По гребню нового вала возведена деревянная стена. В дальнейшем была проведена еще одна реконструкция, в результате которой высота вала достигла 4 м при ширине основания 15,5 м (Егорейченко, 1996. С. 17, 18. Рис. 6).

Ни на одном городище этого типа земляные укрепления со стороны, обращенной к реке, не прослеживаются. Однако это не означает, что она оставалась открытой. Как показали раскопки М. Ф. Гурина на городище Мысли, здесь была сооружена деревянная стена, от которой сохранились следы крупных столбовых ям (диаметр — 0,7—0,9 м, глубина — 0,8—1,2 м). Со стороны реки располагался и вход на городище (рис. 15). По-видимому, аналогичную защиту имели и другие укрепленные поселения этого типа.

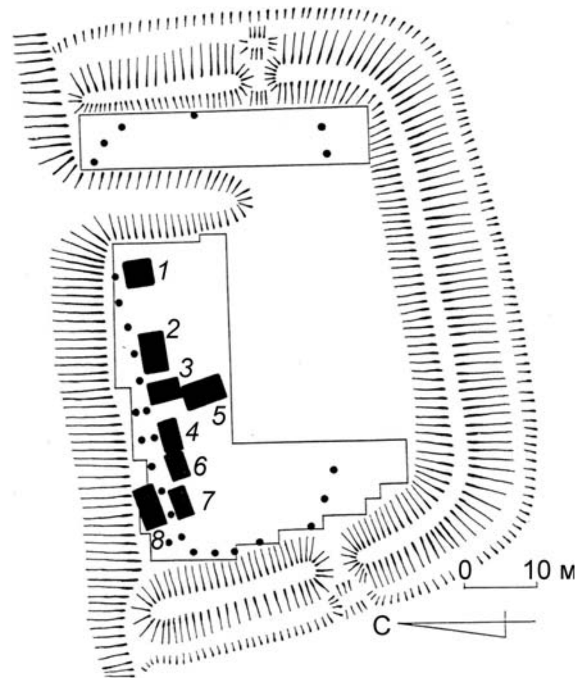


Рис. 15. План городища Мысли (по М. Ф. Гурину)

Анализ оборонительных сооружений городищ первых веков н. э. указывает на усложнение их конструктивных элементов. Помимо увеличения самих земляных насыпей активно применяются дополнительные элементы, направленные на увеличение срока их эксплуатации. В частности, к их числу относится обкладка внешних склонов плотной глиной (Ивань, Малышки) либо крупными валунными камнями (Аукштадварис) [Daugudis, 1975. P. 70]. Аналогичные приемы известны и на городищах Центральной Латвии (Граудонис, 1985. С. 136. Рис. 4: 6), однако там нередким было и устройство различных внутривальных конструкций, что для памятников КПШК, за редким исключением (Мигонис), не характерно (LAB, 1961. 93 pav.).

Неукрепленные поселения КПШК единичны. Они, как правило, занимают края речных террас (Подгорное, Шиловичи) либо всхолмления вблизи речных русел (Ревячка). Их площадь варьирует в очень широких пределах: от 0,4 га (Черешля) до 3,7 га (Подгорное). Однако, вероятнее всего, селища КПШК имели небольшие размеры, так как на большинстве из них культурный слой содержит напластования различного времени, что не дает возможности точного вычленения интересующего нас ядра.

Одним из наиболее ранних неукрепленных поселений, по-видимому, было селище у д. Черешля, выявленное и частично исследованное Ф. Д. Гуревич. В ходе его раскопок обнаружены скопления обожженных камней и угли. Керамика представлена обломками штрихованных ребристых горшков, часть которых орнаментирована по ребру защипами (Гуревич, 1962. С. 28. Рис. 17: 2. Рис. 18: 6, 7).

Самым изученным неукрепленным поселением КПШК являются Керкузы, расположенные в Юго-Восточной Латвии, в пойме правого берега Западной Двины (Vasks, 1995. Fig. 1). В 1985—1987 гг. А. В. Васкс исследовал 2310 кв. м площади селища. Как показали раскопки, оно было основано в конце I тыс. до н. э. и продолжало функционировать в первой половине I тыс. н. э. На изученной территории открыты наземные однокомнатные дома срубной конструкции и шалашеобразные углубленные в почву постройки, по-видимому, хозяйственного назначения. В керамическом комплексе примерно равные доли составляли фрагменты штрихованной (41,2 %) и гладкостенной (51,6 %) посуды, которая по своей форме отнесена в основном к баночным и ребристым горшкам. Интересно отметить, что ребристая форма доминировала среди гладкостенной керамики и была характерна для заключительной ступени поселения, которая

определяется римскими монетами, отчеканенными в правление Александра Севера (222—235 гг.) и Каракаллы (211—217 гг.), а также прогнутой подвязной фибулой. К сожалению, ее прорисовка не дает возможности определения точного типа, поэтому приходится согласиться с датировкой, предложенной А. В. Васксом, в пределах III—IV вв. н. э. (Васкс, 1991. С. 147, 148; Vasks, 1995. P. 57—80).

Особое значение имеет селище в урочище «Василиха» около д. Ревячка, открытое А. Г. Митрофановым. Оно занимало вытянутый вдоль правого берега р. Сервечь холм высотой 4—5 м с пологими склонами. Проведенными раскопками установлено, что на вершине возвышенности размещалось селище и бескурганный могильник банцеровской культуры, однако в нижних отложениях культурного слоя поселения встречались и материалы культуры КПШК. На селище открыты остатки четырех однотипных полуземляночных жилищ, три из которых содержали банцеровскую керамику, а в четвертом в заполнении и печи-каменке обнаружены развал штрихованного ребристого горшка и более мелкие обломки других ребристых горшков (табл. 42: 2). Этот факт является бесспорным доказательством сосуществования носителей обеих культур, которое было возможным не ранее конца IV — начала V в. н. э. Таким образом, это — один из самых поздних памятников КПШК.

Ряд городищ КПШК исследован сравнительно большими участками: Мысли — 1211 кв. м (61 % от общей площади городища), Збаровичи — 868 кв. м (43 %), Васильковка — 402 кв. м (20 %), Кащеличи — 355 кв. м (18 %), Малышки — свыше 1000 кв. м (20 %), Ивань — 820 кв. м (14 %), Вязынка — 284 кв. м (14 %). Это дает возможность определить основные принципы планировочной структуры поселений и охарактеризовать технику домостроительства.

Анализ археологических исследований показывает, что для городищ культуры была характерна исключительно регулярная планировка с кольцевым или многорядным размещением построек. Размещение жилых и хозяйственных сооружений по краю площадки с незастроенной центральной частью является доминирующим. Оно отмечено на городищах Аукштадварис, Воренай, Ивань, Збаровичи, Кащеличи, Мысли и является логическим продолжением традиций домостроительства носителей КРШК.

Подобная система кольцевого расположения построек наиболее четко прослежена М. Ф. Гуриным на городище Мысли. Совокупный анализ данных (отсутствие следов перестройки оборонительной стены, размещение построек, узкая датировка вещевого комплекса) показывает, что оно существовало непродолжительное время — в фазах B1a — B1b раннеримского времени. На исследованной части площадки было открыто 8 полуземляночных жилищ, 6 из которых размещались в линию вдоль крепостной стены, защищавшей поселение со стороны реки. В этой жестко ориентированной системе локализации построек особняком стоят полуземлянки 5 и 8, которые, вероятнее всего, асинхронны основному ряду. О существовании определенных перестроек свидетельствует и то, что котлованы жилищ 3 и 5, 4 и 6 одной из своих сторон смыкались друг с другом (рис. 15).

На городище Збаровичи наземные многокамерные дома выявлены также по краю площадки, причем, как отмечал А. Г. Митрофанов, они располагались в специально вырытой перед валом корытообразной западине (Митрофанов, 1978. С. 20). Три стены этих построек были возведены из дерева, в качестве четвертой выступала насыпь вала. Аналогичные приемы размещения жилищ в углублениях рядом с оборонительными сооружениями известны и на других городищах культуры, в частности в Васьковцах и Кащеличах. По мнению А. М. Медведева, аналогии таким постройкам известны только в Жемайтии, где они датируются рубежом эр (Медведев, 1996. С. 21).

В отличие от кольцевой рядная застройка на городищах КПШК встречается крайне редко. Она отмечена только на двух памятниках: Васильковка и Малышки. На Васильковском городище открыты две постройки, локализованные ближе к центру площадки. Одна из них, наземная двухкамерная, была жилой. Вторая, четырехкамерная, без признаков отопительной системы, размещалась примерно в 6 м южнее, параллельно первой (Митрофанов, 1978. С. 26. Рис. 11). Наиболее сложная планировочная структура отме-

чена на городище Малышки. Здесь многокамерные наземные дома располагались двумя параллельными рядами, в каждом из которых могло быть по 4 жилища. Аналогов подобная система расположения домов в смежных синхронных культурах не имеет.

Домостроительство в ареале КПШК характеризуется определенным видовым разнообразием жилых построек и технических приемов их возведения. По способу выведения стен жилища подразделяются на наземные и полуземляночные. При строительстве первых применялась столбовая и срубная конструкции либо их сочетание. У вторых отмечена исключительно техника срубной конструкции.

Следует отметить, что доминирующим типом жилой постройки в первых веках н. э. был наземный многокамерный дом столбовой конструкции, в котором жилые и подсобные помещения располагались в линию и отделялись друг от друга стеной-перегородкой. Постройки такого типа известны на всей территории культуры. Они открыты на таких городищах, как Аукштадварис, Васильковка, Ивань, Збаровичи, Кащеличи, Мигонис и др. (рис. 16: 3).

Как правило, подобные дома располагались по периметру площадок городищ, вплотную примыкая к их краям или же немного отступая от них. На городище Збаровичи, по наблюдениям А. Г. Митрофанова, две выявленные постройки имели по три деревянные стены. Они были сооружены из горизонтально уложенных бревен, концы которых впускались в вертикально вкопанные столбы каркаса. В качестве четвертой стены использовалась внутренняя сторона земляного вала. Крыши этих домов были односкатными. Они одной своей стороной крепились к столбам наружной стены, а с противоположной стороны упирались в оборонительный вал (Митрофанов, 1978. С. 21). В некоторых случаях, например в Аукштадварисе, одна из стен, обращенная к склону городища, сама служила оборонительной стеной (Daugudis, 1975. P. 70). Жилые постройки в Васильковке, Ивани и Кащеличах конструктивно не были связаны с укреплениями, располагаясь от них на некотором удалении. На Васильковском городище жилище размещалось на значительном расстоянии (до 12 м) от края площадки. Его две камеры четко прослеживались по двойной линии столбовых ям. В Ивани вдоль внутреннего склона вала удалось выявить три линии параллельно расположенных столбовых ям диаметром 0,3—0,45 м. Крайние линии этих ям представляли собой остатки стен, в то время как центральная цепь столбов служила опорой для двускатной крыши (Егорейченко, 1996а. С. 22).

В настоящее время трудно судить о размерах отдельных помещений таких домов. В результате интенсивной жизни на ограниченном пространстве в течение длительного времени в материке, как правило, фиксируется большое количество разновременных столбовых ям, не дающих возможности проследить четкие границы построек. В распоряжении исследователей имеются сведения по нескольким укрепленным поселениям. В Аукштадварисе площадь отдельных помещений составляла 4—6 кв. м, в Васильковке — 12—13 кв. м, в Ивани и Збаровичах — значительно больше, соответственно 15—25 кв. м и 20—25 кв. м (Daugudis, 1962. P. 68; Егорейченко, 1996а. С. 22; Митрофанов, 1978. С. 21). Многокамерные наземные дома столбовой конструкции с линейной планировкой комнат являются типичными для ряда культур лесной полосы. Они, в частности, характерны для днепро-двинских, юхновских, дьяковских городищ и укрепленных поселений Латвии (Станкевич, 1960. С. 48—53. Рис. 31; Шадыро, 1985. Рис. 3—6; Алихова, 1962. С. 88. Рис. 1; Дубынин, 1974. Рис. 14; Седов. 1975. С. 284, 285; Апалс, 1985. С. 35; Граудонис, 1985. С. 138, 139).

Наряду с ними в белорусском ареале КПШК появляются многокамерные столбовые постройки с более сложной планировкой. К их числу относятся 7 домов, обнаруженных А. Г. Митрофановым на городище Малышки. Каждый из них разделен глухой стеной на две секции, которые в свою очередь были поделены еще на два жилых помещения (рис. 16: 2). Общая площадь отдельных домов варьировала от 76 до 144 кв. м. Площадь комнат составляла 17—30 кв. м. В каждой секции жилые помещения были отделены друг от друга коридором шириной 0,6—1 м, в котором находились входы в комнаты. Помимо этого дома, имели по два наружных входа, расположенных с двух противоположных сторон. Выявление столь четкой

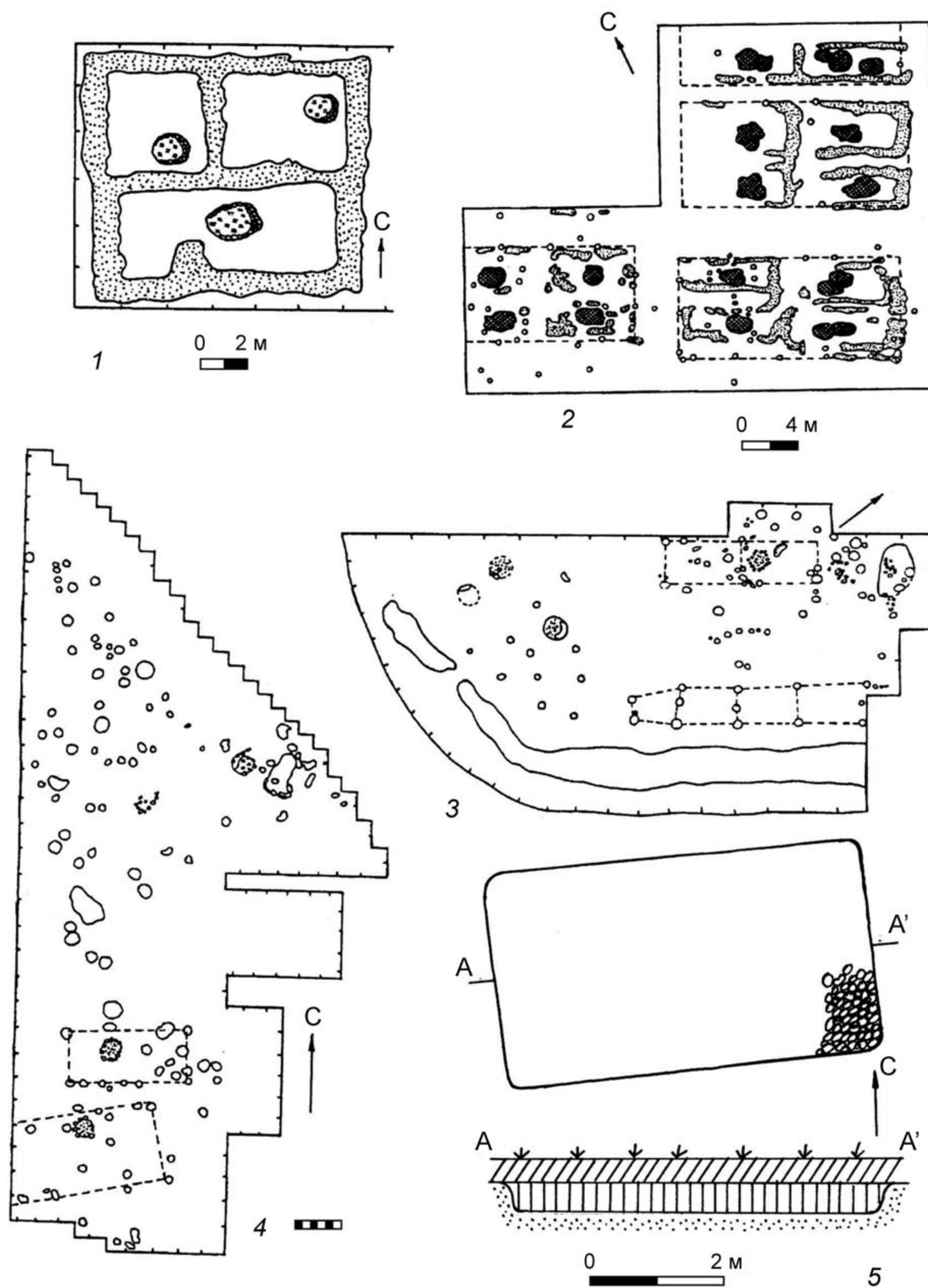


Рис. 16. Планы жилищ культуры поздней штрихованной керамики: *1* — Вязынка; *2* — Малышки; *3* — Васильковка; *4* — Лабенщина; *5* — Мысли

планировочной структуры построек стало возможным благодаря глиняной обмазке внутренних сторон стен, развалы которой после гибели построек дали сравнительно четкие контуры как самих домов, так и их внутреннего устройства. Крупные фрагменты глиняной обмазки позволили также определить толщину бревен, из которых строили стены. По данным А. Г. Митрофанова, их диаметр составлял 20—30 см. Все жилые помещения были оборудованы очагами, которые располагались либо в центре, либо ближе к одной из стен. Каждый дом был перекрыт двускатной крышей (Митрофанов, 1978. С. 23—25).

Судя по стратиграфическим наблюдениям А. Г. Митрофанова и анализу вещевого комплекса из построек, можно предполагать, что эти жилые строения существовали сравнительно долгое время. Это особенно ярко прослеживается в жилище 2, в котором глиняная обмазка залегала в два яруса, разделенных между собой углистой прослойкой толщиной до 0,15 м. Помимо этого, А. Г. Митрофанову удалось выявить и цепочку столбовых ям, конструктивно не связанных с остатками позднего жилища (Митрофанов, 1978. С. 24). Близкие наблюдения сделаны этим исследователем и в отношении жилища 4, где обмазка и очаги также залегали в два яруса. Неоднократной перестройке подвергались и отопительные системы. Так, в отдельных помещениях жилищ 1, 3, 4 глинобитные очаги обновлялись два раза, в жилище 2 по три и даже четыре раза (Митрофанов, 1978. С. 24).

Жилища, обнаруженные на городище Малышки, уникальны. Прямых аналогов они не имеют ни в остальной части КПШК, ни в смежных синхронных культурах. А. М. Медведев усматривает определенные параллели им среди жилищ носителей пшеворской и черняховской культур (там тоже встречаются многокамерные постройки), однако планировка их совсем иная (Медведев, 1996. С. 23).

Однокамерные постройки столбовой конструкции были распространены в меньшей степени. На территории Литвы подобные жилища были зафиксированны В. В. Даугудисом в нижних отложениях городища Аукштадварис, датируемых II—I вв. до н. э. Однако из-за сильного повреждения культурного слоя получить исчерпывающие данные, кроме того, что они имели четырехугольную форму и открытые очаги, не удалось (Daugudis, 1962. P. 57).

К сожалению, много вопросов возникает и в отношении жилища, обнаруженного А. Г. Митрофановым в верхнем горизонте городища Лабенщина (рис. 16: 4). Судя по описанию, с противоположных сторон от очага 4 по линии запад-восток были обнаружены следы столбовых ям и Г-образная полоса глиняной обмазки, которые оконтуривали постройку размерами 8,3 × 3,8—4 м (Митрофанов, 1978. С. 17). На приведенном плане верхнего горизонта она не обозначена. Вызывает сомнение прежде всего площадь постройки, превышающая почти вдвое размеры отдельных комнат в многокамерных жилищах. Не исключено, что А. Г. Митрофановым было обнаружено двухсекционное жилище, в котором перемычка между помещениями не была зафиксирована.

Примитивная срубная конструкция в изучаемом ареале появляется уже на городищах КРШК. Р. Волкайте-Куликаускене зафиксировала постройки, возведенные с помощью подобной техники, в нижних отложениях городища Б. Наркунай (Волкайте-Куликаускене, 1985. С. 47). Однако какого-либо распространения эти технические приемы в I тыс. до н. э. в рассматриваемом регионе не получили.

В отличие от КРШК в КПШК срубная конструкция в домостроительстве применялась чаще, главным образом в белорусской части ареала. К числу наиболее ранних срубных построек относятся остатки строений, обнаруженные при зачистке материка городищ Вязынка и Ивань. Две иваньские постройки имели прямоугольную форму и близкие размеры. Их площадь составляла 12 и 14 кв. м. У одной из них посредине коротких стен были прослежены круглые в плане ямы диаметром 0,35—0,45 м, по-видимому, от столбов, поддерживавших двускатную крышу (Егорейченко, 1996. Рис. 8). Близкие характеристики имело и жилище из нижнего горизонта культурного слоя городища Вязынка. Оно так же, как и иваньские постройки, было прослежено в материке по ровику от нижних венцов, оконтурившему частично две стены на расстоянии 3,3 и 4,4 м. Остальная часть постройки уходила за пределы раскопа. И здесь посредине одной из стен была выявлена столбовая яма от несущих кон-

струкций крыши. Связь иваньских построек с жильем остается проблематичной, поскольку следов отопительной системы ни в одной из них не зафиксировано. Однако подобное предположение вполне допустимо, исходя из того, что аналогичное строение в Вязынке имело классический очаг в виде песчаного пода, обложенного обожженными камнями. Возможно, ранние постройки на этих городищах представляли собой временные жилища, эксплуатировавшиеся до возведения долговременных домов.

Постройки, близкие выше рассмотренным, открыты также в Юго-Восточной Латвии на неукрепленном поселении Керкузы. Они имели прямоугольную в плане форму, а их размеры колебались от 3,3 × 4 м до 5 × 5 м (Васкс, 1991. С. 147; Vasks, 1995. Fig. 3).

В отличие от Ивани, где позднее был сооружен классический многокамерный дом столбовой конструкции, на городище Вязынка обитатели при возведении жилья продолжали использовать технику срубной конструкции. В этом стиле был возведен многокамерный дом размерами 12 × 13 м, внутренняя планировка которого имела определенное сходство с малышкинскими постройками. Отличительной особенностью его является то, что он был разделен внутренними перегородками не на четыре, а на три самостоятельных помещения, каждое из которых было оборудовано отдельным входом (рис. 16: 1). Пазы между бревнами так же, как и в малышкинских домах, были обмазаны глиной, развалы которой дали возможность проследить его форму и планировку. Три жилых помещения по своим размерам были не равнозначны. Одно из них занимало почти половину дома. Его площадь достигала 72 кв. м. Два других были значительно меньше, соответственно 37 и 38 кв. м. Каждое из помещений имело свой очаг круглой или овальной в плане формы. Их расположение не имело строгой закономерности. Так, в одной из секций очаг занимал центральную часть, в другой — юго-восточный угол, в третьей — северо-восточный угол (Митрофанов, 1957. С. 158, 159; Митрофанов, 1978. Рис. 9: 5). Аналоги этой постройке так же, как и малышкинским, не известны.

Исследователи долгое время полагали, что полуземляночные постройки не были характерны для носителей штрихованной керамики. Это мнение было опровергнуто раскопками М. Ф. Гурина, проведенными на городище Мысли в 1979, 1986—1991 гг. Исследовав половину площадки поселения, он открыл 8 полуземлянок срубной конструкции (Гурин, 2000. С. 24—26). Открытие подобных жилищ можно было бы считать исключением из правил, однако в настоящее время они известны и в других пунктах, в частности в Ивани (1) и Ревячке (1).

Полуземлянки городища Мысли имели в основном прямоугольную форму (жилища 2—8). Исключение составляет жилище 1, котлован которого представлял в плане почти правильный квадрат размерами 3,8 × 3,5 м. Площадь прямоугольных полуземлянок колебалась от 11 кв. м (жилище 6) до 22 кв. м (жилище 5). Все постройки имели ровный пол, находящийся на глубине 0,4—0,8 м от уровня материковой поверхности. Ни в одном жилище отопительные системы в непотревоженном виде не сохранились, однако в полуземлянке 2 в юго-восточном углу найдено скопление обожженных камней, занимающее площадь 0,7 × 1,3 м (рис. 16: 5). Концентрация обожженных камней или разрозненные экземпляры отмечены также в жилищах 4, 7. Все это дает основание полагать, что постройки отапливались каменными очагами.

Полуземлянка, открытая на городище Ивань, имела подпрямоугольную форму. Часть ее уходила за пределы раскопа. Размеры вскрытого котлована составляли 4,6 × 4,5 м. Его глубина в различных местах составляла 0,3—0, 5 м. Пол был вырезан в материковой глине и частично обожжен. В северо-восточной части котлована была зафиксирована овальная линза прокаленного песка размерами 0,8 × 1,1 м, вокруг которой встречались бессистемно расположенные камни. Некоторые из них имели отчетливые следы обжига. Вероятно, это были остатки очага. В центральной части котлована был выявлен материковый останец из плотной глины длиной 2,7 м и шириной 1,1 м, располагавшийся под наклоном. В восточной части его высота составляла 0,3 м над уровнем пола, в западной она сходила к нулевой отметке. Назначение останца не ясно. Возможно, он служил в качестве топчана (Егорейченко, 1996а. С. 22, 23).

Появление срубных жилищ с углубленным полом в южной части ареала КПШК объясня-

ется непосредственной близостью носителей полесского варианта зарубинецкой культуры, у которых могло произойти заимствование этого типа построек. Подобное предположение подкрепляется довольно большим количеством находок южного происхождения (лощеные миски, стеклянные бусины, фибулы, трапециевидные подвески и т. д.), обнаруженных на городищах Ивань и Мысли. Подобные изделия могли попасть в юго-восточные пределы КПШК не позднее середины I в. н. э., когда прекращают существование зарубинецкие памятники Полесья.

Еще одна срубная полуземлянка была открыта А. Г. Митрофановым на селище Ревячка. В отличие от предыдущих она относится к финальной стадии культуры. Это жилище имело прямоугольную форму и было углублено в материковую почву на 0,6 м. Его точные размеры не установлены, поскольку оно частично уходило за пределы раскопа. В восточной части котлована на высоте 0,15—0,2 м от пола была обнаружена печь-каменка, размеры которой составляли 1,2 × 1 м. По технике строительства и деталям интерьера эта полуземлянка находит точное соответствие среди жилищ банцеровской культуры, открытых А. Г. Митрофановым на этом и других селищах. Однако в развале печи-каменки был обнаружен развал классического ребристого горшка. Обломки штрихованной посуды присутствовали и в заполнении котлована (Митрофанов, 1975. С. 9). Наличие однотипных, но разнокультурных полуземлянок на одном селище может быть объяснено только сосуществованием на определенном этапе носителей двух культур, в результате чего произошло заимствование полуземляночного типа жилищ населением, оставившим штрихованную керамику. Подобное событие могло иметь место не позднее первой половины I тыс. н. э.

Для отопления жилых построек применялись очаги. По конструктивным особенностям их можно разделить на три типа: 1) с каменной обкладкой (рис. 6: 5, 6, рис. 17: 1, 2); 2) с глинобитным бортиком (рис. 17: 3); 3) очаги в виде каменной вымостки внутри углубления (рис. 17: 4, 5).

Очаги I типа характерны для белорусской части ареала культуры. Они обнаружены на городищах Васьковцы, Горани, Кащеличи, Старая Рудица. По-видимому, такой вид отопительной системы был характерен и для жилищ, обнаруженных на поселениях Ивань и Мысли, однако полной уверенности в этом нет, поскольку ни одного целого очага, за исключением обожженных камней в пределах построек, на этих памятниках нет. Основу подобных очагов составлял песчаный под толщиной до 0,2 м, имеющий круглую или овальную в плане форму, по краям которого в виде подковы выложены камни. Их длина по длинной оси составляла 1—1,5 м. Размеры камней — 0,1—0,25 м в поперечнике. Очаги, в обкладке которых применялся только камень, известны и на памятниках КРШК (Ратюнки, Сокишкяй). Однако на ранних городищах камни крупнее и в отдельных случаях (Ратюнки) имеют подтеску.

Очаги II типа обнаружены по всему ареалу культуры. Они известны по раскопкам городищ Васильковка, Вязынка, Малышки в Беларуси, Няменчине — в Литве. Их основу также составляла линза песка толщиной 0,1—0,2 м овальной или круглой в плане формы. Наряду с округлыми очагами Э. М. Загорульский выявил на городище Малышки два необычных экземпляра, имевших подпрямоугольную форму (Загорульский, 1994. С. 8; Загорульский, 1995. С. 8, 9). Очаги оконтурены глиняным валиком шириной 0,1—0,2 м и высотой 0,1—0,15 м. Бортики чаще всего имели подковообразную форму, однако встречаются и кольцевые. Длина очагов по длинной оси могла достигать 1,9 м (Малышки), хотя чаще всего она не превышает 1,5—1,7 м. Такой вид отопительной системы продолжает традиции КРШК, где он был доминирующим.

Очаги III типа, по-видимому, не были типичными для КПШК. Они открыты только на одном поселении — городище у д. Городище Барановичского р-на — и представляли собой овальные ямы длиной 0,7—1 м по длинной оси и глубиной 0,2—0, 5 м, заполненные черным углистым слоем с камнями. Аналогии им А. М. Медведев видит среди очагов Жемайтии и Литовского Занеманья (Медведев, 1996. С. 23).

На ряде городищ белорусской части ареала обнаружены очаги, при сооружении которых применялись обе строительные традиции: глина и камень. Они выявлены при раскопках таких укрепленных поселений, как Збаровичи, Кащеличи, Лабенщина, Малыш-

ки, нередко сочетаясь с очагами I или II типа (Кащеличи, Малышки). И в этом случае подом служила прослойка песка, имеющая круглую или овальную в плане форму, размерами 0,8—1,3 × 0,8—1,8 м. Глиняный бортик с включенными в него камнями чаще всего имел подковообразную или кольцевидную форму, за исключением очагов, обнаруженных на городище Кащеличи. У них обкладка пода представляла собой две дуговидные полосы глины с камнями, расположенные с двух противоположных сторон (рис. 17: 1, 2). Очаги с глинокаменной обкладкой, как и чисто глинобитные, берут свое начало от отопительных систем КРШК (Volkaitė-Kulikauskienė, 1986. 4, 5 pav.).

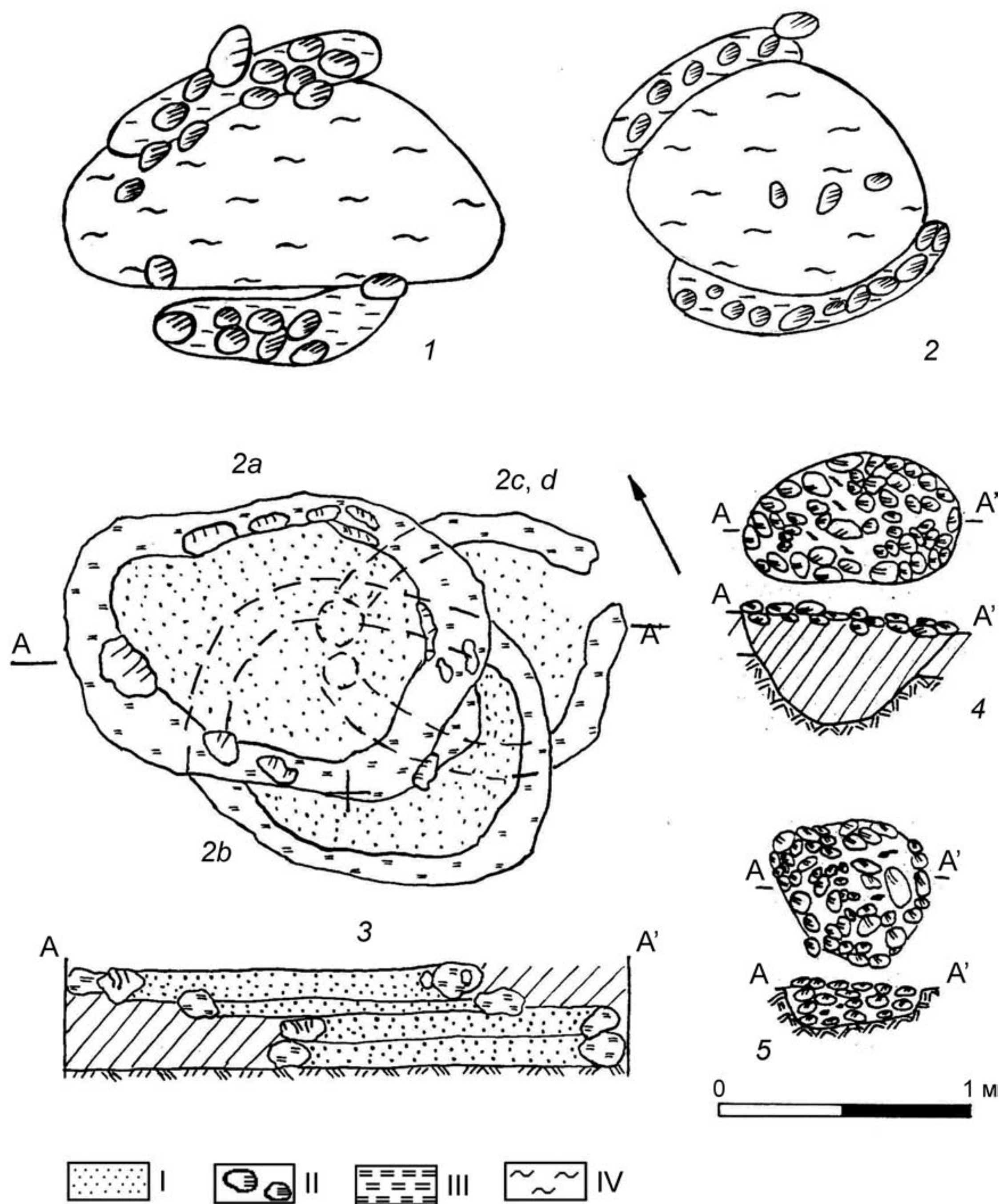


Рис. 17. Планы очагов культуры поздней штрихованной керамики. Условные обозначения: I — песок; II — камни; III — обожженная глина; IV — зола. *1, 2* — Кащеличи; *3* — Малышки (очаг В); *4, 5* — г. п. Городище Барановичского района

Четкой закономерности в распространении отопительных систем различных типов не просматривается. И тем не менее их картографирование свидетельствует о преимущественной локализации глинобитных очагов в бассейне р. Вилии, ближе к коренному ареалу КРШК. Каменные очаги либо очаги смешанной конструкции в основном характерны для более южных территорий.

По сравнению с предшествующей культурой, более разнообразными становятся хозяйственные постройки. При их возведении так же, как и для жилищ, применялась столбовая и срубная конструкция стен. Первая типична для наземных построек, вторая — для углубленных в почву. Впрочем, новации еще редки и скорее являются исключением из правил.

Ведущим типом хозяйственного сооружения была наземная столбовая постройка, которая могла органически входить в состав длинного многокамерного дома (Аукштадварис, Воренай, Мошкенай, Пятряшюнай и др.) [Даугудис, 1990. С. 60] либо возводилась на некотором удалении от жилья (Васильковка). Наиболее яркое представление об этом типе дает четырехсекционная постройка, открытая А. Г. Митрофановым на городище Васильковка. Она располагалась напротив многокамерного жилого дома и имела аналогичное конструктивное решение стен. Три помещения постройки имели прямоугольную в плане форму, четвертое — трапециевидную. Их площадь составляла 8—9 кв. м. Отличительными особенностями этой постройки от жилого дома являлись меньшие размеры и отсутствие очагов. По мнению А. Г. Митрофанова, это сооружение могло использоваться для стойлового содержания скота (Митрофанов, 1978. С. 26).

Не исключено, что к числу хозяйственных относится несколько углубленных в почву полуземлянок. Одна из них открыта В. В. Хартановичем на городище Воронча. Она имела форму, близкую к прямоугольной. Ее размеры: 3,2 × 3,6 м. Глубина котлована достигала 0,6 м. Ввиду отсутствия столбовых ям внутри и за пределами углубления можно предполагать, что постройка имела срубную конструкцию стен. О ее хозяйственном назначении свидетельствуют не только отсутствие очага (Медведев, 1996. С. 23), но и крайне неровный пол. Вполне вероятно, что аналогичную функцию выполняло и открытое автором сооружение на городище Ивань (яма № 26). Оно представляло собой котлован неправильной четырехугольной формы размерами 6 × 6,3 м с неровным полом, находящимся на глубине 0,3—0,6 м от уровня материковой поверхности (Егорейченко, 1996а. Рис. 8). И в этом случае столбовые ямы, которые можно было бы связать с постройкой, отсутствуют. Третья полуземлянка обнаружена Э. М. Зайковским на городище Аношки. Она имела прямоугольную в плане форму. Ее размеры составляли 3,2 × 3,6 м. Эта полуземлянка, как и две предыдущие, имела срубную конструкцию стен и неровный пол. В заполнении котлована обнаружено большое количество ребристой посуды (Зайкоўскі, Мядзведзеў, 2001. С. 63. Мал. 2). Появление таких хозяйственных сооружений, равно как и срубных полуземлянок, определяется южным, зарубинецким влиянием.

На целом ряде поселений белорусской части ареала были открыты ямы-погреба, совершенно не типичные для КРШК. Они, в частности, зафиксированы в Васильковке, Вязынке, Городище Мядельского р-на, Збаровичах, Лабенщине, Мыслях. Хозяйственные ямы имели круглую, овальную, реже грушевидную в плане форму длиной в поперечнике от 0,6 до 3,8 м. Их сечение — чаще всего чашеобразное, а глубина достигает 1 м и более. В некоторых случаях, например на городище Збаровичи, стены погреба были обмазаны глиной и вымощены мелкими камнями. Каменная вымостка стен, но без глиняной обмазки отмечена и в хозяйственной яме на городище Васильковка. На этом же поселении открыта яма-погреб со следами перекрытия котлована. Она имела овальную в плане форму и значительные размеры: 1,95 × 3,2 м. Яма была врезана в склон городища, отчего ее глубина колебалась от 0 до 0,5 м. С восточной и юго-восточной сторон были прослежены ямы от столбов, поддерживавших крышу (Митрофанов, 1978. С. 19, 22, 26, 27). Сложную конструкцию имела и яма-погреб, обнаруженная на городище у д. Городище Мядельского р-на. Она представляла собой котлован овальной в плане формы размерами

3 × 3,85 м. Дно — округлое, находящееся на глубине 1,05 м, с частичной вымосткой мелкими камнями в центре. Вокруг котлована прослежены столбовые ямы от перекрытия (Медведев, 1996. С. 23). Распространение ям-погребов у носителей КПШК необходимо в первую очередь связывать с существенным увеличением роли земледелия.

3.3. ХАРАКТЕРИСТИКА КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ

Городища КПШК занимают более обширный ареал, по сравнению с территорией КРШК. Укрепленные поселения холмового типа, характерные для культуры-предшественницы, как уже отмечалось, имели разновременные напластования. В большинстве случаев они демонстрируют непрерывность заселения, начиная от рубежа II—I и, по крайней мере, до последней четверти I тыс. н. э. В отличие от них городища, возникшие не ранее I в. н. э., как правило, напластований более позднего времени не содержат. Это в первую очередь касается южных и юго-восточных пределов культуры, где в большей степени распространены поселения мысового типа, а также поселки, расположенные на высоких коренных берегах рек и на незначительных возвышенностях в заболоченной местности (бывшие городища милоградской культуры). Находок третьей четверти I тыс. н. э. на них, за редким исключением, нет. Единичные предметы этого времени найдены на двух поселениях. Так, на городище Мысли обнаружен язычок от пряжки (Гурин, 2000. Рис. 11:8), в Лабенщине — поясная накладка (Митрофанов, 1978. Рис. 25: 13). Учитывая, что керамика, синхронная названным находкам отсутствует, нельзя говорить о постоянном присутствии здесь населения. Еще одно укрепленное поселение, Ивань, было обитаемо в XII—XIII вв. Здесь встречалась керамика этого времени, шиферные пряслица, наконечники стрел, в том числе и один бронебойный, ножи и другие находки. Можно предполагать, что на территории городища располагалась раннефеодальная усадьба.

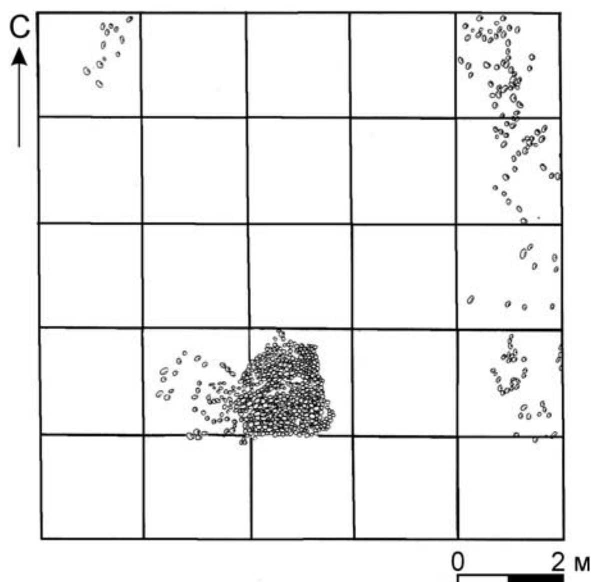


Рис. 18. Каменная вымостка в раскопе 1982 г. на городище Ивань

Для всех без исключения городищ КПШК характерно возрастание культурного слоя от центра к краям площадок, что объясняется сходной планировочной структурой, когда постройки расположены кольцом по периметру поселений. Его мощность на разных памятниках близка. Она колеблется от 0,15—0,2 м в центре до 1,5—1,6 м на периферии (Васильковка, Ивань). Исключение из правил составляет городище Малышки, где толщина культурного слоя на всей площадке составляет 0,7—0,8 м. Связано это с рядным расположением жилищ, при котором застраивалась не только периферийная, но и центральная часть площадки городища.

На большинстве поселений культурный слой представляет собой супесь различных оттенков. Ее цвет варьирует от светло-серого до темно-серого, а в ряде случаев черного цвета (Вязынка, Збаровичи, Малышки). Как правило, основная толща напластований состоит из темно-серой супеси, которая может сменяться либо светло-серым предматериковым слоем (Ивань), либо, наоборот, супесью интенсивно-черного цвета (Збаровичи). Более сложная структура отмечена только на городище Вязынка, где темно-серый слой сменялся черным, который в свою очередь подстилался темно-серой или серой супесью с коричневатым оттенком (Митрофанов, 1978. С. 23).

Как и на городищах КРШК, культурный слой поселений первых веков н. э. содержит значительное количество камней, которые чаще всего размещены хаотично. Размеры их различны: от 0,05 до 0,25 м в поперечнике. Нередко крупные экземпляры имеют явные следы пребывания в огне. Помимо беспорядочно разбросанных камней на городищах присутствуют так называемые каменные площадки. Самая крупная из них размерами 6 × 10 м зафиксирована А. Г. Митрофановым в Лабенщине. Камни залегали на одном уровне, примыкая друг к другу, или размещались с определенными разрывами (Митрофанов, 1978. Рис. 6). Многие из них были расколоты и обожжены. По мнению ряда исследователей, в том числе и А. Г. Митрофанова, такие площадки могли иметь различное функциональное назначение (Митрофанов, 1978. С. 18, 19). Однако бессистемность расположения камней позволяет в этом усомниться и наводит на мысль о случайном образовании подобных скоплений. Ясно одно, часть камней, имеющих следы пребывания в огне, использовались обитателями с какими-то определенными целями. Наряду с площадками практически повсеместно встречаются и каменные вымостки (рис. 18). Они, как правило, имеют круглую или овальную в плане форму размерами от 0,6 × 0,9 м до 1,5 × 2,8 м. Камни в этих вымостках плотно прилегают друг к другу и залегают на нескольких уровнях. Длина камней различна. Она колеблется от 0,04 до 0,3 м в поперечнике. Некоторые из них обожжены. Назначение этих вымосток также остается не выясненным. Мне представляется, что камни специально складировались в качестве последующего исходного материала при сооружении очагов и для обогрева жилых помещений.

3.4. ВЕЩЕВОЙ КОМПЛЕКС

Вещевой комплекс носителей КПШК весьма разнообразен. Он включает в себя предметы, изготовленные из разного сырья и имеющие различное функциональное назначение.

3.4.1. Посуда

Наиболее часто встречающимися находками на всех без исключения поселениях являются обломки глиняной лепной посуды. В технологии ее изготовления наблюдаются, с одной стороны, черты сходства с приемами гончарного производства носителей КРШК, а с другой — нельзя не отметить и существенные отличия. Для выяснения характера производства поздней штрихованной посуды были привлечены материалы семи исследованных городищ этой культуры, расположенных в различных местах белорусской части ареала (Большие Споры, Воронча, Вязынка, Збаровичи, Ивань, Кищеличи, Малышки) с использованием доступных и достоверных данных по поселениям Восточной Литвы и Юго-Восточной Латвии.

Основу формовочной массы всех без исключения сосудов КПШК составляли глина и зерна дресвы, величина которых имеет заметные отличия в зависимости от локализации поселений. Как и ранее, в качестве отощающей примеси использовали крупную дресву (более 2 мм). Ее удельный вес особенно велик на поселениях Восточной Литвы. По данным А. А. Бобринского, на городище Аукштадварис крупная дресва составляла 92,2 %, мелкая — 5,6 % (Бобринский, 1978. С. 247). Ее доминирование отмечено и на поселениях Юго-Восточной Латвии (Васкс, 1991. С. 69). На анализируемых укрепленных поселениях белорусской части ареала формовочная масса посуды заметно отличается. Преобладание крупной дресвы отмечено только на трех памятниках: Вязынка — 65 %, Збаровичи — 63 %, Кищеличи — 56 % (рис. 19). Все остальные диагностируют большее процентное содержание в глине мелкой и средней дресвы (до 1,9 мм): Большие Споры — 56 %, Ворონча — 75 %, Ивань — 74 %, Малышки — 48 % (рис. 19). Обращает на себя внимание тот факт, что мелкая примесь в большей степени характерна для южных пределов культуры (Ворونча, Ивань). Практически на всех городищах этой зоны в глиняном тесте сосудов присутствует слюда (Большие Споры — 21 %, Воронча — 26 %, Вязынка — 41 %, Збаровичи — 38 %, Ивань — 41 %, Кищеличи — 47 %, Малышки — 5 %). Как отмечают исследователи, дресва в ряде мест была не

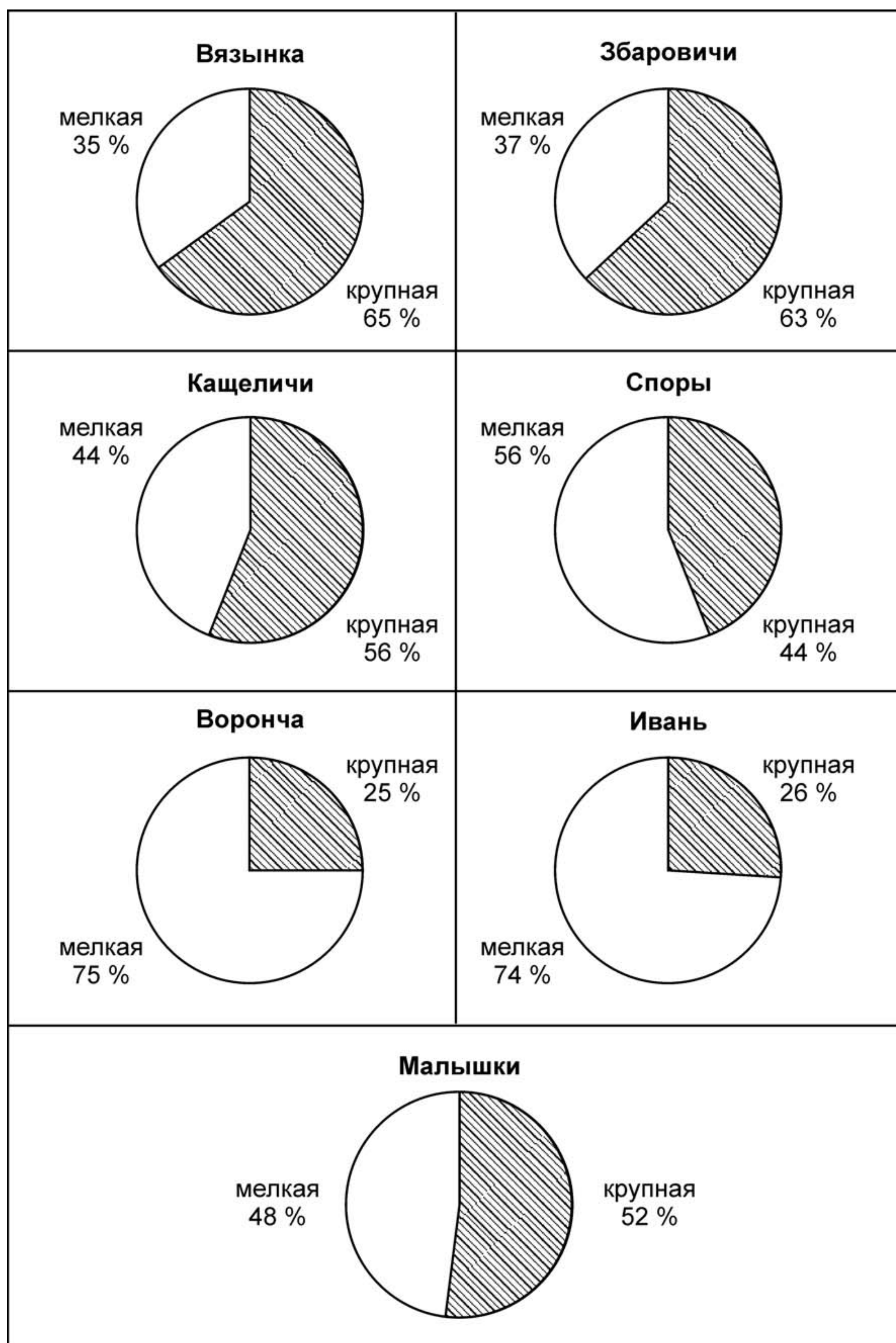


Рис. 19. Соотношение крупной и мелкой дресвы
в формовочной массе горшков КПШК в белорусском ареале

единственным видом добавки. На городище Няменчине в Литве наряду с ней зафиксирована и органика (Бобринский, 1978. С. 247). Органическая примесь в виде навоза отмечена также на поселении Керкузы в Юго-Восточной Латвии (Васкс, 1991. С. 69).

Основной программой, применявшейся при конструировании начина, была донно-емкостная. Она превалировала на всей территории распространения культуры. Наряду с ней могла применяться и донная программа (Бобринский, 1978. С. 253). При формировании полого тела чаще использовался лоскутной спирально-зональный налеп или кольцевой налеп из жгутов (Бобринский, 1978. Табл. 30, 33; Васкс, 1991. С. 70). По сравнению с посудой КРШК, горшки имеют более тонкие стенки. Их толщина, как правило, составляет 0,5—0,6 см.

Обжиг сосудов КПШК производился на костре, отчего на некоторых из них прослеживаются пятна различных оттенков из-за неравномерности нагрева. В целом же отмечено преобладание керамики светлых тонов (серых, бежевых, светло-коричневых) над темными (темно-серыми, коричневыми, темно-коричневыми и черными). Последние составляют незначительный процент (Большие Споры — 16 %, Ворончa — 2 %, Вязынка — 6 %, Збаровичи — 15 %, Малышки — 42 %). Исключение составляют два городища, на которых процентное соотношение светлых и темных сосудов примерно равное: Ивань — 48/52 %, Кащеличи — 50/50 %. Как отмечено ранее, в КРШК тенденция была обратной.

Для КПШК были характерны преимущественно горшки ребристых форм, различающиеся между собой характером изогнутости венчика и оформлением его края. Единой типологии, которая учитывала бы региональные особенности, для этой посуды не существует. Один из основных исследователей культуры А. Г. Митрофанов в результате анализа керамического комплекса ряда городищ Средней Беларуси выделил два типа, А и Б, различающиеся между собой пропорциями (Митрофанов, 1978. С. 31). Предложенная исследователем типология не может быть применима, поскольку целые либо реконструируемые формы горшков представлены лишь единичными экземплярами, а фрагментированные части, как правило, не дают данных для основных характеристик. В свою очередь Е. Григалавичене, характеризуя ребристую посуду из городищ Литвы, отдельные типы не выделяла (Grigalavičienė, 1986a. 29 pav.; Grigalavičienė, 1986b. 38: a pav.). Сравнительно развернутую типологию ребристой керамики Юго-Восточной Латвии предложил А. В. Васкс. На основании профилировки верхних частей сосудов он выделил два типа К1 и К2, внутри которых могут быть варианты в зависимости от оформления края венчика (Васкс, 1991. С. 22. Рис. 1). Предложенная А. В. Васксом схема наиболее полно отражает типологические различия ребристой керамики и может быть принята за основу. Необходимо отметить, что она уже используется отдельными белорусскими исследователями с учетом местных особенностей посуды (Медведев, 1996. С. 38. Рис. 81; Ильютик, 1998. С. 27, 28. Рис. 3: 31—41).

Пригодный для анализа керамический комплекс, прежде всего венчики, показывает, что среди ребристых горшков можно выделить три типа, которые различаются между собой по форме изгиба венчика: 1) сосуды с прямым склоненным внутрь венчиком (рис. 20; 1); 2) сосуды с вертикально поставленным венчиком (рис. 20: 2); 3) сосуды, у которых край венчика отогнут наружу (рис. 20: 3).

Следует подчеркнуть, что в подавляющем большинстве все типы ребристых горшков, в отличие от слабопрофилированных и баночных, имеют уплощенный срез венчика. Их вариантные особенности связаны с оформлением окончаний венчиков. Вариант А. Венчик равномерной толщины (вариант I по А. Васксу). Характерны для всех трех типов горшков. Вариант Б. Утолщающийся к срезу венчик (вариант V по А. Васксу). Подобное завершение присуще для части горшков второго типа. Вариант В. Плоский венчик с Г-образным выступом с лицевой стороны (вариант T по А. Васксу). Горшки подобной формы также характерны для второго варианта. Вариант Г. Т-образное оформление среза венчика. Такие сосуды отмечены в Юго-Восточной Латвии. Вариант Д. Канелированный венчик. Он представлен единичными экземплярами на городище Збаровичи.

У всех без исключения типов горшков максимальное расширение приходится на ребро, расположенное в верхней трети высоты. Степень ребристости у различных сосу-

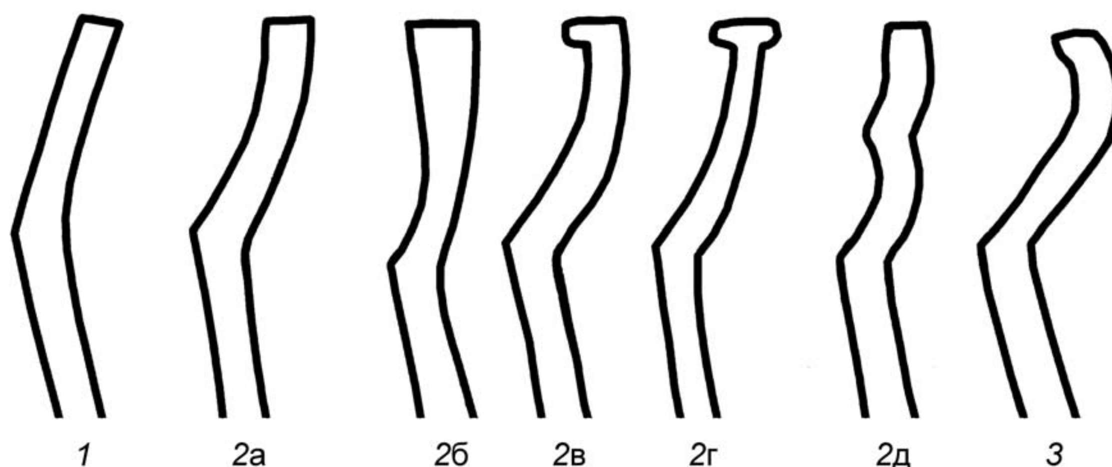


Рис. 20. Типология верхних частей горшков культуры поздней штрихованной керамики

дов выражена по-разному. Наиболее отчетливо, а точнее резко, ребро прослеживается на горшках из Юго-Восточной Литвы (Аукштадварис, Няменчине). Невыразительный, часто сглаженный перелом характерен главным образом для северной части ареала культуры (Северо-Восточная Литва, Юго-Восточная Латвия, Северо-Западная Беларусь). В других местах (Центральная Беларусь, Предполесье) отмечены как ярко выраженные ребристые горшки, так и горшки со сглаженным, почти нивелированным ребром. Объяснить это только с позиций хронологических изменений, как это делал А. Г. Митрофанов, невозможно. Сосуды с неотчетливым, практически утраченным ребром встречаются на всем протяжении культуры, даже в период ее расцвета, в I—II вв. н. э. (Ивань, Вязынка, Малышки, Мысли, Збаровичи и др.).

Заметно отличается характер и направленность штриховки ребристых горшков от посуды КРШК. Как правило, штриховка в первых веках н. э. наносилась на тулове, от ребра до днища. При этом собственно венчик оставался гладким. Исключение составляют горшки I типа. В ряде случаев у них отмечена горизонтальная штриховка венчика и вертикальная тулова. Для большинства горшков КПШК доминирующей была вертикальная штриховка, процент которой колеблется от 69 (Малышки) до 90 (Большие Споры, Ивань). Беспорядочная штриховка, столь характерная для посуды КРШК, в процентном отношении занимает второе место. Ее доля составляет от 5 % (Большие Споры) до 24 % (Збаровичи). На ряде городищ белорусского ареала отмечена диагональная штриховка тулова, однако в количественном отношении она значительно уступает двум предыдущим: от 1 % (Ивань) до 7 % (Малышки). Среди редких видов бороздчатой обработки поверхности можно отметить горизонтальную штриховку (Збаровичи — 1 %, Большие Споры — 5 %) и перекрестную, в результате которой формировалась квадратная или ромбическая орнаментальная направленность (Вязынка — 1 %, Воронча, Ивань, Малышки — 3 %).

Штрихи на поверхности горшков имеют разную степень выразительности: от едва заметных до очень рельефных. И те и другие встречаются на посуде практически всех городищ. Однако есть и отличительные моменты, связанные, по-видимому, с местными традициями. Так, например, в Збаровичах часто нанесенные рельефные штрихи имеют следы последующего сглаживания (43 %). На посуде других городищ этот прием либо отсутствует, либо встречается крайне редко (Большие Споры, Малышки). С другой стороны, в Ивани многие горшки покрыты очень мелкой, часто едва заметной штриховкой (56 %).

Одной из отличительных черт ребристых горшков является орнаментация. Она более разнообразна по способу нанесения и видам декора, чем у баночных и слабопрофилированных сосудов КРШК. В первых веках н. э. значительно увеличивается количество орнаментированных горшков, достигая на отдельных поселениях (Ивань) 25 % (Егорейченко, 1996. С. 35). Как правило, орнамент наносился на ребре сосуда (иногда с переходом

на тулово), реже — на венчике. По способу нанесения выделены следующие виды декора: 1) защипной; 2) ямочный; 3) пальцевые вдавления; 4) ногтевой; 5) нарезной; 6) оттиски специального штампа. На некоторых поселениях отмечены комбинации, состоящие из двух и более видов.

Самым распространенным способом декорирования посуды был защипной, представленный двумя вариациями: горизонтальными и вертикальными (табл. 44: 6—10, 12, 13, 15). Преобладают первые. В отдельных случаях пальцевые защипы нанесены под небольшим углом друг к другу, образуя в целом волнистую линию (Danilaitė, 1968. 2: 9, 10 pav.). Подобное декорирование в большей степени характерно для памятников Восточной Литвы, в меньшей — для сопредельных районов Беларуси. В целом пальцевые защипы известны абсолютно во всем ареале культуры.

Вторым по численности является ямочный орнамент. Как и защипной, он чаще всего нанесен на ребре (табл. 43: 7, 11, 12, 14—19). Ямки обычно располагаются в одну линию через определенные интервалы. На отдельных фрагментах горшков они сгруппированы в треугольники, направленные своими вершинами вниз. Диаметр ямок редко превышает 0,3—0,4 см. Этот вид орнамента также встречается во всем ареале культуры.

Остальные виды нанесения декора имеют более редкое распространение. На территории Восточной Литвы, особенно в среднем течении Немана, часты находки с оттисками прямоугольного или квадратного штампа, составляющие геометрические композиции (табл. 43: 9, 10, 13). В белорусском ареале культуры этот прием встречается реже, главным образом в бассейне Вилии (Городище Мядельского р-на, Збаровичи, Кащеличи, Малышки, Ревячка), хотя отдельные находки отмечены и южнее, в верховьях левобережных притоков Припяти (Ивань, Турец). В этом регионе прямоугольные вдавления на посуде, как правило, располагались на ребре в одну линию.

Для Восточной Литвы был характерен и орнамент в виде пальцевых вдавлений, нанесенных в основном в районе ребра горшка. Для посуды белорусского ареала он не типичен. Однако здесь на ряде городищ (Кащеличи, Малышки, Мысли) отмечены пальцевые вдавления по краю венчика, вследствие чего он приобретал волнистую форму (табл. 43: 8, табл. 44: 1).

Следующим видом орнамента был ногтевой, также расположенный на ребре сосудов. По способу нанесения он близок пальцевым защипам, что дало повод А. Г. Митрофанову считать его деградированной формой этого приема на горшках из поздних памятников (Митрофанов, 1978. С. 33). С такой точкой зрения трудно согласиться, поскольку отпечатки ногтей на посуде встречаются и на ранних поселениях культуры (Ивань). Ногтевые вдавления, как и защипы, могли быть вертикальными и горизонтальными, причем первые для территории Беларуси не характерны (табл. 44: 1, 3, 13, 14).

Орнамент в виде нарезных линий был наименее распространенным. В подавляющем большинстве его наносили на заглаженном венчике. В композиционном плане он достаточно разнообразен. 1. Вертикально прочерченные линии, нередко сгруппированные по две-три в пучок (Митрофанов, 1978. Рис. 18: 4). Как разновидность выделяется орнамент, отмеченный в Ивани в виде пяти вертикальных линий, крайние из которых увенчаны «флажками» (Егорейченко, 1996. Рис. 24: 4). 2. Зигзагообразный орнамент из сдвоенных линий (табл. 42: 3). 3. Х-образные композиции (табл. 43: 8). 4. Волнистая линия (табл. 43: 4). Подобные виды орнамента в большей степени характерны для посуды поселений белорусского ареала (Збаровичи, Ивань, Кащеличи, Лабенщина, Малышки, Ревячка). Не трудно заметить, что многие из этих композиций (зигзаги, пучки, «флажки», Х-образные линии) сопоставимы с орнаментами, встречающимися на глиняных пряслицах этой же культуры.

На некоторых горшках отмечены композиции, выполненные несколькими орнаментальными приемами. Так, на одном сосуде из Лабенщины имелся комбинированный узор из нарезных линий и защипов. Первые формировали сдвоенный зигзагообразный рисунок на заглаженном венчике. Ниже, собственно на ребре, были нанесены в один ряд горизонтальные защипы, а под ними на тулове размещены три группы вертикальных защипов, образующих треугольники, направленные своими вершинами вниз (табл. 42: 3). Такие сравнительно сложные многозон-

Таблица VII

Виды орнаментов на посуде белорусского ареала КПШК

Памятник	Защипной			Ямочный		Пальцевые вдавления		Ногтевой		Нарезной	Штамп	Комбинированный
	горизонтальный	диагональный	вертикальный	один ряд	несколько рядов	на ребре	по краю венчика	горизонтальный	вертикальный			
1. Аноошки	X											
2. Большие Споры												
3. Васильковка	X		X	X								
4. Воронча	X	X	X									
5. Вязынка	X			X				X				
6. Городище	X		X								X	
7. Збаровичи	X		X	X				X		X	X	X
8. Ивань	X		X	X	X			X		X	X	X
9. Кащеличи	X	X	X	X			X			X	X	
10. Кимия	X											
11. Лабенщина	X		X	X	X	X				X		X
12. Малышки	X			X			X			X	X	X
13. Мысли	X	X	X	X			X		X			
14. Новоселки			X									
15. Ревячка	X									X	X	
16. Туры	X										X	

ные композиции для посуды белорусского ареала не характерны. Отмечу лишь волнистое оформление края венчика с помощью вдавлений вместе с пальцевыми защипами на ребре, отмеченные на некоторых горшках из городища Кащеличи. Еще один вид комбинированного орнамента выявлен на венчике из Ивани. Он представлял собой зигзагообразную композицию из групп параллельных линий (по три в каждой), оконтуренных с внешних сторон точечными вдавлениями (табл. 43: 1).

Рассматривая орнаментальные приемы штрихованной посуды в Литве, Е. Данилайте (Григалавичене) выделяет три области по качественным и количественным параметрам: 1) северо-восток Литвы; 2) район между Нярисом (Вилией) и средним течением Немана; 3) территория среднего течения Немана. В первой области орнаментация горшков встречается редко и представлена только пальцевыми защипами и ямочными вдавлениями. Вторая группа памятников отличается богатством орнаментальных приемов и их частым применением. В третьей области также известны все виды орнаментации, в том числе штамп и пальцевые вдавления, менее характерные для других групп, однако декорированная посуда здесь встречается реже (Danilaitė, 1968. P. 56, 57).

Учитывая новые публикации, касающиеся памятников Беларуси и Латвии, это наблюдение можно существенно дополнить. Низкий процент орнаментированных горшков, как и приемов нанесения декора, отмечается на северо-востоке Литвы, в Юго-Восточной Латвии и в Северо-Западной Беларуси, т. е. в области распространения предшествующей КРШК. Ранее уже отмечалось, что здесь ребристая посуда не столь выразительна и представлена сравнительно небольшим количеством. В редких случаях она украшена пальцевыми защипами и ямочными вдавлениями. Такая же ситуация с орнаментацией отмечена на восточной и юго-западной периферии КПШК (Аношки, Ворончa, Городище Барановичского р-на, Кимия, Новоселки, Турец и др.).

Наиболее разнообразные и часто встречающиеся приемы декора зафиксированы в бассейне Вилии и в верховьях левобережных притоков Припяти. На территории Центральной Беларуси выделяется группа городищ (Збаровичи, Ивань, Кащеличи, Малышки, Мысли), посуда которых имеет почти все виды орнаментации (табл. VII). Наконец, можно согласиться с мнением Е. Данилайте, выделившей среднее течение Немана в особую группу, поскольку пальцевые вдавления и геометрический орнамент нигде, кроме этой территории, широкого распространения не получили.

Среди редких форм посуды КПШК нельзя не отметить группу полусферических сосудов, найденных преимущественно на городище Ивань. К сожалению, все они представлены малыми фрагментами, что затрудняет их характеристику. Тем не менее, судя по профилировке верхних частей, можно предположить, что это были мисковидные или баночные сосуды с уплощенным либо округлым дном (Егорейченко, 1996. Рис. 26). Их диаметр по внутреннему срезу венчика колебался от 10 до 24 см. Большая часть фрагментов этой посуды покрыта сплошной штриховкой от венчика до днища, хотя есть и гладкостенные экземпляры. На других памятниках культуры аналогичные формы представлены единичными находками (Митрофанов, 1978. Рис. 18: 1, 2. Рис. 24: 4).

3.4.2. Инструментарий

В КПШК камень и кость как сырье практически полностью выходят из употребления. На смену им появляется железо, из которого изготовлено подавляющее большинство изделий. Они разнообразны и охватывают практически весь спектр хозяйственной и бытовой деятельности. Среди универсальных орудий труда особое место занимают топоры и кельты. По-видимому, основное их назначение заключалось в сведении лесов под участки, пригодные для подсечного земледелия. Наряду с этим они применялись в домостроительстве, а также при бытовой обработке древесины. Находки собственно топоров на поселениях культуры редки. К ним относятся целые экземпляры из Малышек и Гораней (табл. 46: 5), а также фрагмент лезвия, найденный в Лабенщине. По своему виду они сопоставимы с топорами южноприбалтийского типа, которые датируются первыми веками н. э. (Митрофанов, 1978. С. 34). По мнению М. Михельбертаса, такие изделия в Литве появляются не ранее 150 г. н. э., а по-

всеместное распространение получают позднее, с 300 г. н. э. (Michelbertas, 1986. P. 162). Значительно чаще на городищах культуры встречаются железные кельты с прямоугольной втулкой (табл. 45: 1—3). Они в основном обнаружены в южной части ареала (Ивань — 2 экз., Петровичи — 1, Слуцк — 1), реже — в Северо-Западной Беларуси (Городище Мядельского р-на — 1) и Литве (Аукштадварис — 1). Кельты — однотипны и отличаются только размерами. Аналогичные изделия были характерны для носителей зарубинецкой культуры (Поболь, 1973. Рис. 60: 21. Рис. 65: 2. Рис. 67: 3).

Среди предметов, связанных с обработкой дерева, представляет интерес ряд изделий, имеющих узкое топоровидное лезвие и массивный длинный черенок, отделенный от лезвия круговым уступом (табл. 45: 4, 6, 7). Подобные орудия труда обнаружены на большей части ареала культуры: Дедиловичи (1), Кащеличи (2), Лабенщина (1), Няменчине (1). По мнению А. Г. Митрофанова, они характерны только для балтских племен (Митрофанов, 1978. С. 35).

В отличие от КРШК, где орудия уборки урожая неизвестны, в КПШК жатвенные ножи и серпы представлены на большинстве исследованных поселений. О том, что земледелие играло существенную роль в общей системе хозяйственного уклада, свидетельствует массовость этой категории находок. Так, например, в Лабенщине обнаружено 18 экземпляров, в Ивани — 42. Общее количество их к настоящему времени превышает 100 (около 40 — жатвенные ножи, остальные — серпы).

Для жатвенных ножей было характерно прямое или слегка изогнутое лезвие, переходящее в черешок под углом 140—160°, и изогнутая спинка. В большинстве случаев переход лезвия в черешок у них был оформлен в виде уступа, однако известны экземпляры, у которых место перехода между рабочей частью и черешком трудноуловимо (табл. 46). Размеры целых ножей колеблются в следующих пределах: длина лезвия — 8—15 см, ширина — 1,5—2,5 см, длина черешка — 3—8 см. Близкие по форме экземпляры относятся к группе 1, вариант А по классификации Р. С. Минасяна, и датируются I—IV вв. н. э. (Минасян, 1978. С. 78. Рис. 2: 1—10). Такие ножи известны главным образом в днепровской части ДДК, но отнесены Е. А. Шмидтом к категории ножей с горбатой спинкой (Шмидт, 1992. Табл. 20: 1, 5). Среди рассмотренных ножей выделяется своей формой экземпляр, найденный в процессе обследования разрушенного городища Нурвяны Браславского р-на Витебской обл. У него — сравнительно прямое лезвие, конец которого загнут под тупым углом вовнутрь. Черешок ножа отделен от лезвия с внутренней стороны уступом (табл. 46: 8). По классификации Р. С. Минасяна, он относится к варианту В первой группы (Минасян, 1978. С. 78. Рис. 2: 17—20). Изделия такого типа характерны для ДДК и датированы последними веками до н. э. — первыми веками н. э., хотя правильней будет относить их к первым векам н. э.

В отличие от жатвенных ножей серпы имеют иную форму. Для них характерен более крутой изгиб лезвия, которое переходит в черешок под углом 90—130° путем специально выделенного выступа либо без него. По способу крепления рукояти они подразделяются на два вида: черешковые (табл. 47) и с крючком на пятке (табл. 48). Преобладают первые. Подавляющая часть черешковых серпов относится к IV и V типам, по классификации Ю. А. Краснова, либо к варианту Д группы I, согласно классификационной схеме Р. С. Минасяна (Краснов, 1971. С. 74, 75; Минасян, 1978. С. 79. Рис. 3). Сходные находки известны и на дьяковских поселениях, где их появление связывают с проникновением балтских племен (Дубынин, 1974. С. 227. Табл. VII: 3, 14; Смирнов, 1974. С. 40. Табл. III: 9). Находки серпов с крючками на пятке редки. Они обнаружены на следующих городищах: Аношки (1), Городище Мядельского р-на (2), Кащеличи (1), Некасецк (1), Няменчине (1). Большинство из этих поселений имеет напластования третьей четверти I тыс. н. э., поэтому их связь с КПШК хотя и вероятна, но не достоверна. В отличие от традиционных черешковых серпов они значительно крупнее и по своим характеристикам приближаются к косам. В этой связи отнесение их к числу жатвенных орудий труда условно (Минасян, 1978. С. 79; Медведев, 1996. С. 32). По классификации Р. С. Минасяна они относятся ко II группе (первая подгруппа) серпов, которые характерны главным образом для лесостепной и

степной зон Восточной Европы (Минасян, 1978. С. 79. Рис. 4). В лесной зоне помимо КПШК они в незначительном количестве отмечены в пшеворской, днепро-двинской и дьяковской культурах (Godłowski, 1977. S. 91. Tabl. 40: 7; Шмидт, 1992. Табл. 26: 4; Смирнов, 1974. Табл. III: 11). Судя по датировке серпа из Няменчине (II—III вв. н. э.), подобные орудия труда появляются ближе к концу существования КПШК. А. М. Медведев склонен относить наиболее крупные образцы к еще более позднему времени, IV—V вв. н. э. (Медведев, 1996. С. 33).

Среди орудий труда, обнаруженных на поселениях, большую группу составляют железные ножи. К настоящему времени их известно свыше 40 экземпляров. Типологически они подразделяются на две группы: 1) ножи с горбатой спинкой (табл. 49); 2) ножи с прямой спинкой (табл. 50). По мнению А. Г. Митрофанова, с которым можно согласиться, первые появляются раньше, примерно в I в. до н. э., но бытуют довольно долго (Митрофанов, 1978. С. 34, 35). Так, например, они выявлены на городищах Лабенщина (верхний слой) и Малышки, имеющих отложения III в. н. э. Ножи с прямой спинкой количественно преобладали и бытовали практически на всем протяжении существования культуры. Определенной стандартизации в размерах ножей не существовало. Можно лишь отметить, что ножи с прямой спинкой, как правило, длиннее (12—18 см), чем ножи с горбатой спинкой (8—12 см). Аналогичные по форме и размерам орудия труда известны среди большинства синхронных смежных культур (Шадыро, 1985. Рис. 35: 1, 6—9; Шмидт, 1992. Табл. 23; Мельниковская, 1967. Рис. 23: 1, 2, 5; Самойловский, 1959. С. 90. Табл. 5: 115; Третьяков, 1959. С. 139. Рис. 12: 8; Поболь, 1971. Рис. 66: 8; Дубынин, 1974. С. 262. Табл. VIII: 7, 21; Археалогія Беларусі, 1999. Мал. 27: 1, 5, 6; и др.). На черенок ножей набивали деревянные или костяные рукояти. Чаще всего они были цельными (табл. 67: 1), однако существовали и такие ножи, у которых рукоять была накладной. Одна пластина от такой рукояти, украшенная циркульным орнаментом и имевшая отверстие от заклепки, обнаружена на городище Кащеличи (табл. 67: 2).

Кузнечный инструментарий представлен единичными находками. Так, на городище у д. Городище Мядельского р-на было найдено зубило, длина которого составляла 17,2 см. (Егорейченко, 2005. Рис. 7: 1)

Большую группу орудий труда составляют железные шилья. Они представляют собой стержни, имеющие круглую в сечении рабочую часть, заостренную к концу, и четырехгранный черешок (табл. 51), на который насаживалась деревянная или костяная рукоять (Митрофанов, 1978. Рис. 22: 12). Их длина колеблется от 8 до 20 см. Аналогии этим шильям известны в целом ряде культур лесной полосы железного века. Они, в частности, обнаружены на милоградских, зарубинецких, днепро-двинских, юхновских, дьяковских поселениях (Мельниковская, 1967. Рис. 24: 8, 10, 11; Максимов, 1982. Табл. XXVIII: 6, 7; Бидзиля, Пачкова, 1969. С. 70. Рис. 11: 18; Шут, 1966. Рис. 6: 10. Рис. 7: 11, 15. Рис. 10: 6—9; Шадыро, 1985. Рис. 36: 1—6, 9, 10; Пузикова, 1981. Рис. 37: 17—22; Дубынин, 1974. Табл. IX: 26 и др.).

На многих поселениях (Горани, Ивань, Кащеличи, Кимия, Лабенщина, Мысли, Новоселки) найдены железные иглы, представляющие собой заостренные с одного конца круглые стержни с ушком для протягивания нити (табл. 52: 1—4, 6—11). Длина целых экземпляров достигает 10 см.

На городище Мысли обнаружены единственные в культуре пружинные ножницы (табл. 52: 12). Это — наиболее ранний экземпляр подобных изделий в Восточной Европе. Аналогии им имеются в целом ряде провинциальноримских культур Центральной Европы (PZP, 1981. Ryc. 25. Ryc. 26: 13. Ryc. 109. Tabl. XXIX: 8; Godłowski, Wichman, 1998. Taf. XIV: 8. Taf. XXVII: 14. Taf. XXVIII: 8. Taf. LXXXIII: 4. Taf. LXXXVI: 1; Pietrzak, 1997. Taf. XV: 2; Dąbrowska, 1997. Taf. XIX: 4. Taf. LXXX: 8).

Индивидуальные средства рыбной ловли характеризуются железными рыболовными крючками, найденными на городищах Горани (9 экз.), Ивань (1), Няверишке (2), Ратюнки (1), Сокишкяй (1). По конструктивным особенностям они подразделяются на два типа: 1) с кольцевидным цевьем (табл. 53: 4, 6, 7, 10, 13); 2) крючки с прямым цевьем (табл. 53: 1—3, 5, 8, 11). Близкие по форме орудия рыбной ловли известны и в других культурах лесной полосы (Шмидт, 1992. Табл. 28: 8; Смирнов, 1974. Табл. II: 13; Третьяков, 1959). Не исключе-

но, что со слоем КПШК связаны обломки острог, выявленные на городищах Горани и Няверишке (табл. 53: 9, 12). Аналогичный по форме экземпляр был найден на укрепленном поселении в Чаплине (Третьяков, 1959. Рис. 13: 10).

Единственной находкой в культуре представлен бронзовый пинцет, обнаруженный на городище Мысли (табл. 52: 4). Подобные изделия были характерны для многих провинциальноримских культур, однако наиболее близкой аналогией по форме и пропорциям является пинцет, происходящий из погребения 1 могильника Крапковице и погребения 20 (фаза B2) в могильнике Хмелев Пясковы пшеворской культуры (Godłowski, 1977. Tabl. XX: 12; Godłowski, Wichmann, 1998. Taf. XXVI: 18).

Камень как сырье для изготовления орудий труда применялся крайне редко. Из него делали главным образом зернотерки, находки которых отмечены на большинстве городищ. Их основу составлял крупный камень-валун, верхняя часть которого была сточена и от длительного применения имела выемку, образованную в результате работы терочником. В отличие от ранних пестов он имел вид уплощенного овала (табл. 73: 5). Из мелкозернистого камня, чаще всего песчаника, изготовляли точильные бруски.

3.4.3. Оружие, снаряжение всадника и верхового коня

Комплекс оружия и снаряжения воина у носителей КПШК значительно отличается от того, какой был характерен для племен КРШК. Существенное различие состоит прежде всего в том, что в первых веках н. э. доминирующее значение имело оружие ближнего боя. Наконечники стрел, за исключением одного фрагментированного из раскопок городища у д. Городище Барановичского р-на, отсутствуют. По-видимому, это был двушипный втульчатый наконечник, аналогии которому А. М. Медведев видит в западнобалтском ареале и датирует II—IV вв. н. э. (Медведев, 1996. С. 31). Впрочем, нельзя исключать и более позднее происхождение этой находки. Как известно, сходные стрелы имели широкое хождение во второй половине I тыс. н. э. (Вергей, 1997. Рис. 1: 8; Археалогія Беларусі, 1999. Мал. 109: 1—3. Мал. 119: 5; Зайкоўскі, 1995. Мал. 7: 1; Штыхов, 1966. Рис. 7: 3).

Основу вооружения носителей КПШК составляли железные копья и дротики. К числу наиболее ранних находок оружейной серии А. Г. Митрофанов относил обломок верхней части наконечника копья, найденный в нижнем горизонте городища Лабенщина (табл. 54: 2). Основываясь на поперечном сечении лезвия, он датировал этот образец эпохой среднего латена (Митрофанов, 1978. С. 37). Подобное утверждение хотя и допустимо, однако однозначно воспринято быть не может, поскольку наконечники копий с ярко выраженным ребром по центру лезвия характерны для многих центральноевропейских культур предримского и римского времени (PZP, 1981. Tabl. IX: 6—8,10, 12, 13. Tabl. XI: 3—8, 13. Tabl. XX: 12, 33, 46. Ryc. 45: 1. Tabl. XXXII: 12—14. Tabl. XXXV: 10. Ryc. 10).

По одному целому наконечнику обнаружено на городищах Аздятичи, Ивань, Кащеличи, Малышки, Свидно (не сохранился). Все они — втульчатые, за исключением одного (Кащеличи), их объединяет листовидная форма пера и одинаковое соотношение длины пера к длине втулки, которое составляет 2:1. Сечение боевой части — ромбовидное, ребро — слабо выраженное (табл. 54: 7—9). Копья подобных форм и пропорций имели очень широкие территориальные и хронологические рамки. Они появились еще в V—III вв. до н. э. у скифов, но продолжают встречаться даже в эпоху Древней Руси (Мелюкова, 1964. Табл. 14: 10; Казакявичюс, 1988; Кирпичников, 1966. С. 12, 13. Табл. II: 4—6. Табл. 6). Более близкими территориальными и хронологическими аналогиями этим наконечникам являются находки из Чаплинского могильника зарубинецкой культуры (Поболь, 1973. Рис. 19: 18. Рис. 28: 12. Рис. 44: 7. Рис. 47: 11), на днепро-двинском городище Бураково (Шадыро, 1985. Рис. 37: 1), из могильника Румя оксывской культуры (PZP, 1981. Ryc. 44: 4). Чаплинские наконечники В. Е. Еременко отнес в основном к 4-й фазе могильника, которую он синхронизировал с латеном D2 (Еременко, 1997. С. 159. Рис. 57). Этим же временем датируются и оксывские находки (PZP, 1981. Ryc. 44: 4; Еременко, 1997. С. 159). Аналогичные наконечники копий из погребений пшевор-

ской культуры, отнесенные П. Качановским к типу X, были характерны для фазы B2 (Kaczanowski, 1995. Tabl. XX). Мне представляется более обоснованным сопоставлять рассматриваемое оружие КПШК с зарубинецкими аналогами, поскольку параллели с зарубинецкой культурой прослеживаются и по ряду других находок (фибулы, кельты, бусы). В пользу этого свидетельствует и наконечник копья из Ивани, обнаруженный в предматериковом слое, который датирован временем не ранее середины I в. до н. э. (Егорейченко, 1996. Табл. 1).

Наконечник копья, обнаруженный на городище Кащеличи, по своей форме и пропорциям стоит особняком от вышерассмотренной серии. Для него характерны удлиненно-ромбическая форма пера со сглаженными плечиками и расширяющаяся книзу втулка (табл. 54: 6). Он — меньше по размерам, а соотношение длины пера к длине втулки у него составляет примерно 1:1. Ближайшими аналогиями этому копью являются находка из кургана 123 в Осове западнобалтийской культуры (фаза B2/C1 — C1) [PZP, 1981. Tabl. XXXIV: 23], наконечник, обнаруженный на Щербинском городище дьяковской культуры в слое III—IV вв. н. э., а также копья VIII типа пшеворской культуры, характерные для фазы B2 — C1a (Дубынин, 1974. Табл. VII: 6; Kaczanowski, 1995. Tabl. IX: 5. Tabl. XX). Известны они и в богачевской культуре, где по аналогии с пшеворскими отнесены к фазе B2/C1 — C1 (Karczewski, 1999. Ryc. 15: 2. S. 102). Характеризуя наконечник копья из Кащелич, А. М. Медведев отнес его к типу IVБ по В. Казакявичюсу и датировал IV—V вв. н. э. (Медведев, 1996. С. 31). Однако следует отметить, что воспроизведенный им рисунок находки не точен — у него явно выраженное ромбовидное, а не лавролистное перо, поэтому его связь с копьями типа IVБ и соответственно датировка представляются неверными. В Литве действительно имеются аналоги кащеличскому наконечнику. По классификации В. Казакявичюса — это тип IB, с пером в виде вытянутого ромба и соотношением длины пера к длине втулки 1:1. Подобные копья в Литве имели хождение главным образом в III—IV вв. н. э. (Казакявичюс, 1988. С. 27, 29. Рис. 8).

Следующую категорию оружия ближнего боя составляют втульчатые двушипные дротики (табл. 54: 1, 3—5). Они обнаружены на городищах Банцеровщина (2), Богутишки (1), Лабенщина (1), Малышки (3 фр.), Офяришки (1). Ближайшими аналогиями им являются находки из Чаплинского могильника и днепро-двинских городищ Августово и Бураково (Поболь, 1973. Рис. 35: 6. Рис. 55: 15, 21. Рис. 70: 3; Шадыро, 1985. Рис. 37: 2, 3). А. Г. Митрофанов полагал, что дротики бытовали в более раннее время, по сравнению с копьями, и датировал их III—I вв. до н. э. (Митрофанов, 1978. С. 37, 38). Подобная хронология этого оружия представляется неоправданной. По мнению В. Е. Еременко, дротики из Чаплина относятся к второй фазе погребений, которую он отнес к ступени D1 эпохи позднего латена (120—60 гг. до н. э.) [Еременко, Журавлев, 1992. С. 67. Рис. 6: 13, 14; Еременко, 1997. С. 158]. Вместе с тем следует учитывать и то обстоятельство, что в некоторых культурах, в частности в оксывской и пшеворской на территории Польши, аналогичное оружие встречается в комплексах I в. н. э. (PZP, 1981. Tabl. XI: 2. Ryc. 44: 5). Более того, по мнению П. Качановского, такие наконечники в пшеворской культуре характерны исключительно для фазы B1 раннеримского времени (Kaczanowski, 1995. XVI: 8. Tabl. XXI). Учитывая вышесказанное, более приемлемой датировкой дротиков КПШК нужно считать конец I в. до н. э. — I в. н. э.

К предметам оружейного комплекса относятся два железных втока, обнаруженных на городищах Оздятичи и Лабенщина. Судя по хорошо сохранившемуся экземпляру из Оздятич, они представляли собой трубчатый конус длиной до 18 см, с диаметром отверстия, сопоставимым с диаметром втулок копий (3 см).

Не исключено, что в отдельных случаях применялись кинжалы. Находок такого оружия в ареале культуры нет, однако о его существовании свидетельствует уникальная костяная рукоять из Ивани, в торцовой части которой сохранился след от лезвия шириной до 3 см, что несопоставимо с шириной лезвий ножей того времени. Она имела удлиненно-трапециевидную форму. Наиболее широкая часть рукояти, примыкавшая к лезвию, была выделена сплошной прорезной линией в треугольник и покрыта елочным орнаментом. В центре ручки имелись три кру-

говые бороздки, а на остальной части был нанесен циркульный орнамент. Декорирован и торцовый срез. В центре его нанесен циркульный узор, а по бокам — насечки (табл. 67: 3).

О появлении среди носителей КПШК конных воинов свидетельствуют железные шпоры, которые обнаружены на многих поселениях: Аношки (1), Ворончa (1), Ивань (1), Лабенщина (1), Сокишкяй (1). Такие же находки известны на городищах у д. Городище Мядельского р-на (3) и Дедиловичи (1), однако их связь с КПШК не бесспорна, поскольку верхние слои этих поселений содержат напластования банцеровской культуры. Большинство из них сделано из пластин. Два экземпляра (Ивань, Лабенщина) выполнены из толстой проволоки. Концы всех шпор завершаются загнутыми крючками, на вершине дуги располагался шип (табл. 55: 1—5). По классификации В. Б. Перхавко они относятся к V типу, вариантам А и Б, который он датировал III—V вв. н. э. (Перхавко, 1978. С. 122). Мне представляется, что появление шпор с крючками относится к более раннему времени. Так, шпора из Ивани была обнаружена в верхнем слое городища, который не содержит материалов середины — третьей четверти I тыс. н. э. и датируется ранней глазчатой фибулой фазы В1в раннеримского периода (Егорейченко, 1996. С. 24). Не противоречат такой корректировке и находки аналогичных изделий на памятниках горизонта Рахны — Почеп (Марьяновка, Лютеж), хронология которых не выходит за пределы I—II вв. н. э. (Максимов, 1982. Табл. XXIII: 4; Этнокультурная карта ..., 1985. С. 177; Щукин, 1994. Рис. 83).

По-видимому, с конской сбруей связаны железные соединительные кольца диаметром от 2 до 4,5 см, обнаруженные на городищах Горани, Ивань, Кащеличи и Лабенщина (табл. 55: 6, 7, 9). Они по своим характеристикам ничем не отличаются от колец, известных в центральноевропейских культурах предримского и римского времени (Nowakowski, 1996. Taf. 81. Taf. 95; Dąbrowska, 1997. Taf. LXII. Taf. XCIII. Taf. CXXVII. Taf. CXXXVIII. Taf. CXLVII. Taf. CLXX. Taf. CLXXXIV). В Ивани отмечена также единственная в ареале культуры находка двучленных удил (табл. 55: 8), аналоги которым можно найти в смежных синхронных культурах (Смирнов, 1974. Табл. VIII: 5, 7, 8; Обломский, 2003. Рис. 92: 8; Nowakowski, 1998. Taf. 5: 71; Tikhanova, Shcheglova, Shchukin, Sharov, 1999. Fig. 5: 5).

3.4.4. Бытовые изделия

Находки бытового назначения — единичны. Среди них особого внимания заслуживают бритвы. Известно четыре экземпляра, происходящие из городищ Банцеровщина, Лабенщина, Няверишке и Ратюнки. Все они фрагментированы, однако судя по сохранившимся обломкам имели различную форму. У единственной из представленных бритв (Няверишке) имеется отчетливо выраженный переход от лезвия к держателю (табл. 56: 2). А. А. Александров вслед за Е. Григалавичене датировал эту находку III—IV вв. н. э. (Александров, 1989. С. 26), однако с предложенной датировкой согласиться нельзя. Близкие по форме экземпляры происходят из погребений 121 и 280 могильника вельбаркской культуры Любовидз, относящихся к фазе В1 раннеримского периода (Wołągiewicz, 1995. Tab. 3. Taf. XIX. Taf. XXXII: 10). К этому же времени относил сходные находки и Р. Хахманн (Hachmann, 1960. Taf. 8: 15).

Бритвы белорусского ареала объединяет только то, что лезвие у них плавно переходит в ручку без каких-либо выступов, что не характерно для классических латенских и римских экземпляров. Бесспорно, все они являются подражаниями, поэтому поиск точных аналогий заводит в тупик. У бритв из Банцеровщины и Ивани конец ручки завершается крючком (табл. 56: 4, 5). По-видимому, ее прототипами послужили бритвы раннеримского периода (Hachmann, 1960. Taf. 8: 20; Wołągiewicz, 1995. Taf. XXVII: 4. Tab. 3). Еще одна схожая находка происходит из могильника В в Ябара на территории Эстонии, где погребения совершались на протяжении I—IV вв. н. э. (Шмидехельм, 1955. С. 88. Рис. 20: 11), однако у нее, в отличие от рассматриваемых экземпляров, имеется длинный крючок, конец которого доходит до лезвия. Бритва из Лабенщины типологически близка находке из Няменчине, однако она не имеет уступа в месте перехода лезвия в черенок (табл. 56: 1). Определенные параллели ей можно усмотреть среди древностей ок-

сывской культуры фазы А3 позднего предримского периода и пшеворской культуры фазы В2 (Pietrzak, 1997. Taf. CIV: 7; Cieśak-Kopit, 1998. Tabl. III: 3). Самую необычную форму имеет бритва из Ратюнок. У нее практически прямая спинка, переходящая в черенок. Лезвие — выпуклое, сегментовидное (табл. 56: 3). Типологически близка ей находка из городища Барсуки днепро-двинской культуры (Шадыро, 1885. Рис. 40: 8). Хронология этих бритв из-за отсутствия точных параллелей не ясна, однако не исключено, что их прототипами также были центральноевропейские бритвы позднего предримского периода (Dąbrowska, 1997. Taf. CLXXX: 4).

Не менее редкими находками являются кресала, обнаруженные в Ворonче (1) и Ивани (2). У них — изогнутая рабочая часть, завершающаяся с одной стороны полукруглым вырезом, с другой — завитком (табл. 56: 6, 7). Аналогии им не известны.

К бытовым изделиям относится и костяной гребень, обнаруженный в верхнем горизонте городища Лабенщина. Это — единственное изделие подобного рода в ареале культуры. Гребень был изготовлен из цельного куска лопатки животного. У него — полукруглая спинка с двумя ушками, в которых просверлены отверстия. Между ушками располагался прямоугольный выступ. Спинка гребня покрыта циркульным орнаментом (Митрофанов, 1978. Рис. 21: 19). Известно, что костяные гребни широко представлены в центральноевропейских культурах римского времени, однако точной аналогии находке из Лабенщины нет. Тем не менее этот гребень схож с гребнями типа А-1 по классификации С. Томас, которые были распространены в Западной Европе во второй половине I — первой половине III в. н. э. (Thomas, 1960. S. 56, 57. Abb. 2; Кухаренко, 1980. С. 53, 54). Существенным отличием рассматриваемого гребня от европейских является наличие ушек и выступа, что может служить аргументом в пользу местного его изготовления.

3.4.5. Детали одежды и украшения

Предметы, связанные с костюмом, достаточно разнообразны. Это — фибулы, булавки, детали поясного набора. Большинство из них являются привозными. Они позволяют уточнить не только характер и направленность связей. Отсутствие погребальных комплексов с узкой датировкой вынуждает исследователей использовать эти изделия прежде всего для хронологии отдельных памятников и культуры в целом. В этом плане особого внимания заслуживают фибулы и детали поясного набора.

К числу наиболее ранних относится бронзовая фибула, найденная на городище Малышки (табл. 57: 1). Она отнесена А. К. Амброзом к группе «воинских» с почти прямым корпусом и датирована концом I в. до н. э. (Амброз, 1966. С. 23). По мнению М. Б. Щукина, подобная фибула позднелатенской схемы ближе стоит к кельтским наухаймским, распространенным преимущественно в первой половине — середине I в. до н. э. Вместе с тем этот исследователь допускает возможность доживания их дериватов вплоть до рубежа н. э., возможно, даже до середины I в. н. э. (Щукин, 1995. С. 113). В свою очередь А. М. Медведев полагает, что фибула из Малышек является подражанием сильнопрофилированным экземплярам типа А.67, время бытования которых совпадает с фазой B1b раннеримского периода (Медведев, 1996. С. 27). Однако это предположение представляется слишком смелым. Наиболее близкие аналогии малышкинской фибуле имеются в памятниках зарубинецкой культуры Полесья и Среднего Поднепровья (Велемичи II, Семурадцы, Дедов Шпиль, Монастырек), которые К. В. Каспарова также сближала с определенной оговоркой с наухаймскими (Каспарова, 1984. С 110). Исходя из этого, можно согласиться с датировкой, предложенной М. Б. Щукиным.

Пять фибул позднелатенской схемы (Банцеровщина, Мысли, Новоселки, Петровичи) относятся к подвязным одночастным верхнеднепровской серии (табл. 58). А. К. Амброз датировал их I в. н. э. (Амброз, 1966. С. 57). Однако, учитывая последние хронологические разработки конечной фазы зарубинецкой культуры, эти фибулы, вероятно, не выходят за пределы середины I в. н. э. По-видимому, нуждается в корректировке и начальная дата этих застежек. Так, М. Б. Щукин обратил внимание на то, что в погребении 25-го Чаплинского могильника фибула верхнеднепровской серии была обнаружена

вместе с прогнутой позднелатенской варианта M/N по Й. Костшевскому. Последние в Чехии и в верхнедунайском регионе относятся к латену D2 (Щукин, 1995. С. 113), что дает основание удревнить подвязные фибулы верхнеднепровской серии до второй половины I в. до н. э. Еще более категоричен в отношении датировки этих фибул В. Е. Еременко. Погребение 25 отнесено им к 5-й фазе женских захоронений в Чаплине, которая, равно как и 4-я фаза мужских захоронений, датированы им 15 г. до н. э. — 20—40 гг. н. э. (Еременко, 1997. С. 161, Рис. 58).

К позднему предримскому периоду (фаза A3) относится так называемая фибула «бойев», обнаруженная на городище Мысли (табл. 57: 4). Подобные застежки характерны для Центральной Европы (Амброз, 1966. С. 25. Hahmann, 1960. Taf. 2: 37). На территории Беларуси они открыты в погребениях могильников Велемичи I и II зарубинецкой культуры (Амброз, 1966. С. 25).

С раннеримским периодом связаны находки двух фибул. Одна из них обнаружена на городище Кащеличи и представляет собой классический экземпляр застежки типа A.68 (табл. 56: 2). Фибулы этого типа имели широкое территориальное распространение: от Придунавья на юге до побережья Балтийского моря на севере (Этнокультурная карта..., 1985. С. 38; PZP, 1981. Tabl. XIV: 5. Tabl. XXIII: 8. Ryc. 22. Ryc. 80: 1; Liana, 1973. Tabl. V: 5; Jaskanis, 1977. Ryc. 5: e; Dąbrowska, 1997. Taf. CXVI; Tejral, 1982. Taf. 9: 7; Machajewski. 2000. Ryc. 2, gr. 3; Nylén, 1956. Fig. 133: 2). На территории Беларуси известна еще одна фибула A.68, которая происходит из насыпи древнерусского кургана у д. Отвержичи (Кухаренко, 1961. Табл. 10: 16). Застежки этого типа типичны для фазы B1 (WHP, 1998. Ryc. 137).

Единственной на территории Беларуси является находка ранней «глазчатой» фибулы (A.51) [табл. 57: 3], которая относится к типу V серии A по классификации Р. Ямки (Jamka, 1964. S. 53, 54). Подобные застежки, равно как и фибулы A.68, достаточно широко представлены в Центральной и Северной Европе (PZP, 1981. Tabl. XXIII: 1, 2. Ryc. 80; Pietrzak, 1997. Taf. XXXII; Ci már, Valentová, 1979. S. 144. Ryc. 1: 6; Kolnik, 1958. S. 537. Ryc. 210: 3; Tejral, 1982. Taf. 3: 8; Skorupka, 2001. Tabl. 155, gr. 495: 2; Шмидехельм, 1955. Рис. 13: 4. Рис. 14: 8). Территориально находке из Ивани близка застежка из курганного могильника Парагаудис на территории Литвы, вместе с которой была обнаружена гривна с печатеобразными окончаниями (Michelbertas, 1992. Pav. 1: 2). Хронология ранних «глазчатых» фибул — фаза B1 (WHP, 1998. Ryc. 137).

А. Лухтан упоминает еще о двух находках фибул в литовском ареале КПШК. Одна из них, поздняя глазчатая прусской серии, из городища Возгеляй должна быть отнесена к фазе B2, вторая — арбалетная с треугольной ножкой (Мошкенай) — датирована им III в. н. э. (Лухтанас, 2001. С. 24).

Помимо классических позднелатенских и раннеримских застежек на городищах КПШК найдено несколько подковообразных фибул. Четыре экземпляра (Васильковка — 2, Горани, Малышки — по одному) — железные, сопоставимы с фибулами зарубинецкой культуры, характерными для Верхнего Поднепровья. В Чаплинском могильнике они отмечены во всех фазах и датированы В. Е. Еременко II в. до н. э. — началом I в. н. э. (Еременко, 1997. С. 161, 163).

Замыкает серию этих застежек бронзовая подковообразная фибула из городища Малышки. Для нее характерны дископодобные окончания, заполненные красной эмалью, и перехват в месте максимального подъема дуги (табл. 59: 6). Подобные застежки характерны, в основном, для западнобалтских памятников Сувалкии (PZP, 1981. Tabl. XXXIX: 2—6). Типологически близкая фибула, но с иным перехватом на дуге найдена в Центральной Литве (Michelbertas, 1996. Pav. 1: 3. P. 22, 23). Е. А. Гороховский, занимавшийся изучением подковообразных фибул с эмалями, датировал находку из Малышек второй половиной II в. н. э., т. е. в пределах фазы B2/C1 (Гороховський, 1982. С. 29).

Уникальной для территории Беларуси представляется бронзовая шарнирная фибула-брошь из городища у д. Городище (Митрофанов, 1878. Рис. 58: 30). Прямых аналогов она, как справедливо отмечает А. М. Медведев, не имеет (Медведев, 1996. С. 27), однако близкие фибулы-броши производились в римских провинциях и датируются суммарно I—III вв. н. э. (Амброз, 1966. С. 32. Табл. 14: 22; Mazuren, 2001. S. 43. Taf. 1: 1. S. 67. Taf. 1: 7). На Рейне их выпуск начался

при Клавдии (Амброз, 1966. С. 32). По данным Э. Риа, большинство из круглых фибулброшей имели хождение в I в. н. э. (Riha, 1979. Typentafel: 7. Taf. 78).

Наиболее представительную серию предметов провинциальноримских типов и их дериватов составляют пряжки различных форм. К числу наиболее ранних относится железная двучастная пряжка из городища Малышки (табл. 59: 10). По своей форме она смыкается с «восьмеркообразными» пряжками или с пряжками с крючковатыми отростками, которые характерны для различных культур на территории Польши в фазе B1 (Madyda, 1977. S. 362, 363; Madyda-Legutko, 1986. S. 5, 6; с. PZP, 1981. Tabl. XIV: 12, 15, 16, 18).

На городище Тарилово обнаружена железная круглая пряжка (табл. 59: 3). Подобные экземпляры имели хождение в центральноевропейских культурах в фазе B2 (Madyda-Legutko, 1983. Tabl. 1: 3).

Достаточно узкую, но более позднюю датировку дает железная одночастная пряжка прямоугольной формы из городища Лабенщина (табл. 59: 5). Подобные экземпляры широко представлены в пшеворской, вельбаркской и западнобалтийской культурах на территории Польши (Madyda, 1977. Tabl. III: 12, 13. Tabl. IV: 2, 5; Dąbrowska, 1997. Taf. CXXII). Они встречаются в погребениях фазы B2. По-видимому, к этому типу примыкает и более массивная пряжка со скругленными углами, обнаруженная на городище Ратюнки (табл. 59: 7). Аналогичная ей находка обнаружена в погребении 114 могильника пшеворской культуры в Каменьчике (Dąbrowska, 1997. Taf. LVIII).

На городище Лабенщина была обнаружена еще одна железная прямоугольная пряжка, которая имела двучастную конструкцию. Ее рамка была декорирована с двух сторон X-образными насечками (табл. 59: 1). Такие застежки имели достаточно широкие хронологические рамки: они появились в фазе B2, но продолжали встречаться в пшеворской и западнобалтийской культурах еще в фазе C1a позднеримского времени (Madyda, 1977. S. 373, 374). Однако не исключена возможность того, что пряжка из Лабенщины может иметь более узкую датировку. Достаточно близкой ей аналогией является пряжка из погребения 34 могильника Тенген западнобалтийской культуры, которое относится к фазе C1 позднеримского периода (Nowakowski, 1996. Taf. 63:2. Taf. XVI: c).

В отличие от предыдущих поясных застежек, представленных единичными находками, более широкое хождение в Центральной и Северной Беларуси имели овальные пряжки, которые можно подразделить на два типа: 1) развалистые, сделанные из железного прута одинаковой толщины (табл. 59: 2, 9); 2) вытянутые, с утолщенной передней частью (табл. 59: 8). Первый тип представлен находкой из городища Кащеличи. А. М. Медведев датировал ее второй половиной III — первой половиной IV в. н. э., то есть в рамках фазы C2 — C3 (Медведев, 1996. С. 30). Вместе с тем следует отметить, что близкие по форме экземпляры встречаются и ранее. Так, погребения 255 и 382 могильника Цецеле вельбаркской культуры, в которых они обнаружены, отнесены к фазам C1b — C2 (Jaskanis, 1996. Taf. 8). Не исключено, что к этому же типу относится и пряжка из Малышек, сильно уплощенная форма которой может быть следствием деформации.

Второй тип поясной застежки происходит из культурного слоя городища у д. Городище Мядельского р-на. Подобные экземпляры имели широкое хождение во многих культурах в фазе D (PZP, 1981. Tabl. XVIII: 13, 16; Jaskanis, 1996. Taf. LIX. Taf. LXI. Taf. LXIV; Nowakowski, 1996. Taf. 15: 2, 7, 11. Taf. 16: 5; etc.). Рассматриваемая пряжка позволяет определить конечную дату КПШК на этом поселении в пределах фазы D.

Завершает серию находок поясного гарнитура уникальный бронзовый наконечник пояса из городища Зазоны. Образцы подобного типа достаточно широко представлены в культурах провинциальноримского круга польской территории в фазах B2 — C1a (Madyda, 1977. S. 383; Pietrzak, 1997. Taf. LXXI: 5. Taf. LXXVII: 2; Nowakowski, 1998. Taf. 33: 714; Godłowski, 1992. Abb. 7: 18; Domański, 1992. Abb. 5: j, k. Abb. 6: h; Domański, 2002. Tabl. III: 5; Skorupka, 2001. Tabl. 65). Однако зазонский наконечник необычен тем, что имеет в дисковидной части углубление с остатками красной эмали в форме креста, концы которого завершаются окружностями (табл. 59: 4). Как известно, изделия с эмалями были характерны для

ряда культур второй четверти I тыс. н. э., в том числе и западнобалтийской, в которой в основном встречаются подковообразные фибулы, типичные для фазы С1. На некоторых из них, например, происходящих из захоронений в Барглуве Дворном и Сарженае, имеется аналогичная крестовидная орнаментация дисков (Okulicz, 1973. Ryc. 201: b; I Balti, 1992. № 179; Michelbertas, 1996. 1 pav.). Заметим, что в западнобалтийской культуре отмечены очень схожие наконечники, но с ложковидным углублением на диске (тип 37 по Р. Мадиде-Легутко), также имевшие хождение в фазе С1а (Madyda-Legutko, 1990. Abb. 5). Все вместе взятое позволяет с достаточно большой степенью достоверности связывать наконечник пояса из Зазон с западнобалтийским ареалом и отнести его к фазе С1.

Одной из самых массовых категорий находок, относящихся к костюму, являются железные, реже бронзовые посоховидные булавки (табл. 60: 1—3, 5—7, 10—13). Этот элемент одежды был широко распространен у различных племен и народов, начиная с эпохи бронзы. В период железного века посоховидные булавки становятся непременным атрибутом костюма обитателей лесной и лесостепной зон Восточной Европы. Им целиком или частично посвящен ряд работ, в которых затронуты вопросы типологии, хронологии происхождения, этнической принадлежности и даже функционального назначения (Седов, 1967. С. 129—145; Поболь, 1971. С. 239—247; Петренко, 1978. С. 16, 17). Более подробная информация об истории изучения этих застежек содержится в статье А. М. Медведева (Медведев, 1995. С. 172—201). Им же, пожалуй, наиболее полно систематизированы все доступные для анализа сведения о посоховидных булавках в Европе и дана их типология.

Предложенная автором типологическая схема, на мой взгляд, слишком усложнена и реально трудно применима на практике из-за плохой сохранности этих изделий. Из всех предложенных критериев в большинстве случаев можно оперировать только двумя: с формой головки и ее сечением (в случае хорошей сохранности либо расчистки). Применительно к ареалу КПШК А. М. Медведев учел сведения приблизительно о 80 экземплярах, хотя на самом деле их значительно больше. По самым скромным подсчетам, ибо далеко не все они опубликованы, количество находок превышает 100. Только на городище Ивань обнаружено 27 посоховидных булавок. В этой связи необоснованным выглядит предположение Л. Д. Поболя о том, что эти предметы были атрибутами языческих жрецов (Поболь, 1990. С. 69, 70). Длина целых экземпляров варьирует от 5 до 19 см. Большинство из них имеет ромбическое или круглое сечение головки. У трех булавок (Городище Мядельского р-на — 1, Малышки — 2) установлено редкое пятиугольное сечение. По мнению А. М. Медведева, они могли быть заимствованы у носителей венгоржевской группы культуры западнобалтийских курганов, где они имели хождение в I в. н. э. (Медведев, 1996. С. 28). Касаясь в целом хронологии посоховидных булавок КПШК, исследователь в основном относит их к I—II вв. н. э., хотя не исключает и более позднего их употребления (Медведев, 1995. С. 191; Медведев, 1996. С. 28).

Типологически к группе посоховидных примыкают булавки с кольцевидным навершием, сделанные, как правило, из железа. Они известны по раскопкам таких поселений, как Ивань, Кащеличи, Керкузы, Лабенщина и др. (табл. 60: 4. 9).

Среди булавок носителей КПШК выразительную серию составляют заколки с катушкообразным навершием. Они, как правило, бронзовые или железные, изредка — биметаллические (бронзовое навершие и железная игла). Их находки известны главным образом на городищах Восточной Литвы (Аукштадварис — 1, Бакшяй — 1, Воренай — 1, Вяликушкес — 2, Пятрашюнай — 1). По форме сечения иглы М. Михельбертас выделяет 4 варианта (LAA, 1978. P. 69—71. 41 pav.). На городищах КПШК в Литве отмечены только экземпляры первых трех вариантов, которые датированы II—III вв. н. э. На территории Беларуси булавки с подобным навершием редки. Так, одна биметаллическая булавка найдена случайно на разрушенном городище Нурвяны, вторая на городище Ратюнки (табл. 61: 4, 5). В Горанях известно 8 находок, у которых железная игла завершается костяной катушкой с отверстием (табл. 61: 1—3). Подобные изделия явно являются местным подражанием металлическим булавкам. Основная концентрация застежек с катушкообразным навершием

наблюдается в Центральной Литве (LAA, 1978. 41 pav.), что свидетельствует о принадлежности их к костюму западных балтов.

Только на восточнолитовских городищах известны бронзовые и железные булавки с цилиндрической головкой (Аукштадварис — 3, Вялекушкес — 1, Кяряляй — 1). У них верхняя часть расклепана в пластинку и свернута в трубочку (табл. 60: 8). М. Михельбертас полагает, что бронзовые булавки имели хождение в I—II вв. н. э., железные — позднее, в III в. н. э. (LAA, 1978. P. 69). В культуре западнобалтийских курганов они были характерны для фаз B1 — B2/C1 (PZP, 1981. Tabl. XXXII: 18; Nowakowski, 1998. S. 44, 45; Juga, 2001. S. 110—112. Ryc. 1: a, b). Фазой B2/C1 датирует подавляющее большинство этих заколок и А. Юга (Juga, 2003. S. 70). Восточнее ареала КПШК булавки с цилиндрической головкой отмечены на днепродвинских городищах (Третьяков, Шмидт, 1963. Рис. 42: 4, 5).

Несмотря на полное доминирование металлических заколок, в костюме носителей КПШК изредка употреблялись и костяные булавки. Они, в частности, обнаружены на городищах Кащеличи (2 экз.), Качановичи (1), Кимия (2), Ивань (1), Лабенщина (5), Малышки (1), Новоселки (1). Все эти находки имеют естественную форму верхней части, в которой проделано отверстие. Согласно классификации Я. Я. Граудониса они относятся к первой группе. Отмечу, что булавки из Кащелич имеют крупные размеры, что не характерно для заколок КРШК.

По-видимому, к деталям одежды относятся круглые бронзовые бляшки. По способу крепления и профилировке они подразделяются на две группы: 1) выпуклые, имеющие с тыльной стороны петельку (2 экз.); 2) плоские с отверстиями или без них (6). Бляшки первой группы обнаружены в нижнем слое городища Лабенщина (табл. 61: 6, 7). Подобные изделия бытовали во II тыс. до н. э. — начале II тыс. н. э. на широкой территории: от Северной Европы до Приуралья (Митрофанов, 1978. С. 39; Baudou, 1960. Taf. XVIII: XXVI C1). Более близкие территориальные и хронологические параллели им имеются в могильнике Цецеле вельбаркской культуры, где они обнаружены в погребении 108, отнесенному к фазе C (Jaskanis, 1996. Taf. XVI: gr. 108). Шесть бляшек второй группы обнаружены на городищах Городище Барановичского р-на, Ивань, Мысли и Ратюнки. Они сделаны из тонких пластинок бронзы и внешне напоминают пуговицы (табл. 61: 8—11). Одна из бляшек является заготовкой: у нее отсутствуют отверстия для крепления. Аналогии этим изделиям за пределами культуры не известны. Четвертая бляшка, найденная на городище Аукштадварис, отличается от предыдущих выпуклым бортиком и единственным отверстием в центре (Daugudis, 1962. 4: 2 pav.). Аналогичные находки, но без выпуклого бортика известны в дьяковской культуре, где они датированы первой половиной I тыс. н. э. (Смирнов, 1974. С. 54; Дубынин, 1974. Табл. XIII: 15, 21). На Готланде такая же бляшка найдена в погребении 27 могильника Никарве, которое относилось к раннеримскому периоду (Nylén, 1956. Fig. 190: 10).

В качестве застежек использовались и костяные изделия в форме катушки (табл. 62: 3). Один экземпляр такой поделки происходит из городища Кащеличи. Аналогии им имеются в смежных культурах лесной полосы (Шадыро, 1985. Рис. 27: 9).

Украшения носителей КПШК — разнообразны. Подавляющая их часть изготовлена из бронзы, реже — из стекла и кости. Украшения головы представлены височными кольцами и серьгами. Первые по своей форме подразделяются на следующие типы: 1. Кольца, сделанные из круглой в сечении бронзовой проволоки посредством сворачивания одного кольца в полтора оборота, в то время как второй согнут на три четверти в противоположном направлении (табл. 64: 6). По одному экземпляру таких украшений найдено на городищах Банцеровщина и Лабенщина. А. Г. Митрофанов сравнивал их с височными кольцами милоградской культуры (Митрофанов, 1978. С. 39), однако ничего общего между ними нет (Мельниковская, 1967. Рис. 35). 2. Кольца, сделанные из спирально скрученной бронзовой проволоки, у которых верхнему концу придана петлеобразная форма для подвешивания (табл. 64: 3, 4). Обнаружены на городищах Малышки и Ратюнки. Наиболее ранние прототипы таких украшений известны на территории Латвии и Литвы, где они были распространены уже во второй половине I тыс. до н. э. (LAA, 1974. 20: 12 tab; LAB, 1961. 79 pav.; Григала-

вичене, Мяркявичюс, 1980. С. 50, 51. Табл. XXIII: 4—6. Табл. XXV: 1. Табл. XXIX: 6—9). Находки белорусского ареала, по крайней мере из городища Мысли, необходимо датировать более поздним временем, I в. н. э. 3. Однооборотное височное кольцо, у которого один конец имеет спиралеобразное завершение (табл. 64: 9). Найдено на городище Мысли. Аналогов не имеет. 4. Однооборотные кольца диаметром 2,5—5 см (табл. 64: 7). Известны на многих городищах культуры (Кимия, Лабенщина и др.). Близкие по виду украшения были характерны для носителей ДДК (Шадыро, 1985. Рис. 42: 10). 5. Пластинчатые круглые височные кольца с прорезью в форме замочной скважины (табл. 64: 10). Известна одна находка такого типа, происходящая из городища Няменчине. Подобные украшения в большей степени характерны для западных и центральных районов Литвы, где они датируются II в. н. э. (LAA, 1978. P. 144. Zem. 2). В могильнике Парагаудис такие височные кольца встречались с поздними глазчатыми фибулами и, соответственно, имеют более узкие хронологические рамки — фаза B2 (Michelbertas, 1997. 19 pav.).

На ряде городищ (Ивань, Кащеличи, Лабенщина, Мысли) также обнаружены однооборотные проволочные кольца меньшего диаметра (2—3 см). Нередко один конец этих поделок заострен (табл. 64: 1, 5). Не исключено, что их могли использовать в качестве серег. Параллели им прослеживаются в культурах лесной полосы Восточной Европы (Никольская, 1959. Рис. 2: 5; Шадыро, 1985. Рис. 42: 12).

Многочисленную группу образуют нагрудные украшения, среди которых доминируют подвески различных видов. Судя по частоте встречаемости наибольшую популярность имели бронзовые трапециевидные и очковидные подвески. Первые обнаружены на ряде городищ белорусской части ареала (Ивань — 5 экз., Збаровичи — 1, Кащеличи — 1, Лабенщина — 1, Малышки — 1, Мысли — 4, Ратюнки — 1). Они сделаны из тонких листовых пластинок и имеют различные размеры и пропорции (табл. 65: 10—18, 20—25). Для части подвесок характерна орнаментация в виде пунсонных вдавлений, которые нанесены либо по периметру, либо по всей поверхности изделия (табл. 65: 12, 14, 21—24). На одной из подвесок, обнаруженных в Ивани, были характерны крупные «жемчужные» вдавления, окаймленные пунсонными точками (табл. 65: 20). Украшения трапециевидной формы появляются в эпоху поздней бронзы. (PZP, 1979. Tabl. XXXVII: 9). Пик их популярности приходится на конец I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. (Никольская, 1959. Рис. 20: 6, 7; Мельниковская, 1967. Рис. 36: 17—24; Смирнов, 1974. Табл. V: 27—29. Табл. VI: 9, 12, 17; Дубынин, 1974. Табл. XI: 8, 24; Табл. XIII: 11; Шадыро, 1985. Рис. 42: 9; Шмидт, 1992. Табл. 14: 17; Гавритухин, 1997. С. 43—58; и др.). Самые поздние подвески, по-видимому, доживают до середины XIII в. (Седова, 1981. С. 35, 36. Рис. 10: 7—10). Находки трапециевидных украшений КПШК концентрируются преимущественно в юго-восточной части ареала (рис. 21), и их связь по таким критериям, как форма и орнаментация с подвесками зарубинецкой культуры, очевидна (Кухаренко, 1964. Каспарова, 1969. Рис. 16: 2, 3; Поболь, 1971, Рис. 20: 26, 27. Рис. 68: 3, 44; Поболь, 1973. Рис. 11: 15—17, 20, 21; Максимов, 1972. Табл. XXIX: 15). По-видимому, с трапециевидными украшениями связан бронзовый держатель из городища Мысли в виде петли с загнутыми верх концами, к которым крепились собственно подвески (табл. 65: 7). Аналогичная находка происходит из днепро-двинского городища Барсуки (Шадыро, 1985. Рис. 42: 18).

Одним из древнейших видов металлических украшений являются подвески очковидной формы. Они получили распространение в различных регионах Европы, начиная с IV тыс. до н. э. и заканчивая I тыс. н. э. (Егорейченко, 1991. С. 171—181). В ареале КПШК обнаружено 20 экземпляров очковидных подвесок, причем встречаются они как на территории Беларуси, так и Литвы (Ивань — 5, Збаровичи — 1, Кащеличи — 1, Кяряляй — 1, Лабенщина — 1, Мысли — 8, Нявеওришке — 1, Павандяне — 1, Петровичи — 1). Различаются между собой по высоте и количеству спиралей (табл. 65: 1—6, 8, 9). В некоторых случаях (Ивань, Мысли) очковидные подвески соединены по две с помощью колечка.

К числу уникальных относится подвеска, найденная на городище Ивань. Она выполнена в виде бронзового диска, увенчанного

головкой птицы с широким клювом (уточка?). На месте глаз имеется отверстие для подвешивания (табл. 65: 19). Подвеска, по-видимому, побывала в огне — ее поверхность неровная, ассимитричная.

В качестве нагрудных подвесок-амулетов, как и в КРШК, использовались медвежьи и кабаньи клыки. Они известны по раскопкам таких укрепленных поселений, как Качановичи, Лабенщина, Малышки (табл. 62: 5, 7). На городище Ивань обнаружен редкий амулет, сделанный из фаланги медведя (табл. 62: 2). Аналогией ему может служить амулет, найденный в жилище на поселении Выбли киевской культуры (Терпиловский, 1984. Табл. 7: 7).

В состав ожерелий нередко включались бронзовые пронизки, которые сделаны из спирально скрученных узких бронзовых пластинок (табл. 66: 24—36). Они известны на большинстве исследованных памятников. Аналогичные украшения были популярны по всей лесной полосе Восточной Европы в латенское и римское время (Мельниковская, 1967. Рис. 31: 20, 21; Поболь, 1973. Рис. 46: 10, 17, 18, 24. Рис. 51: 8, 9. Рис. 52: 15—17. Рис. 55: 4 и др.; Шадыро, 1985. Рис. 42: 19—21; Шмидт, 1992. Табл. 15: 14—16; Dąbrowska, 1997. Taf. XXVI: gr. 54. Taf. LXVIII: gr. 129. Taf. LXXVII: gr. 145. Taf. CI: gr. 182. Taf. CXV: gr. 227. Taf. CLXXX: gr. 386 и др.).

Наряду с бронзовыми пронизками основу женских ожерелий составляли стеклянные, пастовые и глиняные бусины. Подавляющая часть стеклянных и пастовых бусин происходит из юго-восточных пределов культуры, городищ Ивань (19 экз.) и Мысли (6). Отдельные находки их есть и в других местах: Городище Барановичского р-на (1), Зазоны (1), Ратюнки (1). Классификации и хронологии этих украшений посвящен ряд работ, из которых наиболее значимыми являются монографии Е. М. Алексеевой по бусам Северного Причерноморья и М. Темпельманн-Мачинской, рассмотревшей бусы центральноевропейского Барбарикума (Алексеева, 1975; Алексеева, 1978; Tempelmann-Mączyńska, 1985).

По классификации Е. М. Алексеевой, найденные на городищах КПШК золоченые бусины подразделяются на следующие типы. 1. В форме уплощенного овала (табл. 66: 8,

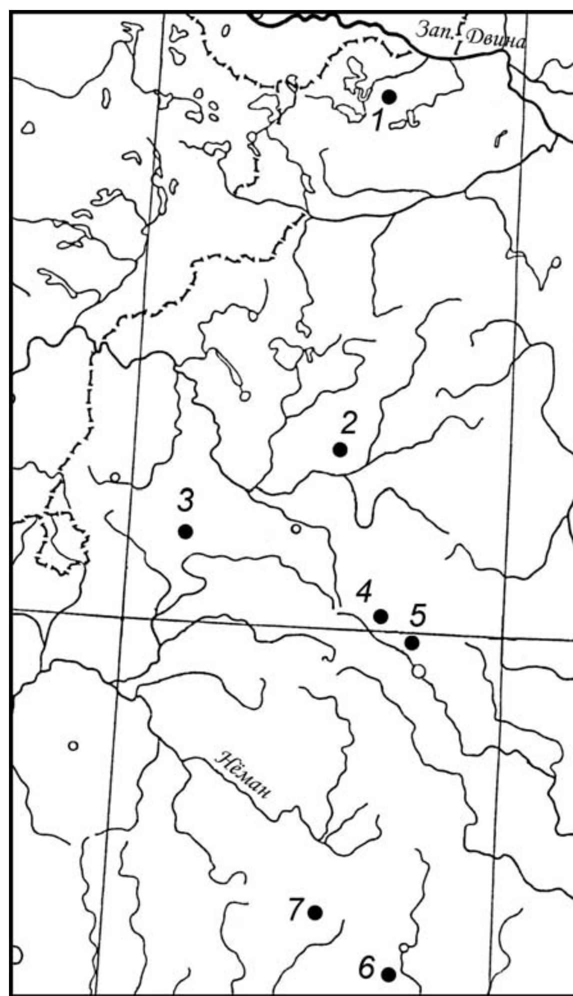


Рис. 21. Распространение трапециевидных подвесок в ареале культуры поздней штрихованной керамики: *1* — Ратюнки; *2* — Малышки; *3* — Кащеличи; *4* — Збаровичи; *5* — Лабенщина; *6* — Ивань; *7* — Мысли

10, 11). Их размеры: высота — 0,6—0,8 см, диаметр — 0,6—0,9 см, диаметр отверстия — 0,2—0,3 см. В Северном Причерноморье такие экземпляры появляются во II в. до н. э. и продолжают существовать до III в. н. э., однако максимальную популярность они имели во II в. до н. э. — I в. н. э. (Алексеева, 1978. С. 29. Рис. 10). Одна из бус диаметром 0,9 см имела закраины с одного из краев, что позволяет сузить ее датировку. Появление закраин Е. М. Алексеева объясняет применением нового приема изготовления бус, который начали употреблять в Северном Причерноморье с рубежа н. э. (Алексеева, 1978. С. 28). По М. Темпельманн-Мачинской такие украшения относятся к типам 5, 9, 33. В культурах центральноевропейского

Барбарикума они были распространены в фазах В2/С1 (тип 5), С1в — D (тип 9), С1в — С2 (тип 33) [Tempelmann-Mączyńska, 1985. Tab. 8]. 2. Ребристые бусины (табл. 66: 3—5). Найдены на городищах Ивань (2) и Мысли. (1). Их размеры: высота 0,5 — 0,6 см, диаметр — 0,7—0,9 см, диаметр отверстия — 0,3 см. В Северном Причерноморье бусины этого типа были распространены в I в. до н. э. — I в. н. э. (Алексеева, 1978. С. 31). В Центральной Европе такие украшения не известны. 3. Усеченно-биконические бусы (табл. 66: 16). Один экземпляр этого типа найден на городище Ивань. Ее размеры: высота — 0,6 см, диаметр — 0,9 см, диаметр отверстия — 0,3 см. Аналогичные бусы имели максимальное распространение в Северном Причерноморье во II—I вв. до н. э., но продолжали бытовать и позднее, в I—II вв. н. э. (Алексеева, 1978. С. 31). В Центральной Европе бусин такого типа нет. 4. Многочастные бусы (табл. 66: 2). Одна трехчастная бусина найдена в Ивани. Ее диаметр составляет 0,5 см, диаметр отверстия — 0,2 см. В Северном Причерноморье многочастные пронизки относятся к числу наиболее распространенных и датируются первыми веками н. э. (Алексеева, 1978. С. 30. Рис. 26: 5). В Центральной Европе такие украшения были распространены в фазах С1в — D (Tempelmann-Mączyńska, 1985. Tab. 8).

Как видно из вышеизложенного, между хронологией бус Северного Причерноморья и Центральной Европы существуют значительные расхождения. В европейском Барбарикуме схожие украшения имели хождение значительно позднее. В этой связи встает вопрос: какой хронологической шкалы придерживаться, анализируя золоченые бусы КПШК? Аналогичные экземпляры широко представлены в Чаплинском могильнике (Поболь, 1971. С. 138—140). На зарубинецкие параллели указывают и другие материалы: срубные полуземлянки (Ивань, Мысли), лощеные миски (Ивань, Мысли), подвязная фибула верхнеднепровской серии (Мысли), кельты, наконечник копья (Ивань), трапециевидные подвески (Ивань, Мысли) и др. Следовательно, более аргументированной представляется версия о поступлении золоченых бусин от зарубинецких племен Верхнего Поднепровья, куда они проникали из Северного Причерноморья. В свою очередь западной версии поступления этих украшений противоречит хронология городищ Ивань и Мысли, которая по находкам фибул не выходит за пределы фазы В1.

Следующую группу составляют укороченные бочковидные бусины из глухого серо-голубого стекла (тип 31 по Е. М. Алексеевой) [табл. 66: 15]. Найдены на городищах Ивань (1) и Мысли (2). Их размеры: высота — 0,8 см, диаметр — 0,9—1 см, диаметр отверстия 0,2—0,3 см. Аналогичная бусина происходит из погребения 2 Ново-Отрадненского могильника, датированного I в. н. э. (Арсеньева, 1970. С. 157). Е. М. Алексеева датирует этот тип I—II вв. н. э. (Алексеева, 1978. С. 66). Из городища Ивань происходит усеченно-биконическая бусина оранжевого стекла (тип 24 по Е. М. Алексеевой) [табл. 66: 7]. Ее высота — 1,5 см, диаметр — 0,6 см, диаметр отверстия — 0,2 см. В Северном Причерноморье такие экземпляры датированы I в. н. э. (Алексеева, 1978. С. 65. Рис. 33: 6). Еще одна из бусин иваньской коллекции имела близкую к цилиндрической форму. Ее высота — 0,9 см, диаметр — 1,2 см, диаметр отверстия — 0,3 см. Она сделана из глухого белого стекла, на котором нанесены сине-белые «глазки» (табл. 66: 13). Аналогичные находки широко представлены в Северном Причерноморье (Ново-Отрадное, Пантикапей, Танаис, Фанагория), где они датируются II в. до н. э. — I в. н. э. (Алексеева, 1975. С. 16. Рис. 12: 5; Арсеньева, 1970. С. 99).

В отличие от предыдущих еще три бусины имели, скорее всего, западное происхождение. Две из них найдены на городище у д. Городище Барановичского р-на. Первая, трехчастная бусина, сделана из темно-фиолетового стекла (табл. 66: 14). Ее диаметр — 0,9 см, диаметр отверстия — 0,6 см. А. М. Медведев ошибочно отнес эту пронизку к типу 95с по классификации М. Темпельманн-Мачинской, хотя она ближе стоит к типу 95b со скругленной, а не ребристой поверхностью (Медведев, 1996. С. 29; Tempelmann-Mączyńska, 1985. Taf. 2: 95b). Впрочем, особой роли это не играет, поскольку оба варианта имеют одни и те же хронологические рамки — они имели хождение в фазах C1b — D (Tempelmann-Mączyńska, 1985. Taf. 8). От второй бусины уцелел крупный

фрагмент — это была усеченно-биконическая пронизь из янтаря диаметром 1,5 см (табл. 66: 12). Ее толщина составляла 0,5 см, диаметр отверстия не превышал 0,2 см. Е. М. Алексеева относит подобные экземпляры к типу 13 и датирует IV в. н. э. (Алексеева, 1978. С. 24). Третья бусина обнаружена на городище Зазоны. Она — синего цвета, имела форму уплощенного овала диаметром 0,7 см (табл. 66: 9). Близкие ей экземпляры бытовали в Центральной Европе в фазах C1b — D (Tempelmann-Mączyńska, 1985. Tab. 8. Taf. 1: 40).

Учитывая то, что контакты с более развитыми регионами юга и запада были опосредованными и ограниченными, обитатели далеко не всех городищ культуры могли пользоваться привозными украшениями. В этих условиях нередко стеклянные бусы заменялись собственными изделиями, сделанными из глины (табл. 66: 17—23). Подобные находки отмечены на ряде поселений: Зазоны, Кащеличи, Кимия, Новоселки, Ратюнки. Как правило, они имели округлую, реже прямоугольную в сечении форму.

Украшения рук представлены браслетами и кольцами, изготовленными из бронзы. Находки браслетов на городищах культуры редки и не отличаются видовым разнообразием. Среди них выделяются два типа. *Тип 1.* Трехвитковые проволочные браслеты (табл. 63: 7, 11, 13, 15). Найдены на городищах Кащеличи (2 экз.) и Мысли (2). Их диаметр — 5,5—6 см. Сечение — круглое или сегментовидное. Близкие по типу, но с большим числом спиралей украшения известны в зарубинецкой культуре (Кухаренко, 1959. Табл. V: 6; Кухаренко, 1961. С. 53. Табл. 40: 5, 10, 11; Третьяков, 1959. Рис. 14: 20). А. М. Медведев датирует браслеты из Кащелич по зарубинецким аналогиям I—II вв. н. э. (Медведев, 1996. С. 29). Однако принять подобную датировку нельзя — ни один из могильников зарубинецкой культуры в это время уже не функционировал. Все они прекращают существование не позднее середины I в. н. э., что может служить верхним хронологическим барьером для многоспиральных браслетов. На городище Мысли находки фибул позволяют определить датировку браслетов фазой B1. По-видимому, к этому же времени относятся и украшения из Кащелич. *Тип 2.* Однооборотные браслеты, сделанные из круглой или уплощенной бронзовой проволоки (табл. 63: 2, 5, 8). Обнаружены на городищах Кащеличи (2 экз.) и Лабенщина (2). Их диаметр — 4,5—5 см. Аналогии им имеются в ДДК (Шмидт, 1992. Табл. 10: 13, 15).

Форма колец более разнообразна. Среди них выделяются две группы: проволочные и пластинчатые. Наиболее сложной была техника изготовления проволочных колец первого типа. У них один конец скручен по спирали, формировавшей щиток, после чего он был загнут в кольцо (табл. 63: 6, 10, 12). По одному экземпляру таких украшений найдено на городищах Банцеровщина, Лабенщина, Мысли. Аналогии им не известны. *Тип 2.* Трехвитковые спирально скрученные кольца (табл. 63: 14). Одна находка такого типа происходит из городища Ивань. Параллели им имеются среди древностей зарубинецкой культуры (Поболь, 1973. Рис. 27: 15, 16. Рис. 30: 37, 38. Рис. 46: 3). Среди пластинчатых колец выделены следующие типы. *Тип 1.* Полутораоборотные спиральные кольца (табл. 63: 1, 4). Обнаружены на городищах Лабенщина, Оздятичи. Аналогичные им украшения также были распространены в зарубинецкой культуре (Мельниковская, 1967. Рис. 36: 8; Поболь, 1973. Рис. 41: 6). *Тип 2.* Однооборотные кольца. Единственный экземпляр найден в Ивани (Егорейченко, 1996. Рис. 34: 24).

3.4.6. Изделия из глины

Значительную часть предметов материальной культуры составляют изделия из глины. В отличие от КРШК, где пряслица практически не известны, в КПШК они разнообразны и многочисленны. Однако это наблюдение не касается ареала бывшей КРШК, где пряслица, во-первых, единичны (в Горанях на 680 кв. м изученной территории найден лишь один фрагмент пряслица), во-вторых, лишены орнаментации. Только на городище Ивань их обнаружено свыше 800 экземпляров (по одному на 1 кв. м вскрытой площади). Не менее часты они и на других поселениях: Мысли — 764 экз., Малышки — 357 экз., Лабенщина — 206 экз., Вязынка — 132 экз., Збаровичи, Кащеличи — по 77 экз. (Митрофанов,

1978. С. 40; Гурин, 2000. С. 30. Медведев, 1996. С. 34). Не удивительно, что им посвящены соответствующие разделы монографий и отдельные статьи (Митрофанов, 1978. С. 40 — 42; Егорейченко, 1988. С. 64 — 70; Егорейченко, 1996. С. 45 — 49; Ильютик, 1994. С. 183 — 189; Медведев, 1996. С. 34 — 36). А. Г. Митрофанов, отмечая своеобразие формы и орнаментации этих изделий, с полным основанием полагал, что они могут являться одним из важнейших критериев культуры (Митрофанов, 1978. С. 40). Как правило, пряслица имеют форму уплощенного кружка с отверстием диаметром 2—4 см и высотой 1—2 см. Часто лицевая либо боковая поверхность (реже и та и другая) покрыта своеобразным декором.

В основу всех типологических разработок положена классификация пряслиц, предложенная А. Г. Митрофановым, который по степени изогнутости лицевой и оборотной сторон выделял 5 типов (Митрофанов, 1978. С. 40, 41). Развернутую типологию этих изделий предложил А. М. Медведев. Взяв за исходные критерии принципы А. Г. Митрофанова, он выделил 6 типов, подразделяющихся на 12 вариантов (Медведев, 1996. С. 34). Предложенная им схема позволяет более четко уловить нюансы формообразования пряслиц, однако выделение отдельных вариантов далеко не бесспорно. Мне представляется излишним вычленение типа IМ, который по своей форме (с шестью отростками) ближе стоит к грузикам, нежели к пряслицам.

Тип 1. Пряслица, у которых верхняя сторона выпуклая, нижняя — вогнутая (табл. 68: 1—3, 6, 7, 9). Обнаружены на большинстве исследованных городищ белорусской части культуры (свыше 110 экз.). Для этого типа характерен только округлый профиль боковой поверхности (вариант А по А. М. Медведеву). На городище Лабенщина, где обнаружено большое количество таких пряслиц, по наблюдениям А. Г. Митрофанова, они преобладали в нижнем горизонте верхнего культурного слоя, что могло свидетельствовать об их более ранней датировке, по сравнению с пряслицами других типов (Митрофанов, 1978. С. 40). На остальных поселениях такая закономерность не прослежена.

Тип 2. Пряслица, у которых нижняя сторона — плоская, верхняя имеет прогиб (табл. 68: 4, 5, 8, 10—13). Обнаружены повсеместно. Общее их количество, без учета находок из городища Мысли, превышает 200. Боковая поверхность этих пряслиц имеет различную конфигурацию: округлую (вариант А), с ложбинкой по центру (вариант В), прямую (вариант Г), ребристую разной степени выраженности (варианты Д—Ж по А. М. Медведеву). В Ивани этот тип является одним из наиболее ранних. Более половины от всех найденных пряслиц такой формы найдено в нижней части культурного слоя, в III и IV пластах (Егорейченко, 1996. С. 46). Такая же закономерность отмечена и А. Г. Митрофановым при раскопках городища Лабенщина — они встречались в нижней части верхнего горизонта культурного слоя (Митрофанов, 1978. С. 40).

Тип 3. Пряслица, у которых одна сторона плоская, другая — выпуклая (табл. 68: 14—17). В небольшом количестве (свыше 30 экз.) известны на многих поселениях культуры. Для них характерна, как правило, округлая боковая поверхность.

Тип 4. Пряслица с двумя плоскими сторонами (табл. 69: 1—7, 9—13). Встречаются повсеместно. Среди определимых — свыше 600 экземпляров подобного типа. Для них характерно большое количество вариантов оформления боковой поверхности (А, Г, Д, Е, Ж, З, К, Л).

Тип 5. Пряслица с двумя вогнутыми сторонами (табл. 69: 8, 14—17, 19, 20). Как и тип 4, зафиксирован на всех исследованных поселениях. Численно такие пряслица незначительно уступают предыдущим — их известно свыше 500 экземпляров. Боковая поверхность у них имеет различные очертания (варианты А, Г, Д, Ж, З).

Тип 6. Пряслица, выточенные из стенок сосудов (табл. 69: 18). Единичные находки их обнаружены на городищах Ивань, Ленино, Лысуха, Мысли.

Таким образом, наибольшее распространение имели пряслица типов 2, 4, 5 с округлой либо прямой боковой поверхностью (варианты А, Г). Вместе с тем на различных городищах отмечены определенные особенности в распространении отдельных типов и вариантов. Так, по наблюдениям А. М. Медведева, в Малышках доминировали пряслица

5-го типа (свыше 90 %), в Кацеличах — 4-го типа (46,7 %) [Медведев, 1996. С. 34]. По другим поселениям подобной статистики нет, тем не менее можно отметить, что в Ивани также преобладали пряслица варианта А. На втором месте по численности были экземпляры варианта Г, причем разница между этими вариантами не столь красноречива, как в Малышках (Егорейченко, 1996. Рис. 36—39). Сходные результаты дает и городище Мысли (Гурин, 2000. Рис. 5—8). Крайне важным представляется наблюдение А. М. Медведева в отношении пряслиц, имеющих отогнутое ребро-выступ (вариант З) либо выемку на боковой поверхности (вариант К). В ареале культуры они единичны и имеют параллели с пряслицами из городищ Литовского Занеманья (Медведев, 1996. С. 35).

Часть пряслиц (от 15 до 50 % на различных памятниках) имела орнаментацию. Чаще всего украшалась лицевая поверхность. В редких случаях узор был нанесен и на тыльной стороне. У части пряслиц орнаментирована только боковая поверхность либо все стороны одновременно. По технике нанесения орнамент можно разделить на три типа: 1) нарезной; 2) накольчатый; 3) ямочный. В отдельных случаях отмечено сочетание двух приемов на одном пряслице, как правило, нарезного и накольчатого.

Нарезной орнамент чаще всего фиксируется на лицевой поверхности. Обычно он состоял из прямых линий, которые расходились в виде лучей от отверстия к краю. Число линий в пучке варьирует от 1 до 5 (табл. 68: 3—5, 8, 9, табл. 69: 2—4, 11. 13, 14. 16, 19). Орнаментация такого типа встречается практически на всех исследованных городищах. Иногда концы линий дополнялись косыми насечками, образуя «флажки» (Лабенщина, Ленино, Старая Рудица) [табл. 69: 9]. Более сложная композиция отмечена на одном из пряслиц в Малышках. Там в межлучевом пространстве дополнительно были нанесены чередующиеся Z-образные знаки и двойные короткие параллельные линии (Митрофанов, 1978. Рис. 30: 27). На некоторых пряслицах (Ивань, Мысли) орнамент в виде расходящихся лучей был образован нарезными линиями в виде острых углов, направленных своими вершинами к краям (табл. 68: 12; табл. 69: 5, 15).

К нарезному орнаменту примыкает декор, выполненный ногтевыми вдавлениями, зафиксированный на ряде пряслиц из городища Ивань. Они представляют собой Х-образные, крестовидные или обычные отпечатки ногтя, нанесенные беспорядочно или в виде определенных комбинаций (Егорейченко, 1996. Рис. 37: 17, 21—23).

Большим разнообразием отличается нарезной декор на боковой поверхности пряслиц. Чаще всего — это геометрические композиции: зигзагообразные, Х-образные, ромбовидные (табл. 68: 8, 9, 11, 17, табл. 69: 1, 4, 6, 15, 16, 19, 20). Встречаются также сочетания перпендикулярно и параллельно расположенных линий или ногтевых вдавлений (табл. 69: 17). На пряслицах из городища Малышки наряду с отмеченными элементами имеются и сложные в композиционном плане схемы, состоящие из значков, не поддающиеся расшифровке (табл. 68: 8).

В отличие от нарезного накольчатый орнамент наносился чаще всего на боковой поверхности, представляя собой круглые, треугольные или прямоугольные вдавления. И в этом случае доминируют геометрические композиции: параллельные или зигзагообразные линии, треугольники, ромбы (табл. 69: 6, 10, 15, 19, 20). В Малышках отмечены и более сложные композиционные мотивы (Митрофанов, 1978. Рис. 30: 8). Если наколы были нанесены на лицевой поверхности, они, как правило, составляют концентрические окружности (табл. 69: 10). На отдельных пряслицах присутствует сочетание нарезного и накольчатого орнаментов (табл. 69: 15, 19). В этом случае лицевая поверхность обычно имеет нарезной декор, в то время как боковая — накольчатый.

Ямочный орнамент на пряслицах редок. Это могут быть концентрические круги либо треугольники на лицевой поверхности, ромбы или прямые линии — на боковой (Егорейченко, 1996. Рис. 38: 3—5, 7, 8, 10).

На многих городищах КПШК встречаются разнообразные глиняные грузики, среди которых доминируют грузики дьякова типа. Пожалуй, самая многочисленная серия их выявлена на городище Горани — 32 экз. (Зверуго, 1992. С. 100). В соответствии с классификацией К. А. Смирнова среди них выделяются следующие типы.

Тип 1. Близкие к конусу, имеющие слабый перехват на боковой поверхности и уплощенный верх (табл. 70: 5. 8, 10). Обнаружены на большинстве исследованных городищ. К. А. Смирнов датировал их II—V вв. н. э. (Смирнов, 1971. С. 96).

Тип 2. Усеченно-конические грузики с плоским верхом. Известны единичные находки (Кащеличи, Лабенщина). Датированы, как и тип 1, II—V вв. н. э. (Смирнов, 1971. С. 96).

Тип 3а. Грузики с выпуклым основанием и закругленным верхом (табл. 70: 7). Один экземпляр такого типа обнаружен на городище Аукуро Калнас (Кярнаве) в Литве. В дьяковской культуре подобные грузики были характерны во II—V вв. н. э. (Смирнов, 1971. С. 96).

Тип 3б. Имеют небольшую выпуклость дна и четко оформленный верх, орнаментированный насечками. Классических образцов этого типа в ареале культуры нет, однако близкий им экземпляр известен по раскопкам городища Кащеличи. Датируются грузики типа 3б тем же временем, что и предыдущие (Смирнов, 1971. С. 96).

Тип 5а. Грузики с цилиндрической боковой поверхностью и плоским верхом (табл. 70: 6). Найдены на городищах Кащеличи и Малышки. Датированы К. А. Смирновым I в. до н. э. — III в. н. э. (Смирнов, 1971. С. 96).

Тип 6. С цилиндрической боковой поверхностью, имеющей в основании слабый перехват и закругленный верх (табл. 70: 1). Один такой экземпляр найден на городище Горани. Датировка подобных находок как у типа 5а (Смирнов, 1971. С. 96).

Тип 7. С цилиндрической боковой поверхностью, плавно переходящей в основание. 4 экземпляра таких грузиков обнаружено на городище Няменчине. К. А. Смирнов датировал этот тип I в. до н. э. — III в. н. э. (Смирнов, 1971. С. 96).

Тип 10а. Грузики трапециевидной в сечении формы (табл. 70: 4). Найдены на городищах Ивань, Кащеличи, Малышки, Мысли. Датированы в дьяковской культуре IV—III вв. до н. э. — I в. н. э. (Смирнов, 1971. С. 96).

Тип 14. Грибовидные с вогнутым дном (табл. 70: 9). Единичные находки известны на городищах Кащеличи, Кимия, Оздятичи. К. А. Смирнов относил грузики подобной формы к числу наиболее ранних в дьяковской культуре и датировал их VII—VI—IV—III вв. до н. э. (Смирнов, 1971. С. 96, 97).

Орнаментация для грузиков дьякова типа, найденных на городищах КРШК, мало характерна. Далеко не на всех экземплярах присутствуют насечки по краю основания, обязательные для грузиков дьяковской культуры. Лишь на отдельных находках (Вязынка, Збаровичи, Малышки) на боковой поверхности имеются нарезные линии, сконцентрированные в пучки по 2—4, расходящиеся в виде лучей (Митрофанов, 1978. Рис. 22: 26. Рис. 23: 20. 29), что явно сопоставимо с орнаментацией пряслиц. Лишь два грузика украшены более сложным узором. На одном из них, обнаруженном в Малышках, верхняя плоскость имела чечевицеобразные нарезки на верхней плоскости, расположенные вокруг канала отверстия, а на боковой поверхности были нанесены пучки лучей из нарезных линий (Медведев, 1996. Рис. 70: 1). На втором грузике, происходящем из городища Аукуро Калнас, боковая поверхность орнаментирована Х-образными линиями, а верхняя — звездообразным изображением из нарезных линий вокруг отверстия (табл. 70: 7).

Таким образом, между грузиками КПШК и дьяковской культуры нет полного соответствия. Нуждается в корректировке и их хронология. На это уже обратил внимание А. М. Медведев, которым замечено, что на городище Кащеличи грузики типов 1, 5а и 10а бытовали в одно и то же время (Медведев, 1996. С. 35). Наибольшие сомнения вызывает хронология грузиков типа 10а и 14. Ни одно из городищ в ареале культуры, на котором они обнаружены, не имеет напластований ранее I в. до н. э. Единственно приемлемой датировкой для них может быть I в. н. э., не исключая и более позднего существования.

Помимо грузиков дьякова типа, на городищах КПШК известны глиняные грузики иных форм. 1. Катушкообразные (Егорейченко, 1996. Рис. 40: 5—7; Медведев, 1996. Рис. 73: 5. 6). Найдены в Ивани и Кащеличах. Грузики такой формы в большей степени характерны для более южных культур: милоградской и юхновской (Мельниковская,

1967. Рис. 52: 19, 20; Пузикова, 1981. Рис. 38: 26—34). Не исключено, что находки из Ивани могут быть связаны с милоградской культурой, отложения которой выявлены на городище (Егорейченко, 1996. С. 17). 2. Крестовидные (Егорейченко, 1996. Рис. 40: 1; Медведев, 1996. Рис. 73: 3, 4). Обнаружены на городищах Городище Мядельского р-на, Ивань, Кащеличи. Как и катушкообразные, крестовидные грузики характерны для более южных территорий (Мельниковская, 1967. Рис. 53: 38А). 3. Дисковидные с нарезками и без на боковой поверхности (Егорейченко, 1996. Рис. 40: 1—3; Медведев, 1996. рис. 72: 5). Выявлены в Ивани и Кащеличах. Грузики подобной формы, равно как и предыдущие, известны в милоградской культуре (Мельниковская, 1967. Рис. 53: 35А, 37).

В отличие от КРШК, где грузила для рыболовных сетей не известны, на ряде памятников КПШК такие изделия из глины составляют значительные серии (Малышки — 68 экз.). По форме и способу крепления их можно разделить на два типа.

Тип 1. Дисковидные с отверстием, расположенным ближе к краю (табл. 71: 4—16). Их диаметр колеблется от 4,5 до 15,5 см. Являются доминирующими. Найдены на городищах Васьковцы, Горани, Кащеличи, Малышки, Няверишке, Няменчине, Ратюнки и др.

Тип 2. Биконические без отверстия (табл. 71: 1—3). По одному экземпляру найдено на городищах Горани и Няверишке.

Ряд глиняных изделий связан с бронзолитейным производством. О развитости этой отрасли домашнего ремесла свидетельствуют многочисленные обломки тиглей, известные практически на каждом исследованном городище. Судя по целым экземплярам, найденным в Кащеличах, Лабенщине, Малышках, они представляли собой миниатюрные сосудики с конической или уплощенной формой дна (табл. 72: 3, 7, 9—14). Их высота колеблется в пределах 4—8,8 см. С бронзолитейным производством связаны и находки льячек, имеющих традиционную для многих культур форму — в виде ложечки с втулкой для крепления деревянной рукояти (табл. 72: 1, 2, 6, 8). Льячки, как правило, не имеют признаков ошлакованности и натеков металла, поэтому предположение А. Лухтана о том, что льячки служили не для разлива металла, а применялись для сбора воска из одноразовых литейных форм, заслуживает внимания (Luchtanas, 1981. P. 17). Собственно литейные формы в ареале культуры — крайне редки. Так, на городище Аукуро Калнас обнаружен фрагмент формы для отливки височного кольца с прорезью в виде замочной скважины (табл. 72: 4). На Иваньском городище найден обломок формы для отливки крупного ажурного украшения (табл. 72: 5).

Бесспорно, культовое предназначение имели глиняные фигурки животных и птиц, найденные на некоторых городищах в белорусской части ареала культуры. Среди них особый интерес представляет фигурка собаки из Мыслей, сохранившаяся целиком (табл. 73: 1). Еще два фрагмента (голова и туловище), по-видимому, от этих же животных обнаружены на городищах Аношки и Воронча (табл. 73: 2, 3). Наконец, в Кащеличах найден фрагмент поделки, изображающей водоплавающую птицу (уточка?) [табл. 73: 4]. В целом же глиняные фигурки животных для КПШК не характерны. Они часто встречаются южнее, в частности, в ареале милоградской культуры (Мельниковская, 1967. Рис. 56, 57).

3.5. ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Структура хозяйственной деятельности племен КПШК кардинальным образом отличается от той, что имела место у носителей КРШК. Роль присваивающих форм хозяйства резко сокращается, а среди производящих форм доминирующее значение приобретает земледелие. Структурные изменения наблюдаются и среди домашних ремесел. Старые виды, связанные с обработкой кости и камня, уступают место железоделательному производству. Прогрессирует обработка цветных металлов, свидетельством чему являются многочисленные изделия из бронзы, остатки бронзолитейного производства, слитки металла и заготовки вещей.

3.5.1. Земледелие

Прогресс в развитии земледелия у племен КПШК, равно как и у других носителей синхронных культур лесной полосы, совпал с неблагоприятными климатическими явлениями, которые были характерны для первой фазы субатлантического периода (500 г. до н. э. — 200 г. н. э.). Понижение температуры и увеличение осадков привело к тому, что низменные участки местности оказались практически непригодными для занятий земледелием. Кажущийся парадокс между ухудшениями климатических условий и увеличением роли земледелия устраним, если учесть ландшафтные особенности размещения подавляющей части поселений культуры. Их локализация, как правило, в зонах с холмистым рельефом способствовала тому, что у обитателей городищ имелось больше возможностей для выбора мест будущих полей, нежели у жителей равнинных районов (Савукинене, Сейбутис, 1976. С. 98). Избранные высокие участки обладали рядом преимуществ. Во-первых, температура воздуха в таких местах была выше, чем в долине (Петров, 1968. С. 60). Во-вторых, как показали наблюдения А. М. Медведева, большинство городищ белорусской части ареала культуры локализуется на территории, где распространены более плодородные дерново-подзолистые почвы на легких и средних суглинках (Медведев, 1996. С. 16). Об использовании в субатлантическом периоде глинистых почв сообщают и литовские ученые (Савукене, Сейбутис, 1974. С. 250).

Характеризуя систему земледелия племен неманско-двинского междуречья, исследователи единодушно приходят к заключению, что она была подсечно-огневой (Загорульский, 1977. С. 95; Митрофанов, 1978. С. 43; Медведев, 1996. С. 48; и др.). В пользу этого свидетельствует ряд аргументов. Многочисленные исторические и этнографические данные фиксируют подсечный характер земледелия в лесной полосе Европы не только в средневековье, но даже в конце XIX в. (Петров, 1968. С. 7, 8; Краснов, 1971. С. 58; Семенов, 1974. С. 147). Прямые свидетельства об использовании подсеки имеются и в отношении территории Беларуси. Так, А. Гваньини подробно описал все элементы такой формы земледелия в Великом княжестве Литовском в конце XVI — начале XVII в. (Записки А. Гваньини, 1916. С. 325, 326). О применении подсеки наряду с пахотой в Белорусском Полесье и в Витебской губернии сообщают этнографы (Сержпутовский, 1910. С. 52; Никифоровский, 1895. С. 436—438). О том, что подсечное земледелие применяли новоселы, свидетельствуют и некоторые названия деревень. Среди них — Ляда Вилейского и Логойского районов Минской обл., Лядники Шарковщинского р-на Витебской обл., Лядно Слуцкого р-на Минской обл., Ляды Браславского и Шарковщинского районов Витебской обл., Борисовского, Крупского, Смолевичского, Стародорожского, Узденского и Червеньского районов Минской обл. (Рапановіч, 1977; Рапановіч, 1982).

Признавая ведущую роль подсеки у племен КПШК, тем не менее нельзя отрицать и возможности появления в южных пределах культуры примитивного пашенного земледелия. В 1963 г. в торфянике у д. Каплановичи Клецкого р-на Минской обл. было найдено почти полностью сохранившееся кривогрядильное рало, датированное по аналогиям рубежом н. э. (Поболь, 1967. С. 126). Исходя из локализации находки и датировки, Л. Д. Поболь связал его с зарубинецкой культурой. Свою мотивацию исследователь подкреплял пятью найденными им в окрестностях каплановичского торфяника селищами, которые якобы имели напластования этой общности (Поболь, 1967. С. 124). Однако материалы обследования, прежде всего керамика, им не опубликованы. Классические памятники зарубинецкой культуры в этом регионе не известны, но чуть севернее, на водоразделе рек Лани (бассейн Припяти) и Уши (бассейн Немана), локализуются типичные городища КПШК: Аношки и Качановичи. Не исключено, что рало могло принадлежать переселенцам, которые после распада зарубинецкой культуры в Полесье в середине I в. н. э. были вынуждены мигрировать по левобережным притокам Припяти на север, где они вступили в прямой контакт с носителями КПШК (Егорейченко, 2004в. С. 78).

В условиях прохладного и влажного климата, соответствующего субатлантическому периоду, занятия подсечным земледелием были более трудоемкими, учитывая развитый подлесок и травяной покров (Савукинене, Сейбутис, 1976. С. 98). Однако трудности,

возникавшие при подготовке участков для посева, во многом были преодолены в результате широкого распространения железных орудий труда, прежде всего топоров. Менее затратной стала и уборка урожая, которая производилась с помощью железных серпов и жатвенных ножей. Определенные изменения происходят и при помоле зерна. Как и ранее, он производился на каменных зернотерках, однако на смену круглым пестам приходят более производительные уплощенные камни-терочники, имевшие большую рабочую поверхность (табл. 73: 5).

Видовой состав культивируемых злаковых и бобовых культур у носителей КПШК до конца не определен. А. М. Медведев вслед за литовскими палинологами убежден в доминировании ржи начиная с начала н. э. (Савукинене, Сейбутис, 1976. С. 99; Медведев, 1994. С. 240). Однако она наряду с ячменем известна только в Восточной Литве (Михельбертас, 1987. С. 28). На территории Беларуси эти культуры до сих пор не выявлены. Судя по находкам обгорелого зерна и отпечаткам на глиняной посуде, которые происходят из укрепленных поселений Банцеровщина, Горани и Збаровичи, высевали пшеницу и просо (Митрофанов, 1978. С. 43; Медведев, 1996. С. 47). Бобовые культуры представлены горохом, конскими бобами и викой (Митрофанов, 1978. С. 43; Михельбертас, 1987. С. 28). Для хранения зерна применяли специальные ямы-погреба, но они характерны только для юго-восточной части ареала культуры. В северных районах, прежде всего на территории бывшей КРШК, они не зафиксированы.

3.5.2. Животноводство

Животноводство наряду с земледелием составляло одну их важнейших форм хозяйственной деятельности, о чем свидетельствуют многочисленные фаунистические остатки, составляющие неотъемлемую часть вещевого комплекса исследованных городищ*. Процентное соотношение количества костей домашних и диких животных, как и на поселениях КРШК, варьирует в существенных пределах. Тем не менее доминирование скотоводства над охотой остается неизменным (табл. VIII). Наиболее низкий процент костей домашних животных отмечен на городище Малышки (57,4 %), однако это может быть вызвано слишком малочисленной серией остеологических остатков.

Таблица VIII

Процентное соотношение костей домашних и диких животных на городищах КПШК

Городище	Домашние животные	Дикие животные
Аукштадварис	64,5	35,5
Васьковцы	85,7	14,3
Ивань	89,7	10,3
Кащеличи	80,3	19,7
Малышки	57,4	42,6

Основу стада носителей КПШК на подавляющем большинстве городищ, за исключением Ивани, составлял крупный рогатый скот. Его доля по количеству определенных костей колебалась от 33,8 % (Малышки) до 46,7 % (Кащеличи) [табл. IX]. По количеству особей этот показатель несколько ниже, однако остается превалирующим. По данным А. М. Медведева, среди крупного рогатого скота встречалось много взрослых особей (2—4 года и старше), что может свидетельствовать о молочной направленности животноводства (Медведев, 1996. С. 51). В скотоводстве существенную роль играла свинья, кости которой на трех городищах (Аукштадварис, Васьковцы, Кащеличи) по численности уступают лишь костям крупного рогатого скота. В Ивани и Малышках остеологические остатки свиньи занимали лишь третью позицию (табл. IX). На указанных выше поселениях (Аукштадварис, Васьковцы, Кащеличи) доля лошадей по количеству костей составляла от 10 до 19 %. Анализ остеологических остатков лошади из городища Кащеличи показал, что преобладали особи в возрасте от 4 до 9 лет и даже старше, что свидетельствует о применении их в качестве рабочего скота и для верховой езды (Медведев, 1996. С. 51). Замыкает этот ряд мелкий рогатый скот, кости которого составляют чуть более 8 % (табл. IX). По этому показателю резко выде-

* Для характеристики животноводства использованы остеологические данные пяти сравнительно «чистых» городищ КПШК. Материалы таких поселений, как Кимия, Лабенщина, Новоселки, имеющих разнокультурные напластования, в расчет не принимались.

Таблица IX

Процентное соотношение костей и особей домашних животных на городищах КПШК

Наименование видов	Аукштадварис				Васьковцы				Ивань				Кащеличи				Малышки			
	кости		особи		кости		особи		кости		особи		кости		особи		кости		особи	
	количество	% к числу домашних животных	количество	% к числу домашних животных	количество	% к числу домашних животных	количество	% к числу домашних животных	количество	% к числу домашних животных	количество	% к числу домашних животных	количество	% к числу домашних животных	количество	% к числу домашних животных	количество	% к числу домашних животных	количество	% к числу домашних животных
Бык	—	—	11	32,35	44	45,83	11	32,35	204	28,53	12	18,75	450	46,68	81	34,32	23	33,82	3	27,27
Свинья	—	—	10	29,41	28	29,17	10	29,41	147	20,56	17	16,56	223	23,13	60	25,42	5	7,35	2	18,18
Овца	—	—	4	11,76	8	8,33	4	11,76	214	29,93	24	37,50	79	8,20	34	14,53	19	27,94	3	27,27
Коза	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,12	1	0,14	9	0,9	2	0,85	2	2,94	—	—
Лошадь	—	—	4	11,76	10	10,42	4	11,76	148	20,70	9	14,06	181	18,78	44	18,64	18	26,47	2	18,18
Собака	—	—	5	14,71	6	6,25	5	5,21	1	0,14	1	1,56	22	2,28	15	6,36	1	1,47	1	9,09
Всего	—	—	34	100	96	100	34	100	805	100	63	100	964	99,97	236	100,12	68	99,99	11	99,99

ляются городища Малышки и Ивань. На первом доля костей мелкого рогатого скота составляла свыше 30 %, уступая только костям крупного рогатого скота. На втором — овца, занимавшая лидирующее положение в стаде (29,93 % костей, 37,5 % особей). На всех без исключения городищах представлены кости собаки, процентное соотношение костей которой на поселениях сильно варьирует (табл. IX). Представляют интерес находки на городище Лабенщина единичных костей курицы, что может свидетельствовать о зачатках птицеводства (Митрофанов, 1978. С. 46).

Сравнительный анализ остеологических остатков городищ КРШК и КПШК однозначно указывает на различную структуру стада. Свиноводство, бывшее приоритетным на поселениях КРШК, уступает свои позиции разведению крупного рогатого скота. Возрастает доля коневодства, что может быть связано с увеличением числа не только рабочих, но и верховых коней. По структурным показателям животноводство носителей КПШК сближается с соседними территориями, прежде всего Латвии и Эстонии (Шадыро, 1985. Табл. 7). Сходные результаты дают и остеологические наблюдения на поздних городищах ДДК Смоленщины (Шмидт, 1992. Табл. В). На днепро-двинских поселениях Северной Беларуси структура стада имеет серьезные отличия. Там при общем преобладании крупного рогатого скота отмечен низкий процент числа свиней (Шадыро, 1985. Табл. 7), однако следует отметить, что в этом регионе статистические выкладки приводятся в целом по поселениям, без учета выделения ранних и поздних напластований, которые могут дать существенную корректировку.

3.5.3. Охота и рыбная ловля

Анализ охоты носителей КПШК затруднен в связи с недостаточно представительной коллекцией остеологического материала. Он происходит из четырех классических городищ, однако два из них (Васьковцы и Малышки) представлены весьма скудными сериями. Тем не менее определенные выводы с привлечением материалов иных поселений, имеющих напластования КПШК, представляются оправданными. Процентное соотношение костей домашних и диких животных показывает, что охота все еще играла существенную роль, дополняя мясной рацион его обитателей. Другой важнейшей составляющей охоты был промысел пушных зверей, шкурки которых, вероятно, были приоритетными при меновых операциях с иными племенами.

На четырех городищах Центральной Беларуси зафиксированы 13 видов диких животных: зубр, лось, кабан, медведь, благородный олень, косуля, бобр, барсук, куница, заяц-русак, волк, выдра и лисица. Судя по сравнительно репрезентативным сериям определенных костей из городищ Ивань и Кащеличи, в Центральной Беларуси одной из доминирующих была охота на кабана. В Ивани кости этого животного составляли 33,33 % (24,49 % особей), в Кащеличах — чуть ниже — 27,04 % костей, 18,92 % особей (табл. X). Высок этот показатель и на городище Малышки — 24,49 % костей, 22,22 % особей. Не менее активно велась добыча других мясных животных, особенно лося: Малышки — 26,53 % костей, 22,22 % особей; Кащеличи — 9,01 % костей, 15,32 % особей. Близкие показатели отмечены на городищах Кимия, Лабенщина, Новоселки, имеющих отложения КПШК (Митрофанов, 1978. Табл. 2). Статистические данные показывают, что в Кащеличах преобладал промысел благородного оленя (табл. X). Сравнительно высокой была добыча этого животного в Кимии, Лабенщине и Новоселках (Митрофанов, 1978. Табл. 2). На подавляющем большинстве поселений отмечены кости медведя. По этому показателю выделяется городище Ивань, где их удельный вес достигал 11,9 % (14, 29 % особей). Доля других животных мясного профиля на рассматриваемых памятниках не велика. Бесспорно, на городищах Северо-Восточной Литвы и Северо-Западной Беларуси в первых веках н. э. добывались те же виды животных, что и в предшествующее время.

Разнообразен видовой состав пушных зверей, бывших объектом промысла на территории Центральной Беларуси. Среди них — бобр, куница, выдра, заяц-русак, лисица, белка, хорек. Бесспорное лидерство по добычи, как и в КРШК, занимал бобр. На городище Кащеличи кости этого животного составляли 16, 31 % (17,76 % особей), уступая по количеству только костям кабана и

Таблица X

Процентное соотношение костей и особей диких животных на городищах КПШК

Наименование видов	Васьковцы				Ивань				Кащеличи				Малышки			
	кости		особи		кости		особи		кости		особи		кости		особи	
	количество	% к числу диких животных	количество	% к числу диких животных	количество	% к числу диких животных	количество	% к числу диких животных	количество	% к числу диких животных	количество	% к числу диких животных	количество	% к числу диких животных	количество	% к числу диких животных
Кабан	—	—	—	—	63	68,48	7	33,33	63	27,04	21	19,63	12	24,49	2	22,22
Лось	8	88,89	4	80,00	6	6,52	1	1,14	21	9,01	17	15,89	13	26,53	2	22,22
Зубр	—	—	—	—	1	1,09	1	1,14	3	1,29	3	2,80	—	—	—	—
Медведь	—	—	—	—	11	11,96	3	3,41	6	2,58	4	3,74	—	—	—	—
Олень благородный	1	11,11	1	20,00	6	6,52	1	1,14	78	33,48	25	23,36	4	8,16	1	11,11
Бобр	—	—	—	—	2	2,17	2	2,27	38	16,31	19	17,76	10	20,41	2	22,22
Волк	—	—	—	—	1	1,09	1	1,14	—	—	—	—	—	—	—	—
Куница	—	—	—	—	3	3,26	2	2,27	15	6,44	9	8,41	—	—	—	—
Барсук	—	—	—	—	1	1,09	1	1,14	1	0,43	1	0,93	—	—	—	—
Заяц-русак	—	—	—	—	1	1,09	1	1,14	6	2,58	6	5,61	—	—	—	—
Выдра	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,43	1	0,93	—	—	—	—
Косуля	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,43	1	0,93	4	8,16	1	11,11
Лисица	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	12,24	1	11,11
Всего	9	100	5	100	85	100	20	100	233	100	107	99,99	49	99,99	9	99,99

оленя (табл. X). Сходные данные дают материалы городища Малышки (20,41 % костей, 22,22 % особей). Низкими количественными показателями по добыче этого зверя отличаются остеологические коллекции из Ивани и Кимии, что объясняется, скорее всего, отсутствием популяции бобра в окрестностях этих поселений. Сравнительно высокая концентрация костей бобра на отмеченных городищах связана с ценностью не только меха, но также мяса и бобровой струи. Удельный вес других пушных животных на поселениях Центральной Беларуси мал, учитывая свежевание их в местах добычи.

Сравнительный анализ остеологических коллекций рассматриваемых городищ КПШК показывает доминирование костей и особей диких животных мясного профиля, нежели пушных. Так, доля костей и особей мясных животных в Ивани составляет 91,05— 66,66 %, в Кащеличах — 73,40—65,42 %, в Малышках — 59,27—56,55 %. Однако утверждать, что охота ради мяса была доминирующей, было бы некорректным в связи с отмеченным выше обстоятельством, а именно свежеванием пушных животных на месте. В целом же охотничий промысел носителей КПШК мало чем отличался от того, что велся на соседних территориях лесной полосы Восточной Европы (Граудонис, 1967. С. 123; Шадыро, 1985. С. 95, 96; Шмидт, 1992. С. 71—74).

По-видимому, существенно не отличались и приемы охоты. При добыче крупного зверя могли использоваться копья и дротики с железными наконечниками. Что касается промысла пушного зверя, то в этом случае определенные отличия заметны. Как уже отмечалось, на поселениях КПШК практически не известны наконечники стрел. Все это заставляет предполагать, что главными орудиями охоты в этом случае выступали силки, петли, прочие виды самоловных орудий.

3.5.4. Основные виды домашних ремесел

Разнообразный и многочисленный вещевой комплекс, включающий в себя изделия из различного сырья, свидетельствует о развитом характере домашних ремесел, без которых немыслимо функционирование любого коллектива.

3.5.4.1. Получение и обработка железа

Металлургия железа и кузнечное ремесло занимали центральное место среди домашних ремесел. Недостатка в исходном сырье не существовало. Им служили многочисленные болотные, озерные и луговые руды, широко распространенные во всем восточноевропейском регионе. Еще в начале 30-х гг. XX в. А. Н. Лявданский и К. М. Поликарпович убедительно доказали, что производство железа велось практически на каждом поселении (Ляўданскі, Палікарповіч, 1932. С. 67—69). Новейшие исследования подтверждают этот вывод. На всех без исключения раскопанных городищах обнаружены остатки железоделательного производства, прежде всего в виде кусков железного шлака. На ряде поселений известны и печи-домницы. Они зафиксированы на городищах КПШК: Аукштадварис, Лабенщина, Свидно, Кимия, Оздятичи, Няменчине (Митрофанов, 1978. С. 48; Михельбертас, 1987. с. 29).

Наиболее простой тип печи известен по раскопкам городища Кимия. Это была обычная яма диаметром до 1 м, стенки которой обмазаны глиной. Приток воздуха в такой печи был естественным (Загорульский, 1977. С. 108). Впрочем, по мнению М. Ф. Гурина печь из Кимии представляла собой классическую шахтную домницу с принудительной подачей воздуха, не отличавшуюся от центральноевропейских (Гурын, 1999. С. 11, 12. Мал. 2:1). С остатками печи, по-видимому, нужно связывать и конструкцию, выявленную на городище Кащеличи. Это было овальное пятно прокаленной и ошлакованной глины размерами 0,8 × 1 м и толщиной 0,3 м. По краям пятна находились обожженные камни. В развале глины найдено несколько десятков кусков железного шлака.

Классическая печь-домница была зафиксирована А. Н. Лявданским на городище Лабенщина. Она была целиком сложена из глины. Ее внутренний диаметр составлял 0,6 м, толщина стенок колебалась от 0,05 до 0,1 м. Почти на уровне пола имелись отверстия, в которые устанавливались сопла для крепления мехов (Загорульский, 1977. Рис. 26). Исходя из видманштеттовой структуры конкреций, М. Ф. Гурин предполагает, что сыродутные печи имели шлаковыпускные отверстия (Гурин, 2000. С. 37). Такого типа дом-

ницы действительно имели место в литовской части ареала культуры. Они, в частности, обнаружены на городищах Аукштадварис и Няменчине (Михельбертас, 1987. С. 29).

Полученные в домнице крицы неоднократно проковывались для удаления шлака и уплотнения железа. С этой целью использовались каменные молоты. Одна такая находка обнаружена А. Г. Митрофановым на городище Малышки. Молот имел овальную форму. Его длина составляла 0,2 м (Митрофанов, 1978. С. 48).

Об уровне развития кузнечного ремесла позволяет судить технология изготовления различных изделий. Металлографическими исследованиями, проведенными М. Ф. Гуриным, установлено, что простейшие орудия труда (шилья, ножи) и бытовые вещи (булавки, удила) были сделаны из кричного железа путем свободной ковки. В отличие от них серпы изготовлены с помощью более сложной технологии. Для части серпов, обнаруженных в Ивани, характерно пакетирование заготовок, в то время как другие сделаны путем свободной ковки с наклепом рабочей части (микротвердость феррита на режущей кромке составляла 203—266 кгс/кв. мм против 122—181 кгс/кв. мм), что, несомненно, повышало эксплуатационные качества серпов (Егорейченко, 1996. С. 56; Гурын, 1999. С. 15). Микроструктурный анализ лезвия кельта из Ивани выявил сварку двух полос одной пластины, причем внешние стороны полос были подвергнуты цементации. Близкую технологию изготовления имели зарубинецкие кельты из Чаплинского городища, однако лишь один из них имел одностороннюю цементацию лезвия (Гурин, 1982. С. 48. Рис. 31: 270). Такие же приемы известны и на городищах Литвы (Михельбертас, 1987. С. 30). Рассмотренные выше примеры показывают, что местным кузнецам были известны различные технологические схемы изготовления железных изделий. Применение того или иного приема определялось назначением будущего предмета. Как видно, сложная технология применялась главным образом для узкоспециализированных орудий труда (кельт, серпы). В целом же нельзя не отметить, что по уровню технологии железообрабатывающего производства племена КПШК не уступали населению более южных регионов (Гурин, 1982. С. 47, 48; Бидзиля, Вознесенская, Паньков, Недопако, 1983. С. 93, 94).

3.5.4.2. Бронзолитейное производство

Несмотря на отсутствие собственной сырьевой базы у племен КРШК, было широко распространено бронзолитейное дело. Произведенные раскопки позволяют утверждать, что оно так же, как и железообрабатывающее ремесло, имело место на каждом поселении. Об этом свидетельствуют часто встречающиеся остатки бронзолитейного производства.

Плавка бронзы, по-видимому, чаще всего производилась в очагах, однако существуют и прямые свидетельства появления бронзоплавильных печей. Одна из них открыта на Большом Наркунайском городище. Она целиком сделана из глины. Размеры печи: 0,3 × 0,4 м. Внутри ее был обнаружен обломок римского сестерция предположительно II в. н. э., что дало основание А. Б. Лухтану не только датировать печь, но и высказать предположение об использовании в качестве исходного сырья античных монет (Luchtanas, 1981. P. 17). Сходный объект был обнаружен и на городище Ратюнки. Его размеры составляли 0,3 × 0,4 м. Он был окружен аморфным валиком из обожженной глины высотой 0,05 м. Следов цветного металла на стенках «печи» не обнаружено. На большинстве городищ найдены целые либо фрагментированные тигли, как правило, усеченно-конической формы. Имеются также единичные находки льячек (Ивань, Лабенщина).

Цветной металл применялся прежде всего для изготовления различных украшений. Судя по находкам вещей, заготовок, литейных форм местные мастера владели такими приемами обработки, как ковка, чеканка, возможно волочение, литье. Наиболее сложные украшения отливались в специальных формах. Фрагмент одной из них, служивший для изготовления крупной подвески диаметром 8 см, обнаружен на городище Ивань. Еще один обломок от формы для отливки пластинчатого височного кольца найден в Кярнаве. Третий, сильно фрагментированный обломок формы происходит из городища Лабенщина. Следует отметить, что все ли-

тейные формы, обнаруженные на поселениях КПШК, сделаны из глины и служили для одностороннего литья.

Одним из наиболее популярных видов украшений в культуре были очковидные подвески, сделанные из круглой в сечении проволоки. Такая же правильная форма дрота применялась и для изготовления ряда височных украшений, цепочек и других вещей. Не исключено, что прав М. Ф. Гурин, предполагавший знакомство мастеров с техникой волочения через фильеры (Гурин, 2000. С. 37).

3.5.4.3. Прядение, ткачество, шитье одежды

Среди домашних ремесел, в которых основную роль играла женщина, за исключением гончарства, рассмотренного выше, следует отметить прядение, ткачество и пошив одежды. О прядении свидетельствуют многочисленные находки пряслиц, встречающиеся на каждом поселении. Особенно большая концентрация их отмечена на городище Ивань. Здесь же зафиксирован очень высокий процент овцы в составе стада. Все это позволяет высказать предположение, что изготовление пряжи на этом поселении, а в последующем и тканей могло служить не только для удовлетворения собственных потребностей, но и выступать в качестве обменного продукта при торговых операциях с соседними племенами.

Остатков тканей ни на одном городище КПШК не обнаружено, однако об их фактуре можно судить по отпечаткам на днищах глиняной посуды, обнаруженных в ряде мест: Вязынка, Збаровичи, Качановичи, Кащеличи, Лабенщина, Старая Рудица и др. Эти отпечатки показывают, что обитатели поселений вырабатывали ткани двух видов: сравнительно тонкие, типа крестьянского холста, и более грубые, напоминающие мешковину (Митрофанов, 1978. С. 50). О портняжьем деле свидетельствуют находки железных игл, найденные на городищах Кащеличи, Кимия, Лабенщина, Новоселки, Ратюнки.

Приведенные выше данные показывают, что хозяйство племен КПШК было комплексным. Базируясь на земледелии и животноводстве, оно в то же время включало в себя охоту, рыбную ловлю и другие промыслы (бортничество, собирательство), не фиксируемые в археологическом материале. Домашние ремесла давали возможность полного обеспечения жителей всем необходимым для жизни и производственной деятельности.

3.6. СВЯЗИ С ДРУГИМИ ПЛЕМЕНАМИ

В процессе своего расселения носители КПШК в фазе LtD2 проникают в Предполесье, на неманско-днепровский водораздел, а также на нижнюю и среднюю Березину. При этом на юго-востоке культуры образуется широкая полоса прямого контакта с носителями зарубинецкой культуры, через которую в ареал «штриховиков» начинают поступать вещи как собственно зарубинецкого, так и более отдаленного происхождения.

Среди импортных вещей позднего предримского и раннеримского периодов, которые можно увязать с зарубинецкой культурой, обращает на себя внимание прежде всего серия фибул. Среди них — три классических подвязных одночастных верхнеднепровской серии (Банцеровщина, Мысли, Новоселки) и так называемая воинская из Малышек.

От зарубинецких племен в ареал КПШК проникали стеклянные золоченые и пастовые бусины, время обращения которых в принципе согласуется с хронологией фибул. Нельзя не отметить близость оружия и некоторых типов орудий труда. Так, наконечники копий и двушипных дротиков, известные по раскопкам городищ Ивань, Лабенщина, Малышки и Оздятичи, находят полное соответствие среди оружия, происходящего из закрытых комплексов Чаплинского могильника. То же самое можно сказать и в отношении кельтов с прямоугольной втулкой, найденных в Ивани и Слуцке.

После распада классической зарубинецкой культуры часть ее носителей, обитавших в Полесье, устремилась на север, в Верхнее Понеманье, Предполесье и на среднюю Березину. Так, в Верхнем Понеманье

при раскопках стоянки 5 у пос. Красносельский были выявлены две зарубинецкие фибулы, одна из которых находилась рядом с кальцинированными человеческими костями (Медведев, 1996. Рис. 92: 3, 4). А. М. Медведев отнес их к варианту IV, однако по форме щитка, расположению тетивы эти фибулы ближе стоят к варианту V, который датируется А. М. Обломским концом I в. н. э. (Обломский, 1986. С. 55). Еще одна фибула классического V варианта обнаружена неподалеку от этого места, в урочище Пискош в насыпи древнерусского кургана (Поболь, 1973. С. 341. Рис. 65: 4).

На некоторых городищах КПШК, которые находятся в Предполесье (Ивань) и на неманско-днепровском водоразделе (Мысли) и датируются временем не позднее фазы B1b, появляются срубные полуземлянки, однозначно сопоставимые с зарубинецкими. Здесь же помимо многочисленной серии вещей обнаружена и посуда, прежде всего лощеные миски, имеющая прямые аналоги среди зарубинецкой керамики (Егорейченко, 1996а. С. 32—34. Рис. 17—20). Подобные факты свидетельствуют о прямом проникновении носителей полесского варианта зарубинецкой культуры на север по левобережным притокам Припяти.

Аналогичная ситуация могла наблюдаться и на Средней Березине. Эта территория в I в. н. э. принадлежала носителям культуры штрихованной керамики. На некоторых городищах, исследованных А. Н. Лявданским и А. Г. Митрофановым, наряду с прочими обнаружены вещи зарубинецкого происхождения (Митрофанов, 1978. Рис. 19: 1, 9). Среди древностей этого времени особого внимания заслуживает серия вещей, хранящаяся в Археологическом музее в Кракове и происходящая якобы из Слободки Борисовского р-на. В состав этой коллекции входят зарубинецкая фибула IV варианта, очковидная фибула варианта В второго типа по Р. Ямке, пряжка, ключ, неконечник пояса, бронзовые височные кольца с надетыми на них янтарными бусинами и т. д. (Егорейченко, 1995. Рис. 1). Анализ этих находок показывает, что зарубинецкая фибула хронологически более ранняя, по сравнению с остальной частью находок. Ее нужно относить ко времени не позднее фазы B1a. Остальные вещи относятся к фазам B2/C1 — C1b (Егорейченко, 1996а. Рис. 1. С. 54). Более того, большая часть коллекции, как мне видится, представляет собой инвентарь погребения или нескольких погребений пшеворской культуры, связь которых с территорией Центральной Беларуси маловероятна. Складывается впечатление, что это — частное собрание вещей, в которое попали находки из-за пределов белорусского региона.

Высказанное мной предположение в настоящее время нуждается в уточнении. Зарубинецкая фибула, очевидно, все же связана с территорией Средней Березины. Это тем более вероятно в свете последней находки из этого района. В 2001 г. недалеко от д. Бытча Борисовского р-на в колее лесной дороги обнаружена не имеющая аналогов зарубинецкая фибула с богато орнаментированным щитком, характерная для полесского варианта (рис. 22). У нее прямое основание щитка и нижняя тетива, как у фибул V варианта, однако четко оформленная ножка и система орнаментации сближают ее с фибулами IV варианта. По-видимому, найденная застежка представляет собой переходный вариант и, следовательно, может быть датирована второй половиной I в. н. э.

Процесс какой-то слабой инфильтрации зарубинецкого населения мог происходить не только по Березине, но и ее притокам. Об этом свидетельствуют находки из городища Турец Червеньского р-на Минской обл. Там, в слое с поздней штрихованной керамикой, обнаружены две фибулы, связь которых с зарубинецкой культурой представляется несомненной. Одна из них с коротким щитком и длинным выступом внешне напоминает фибулу из погребения 20 Беляусского могильника (Обломский, 1986. Рис. 2: 5). От второй уцелел только щиток, который можно сопоставить с щитками зарубинецких фибул IV варианта. Учитывая условия залегания этих находок, их можно датировать I в. н. э.

Распад зарубинецкой культуры, наступивший в середине I в. н. э., прекратил или, по крайней мере, свел до минимума контакты носителей КПШК с более южными регионами. Вместе с тем без существенного перерыва наступает переориентация в направленности обмена, и на передний план выступают связи с культурами западного круга. Основными категориями поступлений становятся фибулы и детали поясного

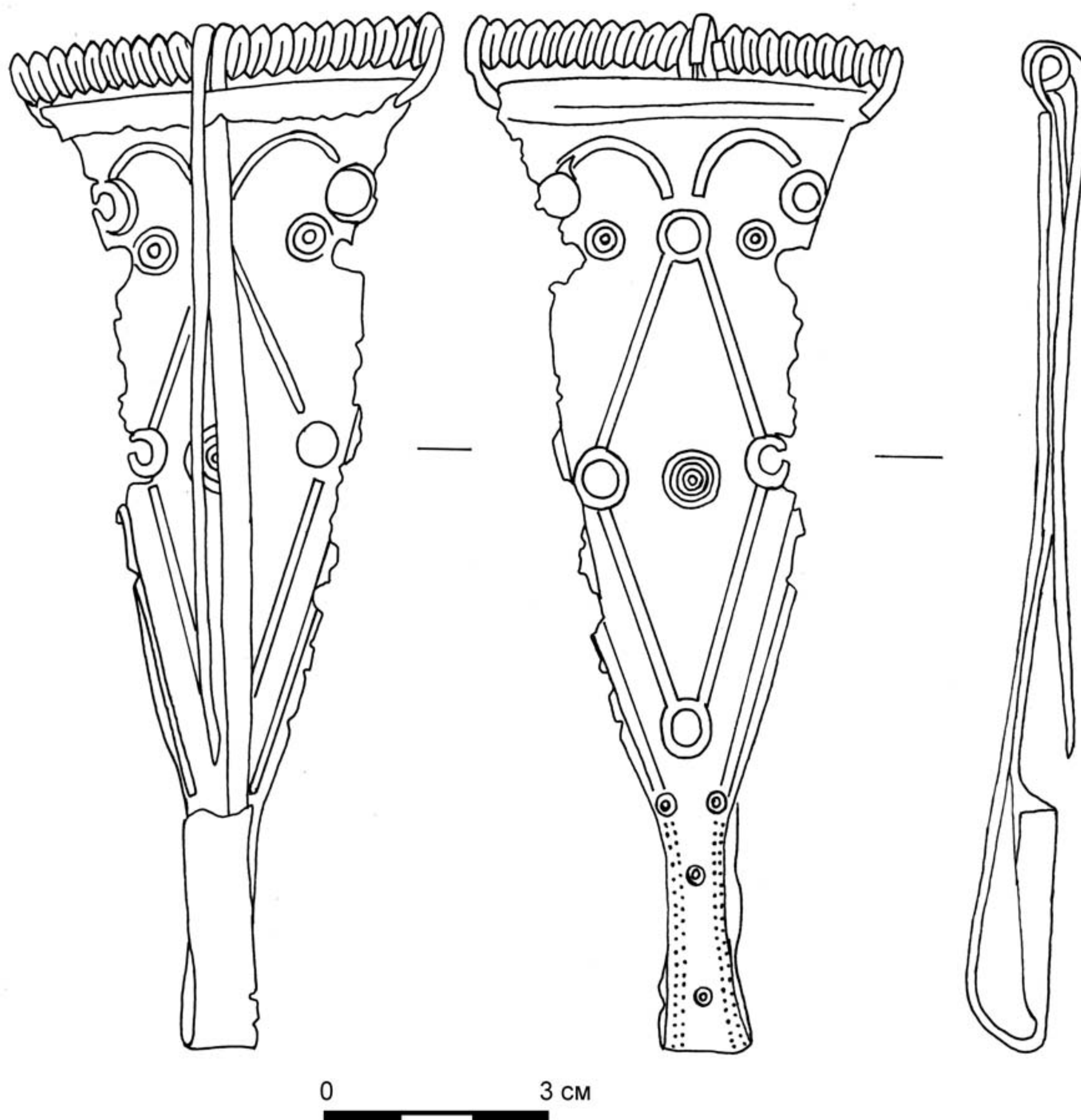


Рис. 22. Фибула зарубинецкого типа из д. Бытча Борисовского района

набора, преимущественно пряжки. Однако будет ошибочным полагать, что все из этих видов вещей представляют собой предметы межкультурного обмена. Часть из них, особенно железные одночастные пряжки, по-видимому, являются местным подражанием импортным.

Следует также отметить, что интенсивность поступлений предметов провинциальноримского импорта была наиболее высокой в позднем предримском и раннем римском периодах. Впоследствии наблюдается постепенное уменьшение числа привозных вещей, которое, возможно, объясняется развитием кризисных явлений в самой КПШК.

К числу наиболее ранних находок провинциальноримского типа фазы В1 относятся фибулы типа А.68 из Кащелич, глазчатая из Ивани и «бойев» из Мыслей. К этому же периоду относится железная восьмеркообразная пряжка из Малышек, а также железные пружинные ножницы и бронзовый пинцет из Мыслей. Фазу В2 характеризуют железные поясные застежки одночастной конструкции из Лабенщины и Ратюнок. К периоду В2/С1 относятся подковообразная фибула из Малышек, наконечник пояса из Зазон, имеющие эмалевые вставки, и двучастная железная пряжка из Лабенщины. Две овальные пряжки (Кащеличи, Малышки) связаны с поз-

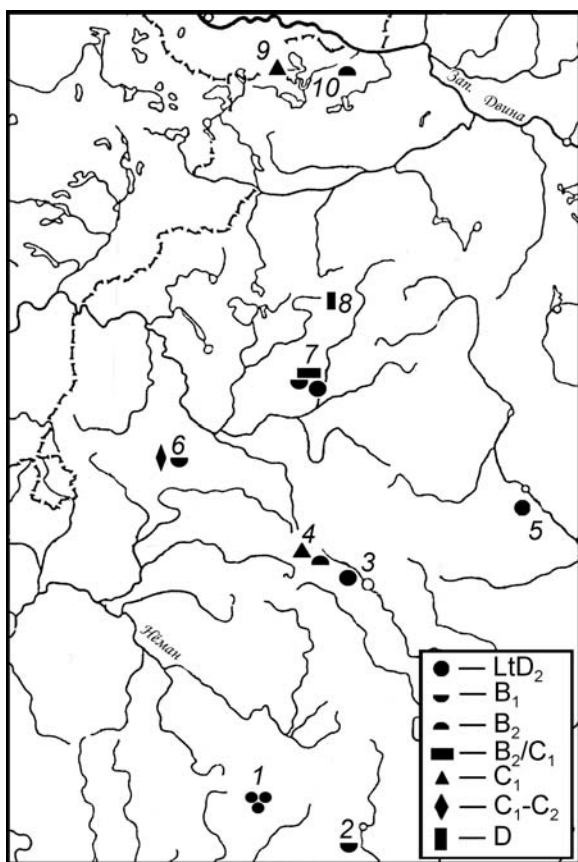


Рис. 23. Распространение импортных вещей и их дериватов в ареале культуры поздней штрихованной керамики: *1* — Мысли; *2* — Ивань; *3* — Банцеровщина; *4* — Лабенщина; *5* — Новоселки; *6* — Кащеличи; *7* — Малышки; *8* — Городище; *9* — Зазоны; *10* — Ратюнки

дним римским периодом (C1 — C2). Наконец, единственной находкой, которая характеризует эпоху великого переселения народов (фаза D), является железная овальная пряжка из городища у д. Городище Мядельского р-на Минской обл.

Картографирование находок римского времени указывает на локализацию подавляющей их части в бассейне р. Неман (рис. 23). Логично предположить, что именно эта река была той магистралью, по которой в ареал КПШК проникал провинциальноримский импорт. Однако встает вопрос: откуда конкретно он поступал? В качестве потенциальных «поставщиков» могли быть прежде всего носители пшеворской, вельбаркской и западнобалтийской культур, причем предпочтение, по-видимому, нужно отдать последним. Именно в западнобалтийской культуре встречаются аналогии большинству импортных вещей, найденных в Центральной и Северо-Западной Беларуси, причем только в этой культуре из числа западных отмечены изделия с эмалями. Определенные параллели между КПШК и западнобалтийской культурой отмечает и А. М. Медведев по другим категориям находок (Медведев, 1996. С. 28, 32, 38). Подобные целенаправленные связи могли быть вызваны неблагоприятной обстановкой в южнобалтийском регионе, которая сложилась в фазах B1b — B2 раннеримского периода, когда под давлением вельбаркских племен какая-то часть носителей западнобалтийской культуры была вынуждена отойти на территорию Литвы. Там формируются новые культурные образования, имеющие сходные черты с западнобалтийскими (Щукин, 1995. С. 115).

Традиционные контакты наблюдаются между племенами КПШК и ДДК. Это прослеживается прежде всего по отдельным категориям находок. Ранее уже отмечалось, что часть серпов, найденных в бассейне Западной Двины, ничем не отличается от тех, что известны в ареале КПШК. Подобные находки зафиксированы на городищах Заговалино, Замошье, Кострица, Кубличи, Мазурино (Шадыро, 1985. Рис. 32, 33).

Для носителей ДДК не были характерны глиняные пряслица. Они фактически отсутствуют в Смоленском Поднепровье (Шмидт, 1992. Табл. 33: 10, 11). Не так уж много их и в Белорусском Подвинье (Шадыро, 1985. Рис. 57—59). Большинство обнаруженных в Подвинье пряслиц по форме и орнаментации тождественны находкам из ареала КПШК. В частности, такие экземпляры выявлены на городищах Кострица, Заговалино, Бураково (Шадыро, 1985. Рис. 57: 6—12, 58, 59). В незначительном количестве на всех отмеченных поселениях известна и штрихованная керамика (Урагово — 2,8 %, Кубличи — 10,3 %, Заговалино — 2,9 %, Кострица — 16,2 %), причем она имеет преимущественно днепро-двинские формы (Егорейченко, 1996б. С. 10, 11). Приведенные факты позволяют говорить о достаточно сильном культурном импульсе «штриховиков» на днепро-двинские племена, а также возможном просачивании отдельных групп КПШК на восток, в ареал родственных племен.

3.7. ХРОНОЛОГИЯ

В археологической литературе вместо понятия КПШК традиционно употребляется термин «поздний этап культуры штрихованной керамики» (Митрофанов, 1978. С. 9—28; Митрофанов, 1980. С. 103; Grigalavičienė, 1986b. P. 137; Васкс, 1991. С. 123; Luchtanas, 1992. P. 84; и др.). Его начало А. Г. Митрофанов определял рубежом н. э. (Митрофанов, 1980. С. 103). Примерно такого же хронологического репера придерживаются и другие исследователи. При этом литовские археологи «разводят» появление ребристой посуды и собственно начало позднего этапа. По их убеждению, горшки ребристой формы берут начало в последней четверти I тыс. до н. э., однако никаких аргументов в защиту такой датировки не приводят (Volkaitė-Kulikauskienė, 1986. P. 47; Grigalavičienė, 1986b. P. 137). Ни одно из классических городищ КПШК, расположенных в бассейне р. Вилии и в неманско-днепровском междуречье, к этому времени не может быть отнесено.

Начальная дата укрепленных поселений белорусской части ареала КПШК, имеющих сравнительно узко датированные находки, предложена автором (Егорейченко, 1992. С. 48, 49; Егарэйчанка, 1999. С. 153, 154). Имеющиеся к настоящему времени данные позволяют отнести появление городищ не ранее середины I в. до н. э. Эта датировка прежде всего базируется на серии находок из нижних напластований культурного слоя городища Ивань. В них были найдены стеклянные золоченые бусины, время бытования которых главным образом относится ко II в. до н. э. — I в. н. э. (Алексеева, 1978. С. 29). Там же обнаружен зарубинецкий кельт с прямоугольной втулкой, аналоги которому имеются в мужских захоронениях Чаплинского могильника фазы D1 (120—60 гг. до н. э.) [Еременко, 1997. С. 158. Рис. 57]. Достаточно четко прослеживается и конечная дата этого поселения, которая определяется по находке в верхних слоях глазчатой фибулы V типа серии A (по Р. Ямке), относящейся к фазе B1b (40—70-е гг. I в. н. э.).

Еще менее продолжительным было функционирование городища Мысли. Среди ранних датирующих находок этого поселения имеются две фибулы. Одна из них — подвязная верхнеднепровской серии. Как уже отмечалось, М. Б. Щукин относит подобные экземпляры к LtD2 (60—15 гг. до н. э.). По мнению В. Е. Еременко, такие застежки были характерны для более позднего времени — 15 г. до н. э. — 20—40-е гг. I в. н. э. Вторая, так называемая фибула «бойев» относится к фазе A позднего предримского периода (60 г. до н. э. — начало I в. н. э.). Конечная дата этого поселения не столь прозрачна, как у предыдущего. Тем не менее по совокупности находок, в частности, ребристой золоченой бусины (I в. до н. э. — I в. н. э.), серой глухой (I—II вв. н. э.) и лощеных зарубинецких мисок, обнаруженных в полуземлянках, ее можно определить серединой — второй половиной I в. н. э. О непродолжительности жизни на городище Мысли свидетельствует четко фиксируемая застройка, при которой практически нет совмещения котлованов жилищ и следов перестройки оборонительной стены со стороны реки.

По-видимому, со второй половиной — концом I в. до н. э. нужно связывать появление носителей КПШК на городищах Банцеровщина, Новоселки и Петровщина, на которых также обнаружены подвязные фибулы верхнеднепровской серии. По-видимому, в это же время возникает и городище Малышки, о чем можно судить по находке «воинской» фибулы. Конечная его дата несколько размыта. Она определяется овальной пряжкой, аналоги которой характерны для центральноевропейских культур в фазах C1 — C2 (160—310 гг. н. э.). Единственная на территории Беларуси подковообразная застежка с эмалевидными вставками на дисковидных окончаниях позволяет отнести прекращение жизни на этом городище ко второй половине II в. н. э.

Несколько позднее рассмотренных возникает укрепленное поселение у д. Кащеличи. Его начальную дату дает фибула типа

A.68, которые были распространены в провинциальноримских культурах в фазе B1 (начало — 70-е гг. I в. н. э.) [WHP, 1998. Rys. 137]. Заключительная фаза функционирования городища определяется наконечником копья, датировка которого по западноевропейским аналогиям не выходит за пределы 260 г. н. э. (фаза C1).

Начальную дату горизонта, связанного с КПШК на городище Лабенщина, определить сложно. Надежно датируемых вещей здесь нет. Единственной находкой, которая позволяет высказать предположение по этому поводу, является двушипный наконечник дротика. Выше уже отмечалось о расхождении в датировке такого оружия в зарубинецкой культуре и культурах римского времени на территории Польши. Учитывая это обстоятельство, можно предполагать, что этот горизонт возник не ранее второй половины I в. до н. э., возможно, и позднее, в начале I в. н. э. Более определенно можно судить о финале этого поселения. Его конечную дату определяют двухчастная пряжка с прямоугольной рамкой, имеющая близкие аналогии в культуре западнобалтийских курганов фазы C1 (160—260 гг. н. э.), и костяной гребень, чья датировка не выходит за пределы середины III в. н. э.

Дату возникновения других городищ в белорусском ареале культуры определить невозможно. К сожалению, не дают надежных ранних хронологических реперов городища Восточной Литвы и Юго-Восточной Латвии. Достаточно конкретно можно говорить об угасании на них жизни. Аргументированную хронологию заключительного этапа КПШК в Литве разработал А. Б. Лухтан (Лухтанас, 2001. С. 22—28). Опираясь на сравнительно узкие датировки ряда изделий (булавки с катушкообразными навершиями, фибулы, височные кольца, обломок римского сестерция Фаустины Августы), он отмечает, что большинство городищ прекращает свое существование во II в. н. э. (Аукштадварис, Аукуро Калнас, Возгеляй, Варенай, Наркунай). Отдельные городища (Вялекушкес, Мошкенай), по его предположению, могли дожить до III в. н. э. (Лухтанас, 2001. С. 24). Однако обнаруженные на них эталонные находки, булавка с цилиндрической головкой (Вялекушкес) и арбалетная фибула (Мошкенай) отчетливо диагностируют по крайней мере большую часть III в. н. э.

По меньшей мере в III в. н. э. прекращает функционировать неукрепленное поселение в Керкузах на территории Юго-Восточной Латвии. Здесь обнаружена одночленная прогнутая подвязная фибула среднеевропейской серии (по А. К. Амброзу). К сожалению, неудачная прорисовка не дает возможности определения конкретного варианта и, следовательно, более узкой датировки. По-видимому, она стоит ближе к варианту 2, который А. К. Амброз датировал концом III—IV в. н. э. (Амброз, 1966. С. 59. Рис. 3: 3—9. Табл. 11: 4, 5). Впрочем, предложенная им хронология этих застежек представляется завышенной. В культурах римского времени на территории Польши они появляются в фазе C1 (160—260 гг. н. э.) и прекращают существование в фазе C2 (260—310 гг. н. э.) [WHP, 1998. Rys. 137].

Достаточно определенно вырисовывается верхняя хронологическая граница поселений КПШК в Браславском Поозерье. Так, на городище Зазоны ее определяет находка наконечника пояса с эмалевидной вставкой, который относится к фазе C1 (160—260 гг. н. э.). Следовательно, его функционирование прекращается не позднее середины III в. н. э. На городище Тарилово, где в верхних пластах отмечено доминирование ребристой штрихованной посуды, конечная дата определяется по находке круглой железной пряжки, характерной для фазы B2 (80—160 гг. н. э.). По-видимому, к этому же времени нужно относить и завершение этапа КПШК на городище Ратюнки. Здесь также обнаружена железная одночастная пряжка, но прямоугольной формы, которую можно датировать по центральноевропейским аналогиям фазой B2 (Егорейченко, 2001. С. 39). Рассмотренные материалы показывают, что городища Северо-Западной Беларуси абсолютно синхронны укрепленным поселениям Северо-Восточной Литвы.

Самую позднюю дату памятников КПШК дают несколько памятников на территории Беларуси. Наиболее ярким из них

является селище Ревячка, относящееся к банцеровской культуре. Здесь, в полуземлянке № 4 с типично банцеровским обликом, А. Г. Митрофанов обнаружил в развале печи-каменки классический горшок КПШК (рис. 42: 2), а в заполнении котлована обломки пряслица, глиняное грузило от сетей и железный нож, которые находят соответствие среди вещевого комплекса этой культуры. Все это доказывает, что «штриховики» проживали на селище и близлежащем городище по меньшей мере в конце IV, а возможно, и в начале V в. н. э., когда сюда пришли носители банцеровской культуры. А. Б. Лухтан выступает категорически против столь поздней даты для КПШК, полагая, что «подобные находки скорее лишь свидетельствуют о доживании реликтового разрозненного населения культуры штрихованной керамики в отдельных случаях до середины I тыс. н. э.» (Лухтанас, 2001. С. 24). Действительно, экстраполировать эту дату на всю культуру нельзя. Однако селище в Ревячке не является единственным свидетельством того, что часть носителей культуры продолжала существовать еще как минимум во второй половине IV в. н. э. Так, на укрепленном поселении у д. Городище Мядельского р-на обнаружена железная овальная пряжка с утолщенным краем, типичная для фазы D (350—450 гг. н. э.).

Не исключено, что второй половиной III—IV вв. н. э. определяется финальная стадия городища у д. Городище Барановичского р-на. На нем обнаружены две бусины. Одна из них, стеклянная трехчастная фиолетового цвета, относится к типу 95а, период обращения которых замкнут в рамках фазы C2 — D, другая сделана из янтаря. Она принадлежит к типу 391. Аналогичные экземпляры имели хождение в фазах B2/C1 — D (160—450 гг. н. э.). С этого же городища происходит втульчатый двушипный наконечник стрелы, который А. М. Медведев датирует II—IV вв. н. э. (Медведев, 1996. С. 31).

В противоположность А. Б. Лухтану А. М. Медведев склонен относить финал функционирования большинства городищ КПШК к IV — первой половине V в. н. э. К числу поселений, имеющих такую дату, он причисляет Аношки, Ворончу, Городище Барановичского р-на, Кащеличи, Малышки, Ревячку. Однако нетрудно заметить, что большинство привлекаемых для этой цели находок не имеет узких датировок. Так, поздняя дата укрепленных поселений Аношки и Ворнча базируется на хронологии шпор (III—V вв. н. э.), разработанной в свое время В. Б. Перхавко (1978. С. 122). О неприемлемости подобной датировки уже говорилось. Наиболее ранние экземпляры шпор с крючками на концах в Восточной Европе появляются уже в I в. н. э. Трудно согласиться с верхней датой городища Малышки, предлагаемой А. М. Медведевым. По его мнению, ее определяют такие находки, как наконечник копья, точильный камень, топор, трапециевидная подвеска. Однако при внимательном рассмотрении эти вещи для датирования мало пригодны. Узколезвийный топор и точильный камень не имеют узких дат. Копье настолько фрагментировано, что определение его типа и соответственно хронологии вызывает сомнения (Медведев, 1996. Рис. 46: 4). Трапециевидная подвеска имеет точные аналогии среди подвесок из городища Ивань и зарубинецкой культуры, поэтому относить его позднее I в. н. э. представляется недопустимым. Близкие замечания можно высказать и в отношении городища Кащеличи.

Таким образом, формирование КПШК следует отнести ко времени не ранее середины I в. до н. э. Исчезновение большинства поселений приходится на конец II—III вв. н. э. Лишь незначительное число их на территории Беларуси продолжает функционировать и в более позднее время, хронологически смыкаясь с банцеровской культурой.

Исторические судьбы племен КПШК на различных территориях складывались по-разному. Наиболее прозрачна эта ситуация в Восточной Литве. Там в III в. н. э. наблюдается массовый приток западнобалтского населения, принесшего курганный обряд захоронений и ошершавленную керамику. В конечном итоге происходит ассимиляция местных племен и постепенное формирование культуры восточнолитовских курганов (Лухтанас, 2001. С. 27).

Причины прекращения жизни на большинстве городищ Центральной и Северо-Западной Беларуси уже в конце II — середине III в. н. э. остаются непонятными. Восточнолитовских курганов на этой территории нет. Говорить о том, что население оставило городища и ушло на открытые поселения нельзя, поскольку селища КПШК в этом регионе не известны. Не был ли это процесс связан с климатическими изменениями, как это предполагают в отношении исчезновения зарубинецкой культуры в Полесье? Такое предположение вполне допустимо. Вслед за исчезновением зарубинецких племен в Полесье в середине I в. н. э. во второй половине этого столетия прекращают функционировать городища Предполесья (Ивань, Мысли) и Березины (Новоселки, Оздятичи, Петровичи). Во II—III вв. н. э. наступает очередь большинства укрепленных поселений Центральной Беларуси. Остаточное население столкнулось с пришельцами, носителями банцеровской культуры, и было ими ассимилировано.

Глава 4

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЭТНИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ НОСИТЕЛЕЙ КУЛЬТУР ШТРИХОВАННОЙ КЕРАМИКИ

Одно из центральных мест в изучении многих ранних культур занимают вопросы их происхождения и этнической интерпретации носителей. Не является исключением в этом плане и КРШК. Ее генезис до настоящего времени нельзя считать окончательно решенным. Это объясняется тем, что периоды ранней и средней бронзы на территории ее формирования продолжают оставаться малоизученными.

Как известно, штриховка поверхности сосудов появляется очень рано. На территории Литвы и Латвии она встречается уже с эпохи раннего неолита (Римантене, 1966. С. 54; Граудонис, 1980. С. 66). Однако в это время штрихи были маловыразительными и, как считают исследователи, их появление связано с процессом обработки поверхности сосудов, в частности с заглаживанием внешних и нередко внутренних сторон сосудов пучком соломы, травы или специальным штампом (Митрофанов, 1969а. С. 73; Граудонис, 1980. С. 66). Слабая штриховка на горшках сохраняется в Прибалтике на всем протяжении неолита и раннего бронзового века. Это обстоятельство, равно как и другие общие моменты между поздненеолитическими культурами, в частности поздненарвской и КРШК (сходные ареалы, сходство костяного, рогового, кремневого инвентаря и т. д.), позволили некоторым прибалтийским исследователям высказать предположение о приоритетном вкладе поздненарвской культуры в процесс зарождения КРШК (Гирининкас, 1985. С. 52; Васкс, 1983. С. 17, 18; Васкс, 1991. С. 111—115). Тем не менее, несмотря на привлекательность этой гипотезы, все же следует учитывать, что классическая КРШК не имеет хронологического стыка с поздненарвской культурой.

На территории Беларуси штриховка поверхности сосудов появляется позднее, чем в Прибалтике. Ее зарождение относится к последней четверти III тыс. до н. э. и связано с заключительным доброборским этапом неманской неолитической культуры. Как отмечает М. М. Чернявский, появление массовой штриховки на сосудах является одной из характерных черт, отделяющих средний, лысогорский этап неманской культуры от позднего, доброборского (Чарняўскі, 1979. С. 61).

Конец неманской культуры, наступивший в начале II тыс. до н. э., не привел к исчезновению традиции штриховки посуды на территории Беларуси. Она получает распространение и позднее, в эпоху бронзы. В. Г. Супрун, который проводил разведку в среднем течении р. Щары, левого притока Немана, отмечал, что штрихованная керамика встречается практически на всех поселениях эпохи бронзы. Сосуды этого времени имеют плоское дно, более сильную профилировку стенок и, что очень важно, довольно глубокую штриховку наружной поверхности горшков (Супрун, 1966. С. 106). Штрихованная керамика эпохи бронзы зафиксирована и в других местах Белорусского Понеманья. Она, в частности, выявлена в поречье р. Вилии, однако здесь штриховка на сосудах маловыразительная (Чернявский, Кохановский, Адамович, 1969. С. 66, 67).

Аналогичные процессы отмечены и за пределами территории Беларуси. Широкое распространение более выразительной штрихованной посуды в эпоху позднего неолита и ранней бронзы зафиксировано в Литве, Латвии, Эстонии, Финляндии, Польше и других местах (Данилайте, 1968. С. 10; Митрофанов, 1969. С. 74; Граудонис, 1980. С. 66, 67). Важно подчеркнуть, что это явление на большей части отмеченного ареала было тесно связано с расселением носителей шнуровой керамики (Митрофанов, 1969. С. 74; Граудонис, 1980. С. 67). Однако далеко не все отмеченные территории входили в область формирования собственно КРШК.

По мнению А. Б. Лухтана, исходным ядром сложения культуры послужила группа памятников типа Братонишкес — Жалейи, локализованная в бассейне р. Нярис. Для нее характерны неукрепленные поселения, на которых известны наземные постройки столбовой конструкции, штрихованная посуда главным образом в виде слабопрофилированных горшков, и отсутствие погребальных памятников. Среди основных занятий обитателей этих поселений были скотоводство и охота. Исходя из этих объединяющих черт, А. Б. Лухтан предлагает выделить ранний догородищенский этап КРШК, связанный с группой Братонишкес — Жалейи (Luchtanas, 1992. P. 59—61). Несмотря на привлекательность этой идеи, нетрудно заметить, что эти памятники размещаются вне основного ареала КРШК и их генетическая преемственность может быть проблематичной. Понимает это и А. Б. Лухтан. По его предположению, часть носителей штрихованной керамики из бассейна Нярис переместилась на территорию Северо-Восточной Литвы, где и происходит формирование КРШК в результате ассимиляции редкого местного населения (Luchtanas, 1992. P. 61). Не исключая подобной версии, все же нельзя отбрасывать и возможность сложения культуры в бассейне Западной Двины, на территории максимальной концентрации ранних городищ, в пределах Северо-Восточной Литвы, Северо-Западной Беларуси и Юго-Восточной Латвии. Однако для обоснования этого предположения нужны серьезные исследования памятников середины — третьей четверти II тыс. до н. э.

КПШК, формирование которой относится ко времени не позднее I в. до н. э., бесспорно, имеет генетические корни в КРШК, при всем том, что различия между ними принципиальные. Объединяющими моментами этих культур являются частичное совпадение ареалов, сохранение основных традиций в выборе мест поселений и домостроительстве, штриховке поверхности посуды и отсутствии свидетельств о погребальной обрядности.

Не ясным остается вопрос о происхождении ребристой посуды. По мнению Е. Данилайте (Григалавичене), она появилась в результате трансформации баночных горшков (Данилайте, 1968. С. 16). С этой точкой зрения соглашался и А. Г. Митрофанов, полагавший, что исходной формой была баночная с вогнутым внутрь краем венчика (Митрофанов, 1978. С. 32). А. М. Медведев видит более сложные пути происхождения ребристой керамики. По его убеждению, она могла возникнуть как из баночных, так и слабопрофилированных горшков (Медедев, 1996. С. 40). Приведенные им параллели целиком отвергать нельзя, за исключением преемственности между вариантами IIIг и IIв, которая исследователю представляется несомненной. В КРШК сосуды с профилем IIв отсутствуют. Выделенный А. М. Медведевым вариант представляет собой не что иное, как разновидность горшка со сглаженным ребром. Судя по тому, что в Браславском Поозерье, представлявшем собой часть коренной тер-

ритории КРШК, преобладают слаборебристые сосуды со склоненным внутрь венчиком, предложенная Е. Данилайте и А. Г. Митрофановым схема развития посуды представляется более убедительной.

По-видимому, появление ребристых горшков было вызвано не столько внутренними, сколько внешними факторами. А. Б. Лухтан отмечает, что это было связано с латенскими традициями (Лухтан, 1989. С. 109). Действительно, именно латенская культура дала толчок распространению ребристой посуды в ряде латенизированных, а затем и провинциальноримских культурах Центральной и Восточной Европы (PZP, 1981. Tabl. I. Tabl. II; Славяне..., 1993. Табл. VII. Табл. VIII. Табл. XIII. Табл. XIV. Табл. XVI), которые в свою очередь оказали ощутимое воздействие на КПШК.

Относительно этнической принадлежности носителей культур штрихованной керамики существуют различные подходы. Первым, кто предпринял попытку интерпретации этнической составляющей племен этих культур, был А. А. Спицын, высказавший предположение о принадлежности их балтам. В 1930 г. А. Н. Лявданский после раскопок ряда городищ со штрихованной керамикой на территории Центральной Беларуси поддержал эту точку зрения (Ляўданскі, 1930. С. 336). В дальнейшем большинство исследователей, опираясь прежде всего на данные гидронимии, однозначно увязали эти культуры с балтским этническим массивом (Митрофанов, 1955. С. 16, 17; Митрофанов, 1978. С. 124; Моора, 1958. С. 24; Граудонис, 1967. С. 104; Данилайте, 1968; Седов, 1970. С. 21—25; и др.). Иную позицию занимал П. Н. Третьяков, который рассматривал носителей культуры штрихованной керамики как «местное по происхождению население, оказавшееся со II тыс. до н. э. в окружении балтийских племен и, очевидно, мало-помалу им ассимилированное» (Третьяков, 1966. С. 162). Эта точка зрения была поддержана и конкретизирована Э. М. Загорульским. По его убеждению, часть неманского неолитического населения под натиском балтов была вынуждена переселиться на восток, где позднее она подверглась ассимиляции со стороны неманских и днепровских балтов. В конечном итоге победу одержал балтийский язык (Загорульский, 1977. С. 59, 61).

Многие исследователи в 50—60-х гг. прошлого столетия полагали, что носители культуры штрихованной керамики имели прямое отношение к этногенезу восточных литовцев. Это убеждение основывалось на близости ареалов культуры штрихованной керамики и культуры восточнолитовских курганов, а также на их хронологическом стыке. Первая, кто поставила под сомнение эту концепцию, была Ф. Д. Гуревич. По сути дела, не располагая достаточно убедительными аргументами, она тем не менее высказала предположение о том, что древности культуры штрихованной керамики были оставлены балтийскими племенами, «...чья культура вне области восточнолитовских племен исчезла в результате славянской колонизации, не оставив заметных следов в культуре более позднего времени» (Гуревич, 1962. С. 36).

Отрицательную позицию в отношении генетической связи между культурами штрихованной керамики и восточнолитовских курганов занимал В. А. Ушинскас. Он полагал, что большая часть «штриховиков» была вынуждена уйти под воздействием нескольких волн носителей восточнолитовских курганов. В этой связи роль культуры штрихованной керамики в этногенезе восточных балтов им рассматривается как ограниченная (Ушинскас, 1989. С. 62—67). Выводы В. А. Ушинскаса в принципе разделяет и А. Б. Лухтан. Учитывая материалы новейших исследований памятников второй четверти I тыс. н. э. на территории Восточной Литвы, он совершенно обоснованно предполагает, что «носители ... культуры штрихованной керамики не являются прямыми предшественниками культуры восточнолитовских курганов, а лишь одними из компонентов новой культуры» (Лухтан, 2001. С. 27).

Диаметрально противоположная гипотеза была сформулирована к началу 80-х гг. XX в. Д. А. Мачинским. Согласно этой теории носители КПШК имели прямое отношение к славянскому этногенезу. По мнению Д. А. Мачинского, носителей культуры необходимо идентифицировать с западными славянами, которые в первых веках н. э. переселились в Прикарпатье, а затем вернулись обратно на историческую родину (Мачинский, 1981. С. 31—52). Предположение о возможной принадлежности культуры штрихованной керамики прослеживается и в после-

дующих его работах (Мачинский, 1989. С. 120—130). Основные аргументы этого исследователя сводятся к следующему:

1. На основании некоторого сходства в материальной культуре (бедность вещевого и керамического комплексов, укрепленные городища, сходные с Хотомелем, отсутствие национальных украшений) можно проследить генетическую связь между культурами штрихованной керамики и Прага—Корчак.

2. Имеются отдельные соответствия между письменными свидетельствами о славянах и рядом черт «штриховиков», как-то: преобладание в вооружении копий, скопление обожженных камней на поселениях, свидетельствующих об особом способе обогрева жилищ и, возможно, бань.

3. Существует параллель между отсутствием погребений у культуры штрихованной керамики и погребальным обрядом летописных славян («на столбе на путех»).

Предложенная система аргументации вызывает ряд возражений. Нетрудно заметить, что большинство доводов не имеет однозначного этнокультурного трактования. Перечисленным фактам можно найти аналогии и в ряде других культур лесной полосы Восточной Европы (днепро-двинская, юхновская, дьяковская, верхнеокская).

Стоит подчеркнуть, что между подавляющим большинством памятников КПШК и пражской культуры существует хронологический разрыв, который составляет не менее 100 лет. Никакого продвижения носителей КПШК на юго-запад, в направлении Прикарпатья, как предполагает Д. А. Мачинский, по археологическим данным не прослеживается. Самые отдаленные, причем весьма слабые контакты «штриховиков», возможно, имели место с племенами Восточной Польши, о чем свидетельствуют редкие находки штрихованной керамики (PZP, 1979. S. 205, 206. Ryc. 116; Szymański, 1998. Tabl. 11: 1).

Вряд ли уместно говорить о бедности материальной культуры носителей поздней штрихованной керамики: материалы раскопок таких городищ, как Аукштадварис, Нямянчине, Ивань, Мысли, Малышки и др., это ни в коей мере не подтверждают. Наоборот, вещевой комплекс этих поселений отличается разнообразием и многочисленностью. Представляется не оправданной параллель между городищами КПШК и пражско-корчакской культуры. В первом случае они являются доминантным видом поселений, во втором единичны. Для ранних славян в большей степени характерны неукрепленные поселки.

В отношении оружия следует заметить, что копья как основной элемент вооружения не являются характерным только для носителей КПШК. Оружие ближнего боя доминировало у различных племен лесной полосы Восточной Европы. Аналогичное возражение можно выдвинуть и в отношении каменных скоплений, которые весьма распространены на днепро-двинских городищах, укрепленных поселениях Латвии и милоградской культуры (Шут, 1969. С. 265; Третьяков, Шмидт, 1963. Рис. 13. Рис. 57; Граудонис, 1967. С. 18, 23, 26. Рис. 18; Егорейченко, 1982. С. 69; Шадыро, 1985. Рис. 9, 10).

Абсолютно не убеждает параллель между отсутствием археологически уловимых погребений у носителей КПШК и погребальными обычаями летописных славян. Захоронения не известны и в других культурах железного века лесной полосы, в частности в днепро-двинской, дьяковской, верхнеокской. Более того, погребальный обряд любого этноса достаточно консервативен. Он может оставаться неизменным или незначительно видоизменяться на протяжении столетий. Поэтому трудно поверить в то, что славяне, ушедшие с территории Средней Белоруссии в Прикарпатье, как полагает Д. А. Мачинский, заимствовали на новом месте обычай захоронения остатков кремации в земле, а после возвращения обратно вновь прибегли к археологически неуловимым захоронениям (Егорейченко, 1988. С. 63). Не согласен с теорией Д. А. Мачинского и К. Годловский (Godłowski, 2000a. S. 305; Godłowski, 2000b. S. 364).

Оригинальная, однако малоубедительная концепция Д. А. Мачинского тем не менее обрела своих сторонников среди части петербургских археологов (Булкин, 1983. С. 5—8; Лебедев, 1989. С. 107—114). Так, например, Г. С. Лебедев полагал, что до последних веков до н. э. в лесной полосе Восточной Европы существовал прото-балто-славянский массив в лице носителей ряда культур: милоградской, штрихованной керамики, днепро-двинской, юхновской и верхнеокской. По его убеждению, центральная часть этого ареала, куда входили территории милоградской и штрихованной керамики культур, являлась

ядром славянской прародины (Лебедев, 1989. С. 107, 114).

Концепция прото-балто-славянской общности, одним из крупнейших представителей которой был известный польский лингвист Т. Лер-Сплавинский, имеет много уязвимых мест и современными исследователями отвергается (Загорульский, 1977. С. 44—46; Загорульский, 2001. С. 29; Седов, 1994. С. 32—67; Седов, 2002. С. 21—23). По мнению В. В. Седова, уже в I тыс. до н. э. происходит дифференциация балтов на три диалектные группы: западную, восточную и днепровскую (Седов, 1977. С. 10; Седов, 1980. С. 15). Более того, он рассматривает культуру штрихованной керамики в качестве ядра балтов, вокруг которого формировались периферийные балтские диалекты (Седов, 1985. С. 93, 94). Сходную позицию занимает и А. Лухтан, полагающий, что ярко выраженная дифференциация восточнобалтских языков началась не ранее середины I тыс. до н. э. (Лухтан, 1989. С. 167).

Весьма заманчиво связать носителей культур штрихованной керамики с конкретными племенами, известными по письменным источникам. Подобные попытки предпринимались неоднократно. Однако сведения, содержащиеся у античных авторов, слишком неконкретны, а порой и фантастичны, в силу чего предпринимаемые в этом направлении усилия исследователей не могут считаться убедительными.

Носителей культур штрихованной керамики причисляют то к венедам, то к феннам, упоминаемых Тацитом, не учитывая слишком уж экзотических версий (Рассадин, 2002. С. 117). Сторонником венедской интепретации был Г. С. Лебедев, однако, по его убеждению, в ареал венедов входили и другие племена, в частности носители позднего этапа днепро-двинской культуры и представители горизонта Рахны—Почеп (Лебедев, 1989. С. 61). А. Б. Лухтан полагает, что носители культуры штрихованной керамики были феннами. В своих построениях он опирается на Тацита, по словам которого фенны из-за нехватки железа использовали костяные наконечники стрел (Лухтанас, 2001. С. 27). На близкой позиции стоит и В. Новаковский, однако он причисляет к феннам не только носителей культуры штрихованной керамики, но и дьяковской культуры (Nowakowski, 1996. S. 189, 190).

Высказанное этими исследователями предположение не может быть признано приемлемым. Труд Тацита «Германия» был закончен в 98 г. н. э. Даже если учесть поправку В. Новаковского, согласно которой описываемые события в части венедов взяты из более раннего источника первой половины I в. н. э. (Nowakowski, 1996. S. 190), все равно это время расцвета КПШК, когда железные изделия полностью вытесняют костяные. Не соответствуют археологическим данным и иные стороны характеристики феннов, в частности доминирование у них охоты, отсутствие коней и т. д. Возможно, действительно прав Д. А. Мачинский, который видит в них предков саамов-лопарей, имевших контакт с германскими племенами на севере Скандинавии (Мачинский, 1976. С. 88).

Сведения о племенах лесной полосы Восточной Европы были крайне скудны. Нередко они обрастали фантастическими подробностями, что нашло свое отражение в трудах античных авторов. В силу этого соотнесение их данных с конкретными археологическими культурами при современном уровне развития знаний весьма проблематично.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Культуры штрихованной керамики, равно как и другие культуры лесной полосы Восточной Европы (днепро-двинская, верхнеокская, дьяковская, и др.), на протяжении конца II тыс. до н. э. — первой половины I тыс. н. э. прошли сходный путь исторического развития. Повсеместно в этом обширном регионе, населенном балтскими и финно-угорскими племенами, вплоть до рубежа н. э. наблюдается иной облик материальной культуры и социально-экономического уклада, нежели в более развитых западных и южных областях, которые имели сравнительно тесные контакты с античным миром. Практически на всем протяжении I тыс. до н. э. в этих культурах доминировали изделия из кости и камня. Находки из бронзы в это время редки, однако судя по многочисленности предметов, связанных с бронзолитейным производством, оно было широко распространено. Отдельные находки из железа, в частности топоры скифского типа VI—IV вв. до н. э., найденные на днепро-двинских городищах, вероятнее всего, являются привозными и не могут служить серьезным аргументом в пользу начала отсчета железного века. Широкое распространение черной металлургии и металлообработки фактически во всем лесном массиве Восточной Европы относится только к концу I тыс. до н. э., который и определяет грань между концом бронзового и началом железного века этого региона.

Заключительный этап эпохи бронзы в западной части восточноевропейской полосы лесов представлен КРШК, локализованной на сравнительно узкой территории в междуречье Немана и Западной Двины. Ее формирование относится к последней четверти II тыс. до н. э., а закат — к рубежу — началу н. э. В течение этого продолжительного отрезка времени в культуре не наблюдается существенных изменений. Отдельные новации, которые можно проследить в ее облике, отражают эволюционный характер развития. Ее ареал оставался почти неизменным на всем протяжении. Только в восточной части в начальный период прослеживается слабовыраженное проникновение носителей КРШК в ареал днепро-двинских племен, в результате чего незначительная территория переходит под их контроль.

Для племен этой общности были характерны исключительно холмовые городища со слабовыраженной системой дерево-земляных укреплений. Домостроительство на всем протяжении существования культуры характеризуется наземными многокамерными либо однокамерными домами, которые отапливались преимущественно глинобитными, реже каменными очагами.

Посуда представлена исключительно слабопрофилированными и баночными сосудами, покрытыми беспорядочной штриховкой. Орнаментация их бедна. Разнообразны изделия из кости. По ассортименту и форме они очень близки костяным предметам днепро-двинской культуры. Отличительной чертой КРШК можно

считать большее видовое разнообразие костяных булавок. Основу хозяйственной деятельности племен составляло животноводство с преобладанием в стаде свиньи. Роль подсечного земледелия была ограниченной. Охота и рыболовство сохраняли еще существенные позиции. Анализ поселений, жилищ, хозяйственной деятельности и других факторов показывает, что носители культуры находились на стадии развитого патриархата.

Зарождение КПШК относится к I в. до н. э. Она формируется на основе КРШК под сильным влиянием провинциальноримских традиций. Ее ареал значительно шире. Помимо Северо-Восточной Литвы, Юго-Восточной Латвии и Северо-Западной Беларуси, он охватывал Восточную Литву, всю Центральную Беларусь и Предполесье.

Холмовые городища, продолжая существовать и в первых веках н. э., часто защищены несколькими линиями искусственных укреплений. Помимо них, носители КПШК осваивают речные мысы (часто на местах бывших милоградских поселений) и возводят принципиально новые городища, не связанные столь жестко с естественными преградами. Они располагаются на высоких коренных берегах рек и защищены с напольной стороны высоким земляным валом и рвом, а со стороны реки — деревянной стеной. Наряду с наземными столбовыми постройками на новых городищах отмечены полуземлянки и наземные дома срубной конструкции.

Вместо баночных и слабопрофилированных сосудов доминирующими становятся ребристые горшки с отличной системой штриховки и орнаментации. Костяные и каменные изделия практически целиком заменяются железными. В отличие от КРШК с преобладанием костяного оружия дальнего боя в новой культуре доминируют железные копья и дротики, а стрелы за редким исключением не известны. Широкое распространение получают глиняные пряслица, почти не известные на памятниках конца II—I тыс. до н. э. Существенные различия наблюдаются в структуре хозяйственной деятельности. В КПШК на первый план выходит подсечное земледелие. Происходит структурная переориентация животноводства. На первый план выдвигается разведение крупного рогатого скота. Повсеместные остатки железоделательного производства, равно как и металлографический анализ ведущих орудий труда, свидетельствуют о развитой черной металлургии и металлообработке. В отличие от своих предшественников племена КПШК проявляют большую активность на восточном направлении. Находки ребристой посуды и определенных категорий вещей свидетельствуют об их инфильтрации далеко в глубь ареала ДДК (Егорейченко, 2004б. С. 73). Существенные изменения в материальной культуре и хозяйственной деятельности тем не менее не привели к переменам в социальной организации общества. Весь комплекс данных свидетельствует о том, что носители КПШК, как и их предшественники, находились на стадии развитого патриархата.

Аналогичные процессы наблюдаются и в других культурах лесной полосы Восточной Европы. Широкое распространение костяной и каменной индустрии вплоть до конца I тыс. до н. э., резкие смены в облике культур в связи с внедрением черной металлургии и металлообработки дают основание для их членения на культуры поздней бронзы и железного века.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. М., 1975. Вып. Г1—12.

2. *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. М., 1978. Вып. Г1—12.

3. *Арсеньева Т. М.* Могильник Ново-Отрадное // МИА. 1970. № 155. С. 82—149.

4. *Бидзиля В. И., Вознесенская Г. А., Недопако Д. П., Паньков С. В.* История черной металлургии и металлообработки на территории УССР (III в. до н. э. — III в. н. э.). Киев, 1983.

5. *Бидзиля В. И, Пачкова С. П.* Зарубинецкое поселение у с. Лютеж // МИА. 1969. № 160. С. 51—74.

6. *Бобринский А. А.* Гончарство Восточной Европы. М., 1978.

7. *Булкин В. А.* Некоторые данные об исторической географии Центральной Белоруссии // Древнерусское государство и славяне. Мн., 1983. С. 5—8.

8. *Васкс А. В.* Керамика эпохи поздней бронзы и раннего железа Латвии как исторический источник: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1983.

9. *Васкс А. В.* Керамика эпохи поздней бронзы и раннего железа Латвии. Рига, 1991.

10. *Вергей В. С.* Поселения пражской культуры Белорусского Полесья // Этногенез и этнокультурные контакты славян: Тр. VI Междунар. конгресса славянской археологии. М., 1997. С. 28—33.

11. *Волкайте-Куликаускене Р.* Новые данные о культуре штрихованной керамики (по раскопкам городища в местности Наркунай) // Тез. докл. советской делегации на V Междунар. конгрессе славянской археологии. М., 1985. С. 18, 19.

12. *Гавритухин И. О.* Маленькие трапециевидные подвески с полоской из пресованных точек по нижнему краю // ГАЗ. 1997. № 12. С. 43—58.

13. *Гирининкас А.* Роль поздненарвской культуры в процессе образования восточных балтов // Проблемы этнической истории балтов. Рига, 1985. С. 51—53.

14. *Голубович Е., Голубович В.* Славянские поселения правобережной Дисны в Вилейском округе БССР // КСИИМК. 1945. Т. 11. С. 126—137.

15. *Граудонис Я. Я.* Латвия в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Рига, 1967.

16. *Граудонис Я. Я.* Штрихованная керамика на территории Латвийской ССР и некоторые вопросы этногенеза балтов // Из древнейшей истории балтских народов (по данным археологии и антропологии). Рига, 1980. С. 59—69.

17. *Граудонис Я.* Строительство на территории культуры штрихованной керамики // Проблемы этногенеза и этнической истории балтов. Вильнюс, 1985. С. 131—143.

18. *Григалавичене Э., Мяркявичюс А.* Древнейшие металлические изделия в Литве. Вильнюс, 1980.

19. *Гуревич Ф. Д.* Древности Белорусского Понеманья. М.; Л., 1962.

20. *Гурин М. Ф.* Древнее железо Белорусского Поднепровья (I тыс. н. э.). Мн., 1982.

21. *Гурин М. Ф.* Археологические материалы из городища Мысли // ГАЗ. 2000. С. 24—39.

22. *Гурын М. Ф.* Узнікненне і развіццё металургіі і металаапрацоўкі жалеза // Археалогія Беларусі. Мн., 1999. Т. 2. С. 10—28.

23. *Данилайте Е.* Штрихованная керамика в Литве // Октябрьская революция и общественные науки в Литве. Материалы науч. конф. (6—8 декабря 1968 г.). Вильнюс, 1967. С. 229—231.

24. *Данилайте Е.* Штрихованная керамика в Литве: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Вильнюс, 1968.

25. *Данилайте Е.* Проблемы культуры штрихованной керамики на территории Восточной Прибалтики // Тез. докл. советской делегации на II Междунар. конгрессе славянской археологии в Берлине. М., 1970а. С. 17—20.

26. *Данилайте Е.* Распространение памятников культуры штрихованной керамики на территории Литвы // Древние славяне и их соседи. М., 1970б. С. 44—47.

27. *Даугудис В.* Укрепления и постройки ранних литовских городищ // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1989. С. 40—42.

28. *Даугудис В.* Городища Литвы первых веков нашей эры // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1990. С. 59—61.

29. *Дубінскі С. А.* Досьледы культур жалезнага перыоду на БССР у 1929 г. // Працы. Мн., 1930. Т. 2. С. 510—512.

30. *Дубынин А. Ф.* Щербинское городище // Дьяковская культура. М., 1974. С. 198—281.

31. *Дучиц Л. В., Митрофанов А. Г.* Городище Ратюнки // ГАЗ. 1994. № 5. С. 163—182.

32. *Егарэйчанка А. А.* Аб характары земляробства і земляробчых прылад працы ў насельніцтва Беларускага Палесся ў раннім жалезным веку // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук. 1983. № 3. С. 77—82.

33. *Егарэйчанка А. А.* Культура штрыхаванай керамікі // Археалогія Беларусі. Мн., 1999. Т. 2. С. 113—172.

34. *Егарэйчанка А. А.* Культура ранняй штрыхаванай керамікі: асноўныя прыкметы і арэал // Весці НАНБ. Сер. грамад. навук. 2002. № 1. С. 67—70.

35. *Егорейченко А. А.* Раскопки городища у д. Холопеничи // Древности Белоруссии и Литвы. Мн., 1982. С. 67—71.

36. *Егорейченко А. А.* Пряслица и грузики Иваньского городища / Древности Литвы и Белоруссии. Вильнюс, 1988а. С. 64—70.

37. *Егорейченко А. А.* Племена культуры штрихованной керамики и славянский мир (к вопросу об этнической атрибутации носителей культуры) // Тр. V Междунар. конгресса археологов-славистов. Киев, 1988б. С. 61—66.

38. *Егорейченко А. А.* Очковидные подвески на территории СССР // СА. 1991. № 2. С. 171—181.

39. *Егорейченко А. А.* Вклад А. Г. Митрофанова в изучение культуры штрихованной керамики // Насельніцтва Беларусі і сумежных тэрыторый у эпоху жалеза. Да 80-годдзя з дня нараджэння А. Р. Мітрафанава. Мн., 1992а. С. 11—13.

40. *Егорейченко А. А.* Хронология культуры штрихованной керамики // Насельніцтва Беларусі і сумежных тэрыторый у эпоху жалеза. Да 80-годдзя з дня нараджэння А. Р. Мітрафанава. Мн., 1992б. С. 47—50.

41. *Егорейченко А. А.* Некоторые итоги семилетнего изучения городища Ивань // Час, помнікі, людзі. Памяці рэпрасаваных археолагаў. Мн., 1993а. С. 39—42.

42. *Егорейченко А. А.* Железный век в исследованиях А. Н. Лявданского // Час, помнікі, людзі. Памяці рэпрасаваных археолагаў. Мн., 1993б. С. 36—39.

43. *Егорейченко А. А.* Железный век Браславского Поозерья // Браслаўскія чытанні. Браслаў, 1994. С. 20—22.

44. *Егорейченко А. А.* Находки римского времени из Слободки // ГАЗ. 1995. № 6. С. 52—56.

45. *Егорейченко А. А.* Древнейшие городища Белорусского Полесья. Мн., 1996а.

46. *Егорейченко А. А.* Этнокультурная ситуация в Белорусском Подвинье в железном веке // ГАЗ. 1996б. № 10. С. 8—11.

47. *Егорейченко А. А.* Городище и селище Зазоны // Браслаўскія чытанні. Браслаў, 1997. С. 22—26.

48. *Егорейченко А. А.* Центральная и Северная Беларусь в первой половине I тыс. н. э. // Славяне и их соседи. Мн., 1998. С. 36—45.

49. *Егорейченко А. А.* Культура или культуры штрихованной керамики? // Гістарычная навука ў Белдзяржуніверсітэце на рубяжы тысячагоддзяў. Мн., 2000. С. 168—171.

50. *Егорейченко А. А.* Хронология ранних городищ Браславщины // Браслаўскія чытанні. Браслаў, 2001а. С. 38, 39.

51. *Егорейченко А. А.* Культура ранней штрихованной керамики: характеристика и ареал // Выбр. навук. працы Бел. дзярж. ун-та. Мн., 2001б. С. 36—41.

52. *Егорейченко А. А.* Городище Ратюнки (по материалам исследований экспедиции Белгосуниверситета) // Браслаўскія чытанні. Браслаў, 2003. С. 33—35.

53. *Егорейченко А. А.* Исследования в Ратюнках // АО — 2003. М., 2004а. С. 530—532.

54. *Егорейченко А. А.* Об ареале культуры поздней штрихованной керамики // Восточная Европа в средневековье. М., 2004б. С. 70—76.

55. *Егорейченко А. А.* Городище у дер. Городище Мядельского р-на (исследования 1988 г.) // МАБ. 2005. Вып. 9. С. 121—128.

56. *Еременко В. Е., Журавлев В. Г.* Хронология могильника Чаплин верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры // Проблемы хронологии позднего латена и римского времени. СПб., 1992. С. 55—79.

57. *Еременко В. Е.* «Кельтская» вуаль и зарубинецкая культура. СПб., 1997.

58. *Забела Г.* Археологическая наука в Литве в 1918—1943 гг. // Час, помнікі, людзі. Памяці рэпрасаваных археолагаў. Мн., 1993. С. 42—44.

59. *Загарульскі Э. М.* Раскопкі гарадзішча Малышкі // Весці НАНБ. Сер. грамад. навук. 1995. № 3. С. 127, 128.

60. *Загорульский Э. М.* Древняя история Белоруссии. Очерки этнической истории и материальной культуры (до IX в.). Мн., 1977.

61. *Загорульский Э. М.* Отчет о полевых исследованиях в 1993 г. / Э. М. Загорульский. Архив отделов археологии ИИ НАНБ. 1994. Д. 1501.

62. *Загорульский Э. М.* Отчет о полевых исследованиях в 1994 г. / Э. М. Загорульский. Архив отделов археологии ИИ НАНБ. 1995. Д. 1539.

63. *Загорульский Э. М.* В поисках славянской прародины // Выбр. навук. творы Бел. дзярж. ун-та. Мн., 2001. С. 28—35.

64. *Зайкоўскі Э. М.* Раскопкі каля Радагошчы // ГАЗ. 1995. № 7. С. 120—140.

65. *Зайкоўскі Э. М., Мядзведзеў А. М.* Раскопкі гарадзішча каля в. Аношкі Нясвіжскага р-на // МАБ. 2001. № 3. С. 63—77.

66. Записки А. Гваньини // Полоцко-Витебская старина. Витебск, 1916. Вып. 3. С. 325—329.

67. *Зверуго Я. Г.* Исследования Гораньского городища // LA. 1992. P. 92—103.

68. *Ильютик А. В.* Пряслица и грузики из городищ раннего железного века бассейна Березины // ГАЗ. 1994. № 5. С. 183—189.

69. *Ильютик А. В.* Лысуха — памятник железного века // ГАЗ. 1996. № 7. С. 141—161.

70. *Ильютик А. В.* Керамика городищ железного века бассейна Березины // ГАЗ. 1998. № 13. С. 24—39.

71. *Ильютик А. В., Лошенков М. И.* Сорочи — поселение на р. Орессе // Ранние славяне Белорусского Поднепровья и Подвинья. МАБ. 2003. № 8. С. 127—152.

72. *Казакявичюс В. К.* Оружие балтских племен II—VIII вв. на территории Литвы. Вильнюс, 1988.

73. *Каспарова К. В.* Могильник и поселение у д. Отвержичи // МИА. 1969. № 160. С. 131—168.

74. *Каханоўскі Г. А.* Археалогія і гістарычнае краязнаўства Беларусі ў XVI—XIX стст. Мн., 1984.

75. *Киркор А. К.* Белорусское Полесье // Живописная Россия. СПб.; М., 1882. Т. 3. С. 235—248.

76. *Корева Л.* Материалы для географии и статистики России: Виленская губерния. СПб., 1861.

77. *Краснов Ю. А.* Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы // МИА. 1971. № 174.

78. *Крживицкий Л.* Последние моменты неолитической эпохи в Литве // Сборник в честь семидесятилетия проф. Д. Н. Анучина. М., 1913. С. 301—317.

79. *Крис Х. И.* Костяные и железные наконечники стрел Троицкого городища (классификация и хронология) // МИА. 1970. № 156. С. 145—169.

80. *Кухаренко Ю. В.* Зарубинецкая культура // САИ. М., 1964. Вып. Д1—19.

81. *Кухаренко Ю. В.* Могильник Брест — Тришин. М., 1980.

82. *Лашанкоў М. І.* Гарадзішчы ранняга жалеза ніжняй Бярэзіны // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь. Мн., 1994а. Ч. 4. С. 29—34.

83. *Лашанкоў М. І.* Даследванні гарадзішча Пятровічы // Весці НАНБ. Сер. грамад. навук. 1994б. С. 122—124.

84. *Лашанкоў М. І.* Аб часе з'яўлення «штрыхавікоў» у Паўднёва-Усходняй Беларусі // Этногенез и этнокультурные контакты славян. Тр. VI Междунар. конгресса славянской археологии. М., 1997. Т. 3. С. 147—155.

85. *Лебедев Г. С.* Археолого-лингвистическая гипотеза славянского этногенеза // Славяне. Этногенез и этническая история. Л., 1989. С. 105—115.

86. *Лошенков М. И.* Материалы населения городищ бассейна нижней Березины // Насельніцтва Беларусі і сумежных тэрыторый у эпоху жалеза. Да 80-годдзя з дня нараджэння А. Р. Мітрафанава. Мн., 1992. С. 70—73.

87. *Лошенков М. И.* Этнокультурные процессы в междуречье Днепра и Припяти в последних веках до н. э. // Беларусь у сістэме трансеўрапейскіх сувязяў у І тыс. н. э. Мн., 1996. С. 51—53.

88. *Лухтан А. Б.* Скотоводство и охота в Восточной Литве в I тыс. до н. э. (по материалам городища Наркунай) // Науч. труды вузов ЛитССР. История. Вильнюс, 1986. Т. 25. С. 3—19.

89. *Лухтан А. Б.* Восточная Литва в I тыс. до н. э.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1989. Архив ИА РАН. Р. 2. № 2428.

90. *Лухтанас А.* К вопросу об исчезновении культуры штрихованной керамики в бассейне Нерис (городища и селища в Кярнаве) // AL. 2001. Т. 2. Р. 22—28.

91. *Ляўданскі А. Н.* Раскопкі і археолегічныя разьведкі ў Барысаўскім павеце // Адбітак з Навуковага Зборніку Інстытута Беларускае культуры. Мн., 1925. С. 88—93.

92. *Ляўданскі А. Н.* Археолегічныя досьледы ў вадазборах рр. Сажа, Дняпра і Касплі ў Смаленскай губэрні // Працы. Мн. 1930. Т. 2. С. 269—338. Мн., 1932а. Т. 3. С. 226, 227.

93. *Ляўданскі А. Н.* Кароткае паведамленне аб досьледах культур эпохі жалеза ў БССР у 1930—1931 гг. // Працы. Мн., 1932б. Т. 3. С. 231—235.

94. *Ляўданскі А. Н.* Археолегічныя досьледы ў БССР пасьля Кастрычнікаўскай рэвалюцыі // Працы. Мн., 1932в. Т. 3. С. 215—218.

95. *Ляўданскі А. Н., Палікарповіч К. М.* Да гісторыі жалезнай прамысловасці на Беларусі па даных археалогіі // Савецкая краіна. 1932. № 5. С. 51—68.

96. *Максимов Е. В.* Среднее Поднепровье на рубеже н. э. Киев, 1972.

97. *Максимов Е. В.* Зарубинецкая культура на территории УССР. Киев, 1982.

98. *Мачинский Д. А.* К вопросу о территории обитания славян в I—VI вв. // АСГЭ. 1976. Вып. 7. С. 82—100.

99. *Мачинский Д. А.* Миграция славян в I тыс. н. э. // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981. С. 31—52.

100. *Мачинский Д. А.* Территория «славянской прародины» в системе географического и историко-культурного членения Евразии в VIII в. до н. э. — XI в. н. э. (контуры концепции) // Славяне. Этногенез и этническая история. Л., 1989. С. 120—130.

101. *Медведев А. М.* Хозяйственные занятия населения культуры штрихованной керамики // ГАЗ. 1994а. № 5. С. 238—254.

102. *Медведев А. М.* О хронологии памятников штрихованной керамики в I—V вв. // Barbaricum. Warszawa, 1994б. Т. 3. С. 21—29.

103. *Медведев А. М.* Раскопки городища в Белыничском р-не // Гістарычныя лёсы Верхняга Падняпроў'я. Магілёў, 1995а. С. 110—120.

104. *Медведев А. М.* Посоховидные булавки // ГАЗ. 1995б. № 7. С. 172—201.

105. *Медведев А. М.* Белорусское Понеманье в раннем железном веке. Мн., 1996.

106. *Мельниковская О. Н.* Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М., 1967.

107. *Минасян Р. С.* Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего средневековья // АСГЭ. 1978. Вып. 19. С. 74—85.

108. *Митрофанов А. Г.* К истории средней Белоруссии в эпоху раннего железа: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1955.

109. *Митрофанов А. Г.* Городище в Вязынке // МАБ. 1957. Т. 1. С. 155—164.

110. *Митрофанов А. Г.* Территория распространения и проблема происхождения культуры штрихованной керамики // Тез. докл. к конференции по археологии Белоруссии. Мн., 1969а. С. 69—76.

111. *Митрофанов А. Г.* Старорудицкое городище // Тез. докл. к конф. по археологии Белоруссии. Мн., 1969б. С. 82—87.

112. *Митрофанов А. Г.* Культура штрихованной керамики // Очерки по археологии Белоруссии. Мн., 1970. Ч. 1. С. 184—212.

113. *Митрофанов А. Г.* Железный век Средней Белоруссии. Мн., 1978.

114. *Митрофанов А. Г.* Археологические памятники восточных балтов на территории Белоруссии в эпоху железа (VIII в. до н. э. — IX в. н. э.) // Из древнейшей истории балтских народов (по данным археологии и антропологии). Рига, 1980. С. 102—110.

115. *Митрофанов А. Г.* Раскопки городища в д. Малышки // АО — 1977. М., 1978. С. 421, 422.

116. *Митрофанов А. Г.* Изучение поселений в бассейнах Немана и Западной Двины // АО — 1978. М., 1979. С. 443.

117. *Михельбертас М. М.* Литовское Понеманье в I—IV вв. н. э.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1987.

118. *Моора Х. А.* О древней территории расселения балтийских племен // СА. 1958. № 2. С. 9—33.

119. *Мядзведзеў А. М.* Да пытання аб знікненні культуры штрыхаванай керамікі ў басейне Віліі // ГАЗ. 1999. № 14. С. 36—47.

120. *Никифоровский Н. Я.* Очерки простонародного житья-бытья в Витебской Белоруссии. Витебск, 1895.

121. *Никольская Т. Н.* Культура племен верхней Оки в I тыс. н. э. // МИА. 1959. № 72.

122. *Перхавко В. Б.* Появление и распространение шпор на территории Восточной Европы // СА. 1978. № 3. С. 113—126.

123. *Петров В. П.* Подсечное земледелие. Киев, 1968.

124. *Поболь Л. Д.* Деревянное рало из торфяника у д. Каплановичи // Acta Baltico-Slavica. Białystok, 1967. T. V. S. 117—127.

125. *Поболь Л. Д.* Славянские древности Белоруссии (ранний этап зарубинецкой культуры). Мн., 1971.

126. *Поболь Л. Д.* Славянские древности Белоруссии (могильники раннего этапа зарубинецкой культуры). Мн., 1973.

127. *Поболь Л. Д.* Индоевропейские черты в древностях археологических культур железного века Белоруссии (к проблеме этногенеза славян) // VI Междунар. конгресс славянской археологии. Тез. докл. советской делегации. М., 1990. С. 68—71.

128. *Подгородецкий И. И.* Исследования на берегах Щары // АО — 1986. М., 1988. С. 375, 376.

129. *Покровский Ф. В.* Археологическая карта Виленской губернии // Тр. ВОМПК по устройству в Вильне IX АС. Вильна, 1893. С. 1—164.

130. *Покровский Ф. В.* Археологическая карта Гродненской губернии // Тр. IX АС. Т. 1. Приложение. С. 1—65.

131. *Покровский Ф. В.* Археологическая карта Ковенской губернии // Тр. X АС. Рига, 1896. Т. 2. С. 1—161.

132. *Покровский Ф. В.* К исследованию курганов и городищ на восточной окраине современной Литвы // Тр. IX АС. М., 1897. Т. 2. С. 138—196.

133. *Покровский Ф. В.* К исследованию бассейна Вилии в археологическом отношении // Тр. X АС. М., 1899. Т. 1. С. 71—171.

134. *Пузикова А. И.* Марицкое городище в Посеймье. М., 1981.

135. *Рапановiч Я. Н.* Слоўнiк назваў населеных пунктаў Вiцебскай вобл. Мн., 1977.

136. *Рапановiч Я. Н.* Слоўнiк назваў населеных пунктаў Мiнскай вобл. / Я. Н. Рапановiч. Мн., 1982.

137. *Рассадин С. Е.* Между Альпами и океаном: венеты — «другие германцы» // ГАЗ. 2002. № 17. С. 112—122.

138. *Римантене Р.* Стоянки раннего неолита в Юго-Восточной Литве // ДБ. Мн., 1966. С. 54—62.

139. *Розенфельдт И. Г.* Детали колчанов на городищах дьякова типа // СА. 1968. № 2. С. 272—276.

140. *Рынейскi А.* Археолегiчныя разьведкi на р. Пцiч // Працы. Мн., 1932. Т. 3. С. 197—214.

141. *Савукинене Н. П., Сейбутис А. А.* Влияние субатлантического ухудшения климата на развитие земледелия в Литве в свете палинологических исследований // Первобытный человек и природная среда. М., 1974. С. 247—251.

142. *Савукинене Н. П., Сейбутис А. А.* Основные фазы развития земледелия в Литве по палинологическим данным // Палинология в континентальных и морских геологических исследованиях. Рига, 1976. С. 91—101.

143. *Самойловский И. М.* Корчеватовский могильник // МИА. 1957. № 70. С. 61—93.

144. *Седов В. В.* Городище Церковище // КСИА. 1964. Вып. 102. С. 70—74.

145. *Седов В. В.* Поселения культуры штрихованной керамики // Acta Wratislavensis. 1967. № 56. Studia archeologiczne. II. S. 177—195.

146. *Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970.

147. *Седов В. В.* Жилища Юго-Восточной Прибалтики (I — начало II тыс. н. э.) // Древнее жилище народов Юго-Восточной Европы. М., 1975. С. 276—301.

148. *Седов В. В.* Балты и славяне в древности (I тыс. до н. э. — I тыс. н. э.) // Проблемы этнической истории балтов. Рига, 1977. С. 1—13.

149. *Седов В. В.* Балты и славяне в древности (по данным археологии) // Из древнейшей истории балтских народов (по данным археологии и антропологии). Рига, 1980. С. 14—20.

150. *Седов В. В.* Ранняя этническая история балтов // Проблемы этнической истории балтов. Рига, 1985. С. 92—95.

151. *Седов В. В.* Славяне в древности. М., 1994.

152. *Седов В. В.* Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002.

153. *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М., 1981.

154. *Семенов С. А.* Происхождение земледелия. Л., 1974.

155. *Сержпутовский А. К.* Земледельческие орудия труда Белорусского Полесья // МЭР. СПб., 1910. Т. 1. С. 45—59.

156. *Смирнов К. А.* К вопросу о систематизации грузиков «дьякова типа» // МИА. 1971. № 184. С. 80—98.

157. *Смирнов К. А.* Дьяковская культура (материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура. М., 1974. С. 7—89.

158. *Супрун В. Г.* Памятники каменного века и эпохи бронзы в бассейне среднего течения р. Щары // ДБ. Мн., 1966. С. 101—110.

159. *Станкевич Я. В.* К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тыс. н. э. // Древности северо-западных областей РСФСР в I тыс. н. э. МИА. 1960. № 76. С. 7—323.

160. *Тарасенко П. Ф.* Городища Литвы // КСИИМК. 1952. Вып. 42. С. 86—91.

161. *Татур Г. Х.* Очерк археологических памятников на пространстве Минской губернии и их археологическое значение. Мн., 1892.

162. *Терпиловский Р. В.* Ранние славяне Подесенья III—V вв. Киев, 1984.

163. *Терпиловский Р. В.* Киевская культура // Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э. Киев, 1985. С. 51—59.

164. *Третьяков П. Н.* Северные восточнославянские племена // МИА. 1941. № 6. С. 9—55.

165. *Третьяков П. Н.* Чаплинское городище // МИА. 1959. № 70. С. 119—153.

166. *Третьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966.

167. *Третьяков П. Н., Шмидт Е. А.* Древние городища Смоленщины. М.; Л., 1963.

168. *Ушинскас В. А.* Роль культуры штрихованной керамики в этногенезе балтов // Славяне. Этногенез и этническая история. Л., 1989. С. 62—67.

169. *Хартанович В. В.* Отчет о полевых работах в Кареличском и Новогрудском р-нах Гродненской обл. в 1988 г. Архив отделов археологии ИИ НАНБ. 1989. Д. 1107.

170. *Цалкин В. И.* К истории животноводства и охоты в Восточной Европе // МИА. 1962. № 107.

171. *Цимермане И. Р.* Керамика I тыс. н. э. как источник для исследования этнической истории и культурных взаимоотношений на территории Латвии // Из древнейшей истории балтских народов (по данным археологии и антропологии). Рига, 1980. С. 70—79.

172. *Цимермане И. Р.* Керамика Дигнайского городища и некоторых других памятников селов как отражение контактов с племенами территории Литвы в конце I тыс. до н. э. // Проблемы этногенеза и этнической истории балтов. Вильнюс, 1985. С. 47—50.

173. *Чарняўскі М. М.* Неаліт Беларускага Панямоння. Мн., 1979.

174. *Чернявский М. М., Кохановский Г. А., Адамович С. А.* Археологическая разведка в зоне Вилейского водохранилища // Тез. докл. к конф. по археологии Белоруссии. Мн., 1969. С. 63—68.

175. *Шадыро В. И.* Ранний железный век Северной Белоруссии. Мн., 1985.

176. *Шмидехельм М. Х.* Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-западе Эстонии. Таллин, 1955.

177. *Шмидт Е. А.* Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства. М., 1992.

178. *Шут К. П.* Городище Кубличи Ушачского р-на // ДБ. Мн., 1969. С. 262—289.

179. *Шутаў С. С., Улашчык М. М.* Археолегічныя разьведкі на ніжняй Сьвіслачы улетку 1926 г. // Працы. Мн., 1932. Т. 3. С. 105—121.

180. *Штыхов Г. В.* Сравнительное изучение древнейших городов Полоцкой земли и памятников их окрестностей // ДБ. Мн., 1966. С. 238—252.

181. *Щукин М. Б.* На рубеже эр. СПб., 1994.

182. *Щукин М. Б.* Некоторые замечания о хронологии городищ культуры штрихованной керамики // ПАВ. 1995. № 9. С. 109—119.

183. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии // Археология. М., 1994.

184. Эпоха бронзы лесной полосы СССР // Археология СССР. М., 1987.

185. Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э. Киев, 1985.

186. *Baudou E.* Die regionale und chronologische Einteibung der jüngeren Bronzezeit im Nordischen Kreis. Stockholm—Göteborg—Upsala, 1960.

187. *Cieślak-Kopyt M.* Cmentarzysko kultury przeworskiej z okresu rzymskich w Chinowie woj. Radom (stan. 1) // 20 lat archeologii w Masłomęczu. Lublin, 1998. S. 49—58.

188. *Coblenz W.* Die Anfinge der Lausitzer Kultur nördlich der Mittelgebirge zwischen Neisse und Elster // Die Anfänge der Urnenfelderkulturen in Europa. Archaeologia interregionalis. Warszawa, 1991. V. XIII. S. 109—122.

189. *Czebreszuk J.* Krąg mogiłowy I popelnicowy na Kujawach. Przyczynek do badań nad regionalną zmianą kulturową // Beiträge zur Deutung der bronzezeitlichen Hort- und Grabfunde in Mitteleuropa. Kraków, 1997. S. 91—105.

190. *Dąbrowska T.* Kamieńczyk. Ein Gräberfeld der Przeworsk-Kultur in Ostmasowien. Kraków, 1997.

191. *Dąbrowski J.* Zabytki metalowe epoki brązu między dolną Wislą a Niemnem. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1968.

192. *Dąbrowski J.* Epoka brązu w polnocno-wschodniej Polsce. Białystok, 1977.

193. *Danilaité E.* Lietuvos brūkšniuotosios keramikas ornamentas // MADA. A serija. 1968. T. 1 (26). P. 41—57.

194. *Daugudis V.* Aukštadvario piliakalnio įtvirtinimai ir pastatai // MADA. A serija. 1962. T. 1 (12). P. 43—69.

195. *Daugudis V.* Seniausieji mediniai pastatai ir įrenginiai Lietuvoje (1. I tūkstantmečio pr. m. e. bei pastatai) // MADA. A serija. 1974. T. 4 (49). P. 59—69.

196. *Daugudis V.* Seniausieji mediniai pastatai ir įrenginimai Lietuvoje (2. M. e. I tūkstantmečio I puseś įtvirtinimai) // MADA. A serija. 1975. T. 2 (51). P. 41—57.

197. *Daugudis V.* Seniausieji mediniai pastatai ir įrenginimai Lietuvoje (3. M. e. I tūkstantmečio I puseś pastatai) // MADA. A serija. 1976. T. 1 (54). P. 57—67.

198. *Domański G.* Die Frage des Zeithorizonts der Markomannen kriege in Barbaricum // Problem der relativen und absoluten chronologie ab Latènezeit bis zum frühmittelalter. Kraków, 1992. S. 129—140.

199. *Domański G.* Cmentarzysko w Bieczų, gm. Brody, pow. Żary // Varia Barbarica. Warszawa—Lublin, 2002. S. 263—276.

200. *Hachmann R.* Die Chronologie der jüngeren vorrömischen Eisenzeit. Studien zur Stand der Forschung im nördlischen Mitteleuropa und in Skandinavien // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. 1960. T. 41.

201. *Horst F.* Die Beziehungen zwischen Lauzitzer und Nordlischer Kultur im 13. und 12 Jh. vor unserer Zeitrechnung // Die Anfänge der Urnenfelderkulturen in Europa. Archaeologia interregionalis. Warszawa, 1991. V. XIII. S. 123—139.

202. *Gedl M.* Kultura przedłużycka. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1975.

203. *Gedl M.* Epoka brązu I wczesna epoka żelaza w Europie // Archeologia pierwotna I wczesnośredniowieczna. Kraków, 1985. Cz. III.

204. *Godłowski K.* Materiały do poznania kultury przeworskiej na Górnym Śląsku // MSiW. 1977. T. IV. S. 7—238.

205. *Godłowski K.* Die Chronologie der jüngeren und späten Kaizerzeit in den Gebieten südlich der Sudeten und Karpaten // Problem der relativen und absoluten chronologie ab Latènezeit bis zum frühmittelalter. Kraków, 1992. S. 23—54.

206. *Godłowski K., Wichman T.* Chmielów Piaskowy. Kraków, 1998.

207. *Godłowski K.* Wschodnia koncepcja pierwotnych siedzib Słowian // Pierwotne siedziby Słowian. Kraków, 2000a. S. 291—308.

208. *Godłowski K.* Spór o Słowian // Pierwotne siedziby Słowian. Kraków, 2000b. S. 345—369.

209. *Graudonis J.* Par dažiem latvijas agro metalu perioda kaula rotadatu tipiem // Archeologija un etnografija. Rīga, 1974. 63—73 lpp.

210. *Graudonis J.* Nocietinātās apmetnes Daugavas lejtecē. Rīga, 1989.

211. *Grigalavičiené E.* I tūkstantmečio pr. m. e. Lietuvos piliakalnių kaulo dirbinai (1. Darba įrankiai) // MADA. A serija. 1975. T. 4 (53). P. 73—83.

212. *Grigalavičiené E.* I tūkstantmečio pr. m. e. Lietuvos piliakalnių kaulo dirbinai (2. Medžioklés ir žvejybos ginklai) // MADA. A serija. 1976a. T. 1 (54). P. 51—55.

213. *Grigalavičiené E.* I tūkstantmečio pr. m. e. Lietuvos piliakalnių kaulo dirbinai (3. Papuosalai) // MADA. A serija. 1976b. T. 3 (56). P. 69—79.

214. *Grigalavičiené E.* Nevieriškes piliakalnis // LA. 1986a. T. 5. P. 52—88.

215. *Grigalavičiené E.* Sokiškių piliakalnis // LA. 1986b. T. 5. P. 89—137.

216. *Grigalavičiené E.* Brūkšniuotosios keramikos lokalniai variantai Lietuvoje // MADA. A serija. 1989. T. 3. P. 69—83.

217. *Grigalavičiené E.* Kerelių piliakalnis // LA. 1992. T. 8. P. 85—105.

218. *Grigalavičiené E.* alvario ir ankstyvasis gele ias am ius Lietuvoje. Vilnius. 1995.

219. *Jablonskyté-Rimantené R.* Ankstyvojo gele ies am iaus lapanios puod iai // Iš Lietuvių kulturos istorijos. Vilnius, 1961. T. III. P. 3—15.

220. *Jaskanis J.* Cmentarzyska kultury zachodniobałtyjskiej z okresu rzymskiego. Materiały do badań nad obrządkiem pogrzebowym // MSiW. 1977. T. IV. S. 239—250.

221. *Juga A.* Grob 153 z cmentarzyska w Tałtach na Pojezierzu Mazurskim // Officina archeologica optima. Warszawa, 2001. S. 109—116.

222. *Juga A.* Pollen kopfnadeln des Typs Beckmann A im westbaltischen Kulturkreis // AL. 2003. N 4. S. 63—81.

223. I Baltii. Cantini. 1992.

224. *Kaczanowski P.* Klasyfikacija grotów broni drzewkowej kultury przeworskiej z okresu rzymskiego. Kraków, 1995.

225. *Karczewski M.* Chronologia grobów z bronią odkrytych na cmentarzysku kultury bogaczewskiej z okresu wpływów rzymskich I wędrówek ludów w Paprotkach Kolonii, stan. 1, w Krainie Wielkich Jesior Mazurskich // AL. 1999. T. I. S. 72—109.

226. *Kłosińska E.* Starszy okres epoki brązu w dorzeczu Warty. Wrocław, 1997.

227. *Kostrzewski J.* Wielkopolska w pradziejach. Warszawa, 1955.

228. *Kulikauskas P.* Nemenčinés piliakalnis // Iš Lietuvių kulturos istorijos. Vilnius, 1958. T. I. P. 20—43.

229. Latvijas PSR archeologija. Rīga, 1974.

230. *Liana T.* Wykopaliska Kaliksta Jagmina w Łęgonicach, pow. Opoczno // WA. 1973. T. XXXVIII. Z. 2. S. 309—328

231. Lietuvos archeologijos bruo ai. Vilnius, 1961.

232. Lietuvos TSR archeologijos atlasas. Vilnius, 1978. T. IV.

233. *Luchtanas A.* alvario apdirbimas ankstyvuosiuose rytų Lietuvos piliakalniuose // LA. 1981. T. II. P. 5—17.

234. *Luchtanas A.* Pytų Lietuva I tūkst. Pr. m. erą // LA. 1992. T. 8. P. 56—85.

235. *Machaewski H.* Cmentarzysko ludności grupy gustowskiej na wzgorzu «Młynowka» w Wolinie, woj. Zachodniopomorskie // Superiores Barbari. Kraków, 2000. S. 241—254.

236. *Madyda R.* Sprązki I okucia pasa na ziemiach polskich w okresie rzymskim // MSiW. 1977. T. IV. S. 351—412.

237. *Madyda-Legutko R.* Metałowe cześci pasów na obszarze kultury zachodniobałtyjskiej w okresie wplywów rzymskich // WA. 1983. T. XI—XIII. Z. 1. S. 21—36.

238. *Madyda-Legutko R.* Doppeldernschnallen mit rechteckigem Rahmen im europäischen Barbaricum // Germania. 68. Frankfurt a. M., 1990. T. 2. S. 551—585.

239. Mazuren. Corpus der römischen Funde im europäischen Barbaricum. Warszawa, 2001. Band. 1.

240. *Michelbertas M.* Senasis gele ies am ius Lietuvoje. Vilnius, 1986.

241. *Michelbertas M.* Centriné Lietuva — romeniškojo leikotarpio emaliutų dirbinių gamibos centras // Vidurio Lietuvos archeologija. Vilnius, 1996. P. 18—25.

242. *Michelbertas M.* Paragaud io pilkapinas. Vilnius, 1997.

243. *Navickaité O.* Bačkininkélių piliakalnis // Iš Lietuvių kulturos istorijos. Vilnius, 1959. T. II. P. 103—118.

244. *Novotná M.* Bemerkungen zur Deutung der bronzezeitlichen Hort- und Grabfunde in Mitteleuropa. Kraków, 1997. S. 143—152.

245. *Nowakowski W.* U źródeł etnogenezy Bałtów I Słowian wenetowie Tacyta w świetle archeologii // Concordia. 1996. S. 187—191.

246. *Nowakowski W.* Die funde der römischen Kaizerzeit und der völkerwanderungszeit in Mazuren. Berlin, 1998.

247. *Nylén E.* Die jüngere vorrömische eisenzeit Gotlands. Stockholm, 1956.

248. *Petrauskaité D.* Žiegždių piliakalnis // Iš Lietuvių kulturos istorijos. Vilnius, 1959. T. II. P. 119—124.

249. *Pietrzak M.* Pruszch Gdański. Fundstelle 10. Ein Gröberfeld der Oksywie- und Wielbark-Kultur in Ostpommern. Kraków, 1997.

250. Prahistoria ziem polskich. Od środkowej epoki brązu do środkowego okresu lateńskiego. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1979. T. IV.

251. Prahistoria ziem polskich. Późny okres lateński i okres rzymski. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1981. T. V.

252. *Riha E.* Die römischen Fibeln aus Augst und Kaizeraugst // Forschungen in Augst. Augst. 1979. Band 3.

253. *Skorupka T.* Kowalewko 12. Cmentarzysko birytualne ludności kultury wielbarskiej (od połowy I w. n. e. do początku III w. n. e.) // Archeologiczne badania ratownicze wzdług trasy gazociągu tranzytowego. T. II. Wielkopolska. Poznań, 2001.

254. *Schauer P.* Zum Beginn der Urnenfelderkulturen in Ost- und Zentralfrankreich // Die Anfänge der Urnenfelderkulturen in Europa. Archaeologia interregionalis. Warszawa, 1991. V. XIII. S. 157—194.

255. *Szymański P.* ubronajcie—przyczynek do badań nad wczesnożelazną ceramicą Suwalszczyzny // Ceramika zachodniobałtyjska od wczesnej epoki żelaza do początku ery nowożytnej. Białystok, 1998. S. 119—139.

256. *Šturms E.* Die ältere Bronzezeit im Ostbalticum. Berlin, 1936.

257. *Tarasenka P.* Lietuvos piliakalniai. Vilnius, 1956.

258. *Tempelmann-Mącyńska M.* Perlen im Mitteleuropäischen Barbaricum. Mainz am Rhein, 1985.

259. *Tikhanova M. A., Shcheglova O.A., Shchukin M.B., Sharov O.V.* The Structure of Lepesovka Settlement // Die Sîntana de Mureş—Černjachov—Kultur. Bonn, 1999.

260. *Thomas S.* Studien zu den germanischen Kämmen der römischen keizerzeit // Arbeits und Forschungsberichte zur sächsischen Bodendenk malpflege. Leipzig, 1960. S. 54—215.

261. *Vasks A.* Brikulu nocietinātā apmetne. Rīga, 1994.

262. *Vasks A.* New data on Early Iron Age settlement in south-eastern Latvia // Archeologia Baltica. Vilnius, 1995. P. 57—80.

263. *Volkaité-Kulikauskiené R.* Narkūnų did iojo piliakalnio tyrinejimų rezultatai // LA. Vilnius, 1986. T. 5. P. 5—49.

264. Wielka historia Polski. Kraków, 1998. T. I.

265. *Wołągiewicz R.* Lubowidz. Ein birituelles Gräberfeld der Wielbark-Kultur aus der Zeit vom Ende des 1. Jhs. V. Chr. bis zum Anfang des 3. Jhs. N. Chr. Kraków, 1995.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО — Археологические открытия

АС — Археологический съезд

АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа

ВОМПК — Виленское отделение Московского предварительного комитета

ГАЗ — Гістарычна-археалагічны зборнік

ДБ — Древности Белоруссии

ИА РАН — Институт археологии Российской Академии наук

ИИ НАНБ — Институт истории Национальной академии наук Беларуси

КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР

КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР

МАБ — Материалы по археологии Беларуси

МИА — Материалы по археологии СССР

МЭР — Материалы по археологии России

ПАВ — Петербургский археологический сборник

Працы, т. 2 — Працы археалагічнай камісіі. Запіскі аддзела гуманітарных навук Беларускай АН

Працы, т. 3 — Працы секцыі археалогіі Інстытута гісторыі Беларускай АН

СА — Советская археология

САИ — Свод археологических источников

AL — Archaeologia Lituana

MADA — Lietuvos TSR mokslų akademijos darbai

MsiW — Materiały Starożytne i Wczesnośredniowieczne

LA — Lietuvos Archeologija

LAA — Lietuvos Archeologijos Atlasas

PZP — Prahistoria ziem polskich

WA — Wiadomości Archeologiczne

WHP — Wielka historia Polski

ТАБЛИЦЫ

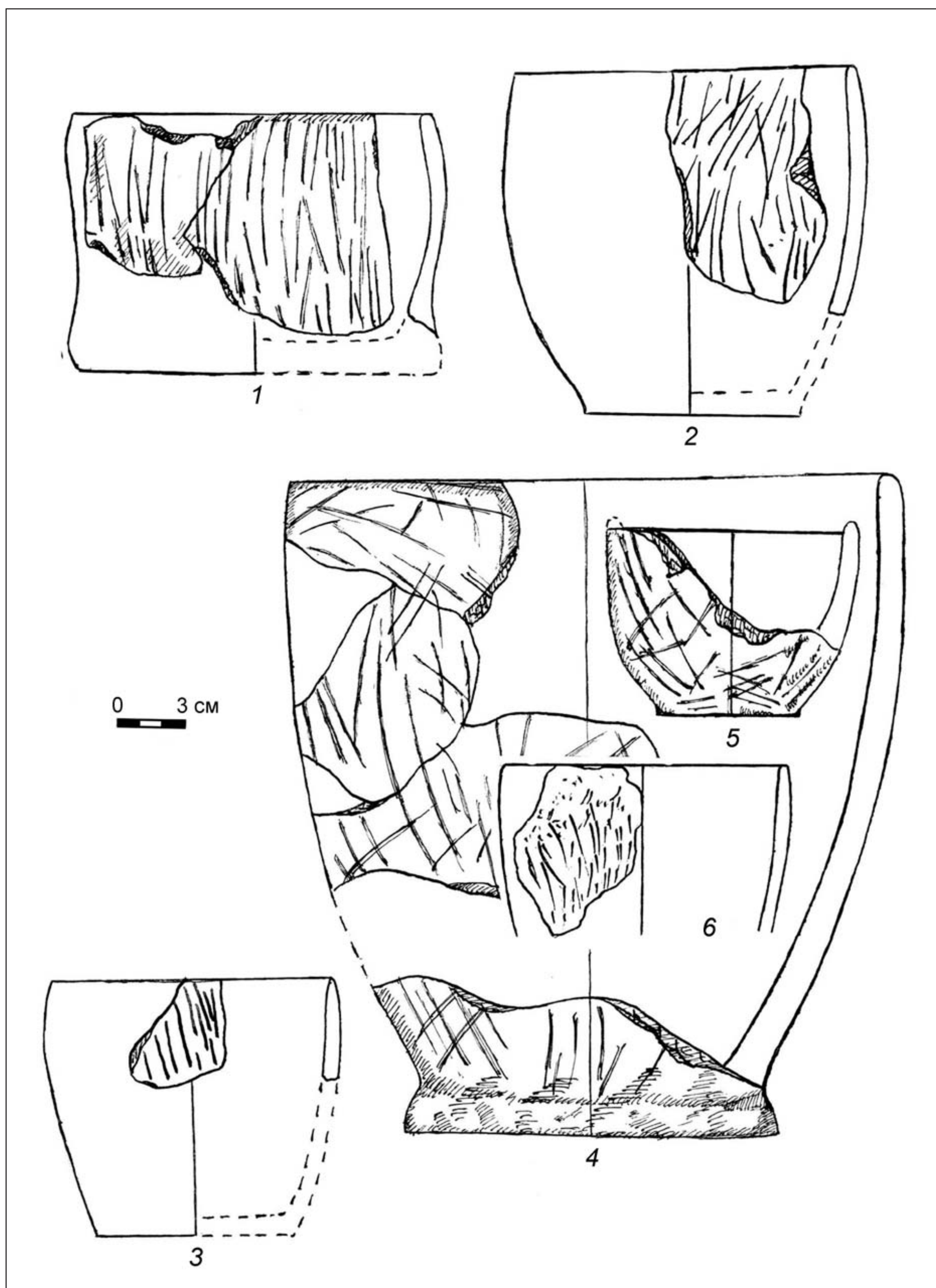


Таблица 1. Баночные сосуды культуры ранней штрихованной керамики:
1—3 — Сокишкяй; *4, 5* — Няверишке; *6* — Ратюнки

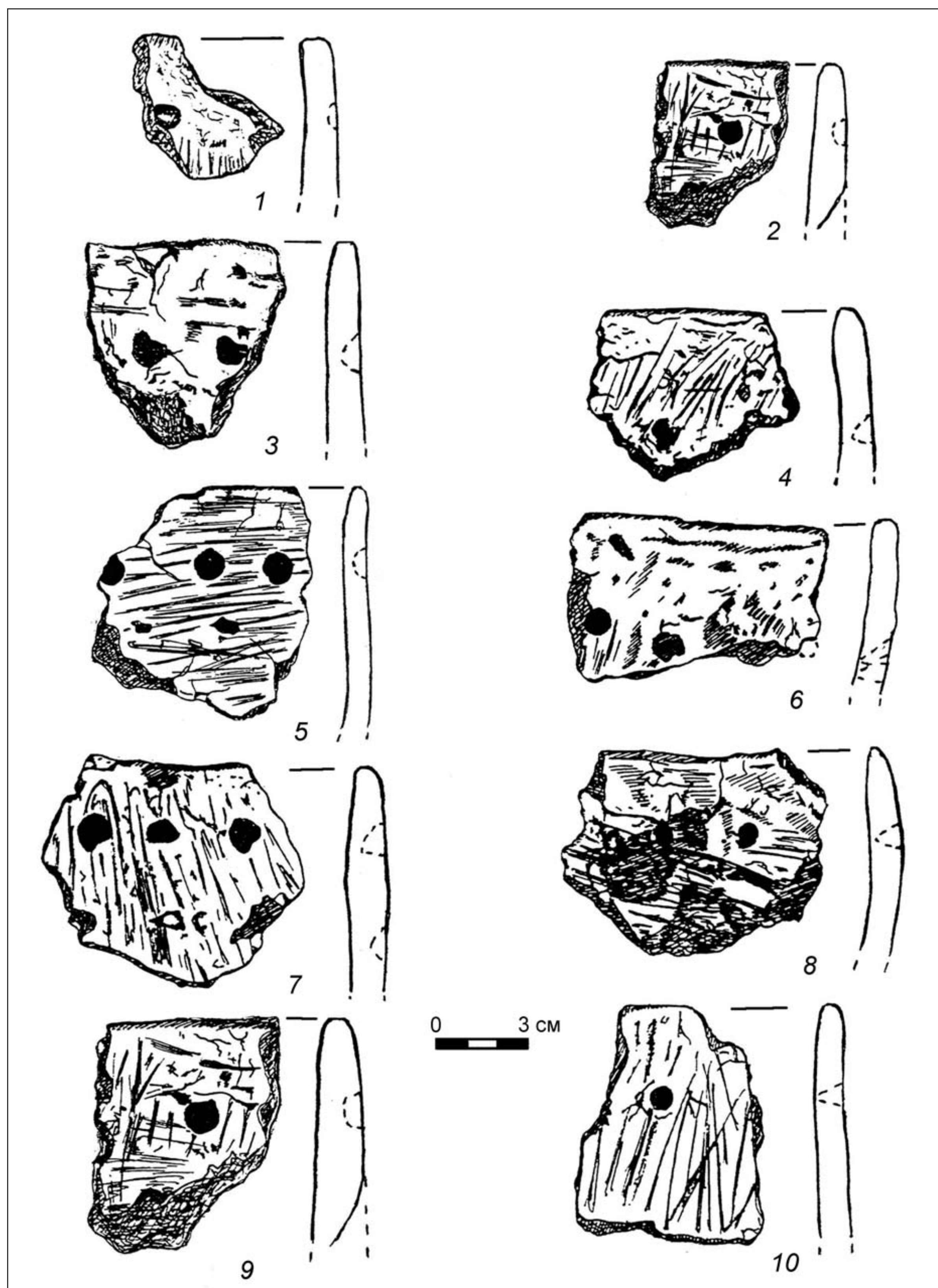


Таблица 2. Орнаментированные фрагменты баночных сосудов культуры ранней штрихованной керамики из городища Ратюнки

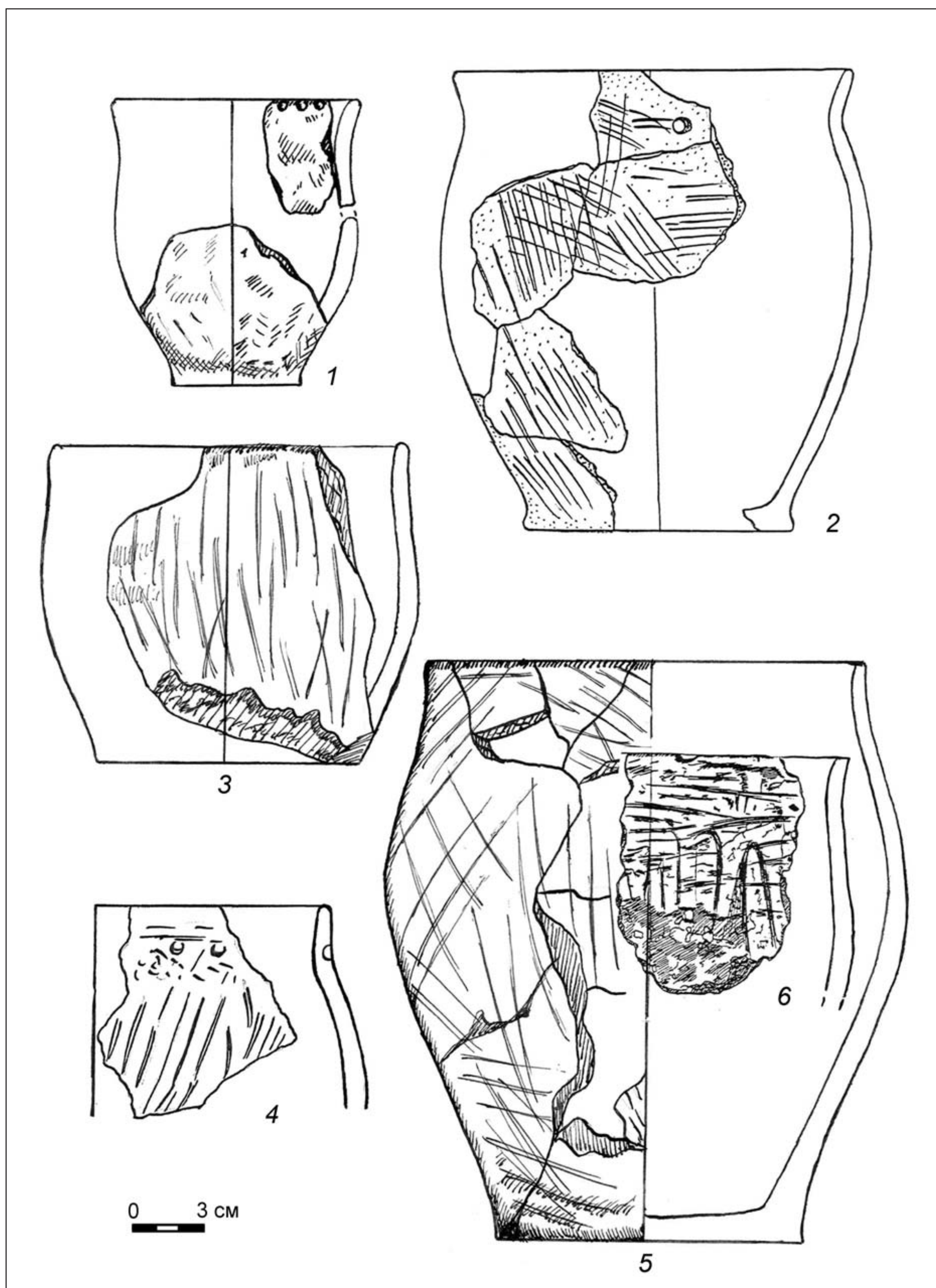


Таблица 3. Слабопрофилированные горшки культуры ранней штрихованной керамики:
1 — Сокишкяй; *2* — Горани; *3*, *5* — Няверишке; *4*, *6* — Ратюнки

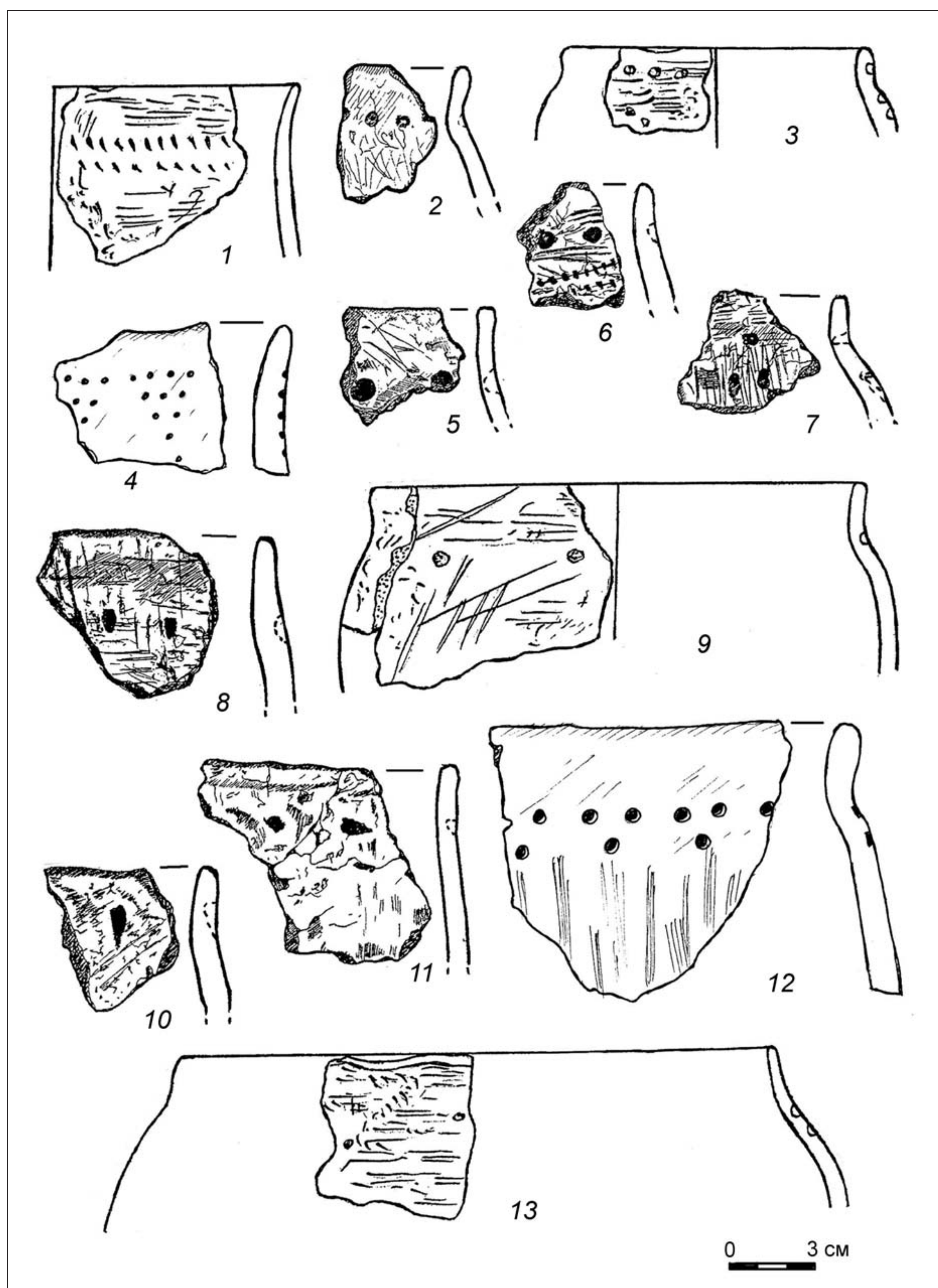


Таблица 4. Орнаментированные венчики слабопрофилированных горшков культуры ранней штрихованной керамики: *1, 3, 5—11* — городище Ратюнки; *2, 4, 12* — городище у д. Городище Мядельского района

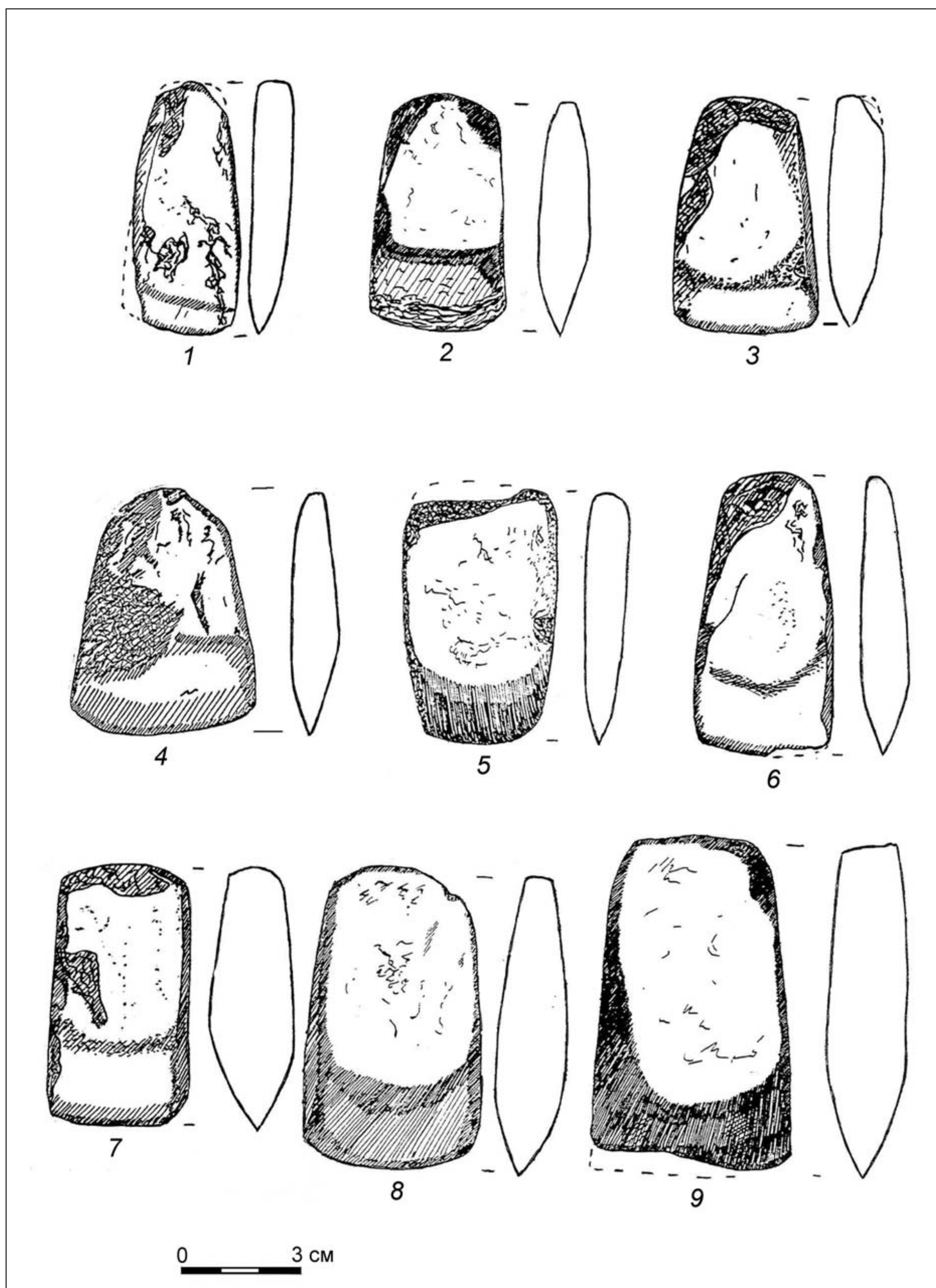


Таблица 5. Каменные клиновидные топоры культуры ранней штрихованной керамики:
1, 3—7 — Ратюнки; *2, 8, 9* — Зазоны

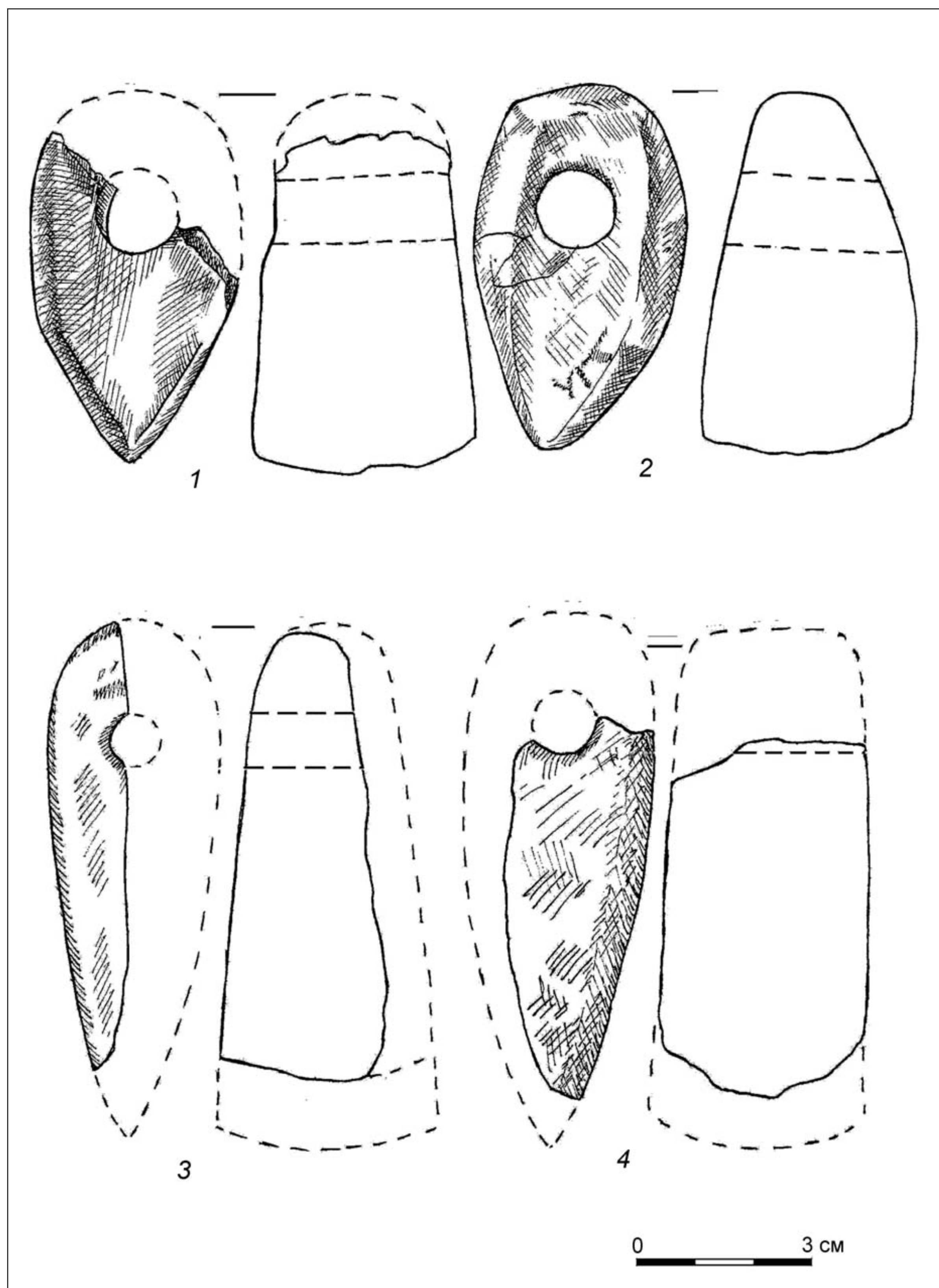


Таблица 6. Каменные сверленые топоры культуры ранней штрихованной керамики из городища Няверишке

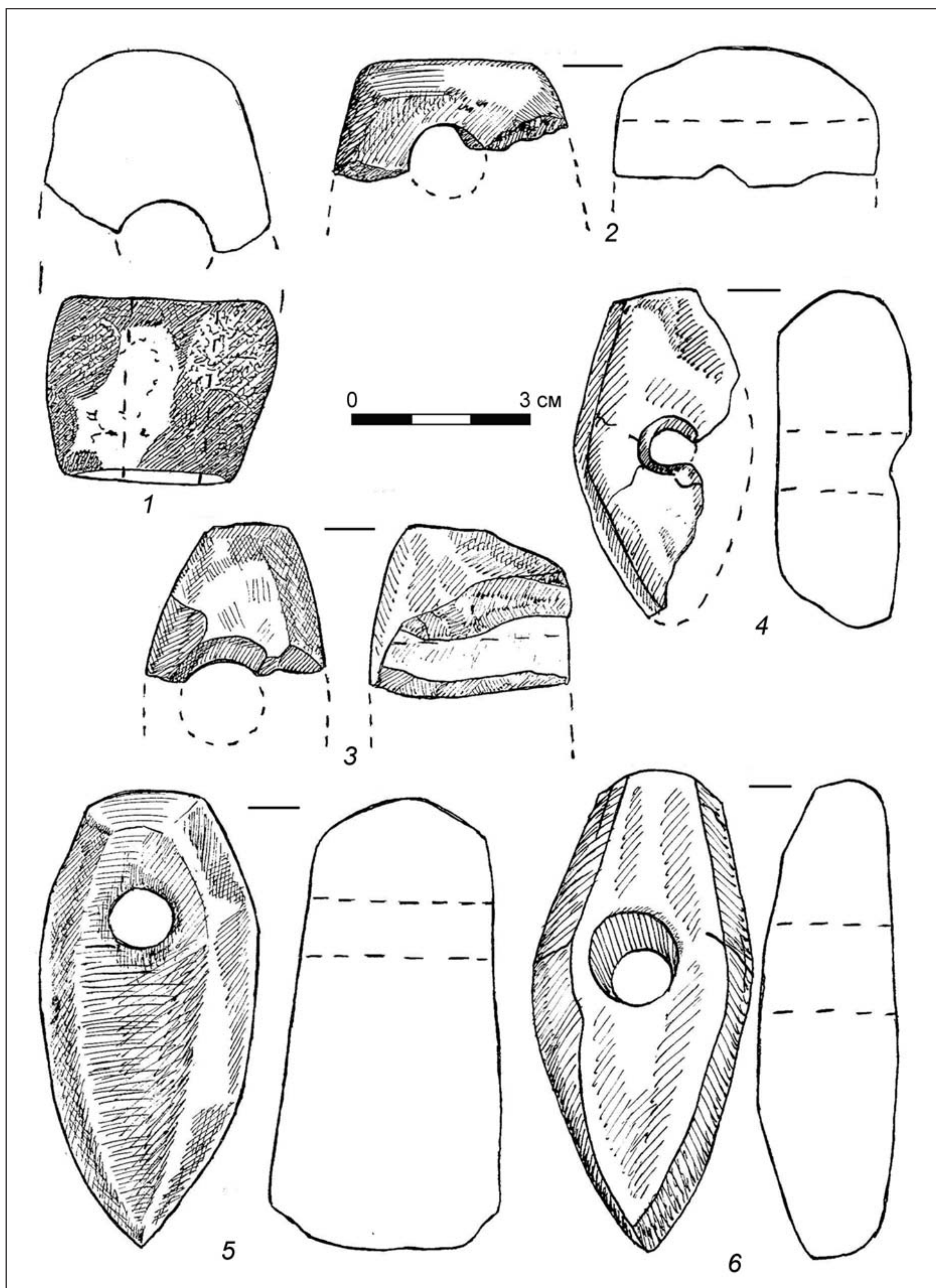


Таблица 7. Каменные сверленые топоры культуры ранней штрихованной керамики: *1* — Ратюнки; *2, 5* — Няверишке; *3* — Сокишкяй; *4* — Кяряляй; *6* — Горани

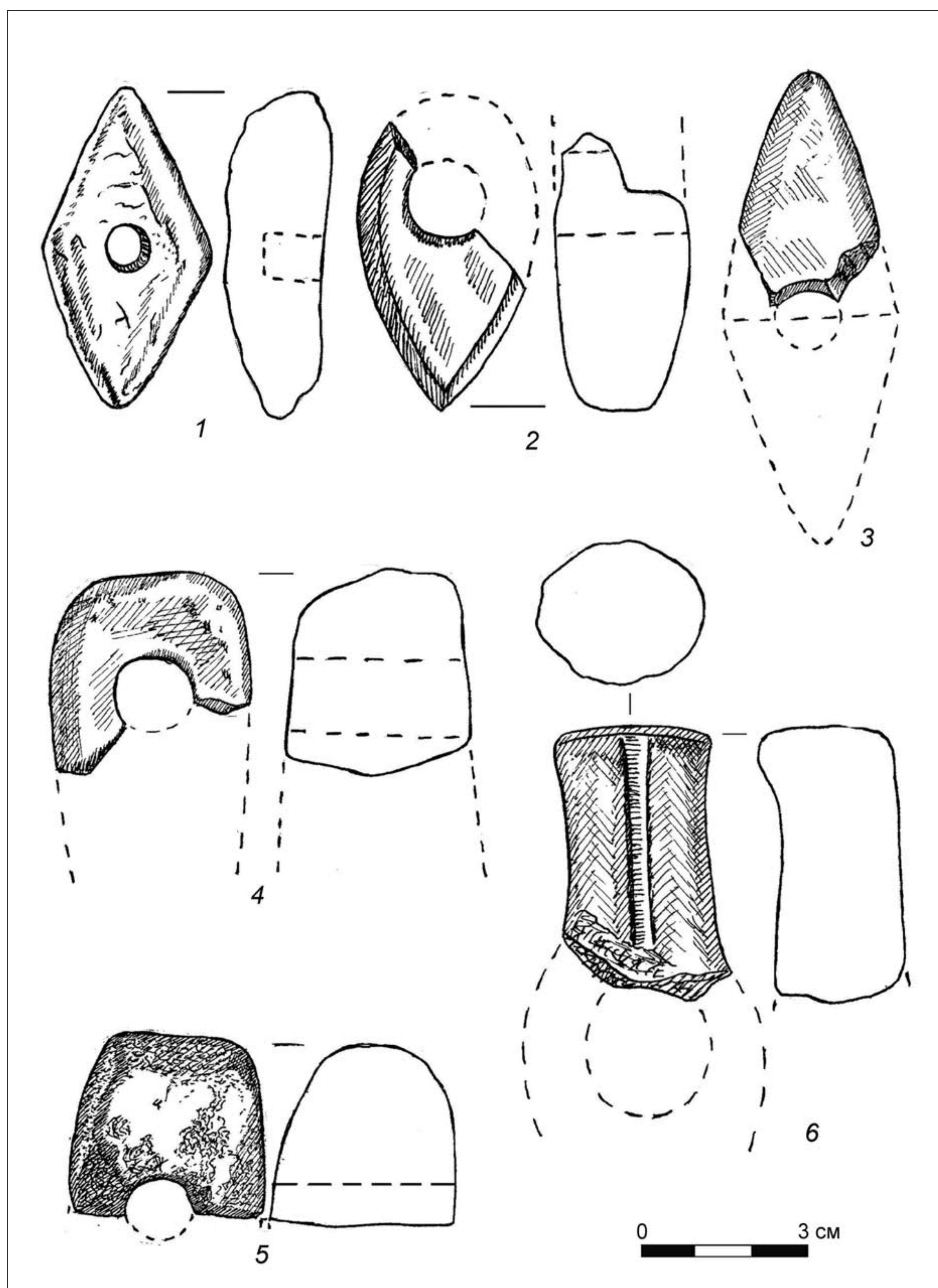


Таблица 8. Каменные сверленые топоры культуры ранней штрихованной керамики:
1 — Юодонис; *2*, *4*, *6* — Няверишке; *5* — Зазоны

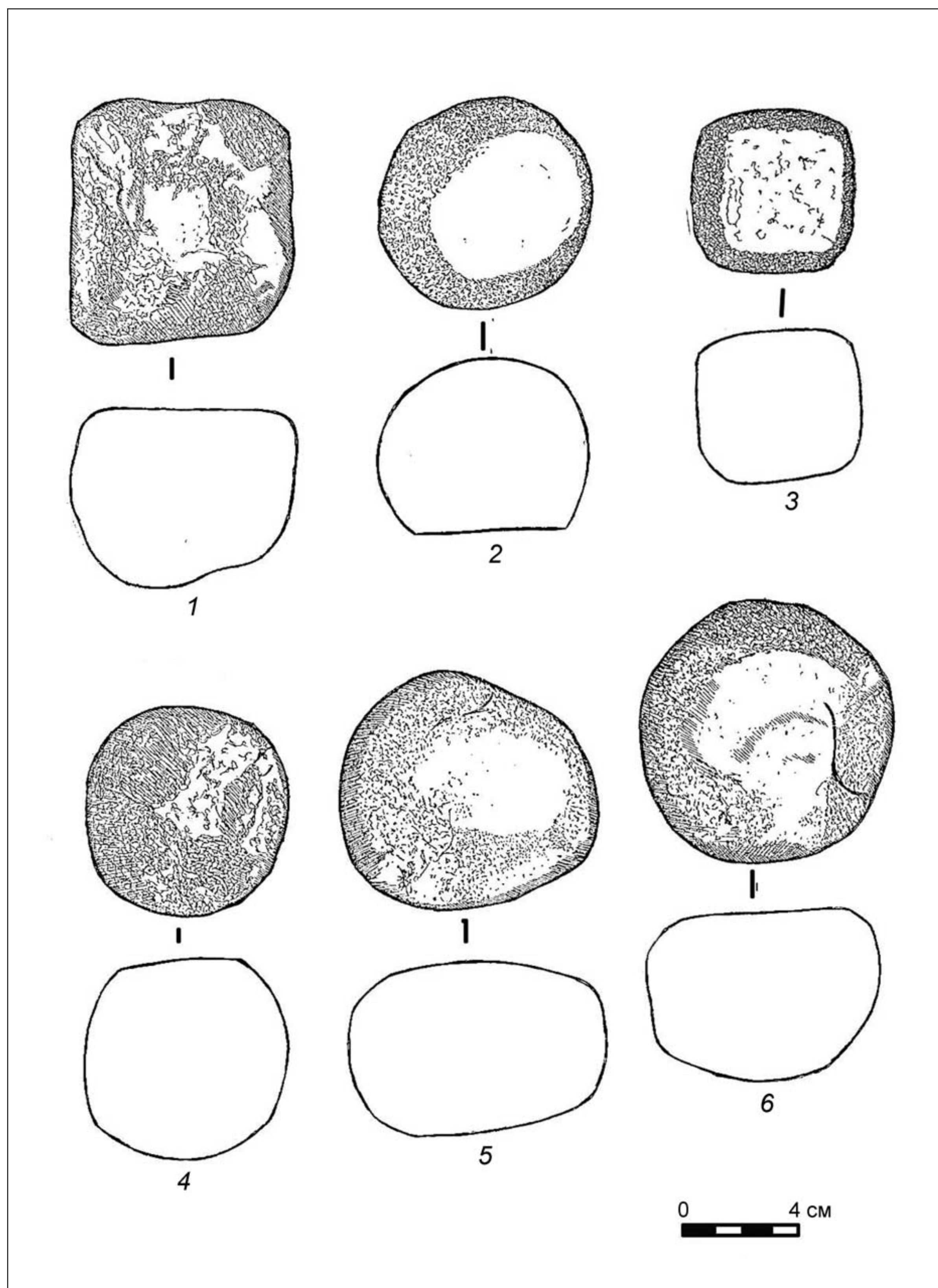


Таблица 9. Каменные песты культуры ранней штрихованной керамики:
1, *4—6* — Зазоны; *2*, *3* — Ратюнки

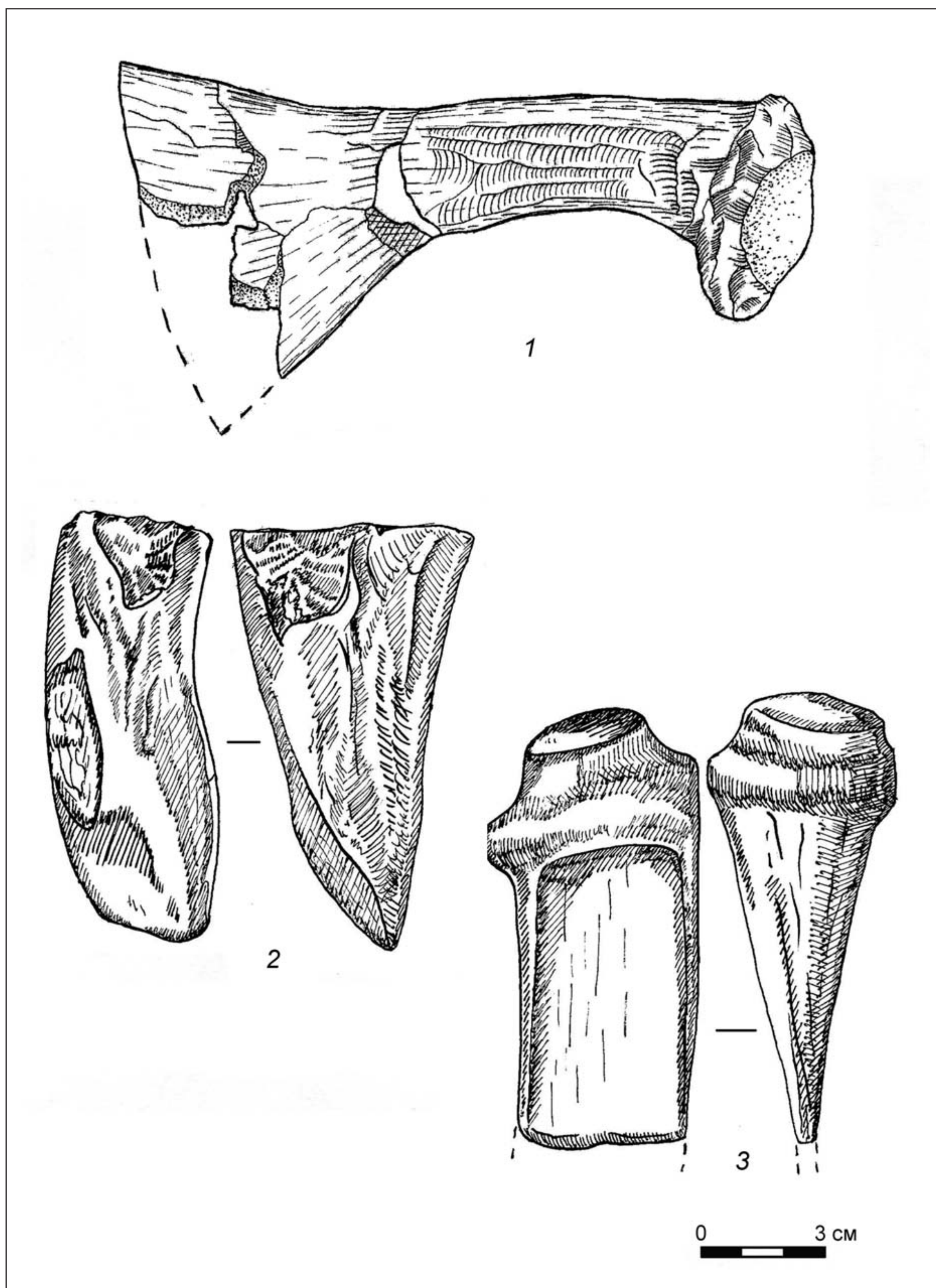


Таблица 10. Костяные топоры культуры ранней штрихованной керамики:
1 — Лабенщина; *2* — Наркунай; *3* — Юодонис

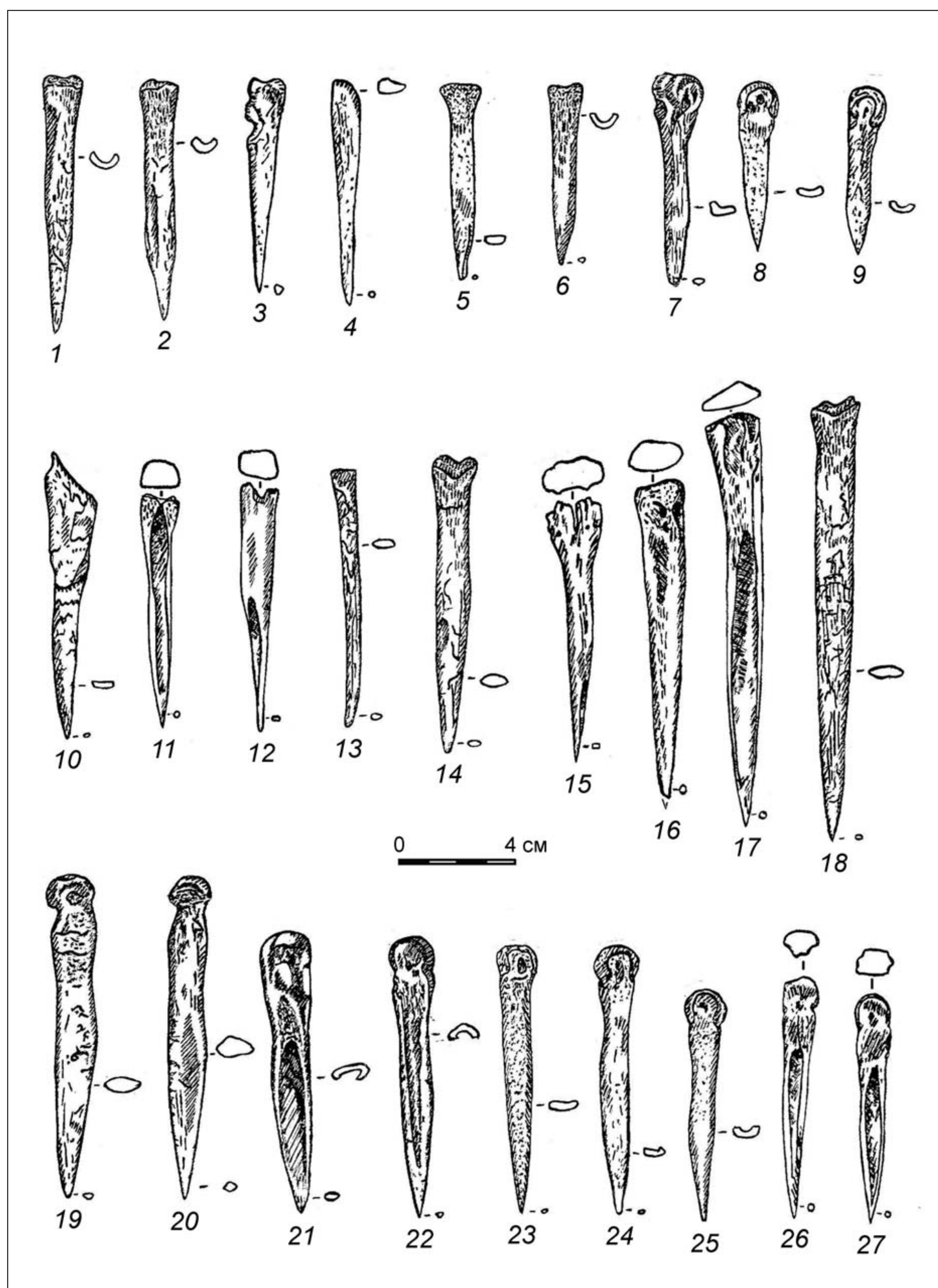


Таблица 11. Костяные проколки культуры ранней штрихованной керамики:
1, 2, 6, 7, 13, 14, 18—22 — Ратюнки; *3—5, 8—10, 23—25* — Зазоны;
11, 12, 15—17, 26, 27 — Сокишкяй

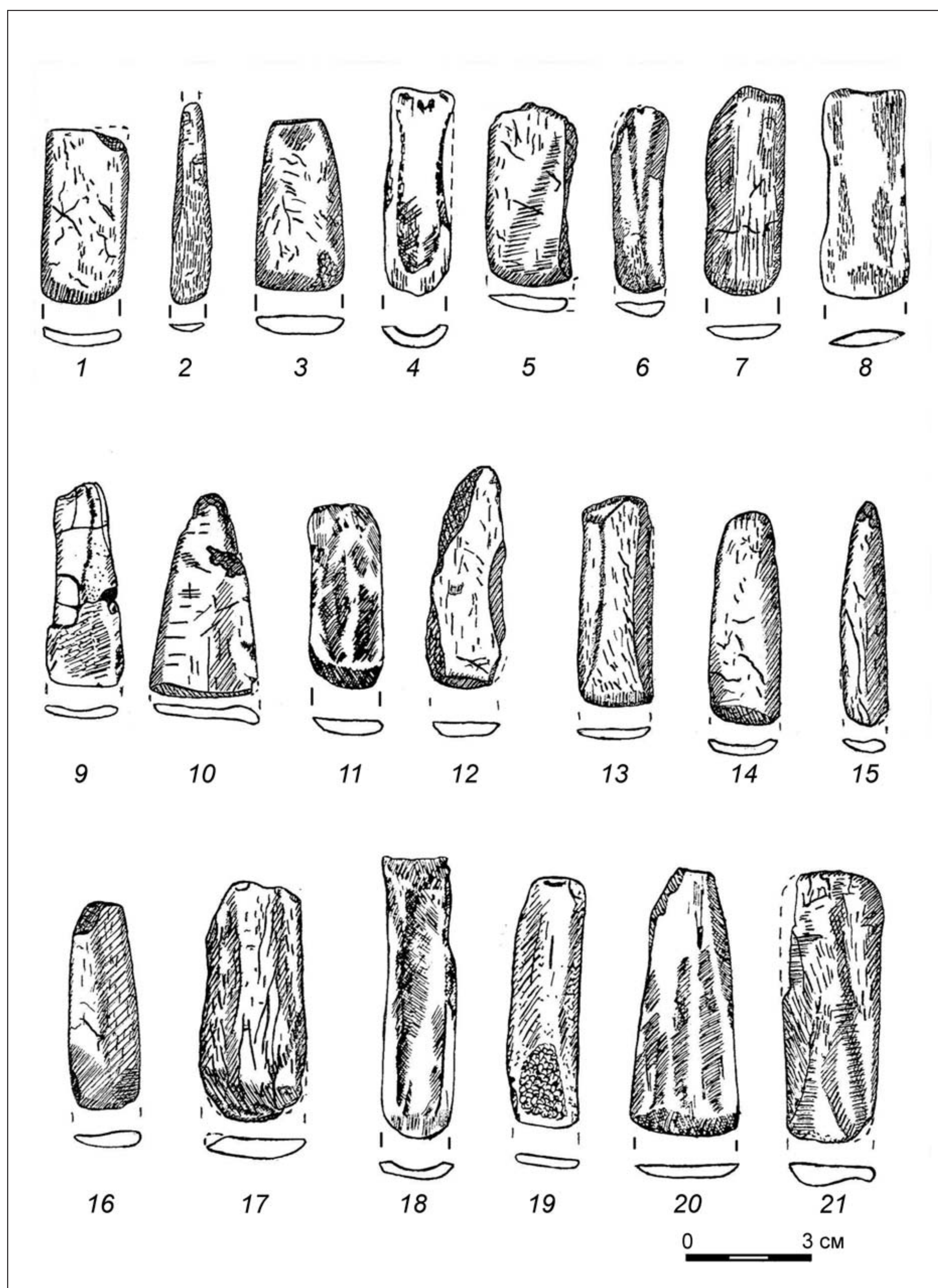


Таблица 12. Костяные долота культуры ранней штрихованной керамики: *1—3, 5—7, 10, 12—17, 21* — Ратюнки; *4, 8* — Наркунай; *9, 19* — Зазоны; *11, 18, 20* — Сокишкяй

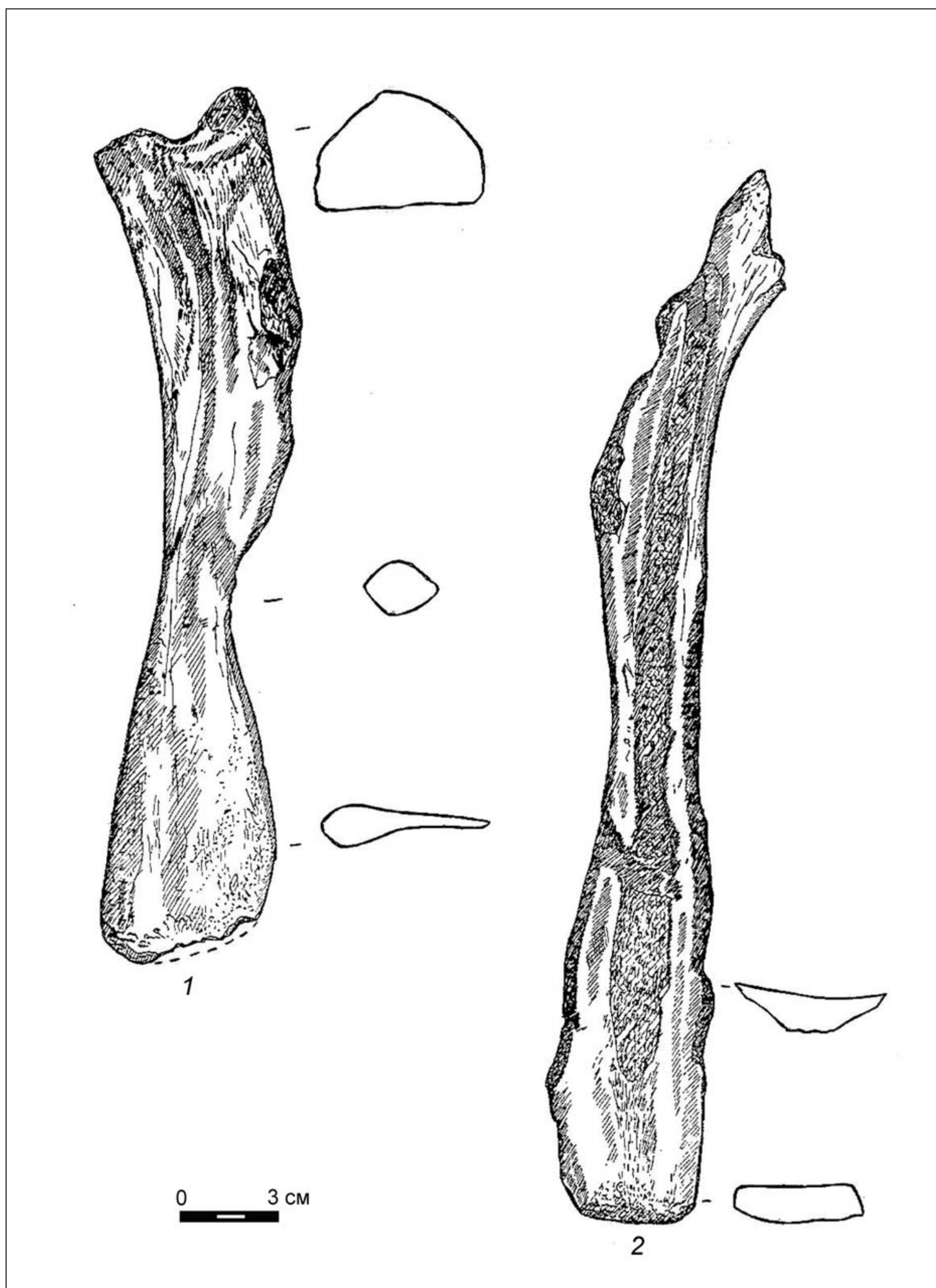


Таблица 13. Тупики культуры ранней штрихованной керамики: *1* — Зазоны; *2* — Ратюнки

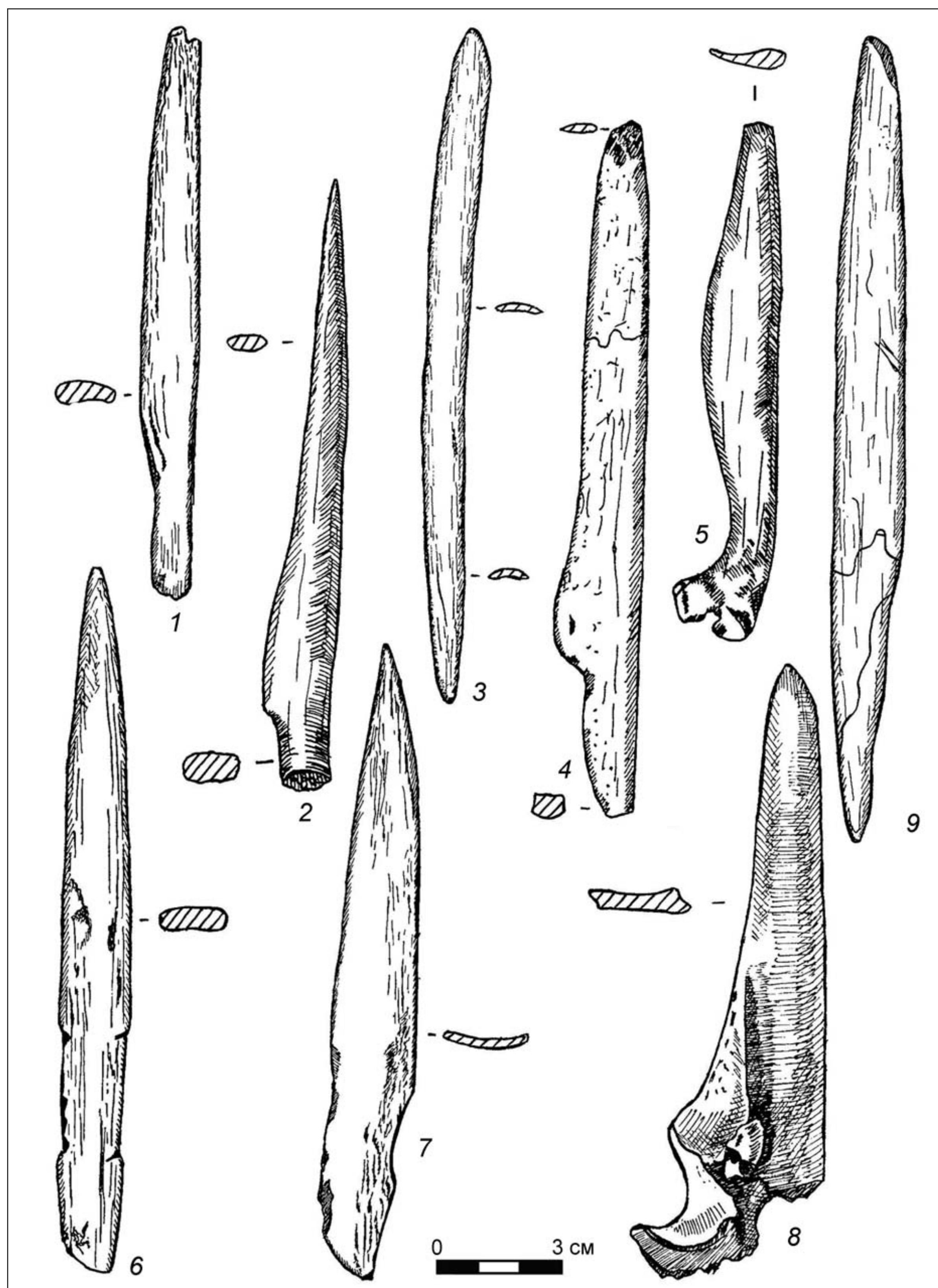


Таблица 14. Костяные ножи (*1, 3, 5*) и кинжалы культуры ранней штрихованной керамики: *1, 9* — Ратюнки; *2, 3, 7—8* — Няверишке; *4* — Зазоны; *5* — Сокишкяй; *6* — Наркунай

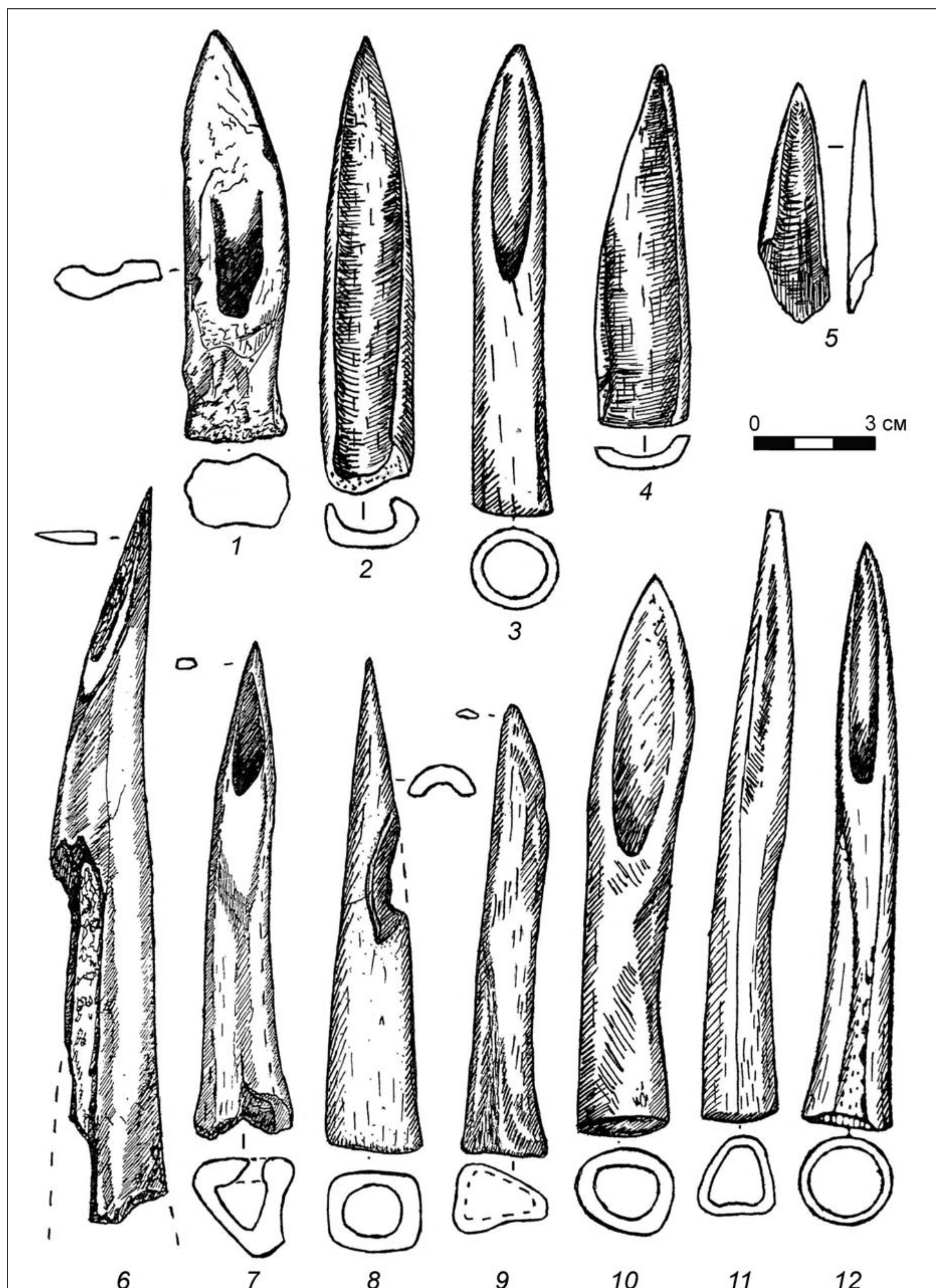


Таблица 15. Костяные наконечники копий культуры ранней штрихованной керамики: *1, 7—9* — Ратюнки; *2* — Сокишкяй; *3, 12* — Горани; *4, 11* — Наркунай; *5* — Пятрашюнай; *6* — Зазоны; *10* — Няверишке

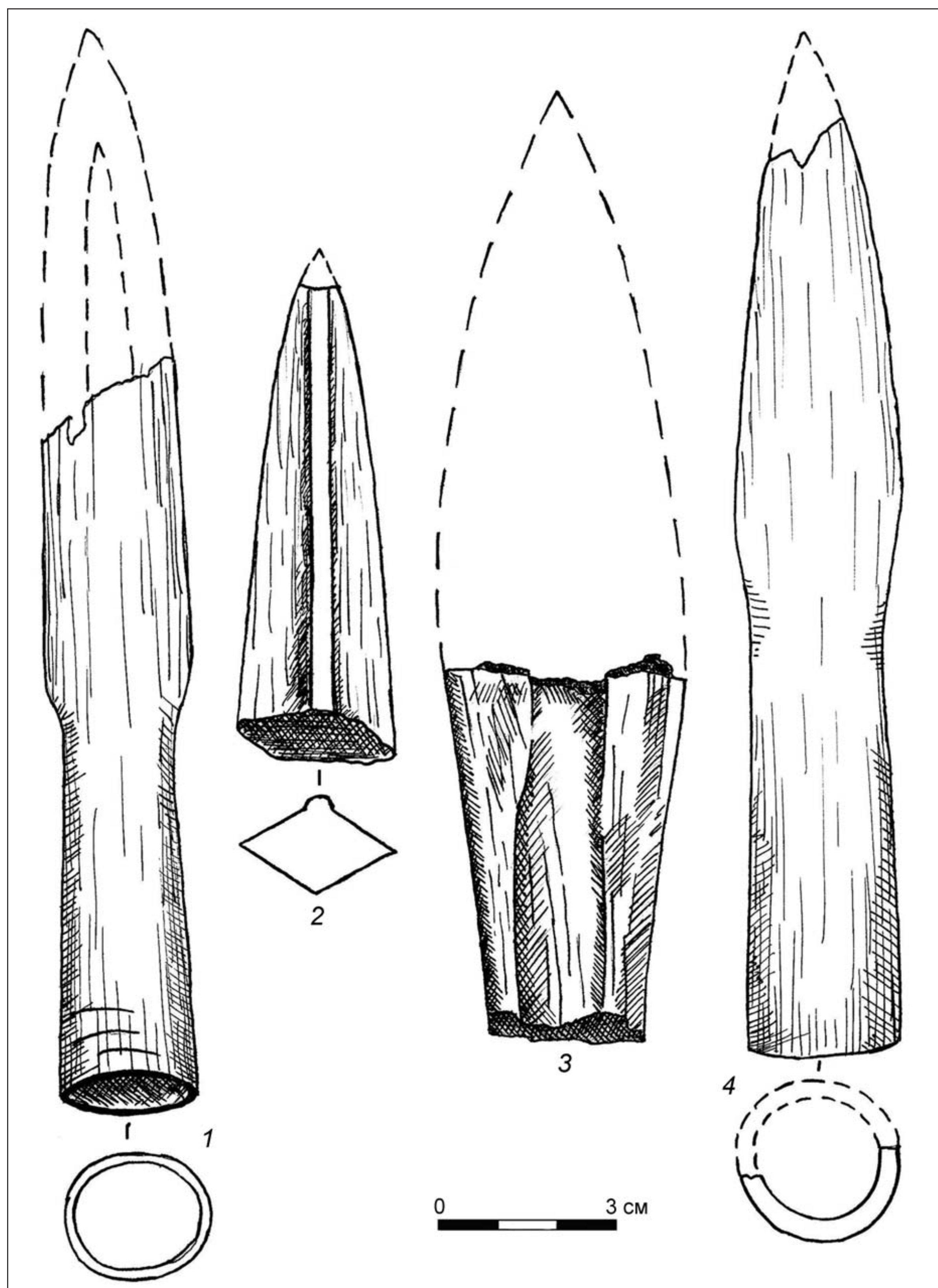


Таблица 16. Костяные наконечники копий культуры ранней штрихованной керамики:
1 — Ратюнки; *2*, *4* — Горани; *3* — Сокишкяй

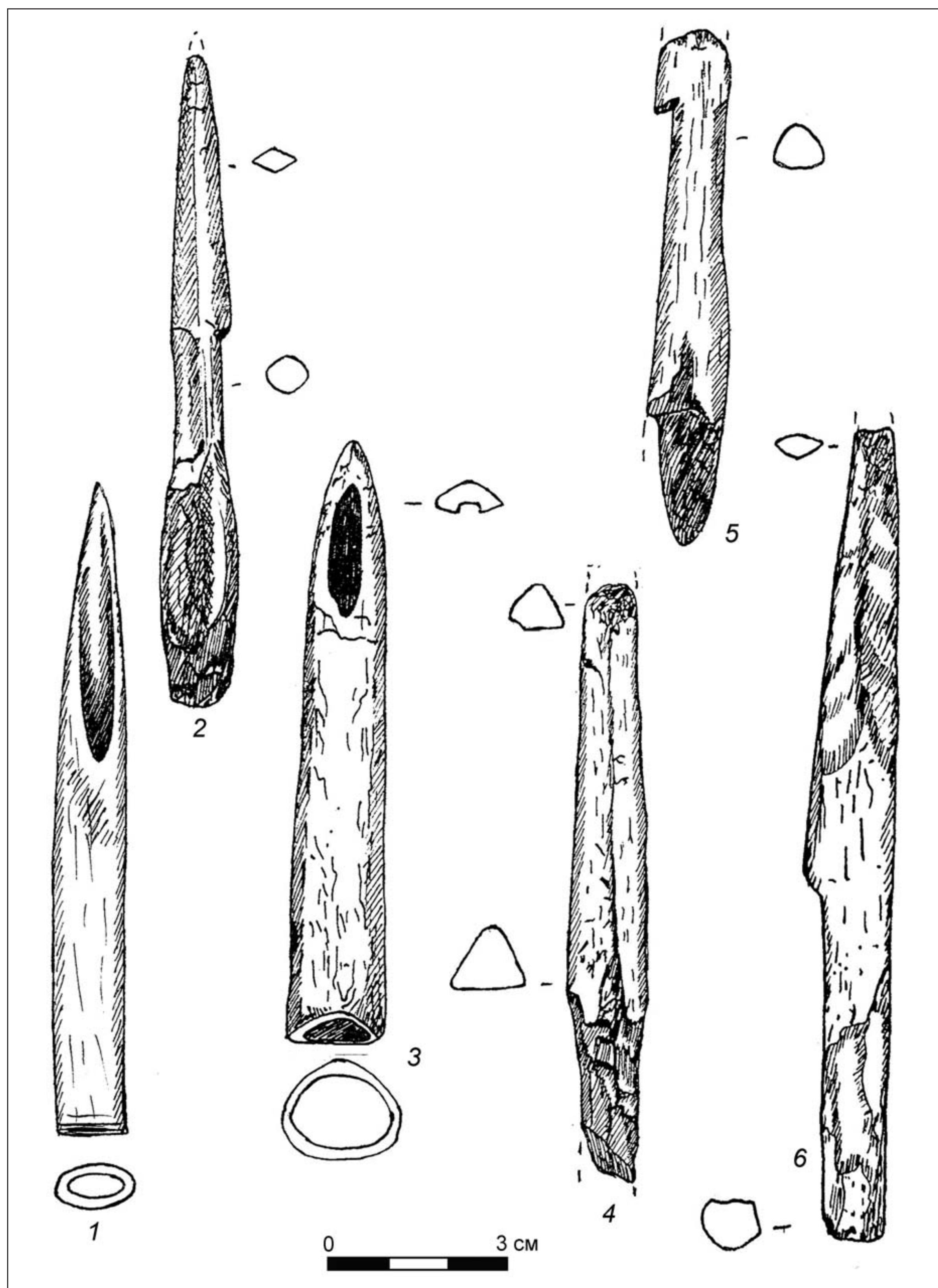


Таблица 17. Костяные наконечники дротиков культуры ранней штрихованной керамики:
1 — Наркунай; *2—5* — Ратюнки; *6* — Зазоны

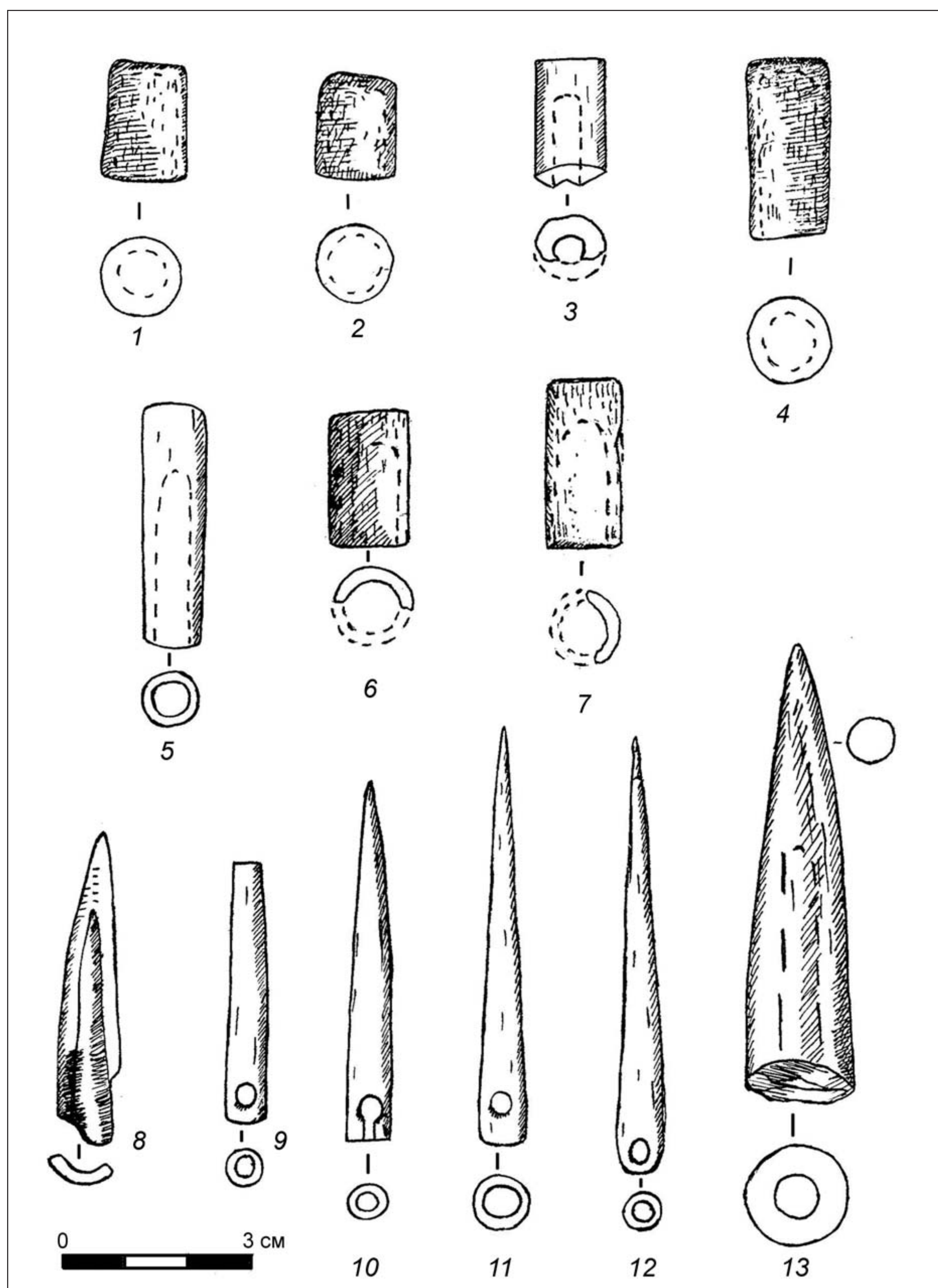


Таблица 18. Втульчатые наконечники стрел культуры ранней штрихованной керамики: *1, 2, 4, 6, 7* — Ратюнки; *3* — Зазоны; *5, 9—12* — Горани; *8, 13* — Наркунай

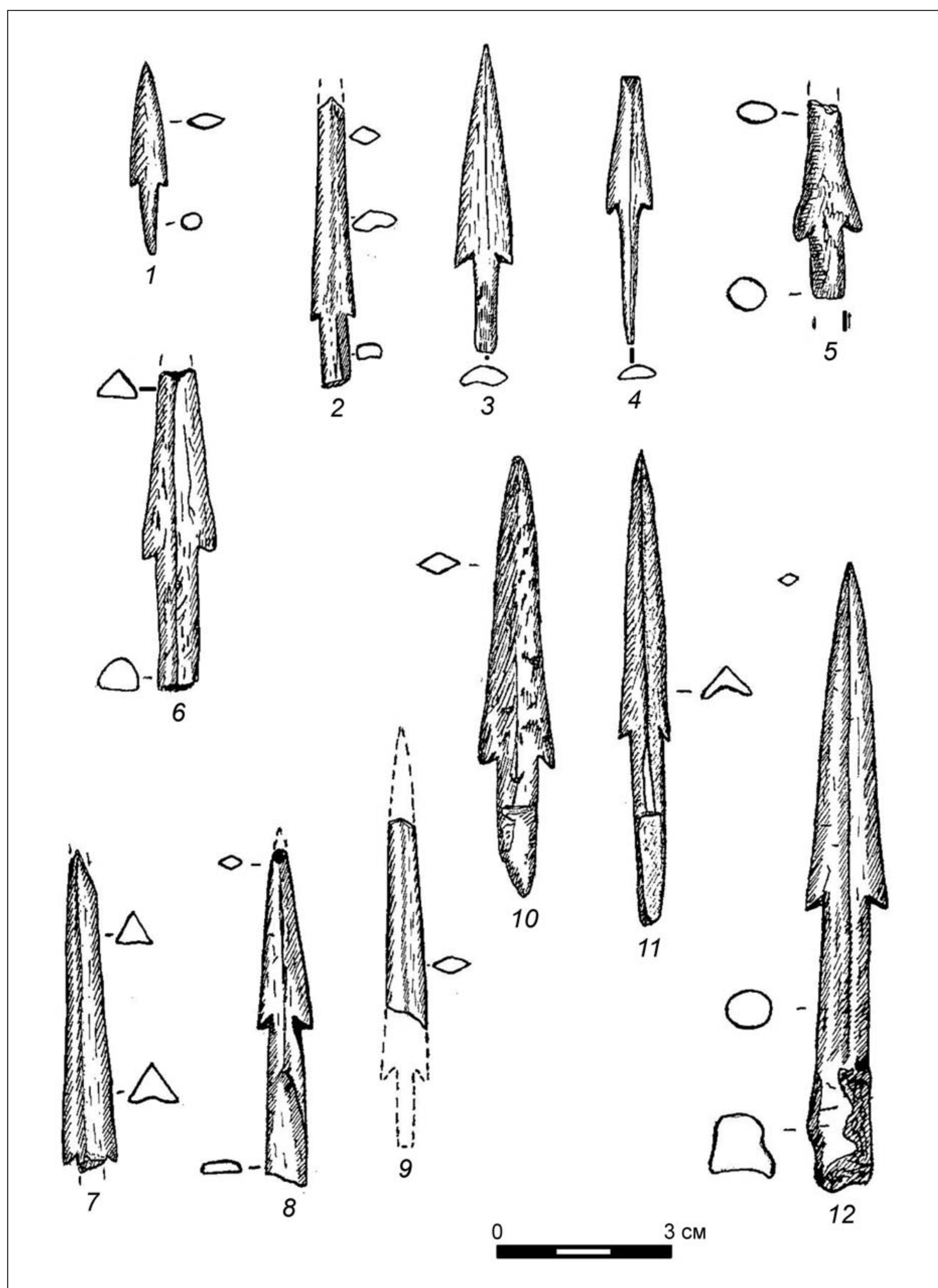


Таблица 19. Костяные двушипные наконечники стрел культуры ранней штрихованной керамики: *1, 6—8, 11, 12* — Ратюнки; *2—4, 9* — Наркунай; *5, 10* — Зазоны

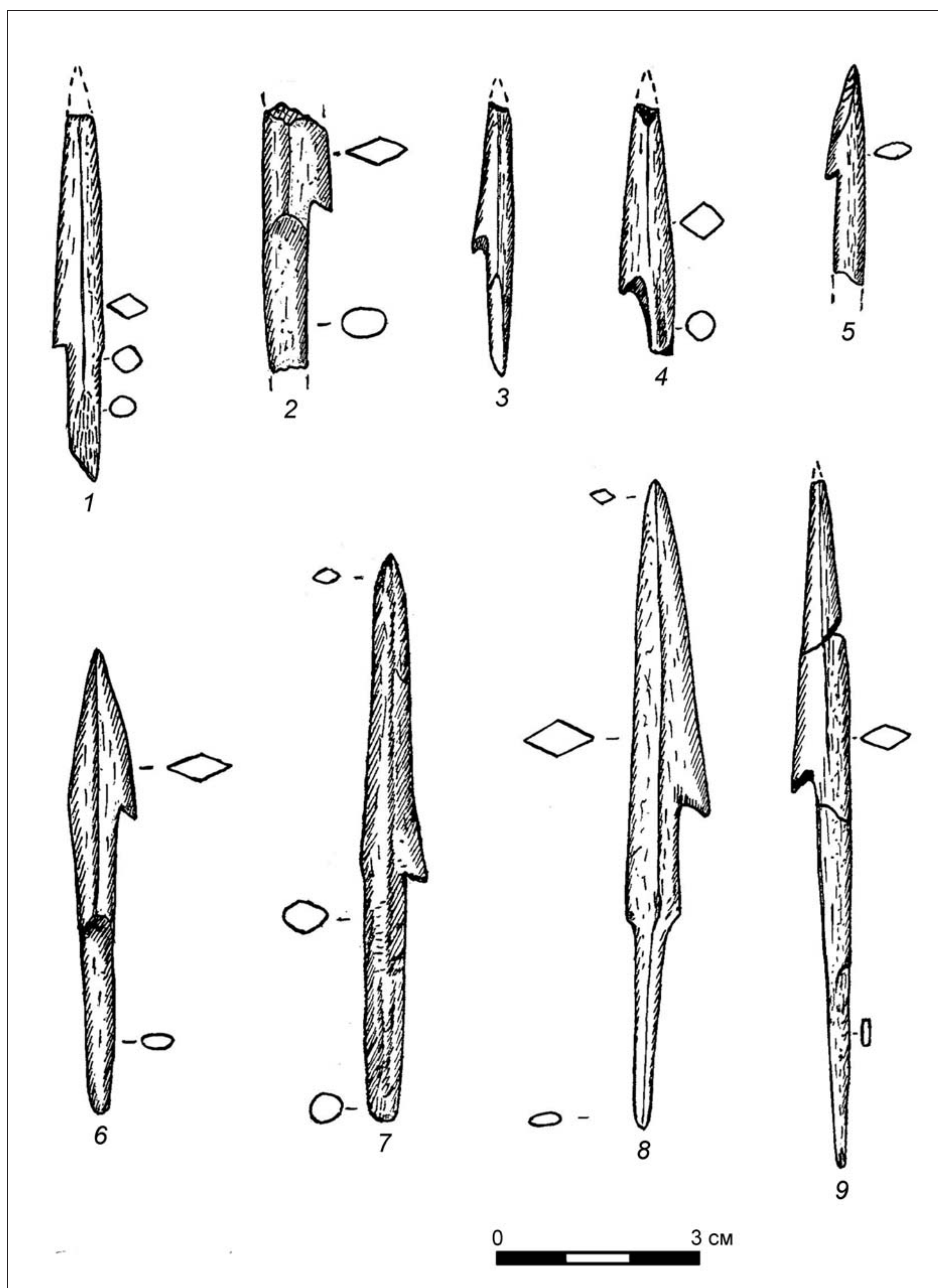


Таблица 20. Костяные одношипные наконечники стрел культуры ранней штрихованной керамики: *1, 4, 5, 9* — Наркунай; *2, 6, 7* — Ратюнки; *3* — Сокишкяй; *8* — Зазоны

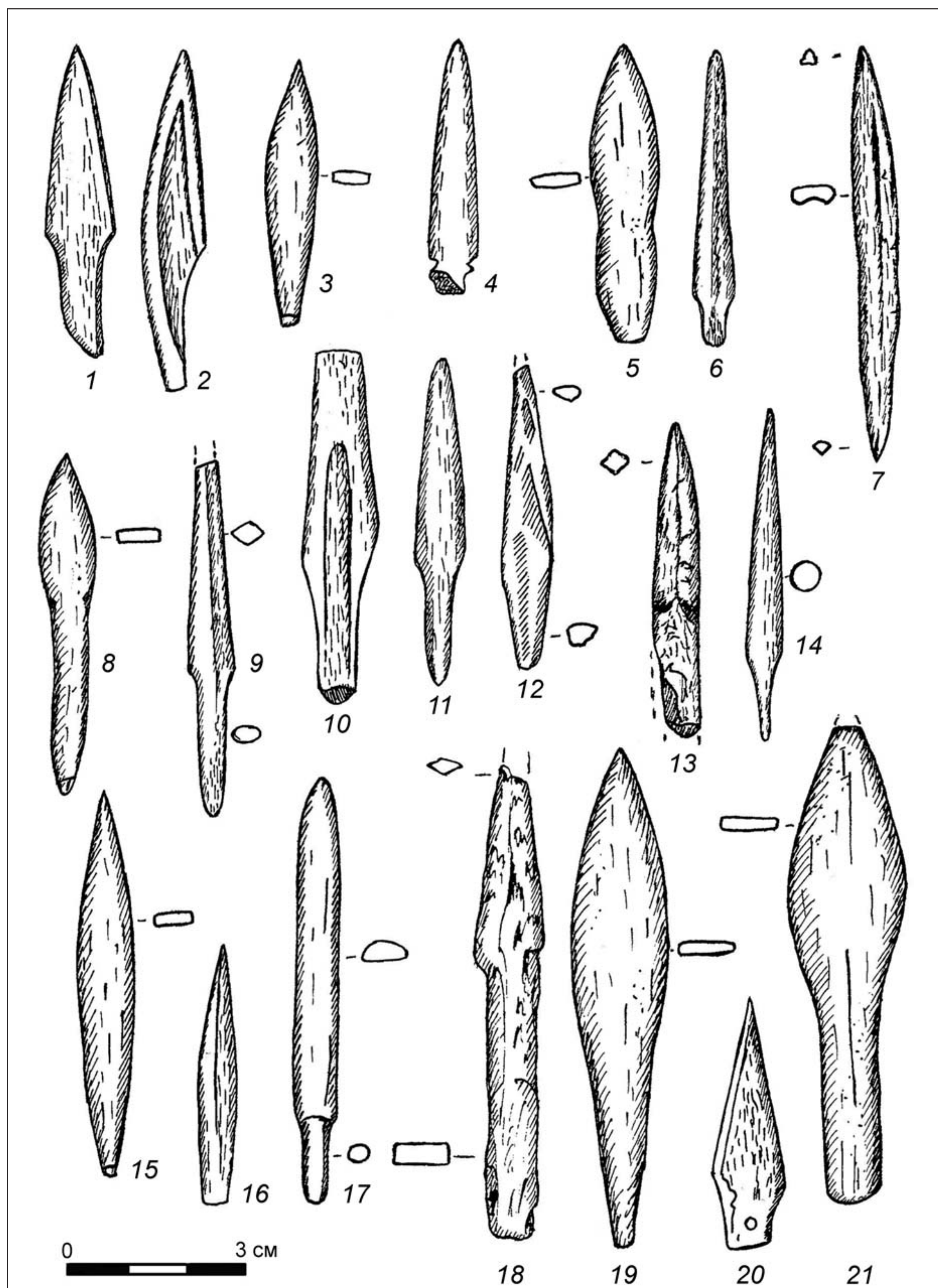


Таблица 21. Костяные наконечники стрел культуры ранней штрихованной керамики: *1, 2, 4, 10* — Мошкенай; *3, 5, 8, 15, 17, 19, 21* — Горани; *6, 9, 14* — Наркунай; *7, 12, 13* — Ратюнки; *11, 16* — Пятрашюнай; *18* — Зазоны

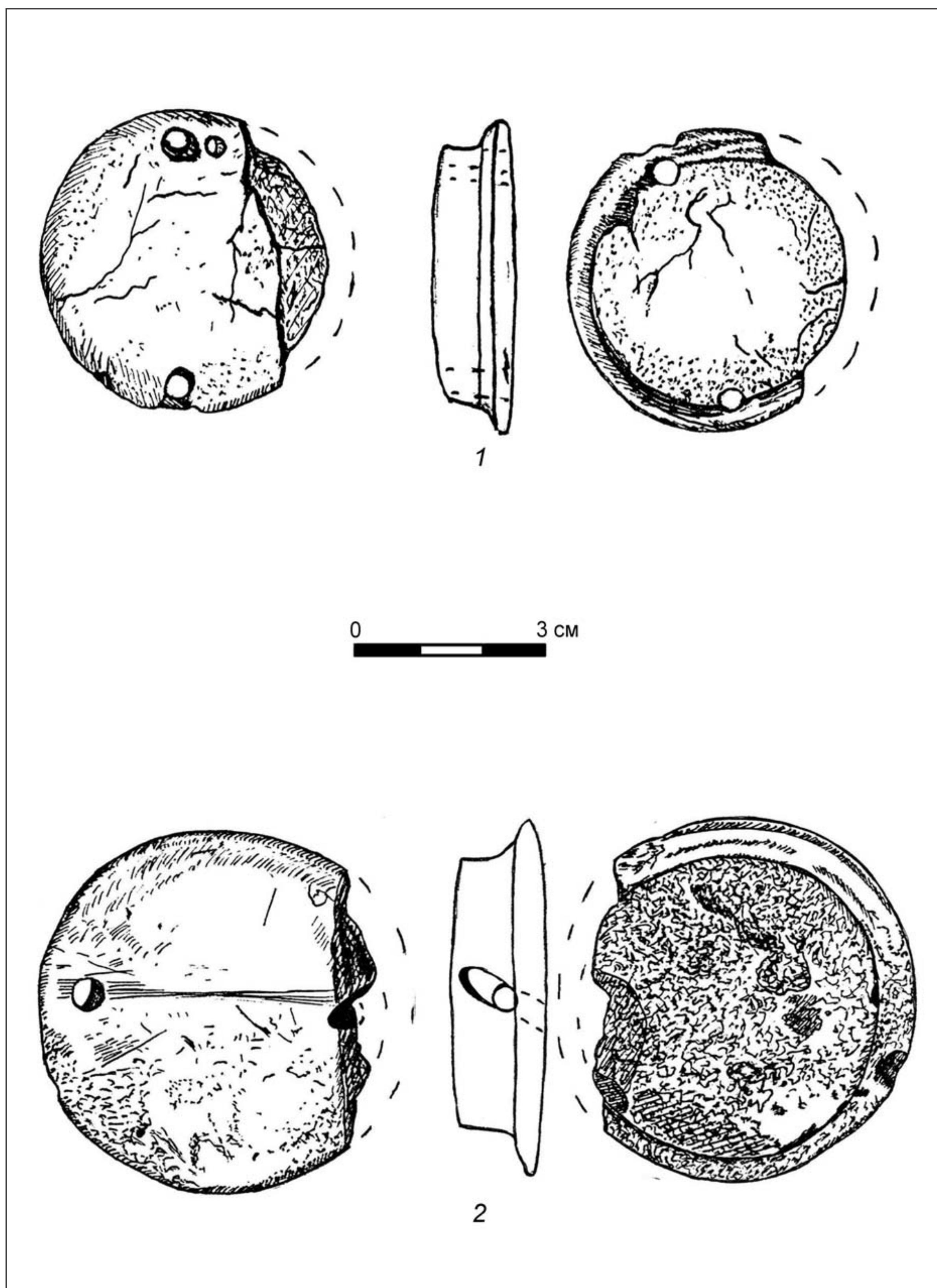


Таблица 22. Костяные донца от колчанов из городища Ратюнки

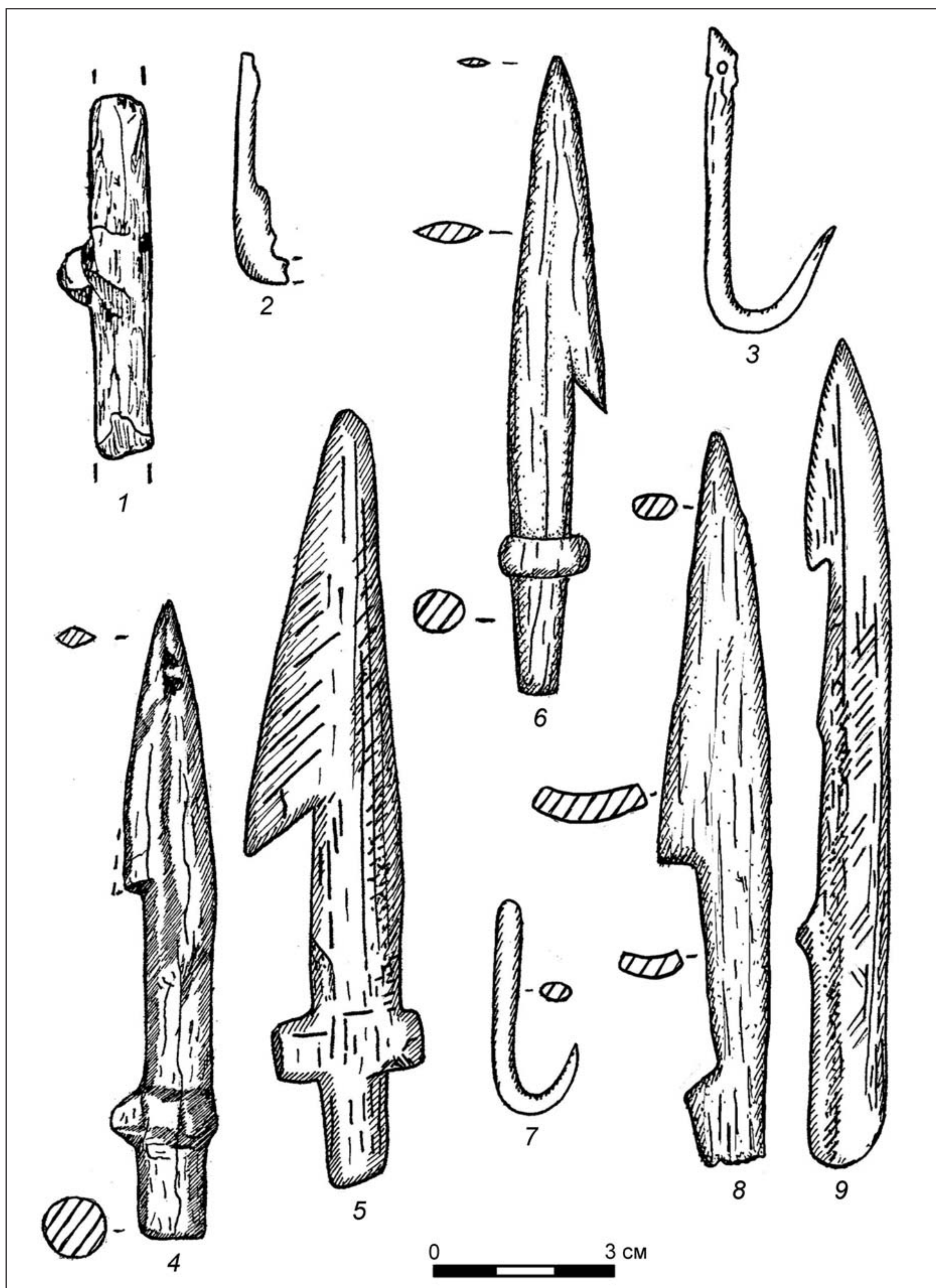


Таблица 23. Костяные гарпуны (*1*, *4—6*, *8*, *9*) и крючки (*2*, *3*, *7*) культуры ранней штрихованной керамики: *1*, *6*, *8* — Ратюнки; *2*, *3*, *7* — Пятрашюнай; *3* — Зазоны; *5* — Возгеляй; *6* — Бакшенай

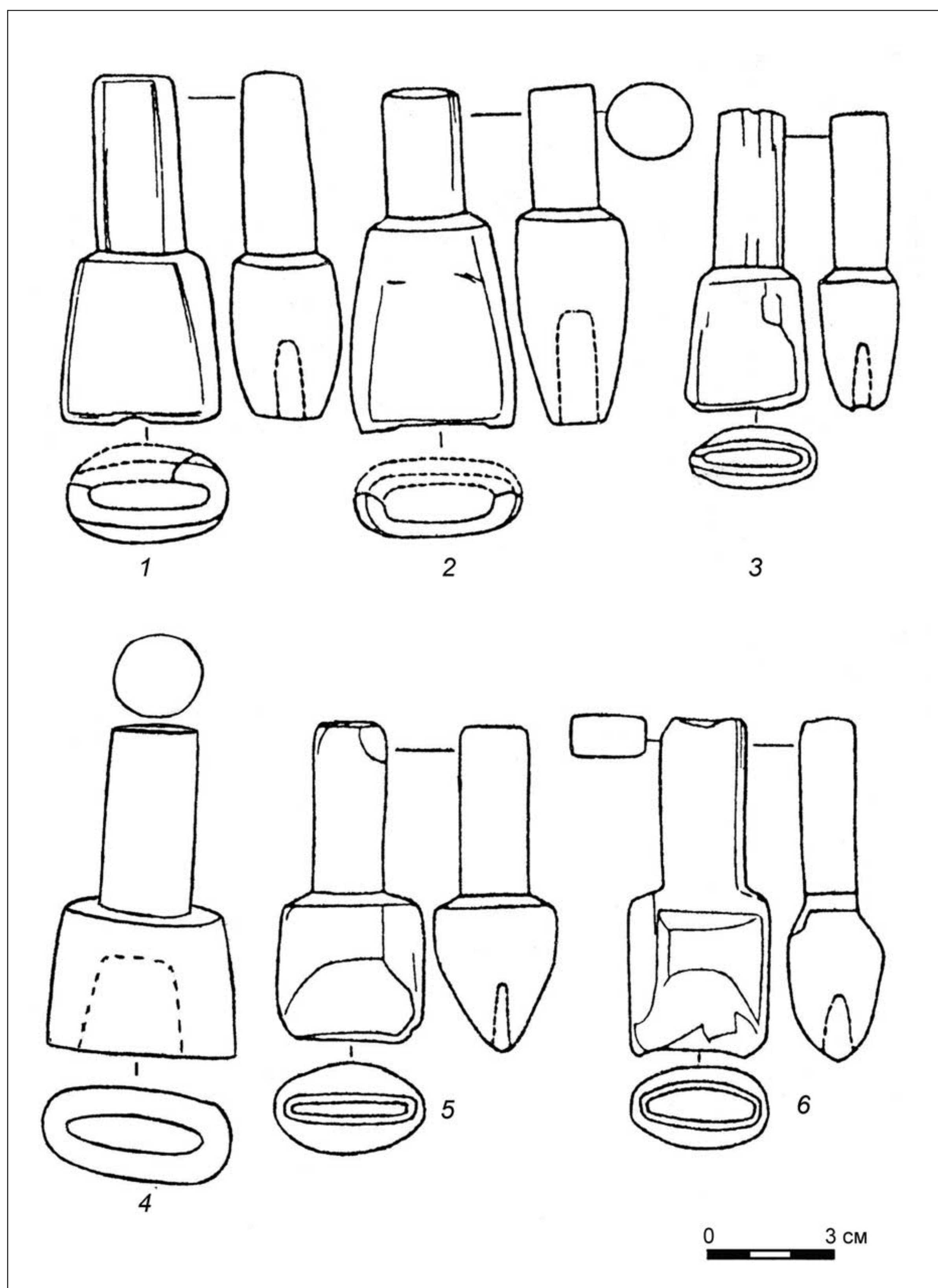


Таблица 24. Костяные муфты культуры ранней штрихованной керамики:
1—3, 5, 6 — Горани; *4* — Наркунай

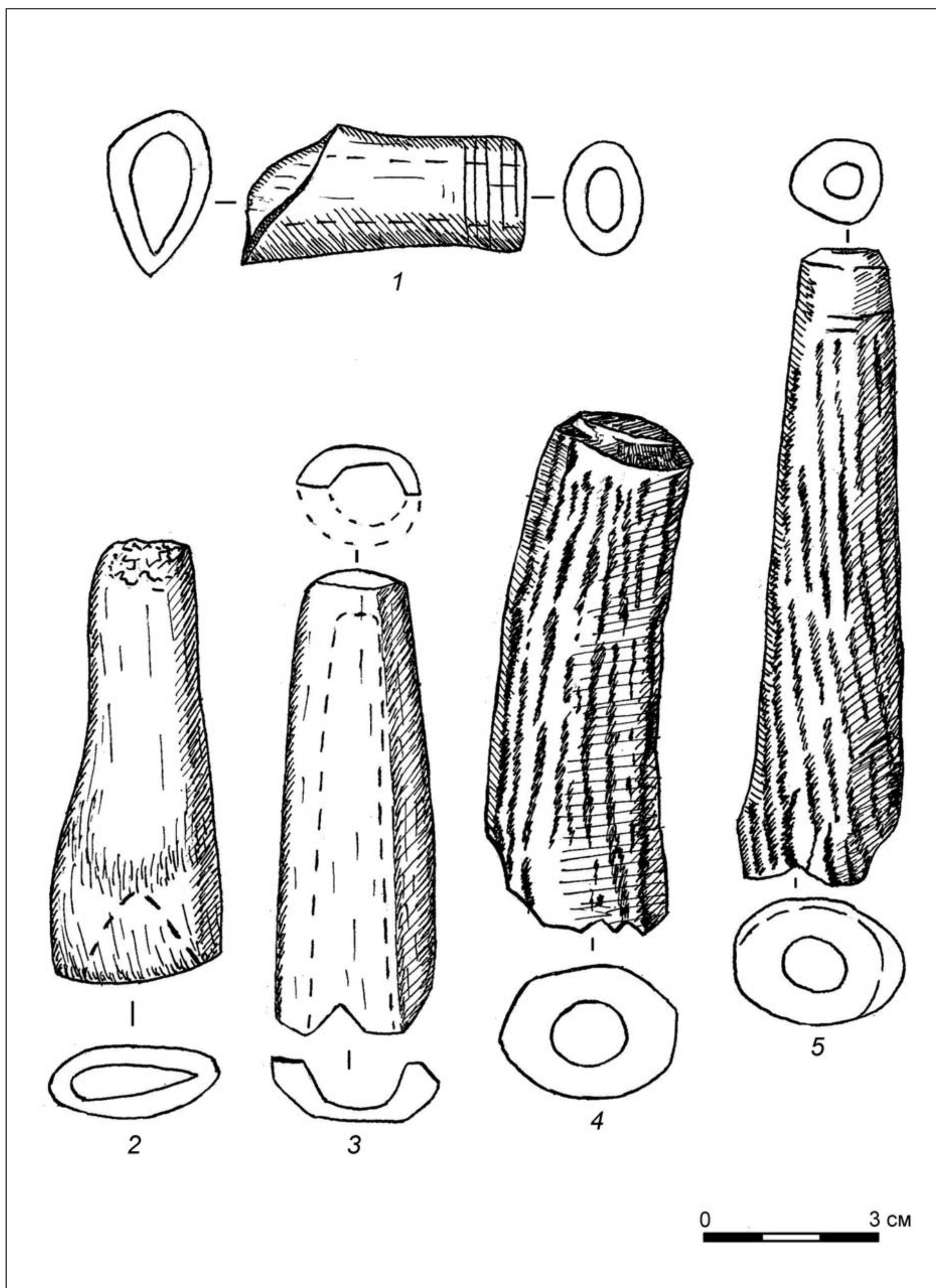


Таблица 25. Костяные рукояти культуры ранней штрихованной керамики:
1, 2 — Ратюнки; *3* — Сокишкяй; *4, 5* — Няверишке

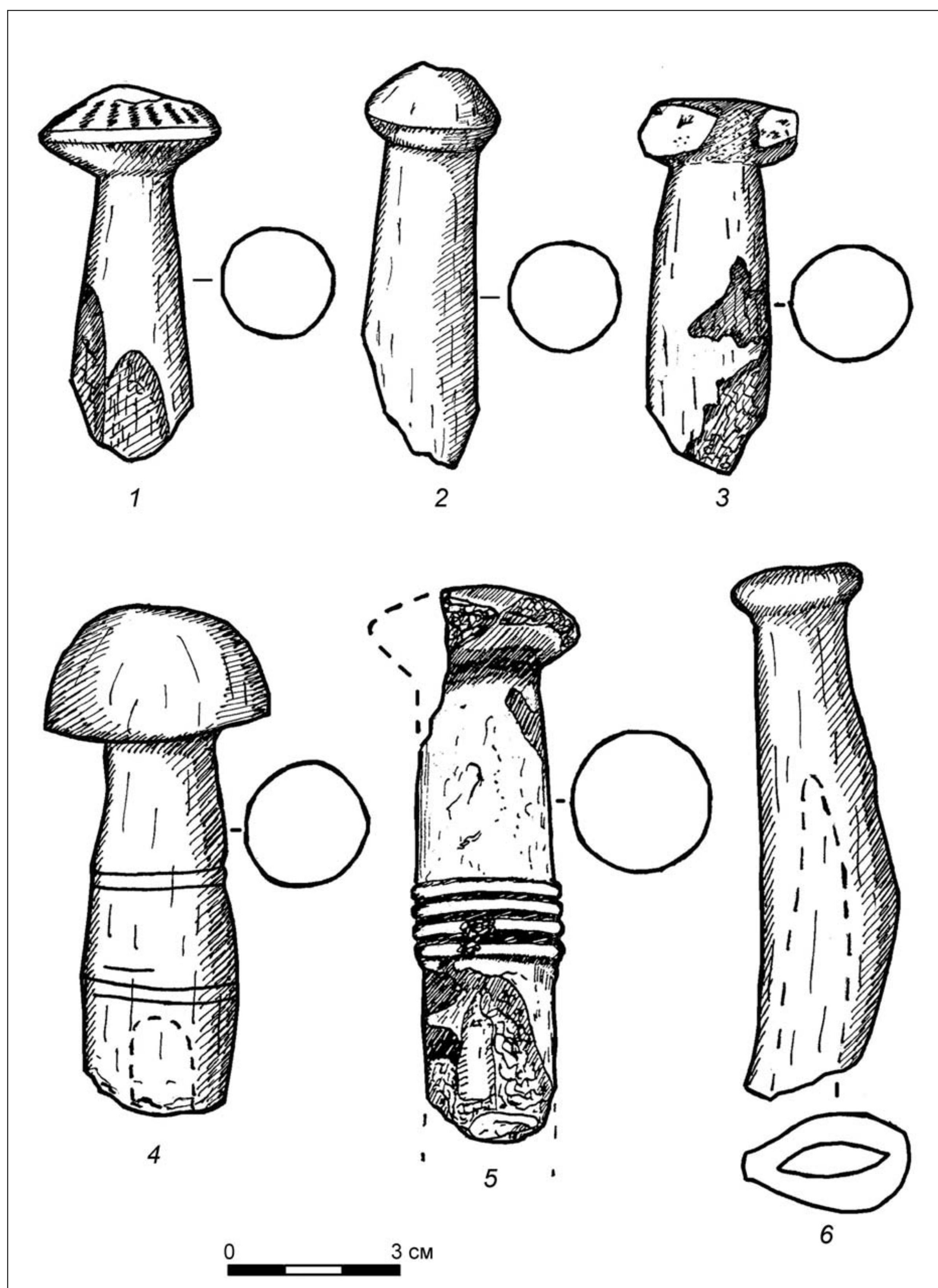


Таблица 26. Костяные рукояти с навершием культуры ранней штрихованной керамики:
1, 2 — Сокишкяй; *3* — Возгеляй; *4, 6* — Ратюнки; *5* — Зазоны

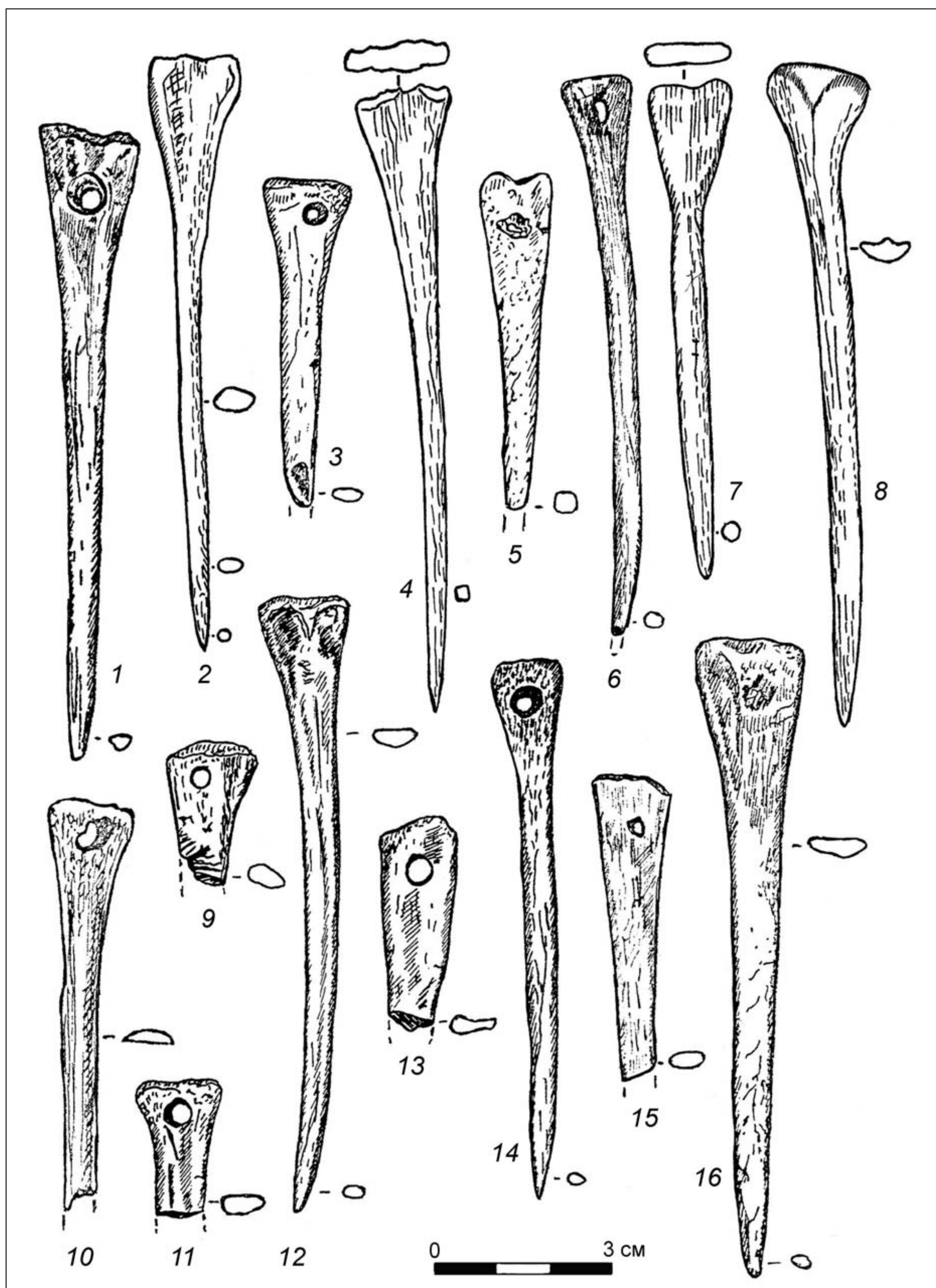


Таблица 27. Костяные булавки I группы культуры ранней штрихованной керамики: *1, 5, 6, 9—16* — Ратюнки; *2, 8* — Киряляй; *3* — Зазоны; *4* — Пятрашюнай; *7* — Мошкенай

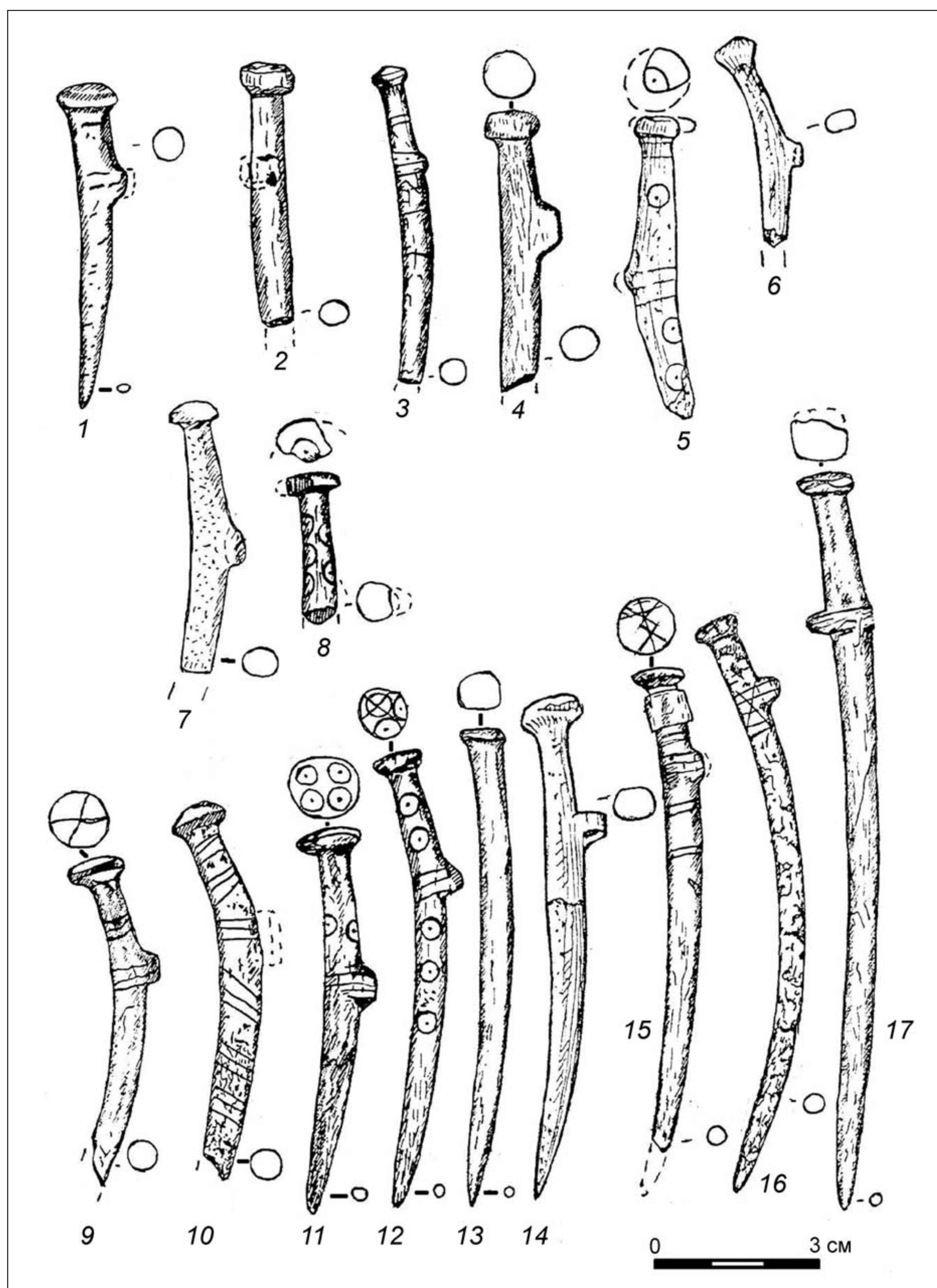


Таблица 28. Костяные булавки II группы культуры ранней штрихованной керамики: *1, 7* — Зазоны; *2—6, 8—17* — Ратюнки

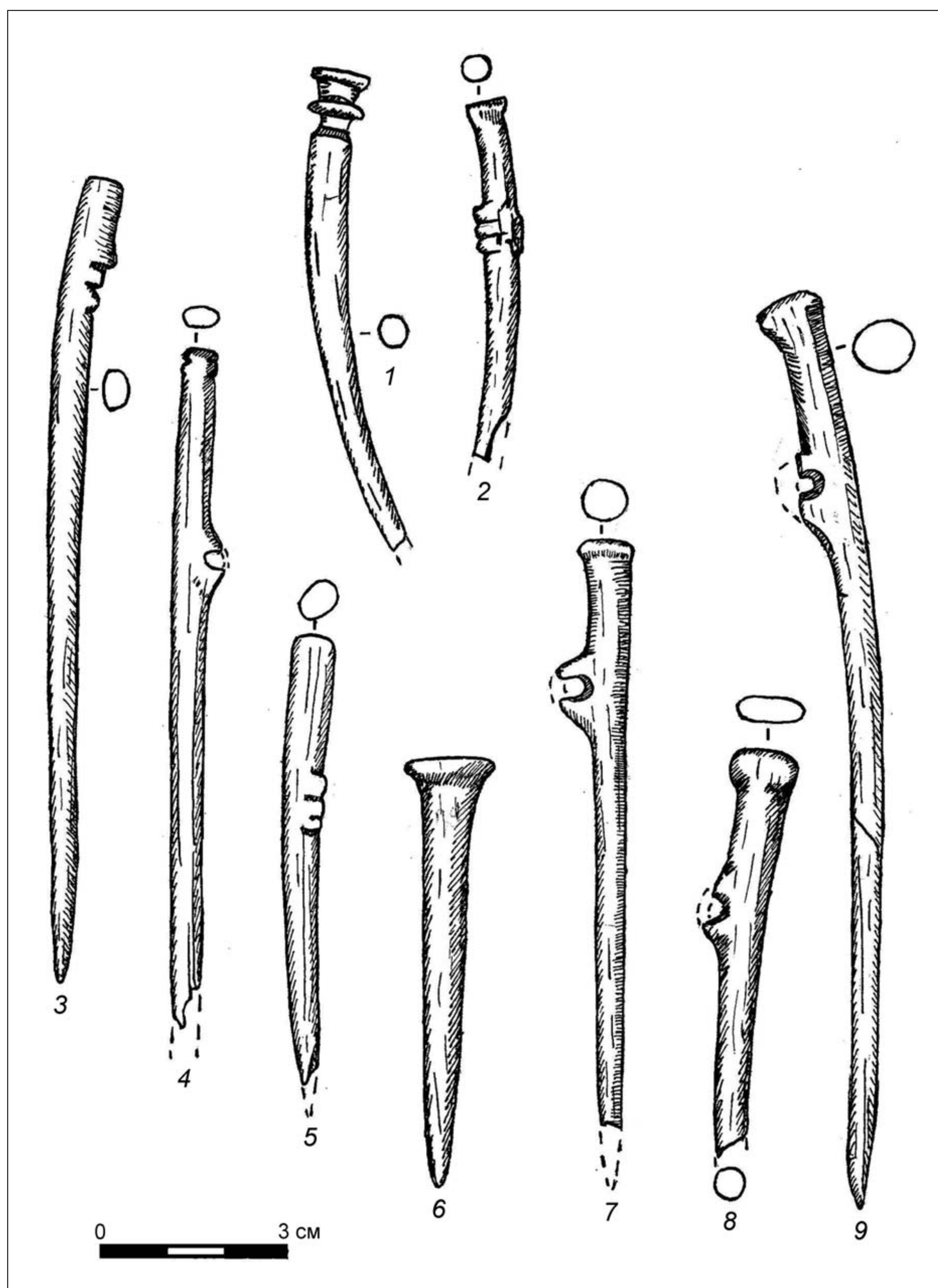


Таблица 29. Костяные булавки II группы культуры ранней штрихованной керамики: *1* — Горани; *2, 8* — Возгеляй; *3, 4* — Пятрашюнай; *5, 7, 9* — Мошкенай

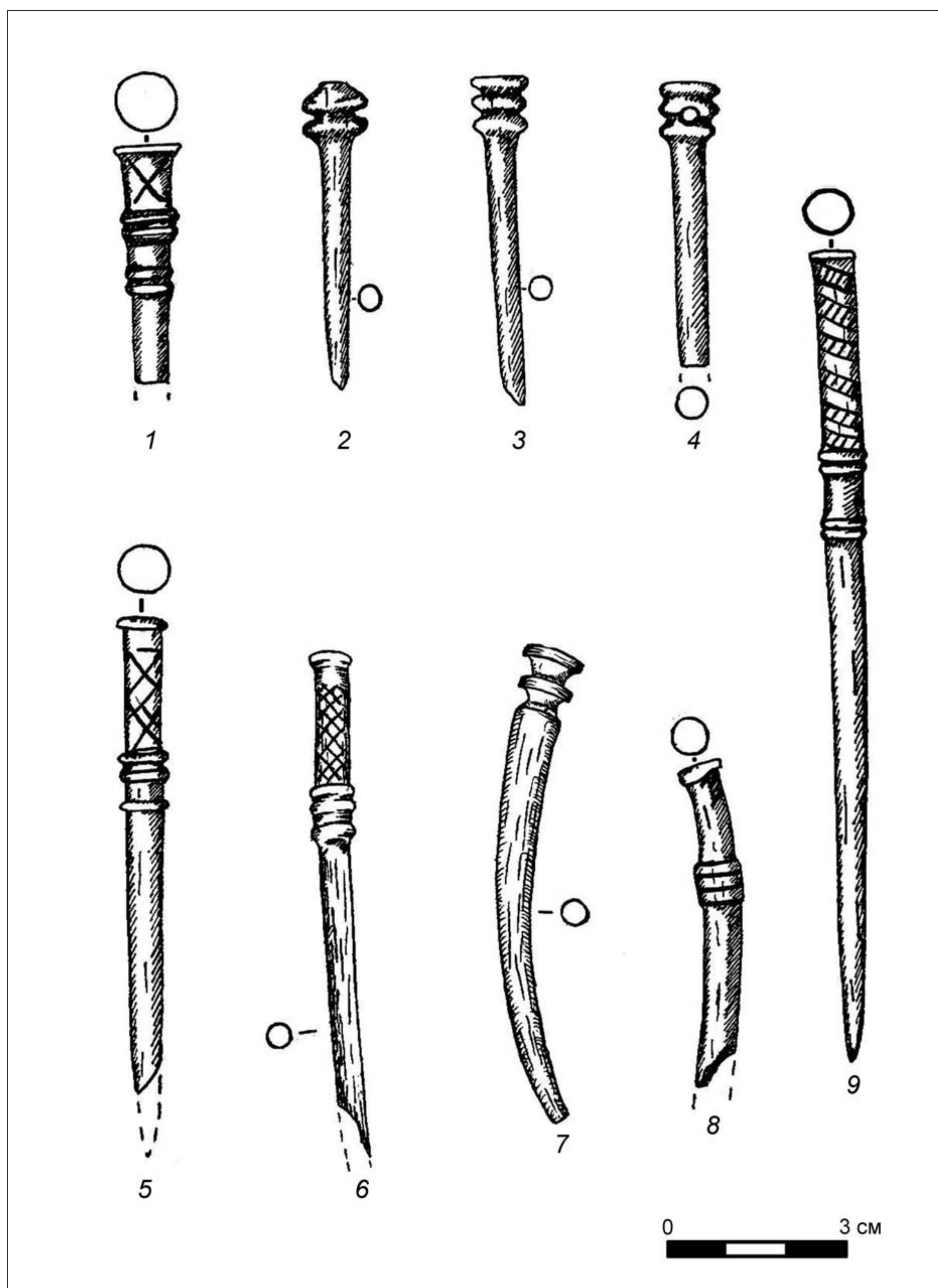


Таблица 30. Костяные булавки II группы культуры ранней штрихованной керамики: *1* — Юодонис; *2* — Няверишке; *3, 9* — Наркунай; *4* — Сокишкяй; *5, 6* — Керяляй; *7* — Горани; *8* — Возгеляй

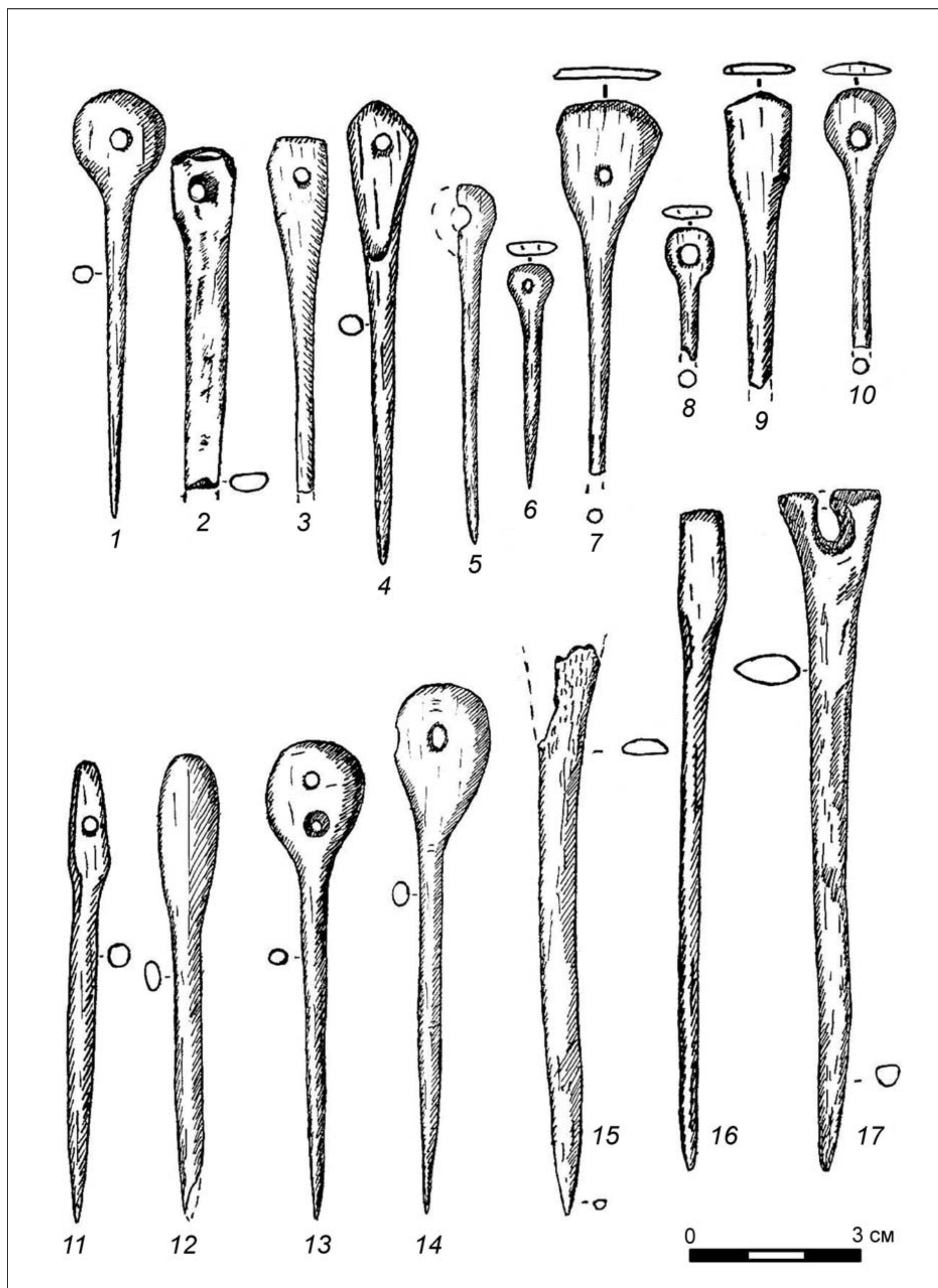


Таблица 31. Костяные булавки II группы культуры ранней штрихованной керамики: *1, 7, 12, 13* — Пятрашюнай; *2, 15* — Ратюнки; *3, 5, 9—11, 14* — Мошкенай; *4* — Возгеляй; *6, 8* — Наркунай; *16* — Сокишкяй; *17* — Зазоны

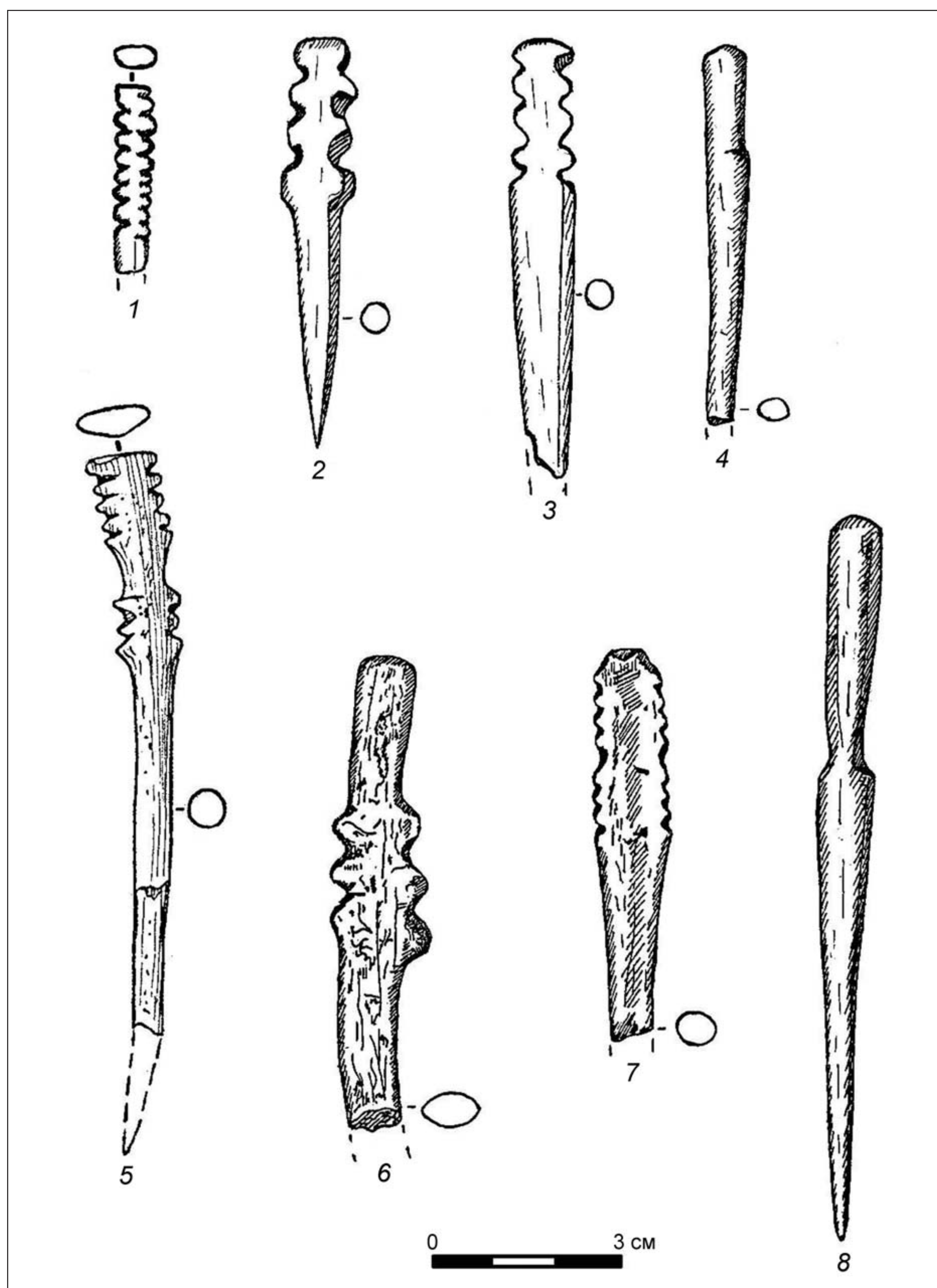


Таблица 32. Костяные булавки II группы культуры ранней штрихованной керамики:
1 — Пятрашюнай; *2, 3* — Горани; *5, 6* — Ратюнки;
4, 7 — Зазоны; *8* — Сокишкяй

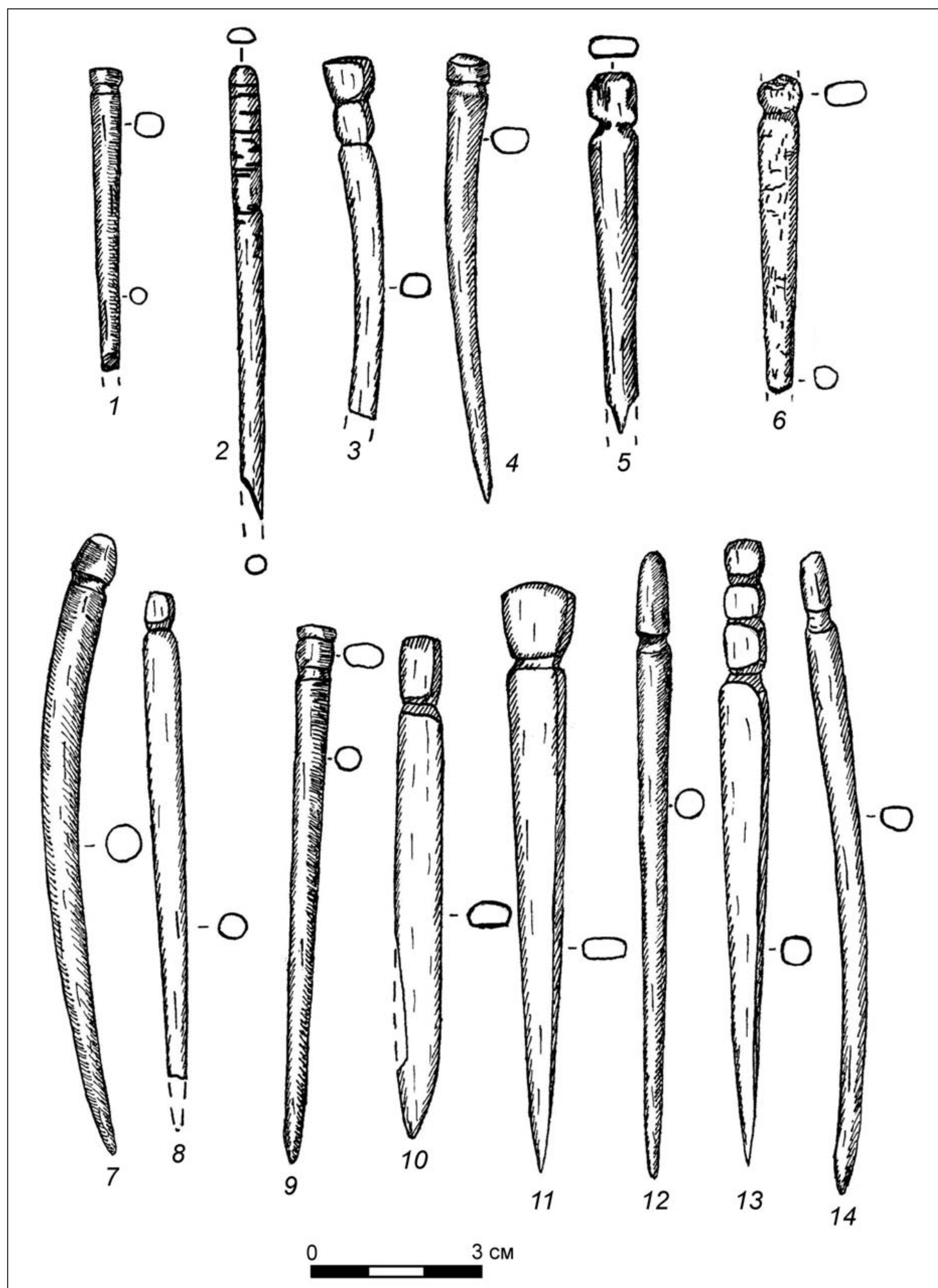


Таблица 33. Костяные булавки II группы культуры ранней штрихованной керамики: *1*, *9* — Наркунай; *2*, *7* — Сокишкяй; *3*, *8*, *10*, *11*, *13* — Горани; *4* — Няверишке; *5*, *12*, *14* — Пятрашюнай; *6* — Зазоны

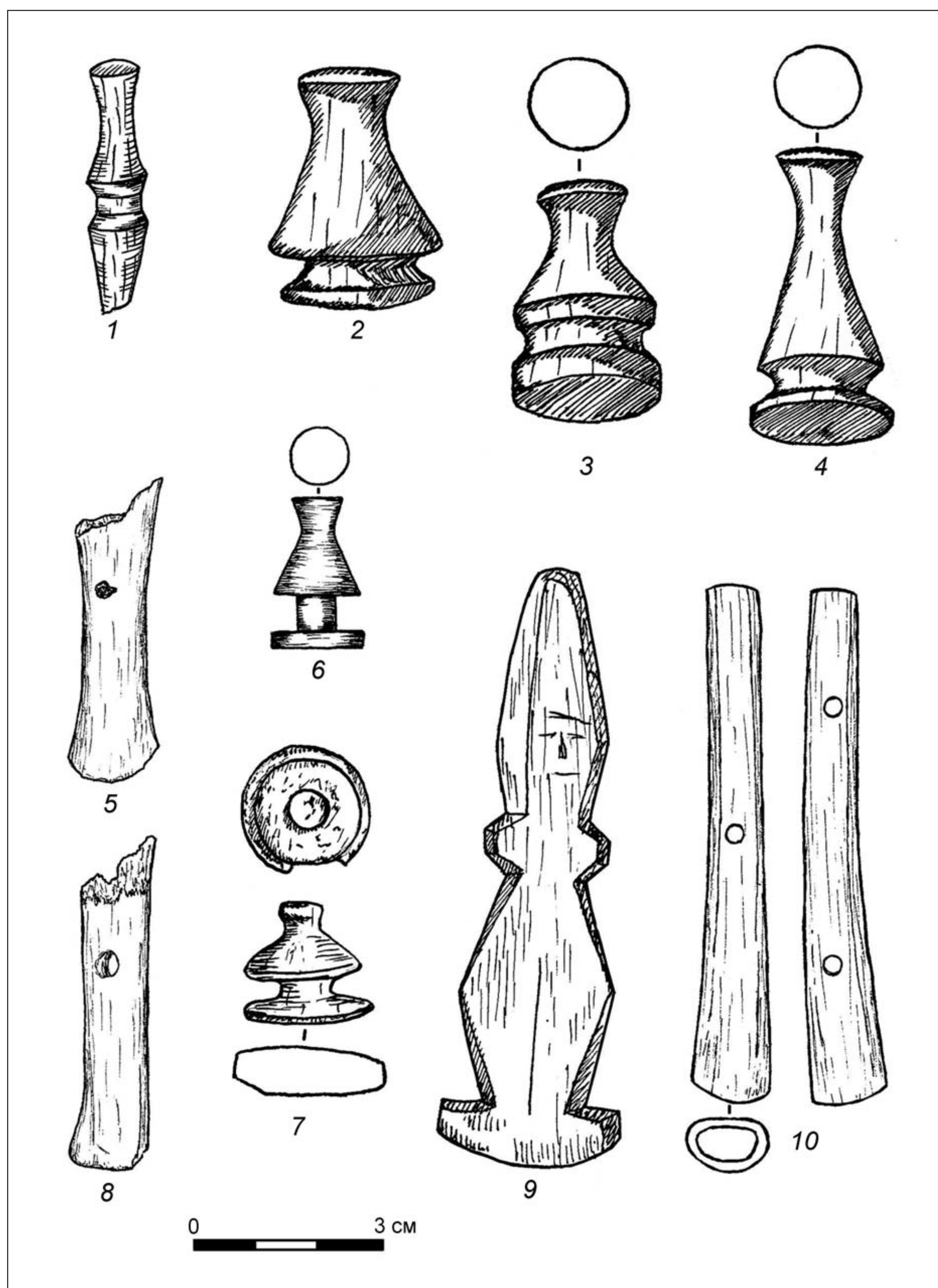


Таблица 34. Костяные пуговицы (*1—4*, *6*, *7*), дудочки-манки (*5*, *8*, *10*) и антропоморфная фигурка (*9*) культуры ранней штрихованной керамики: *1*, *4* — Мошкенай; *2*, *5*, *8*, *9* — Наркунай; *3* — Кяряляй; *6*, *7* — Ратюнки

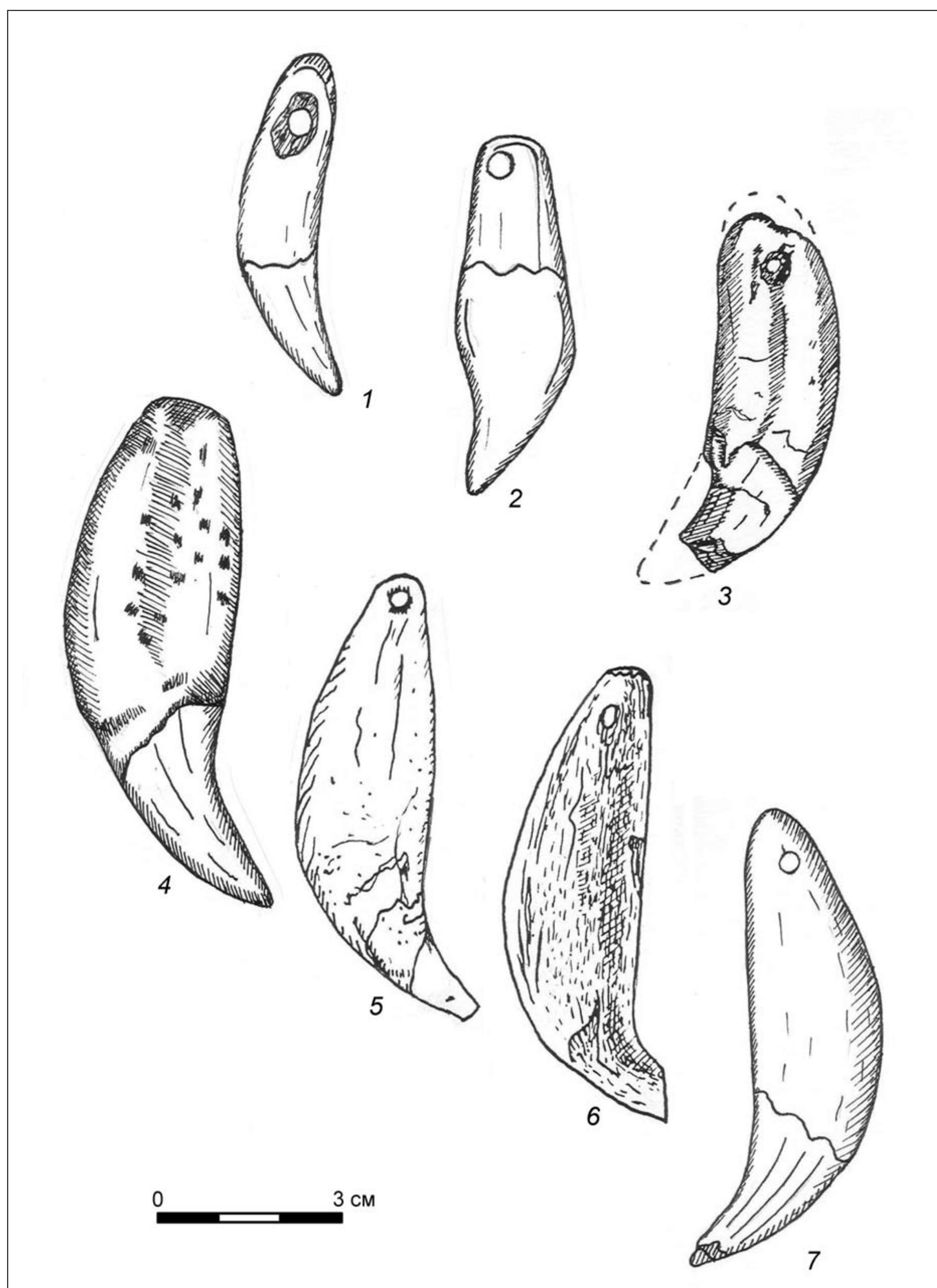


Таблица 35. Амулеты из клыков кабана культуры ранней штрихованной керамики: *1*, *2* — Горани; *3* — Ратюнки; *4* — Наркунай; *5* — Зазоны; *6* — Юодонис; *7* — Вяликушкес

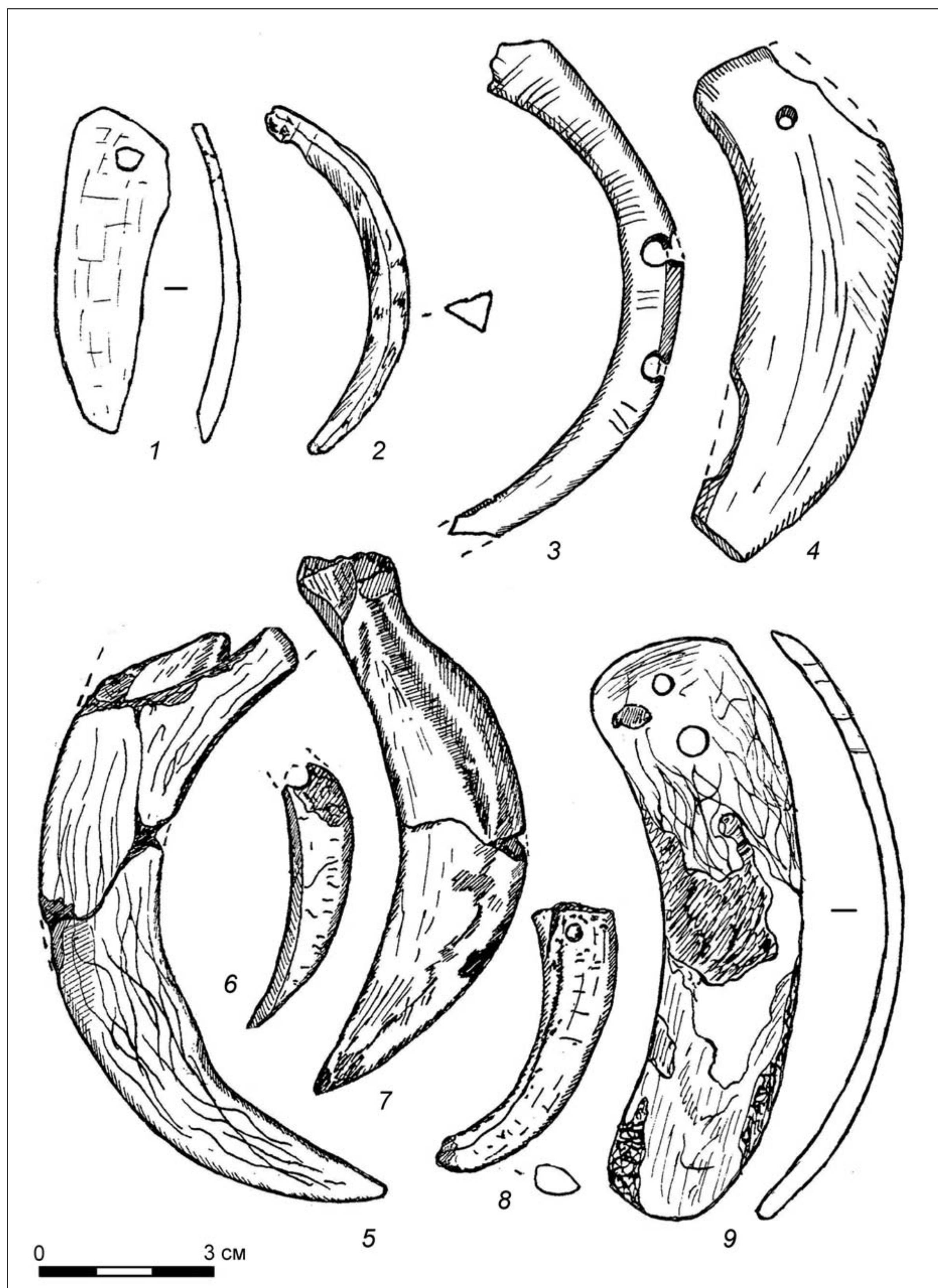


Таблица 36. Амулеты из клыков кабана культуры ранней штрихованной керамики:
1, 2, 9 — Зазоны; *3* — Пятрашюнай; *4* — Мошкенай; *5—8* — Ратюнки

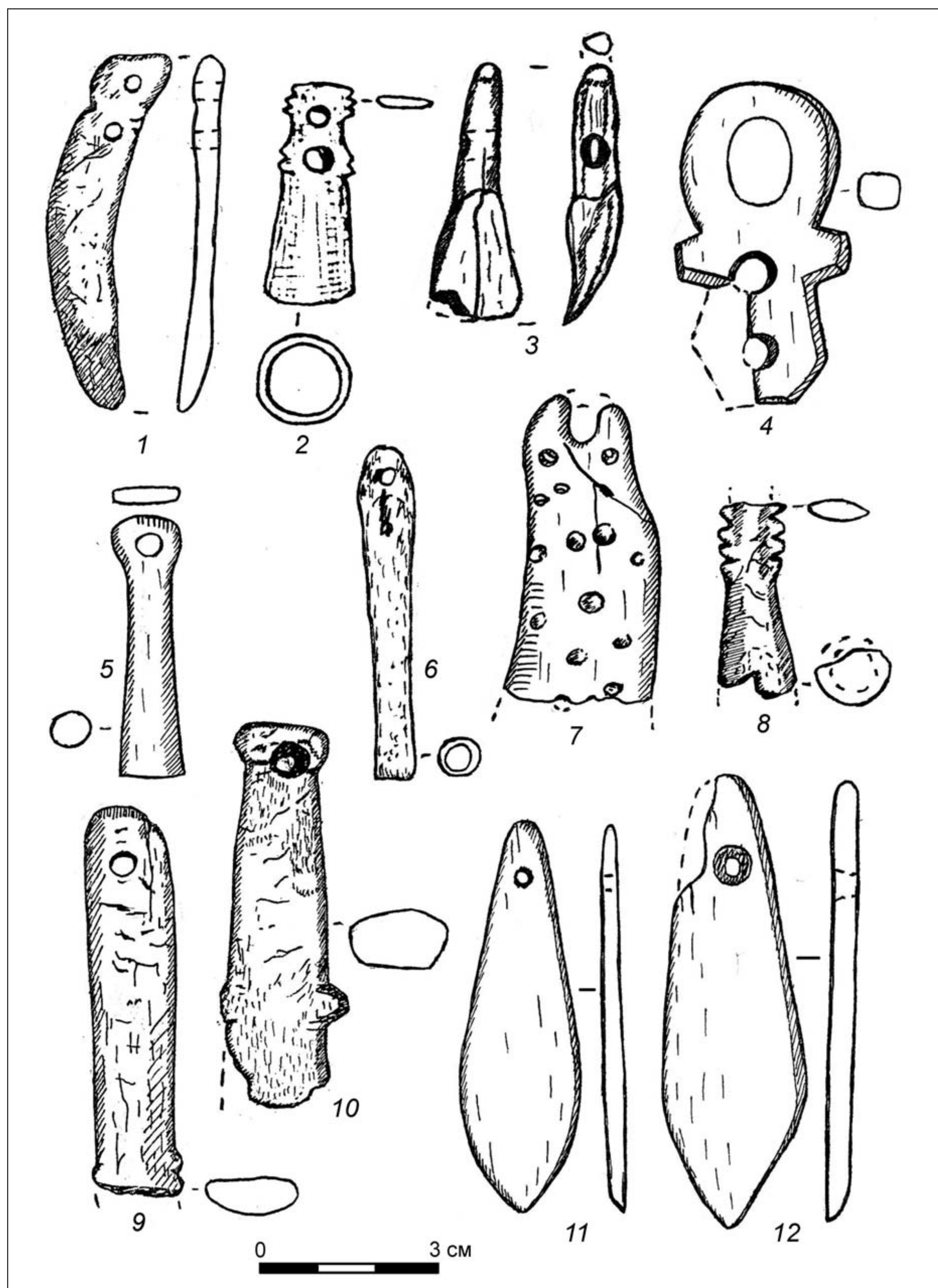


Таблица 37. Костяные подвески культуры ранней штрихованной керамики:
1—3, 8, 10 — Ратюнки; *4, 11, 12* — Горани; *5* — Мошкенай;
6, 9 — Зазоны; *7* — Пятрашюнай

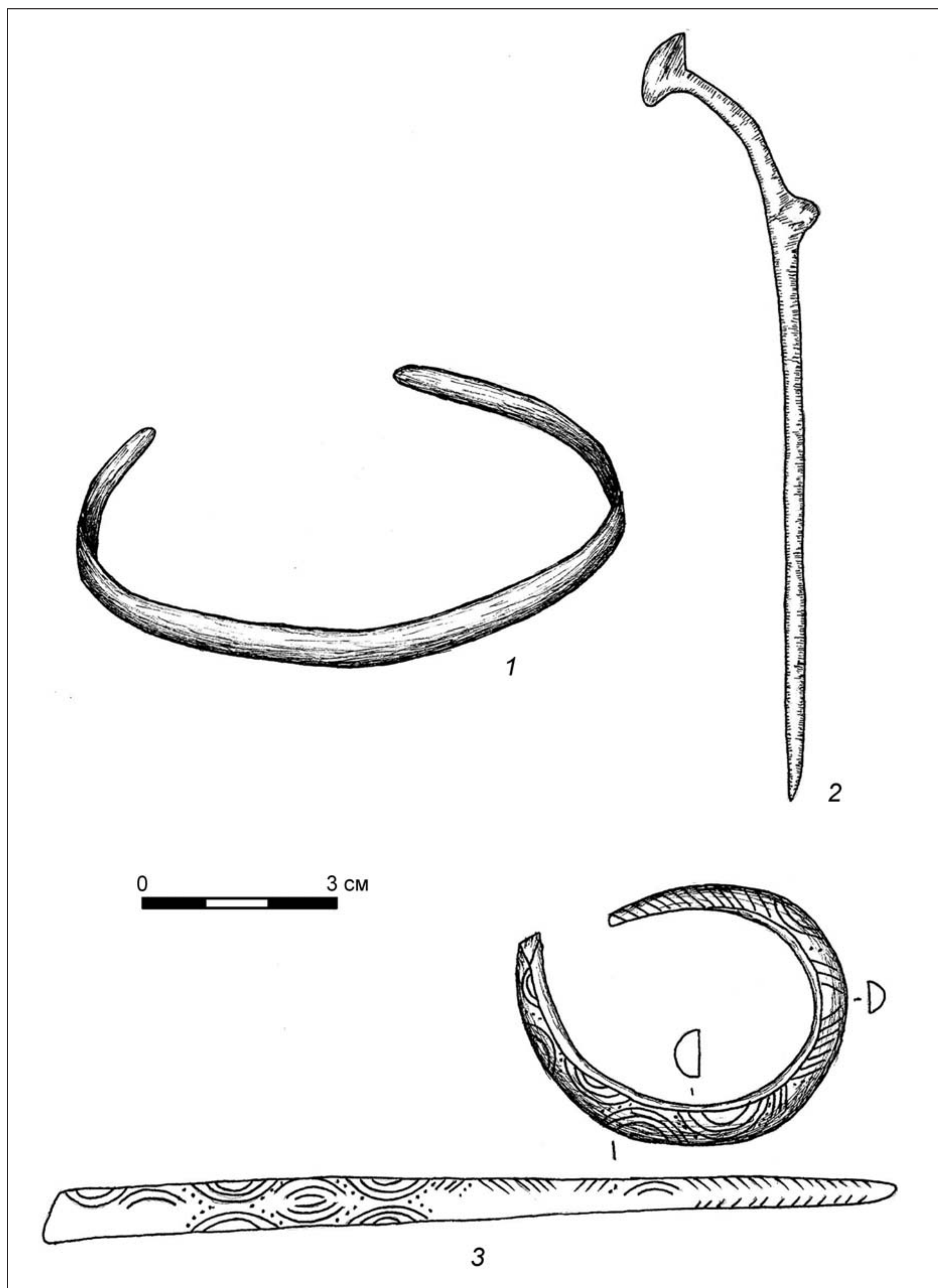


Таблица 38. Бронзовые браслеты (*1, 3*) и булавка (*2*) из городища Наркунай культуры ранней штрихованной керамики

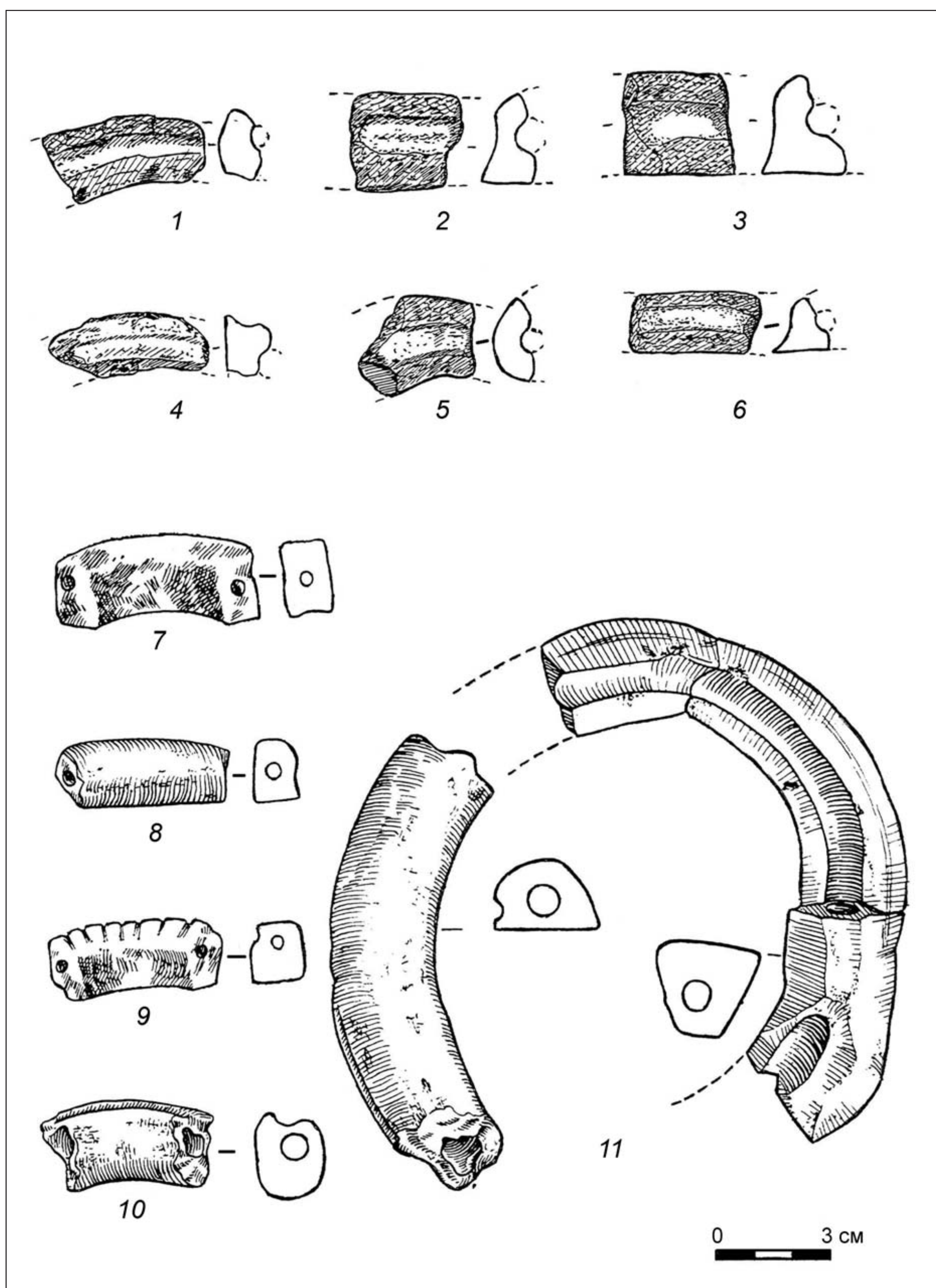


Таблица 39. Глиняные литейные формы культуры штрихованной керамики: *1—6* — Ратюнки; *7, 9* — Сокишкяй; *8* — Возгеляй; *10, 11* — Наркунай

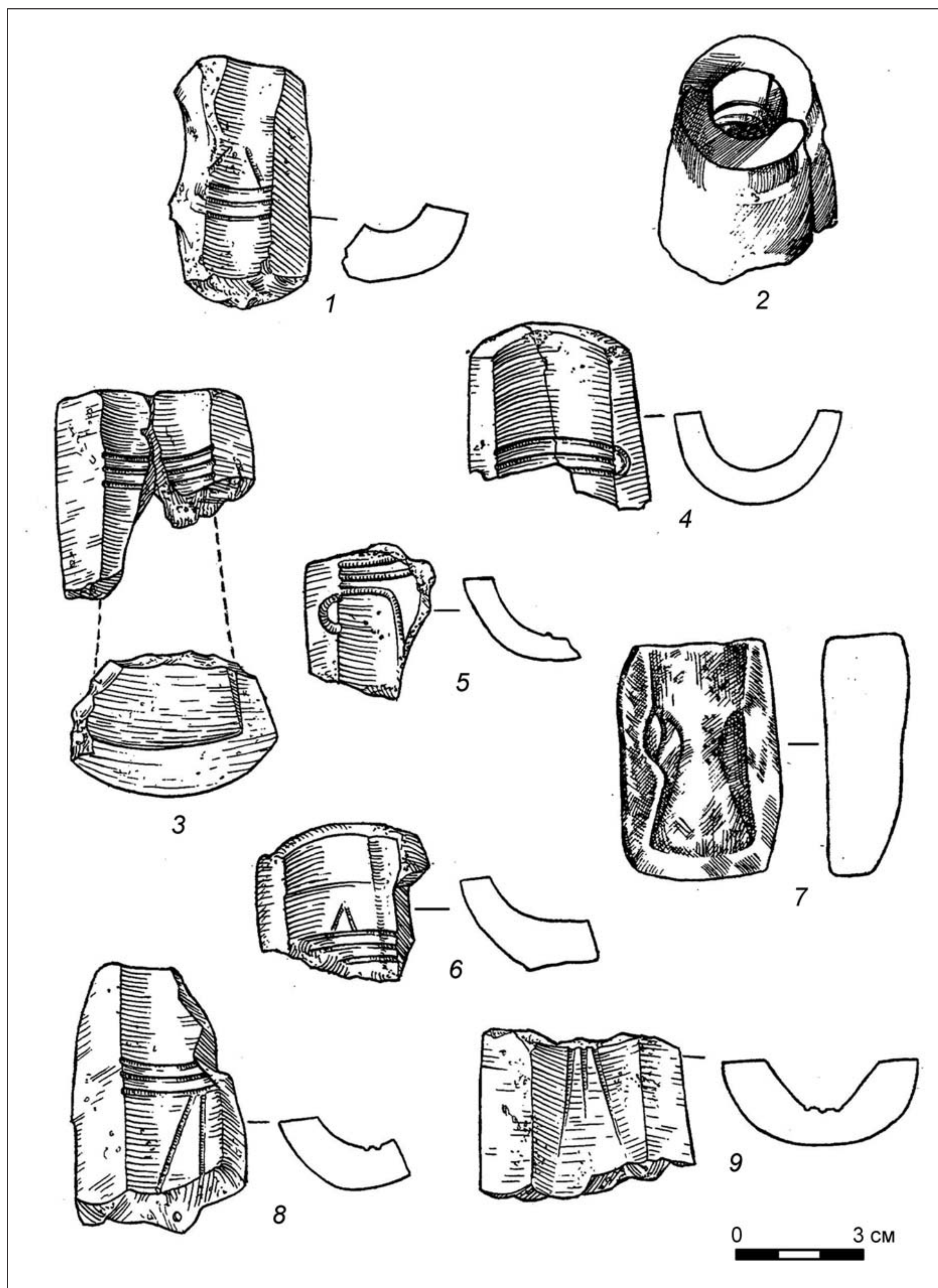


Таблица 40. Глиняные литейные формы для отливки кельтов культуры штрихованной керамики: *1—6, 8, 9* — Наркунай; *7* — Сокишкяй

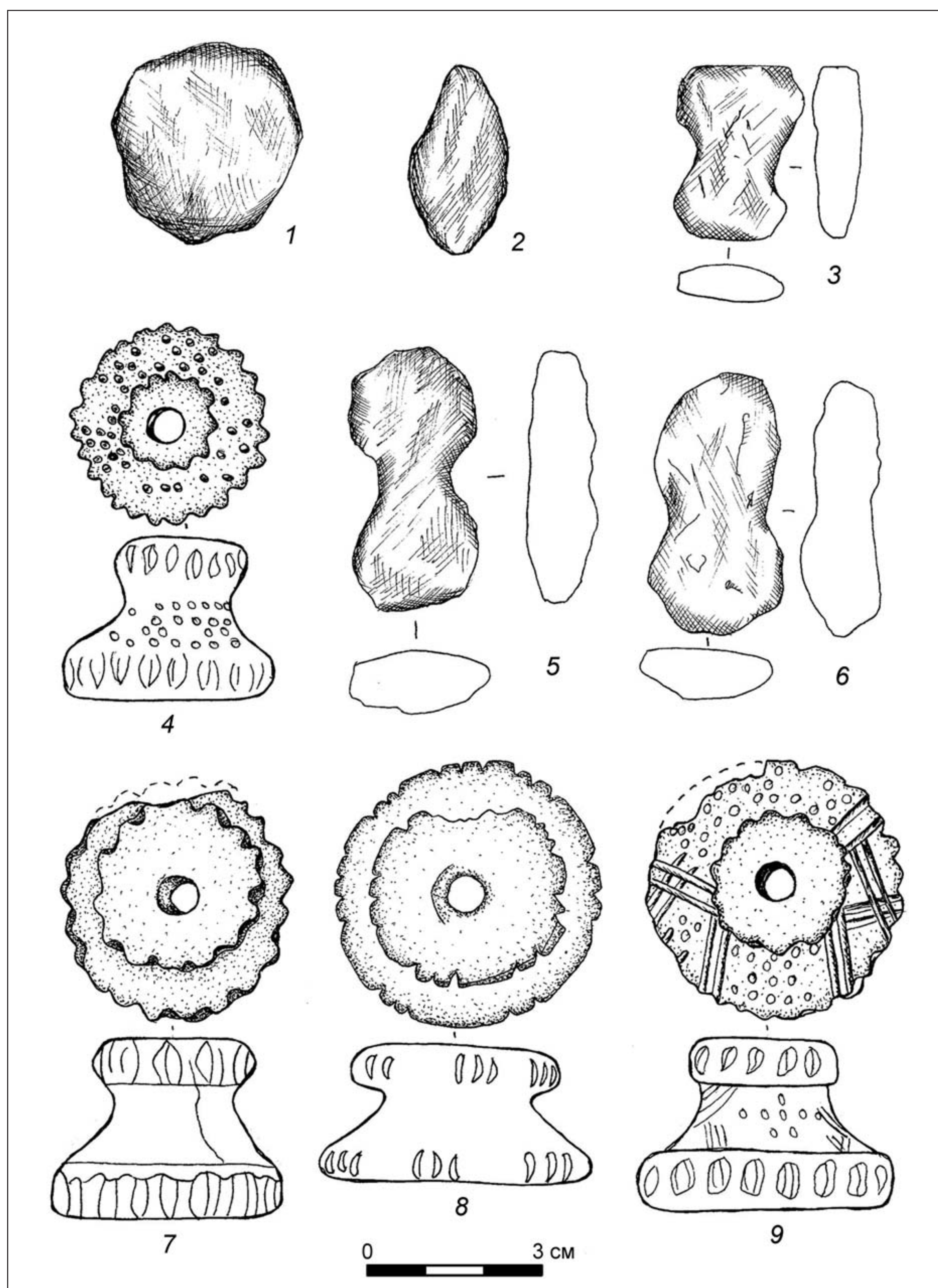


Таблица 41. Глиняные грузики культуры ранней штрихованной керамики:
1, 2 — Няверишке; *3, 5, 6* — Сокишкяй; *4, 7—9* — Горани

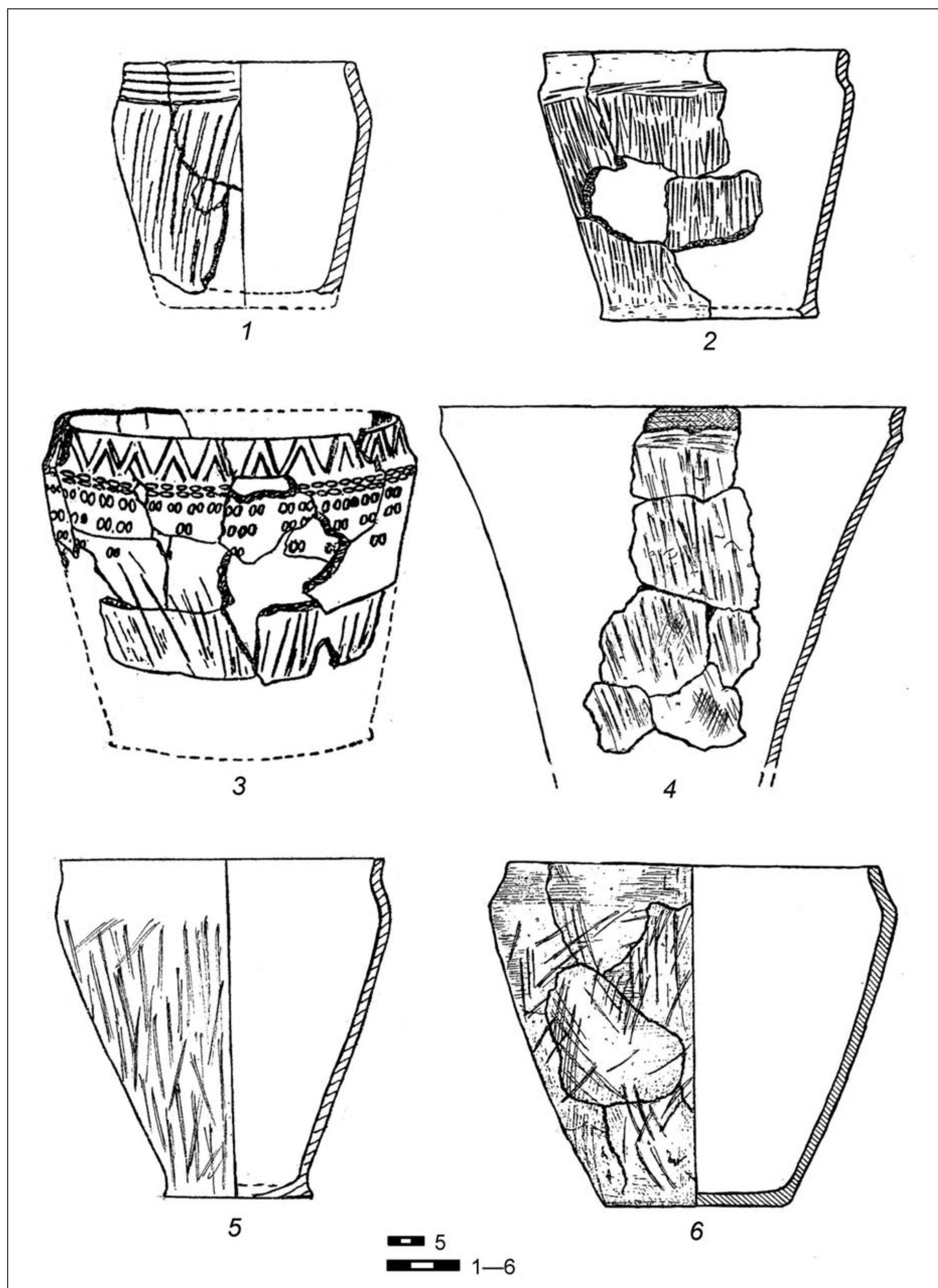


Таблица 42. Горшки культуры поздней штрихованной керамики:
1 — Горани; *2* — Ревячка; *3* — Лабенщина; *4* — Городище Мядельского р-на;
5, *6* — Ивань

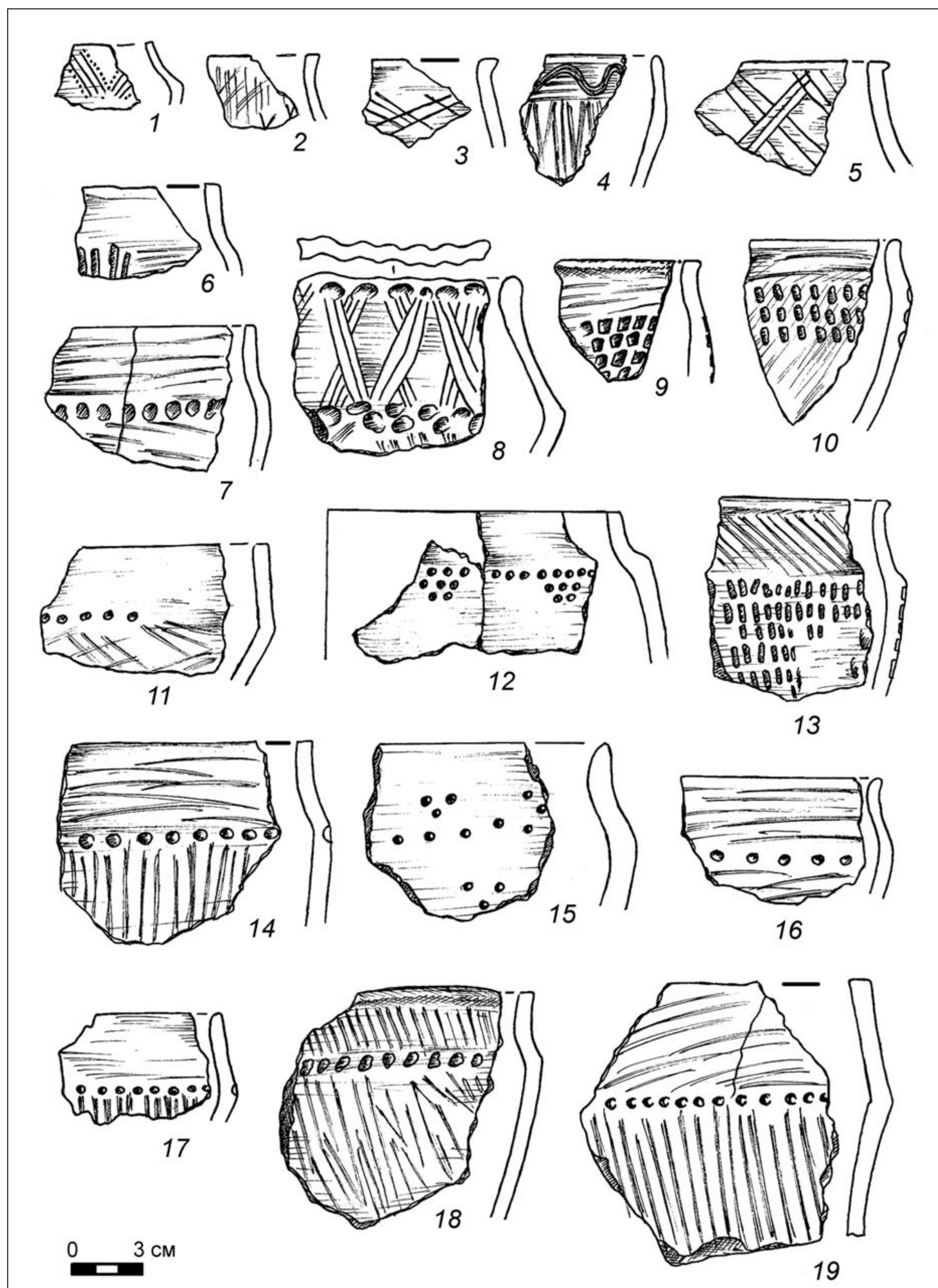


Таблица 43. Орнаментированные горшки культуры поздней штрихованной керамики: *1—3, 5, 6, 12* — Ивань; *4, 7, 11, 16* — Кащеличи; *8, 14, 19* — Малышки; *9, 10, 13, 17* — Аукштадварис; *15* — Лабенщина; *18* — Мигонис

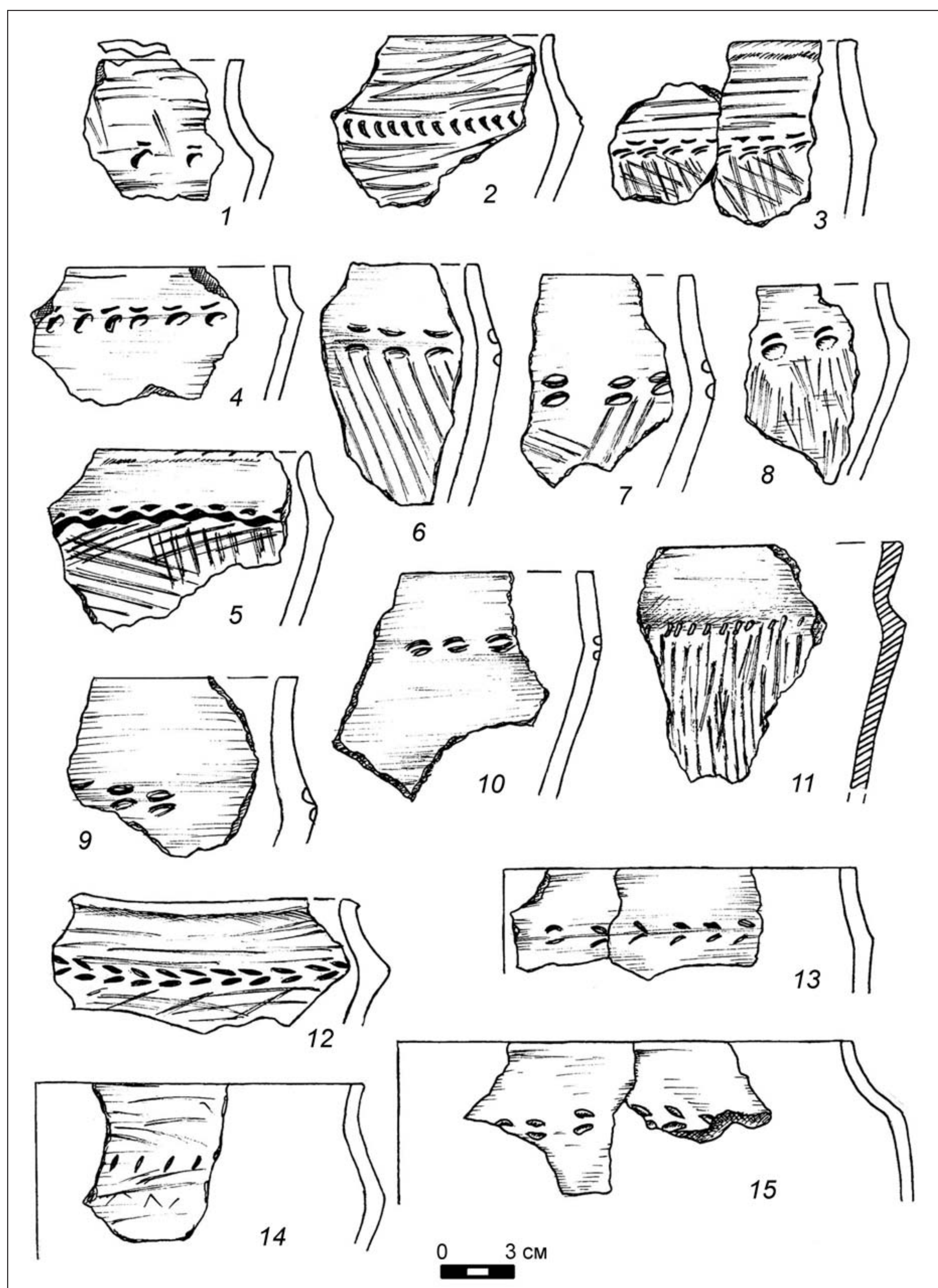


Таблица 44. Орнаментированные горшки культуры поздней штрихованной керамики: *1, 4, 8, 13, 15* — Кащеличи; *2* — Аукштадварис; *3, 5, 12* — Няменчине; *6, 7, 9, 10* — Лабенщина; *11* — Дзержинск; *14* — Ивань

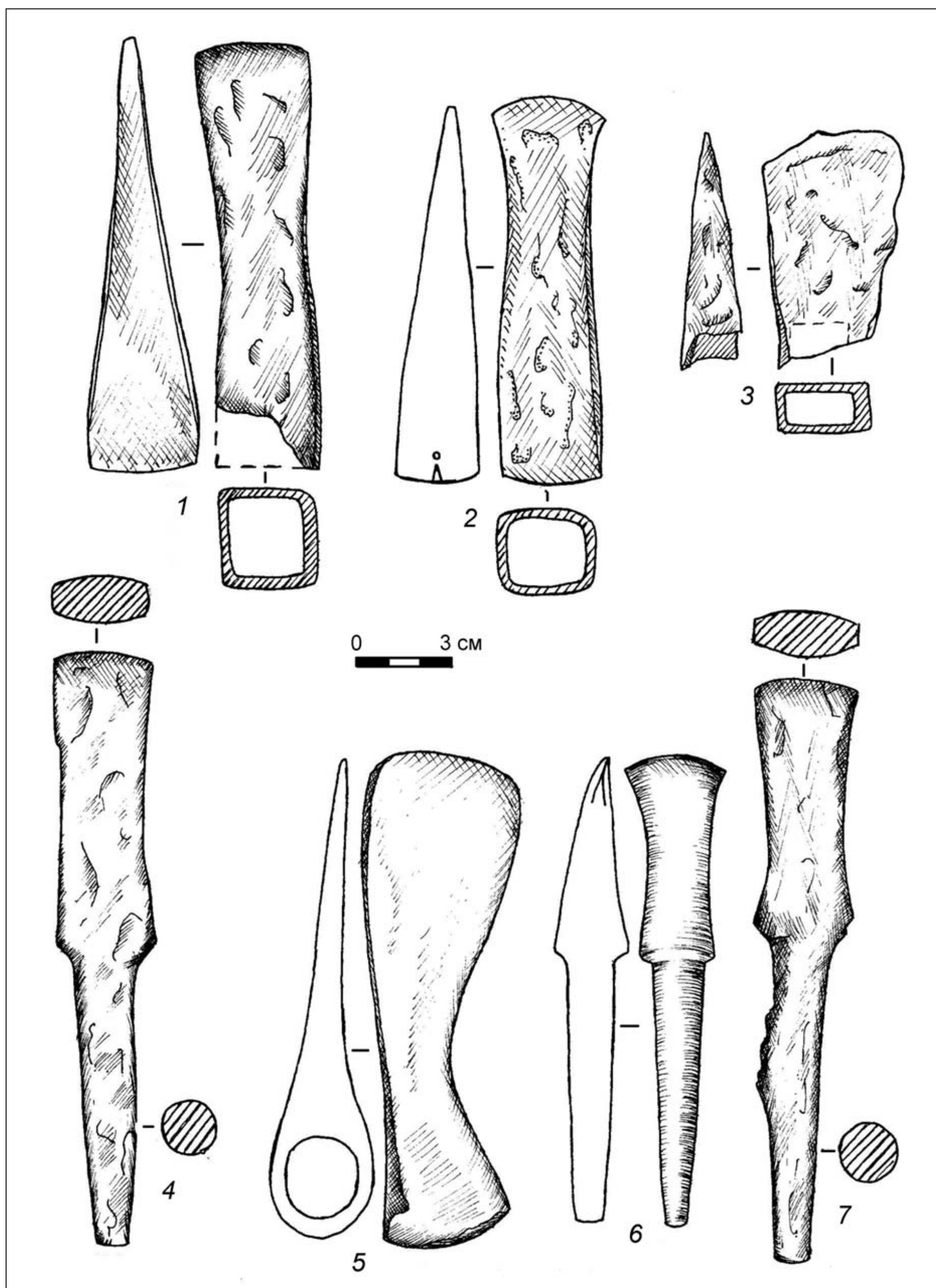


Таблица 45. Топоровидные орудия труда (*4, 6, 7*), кельты (*1—3*) и топоры (*5*) с поселений культуры поздней штрихованной керамики: *1, 3* — Ивань; *2* — Городище Мядельского р-на; *4, 7* — Кащеличи; *5* — Горани; *6* — Лабенщина

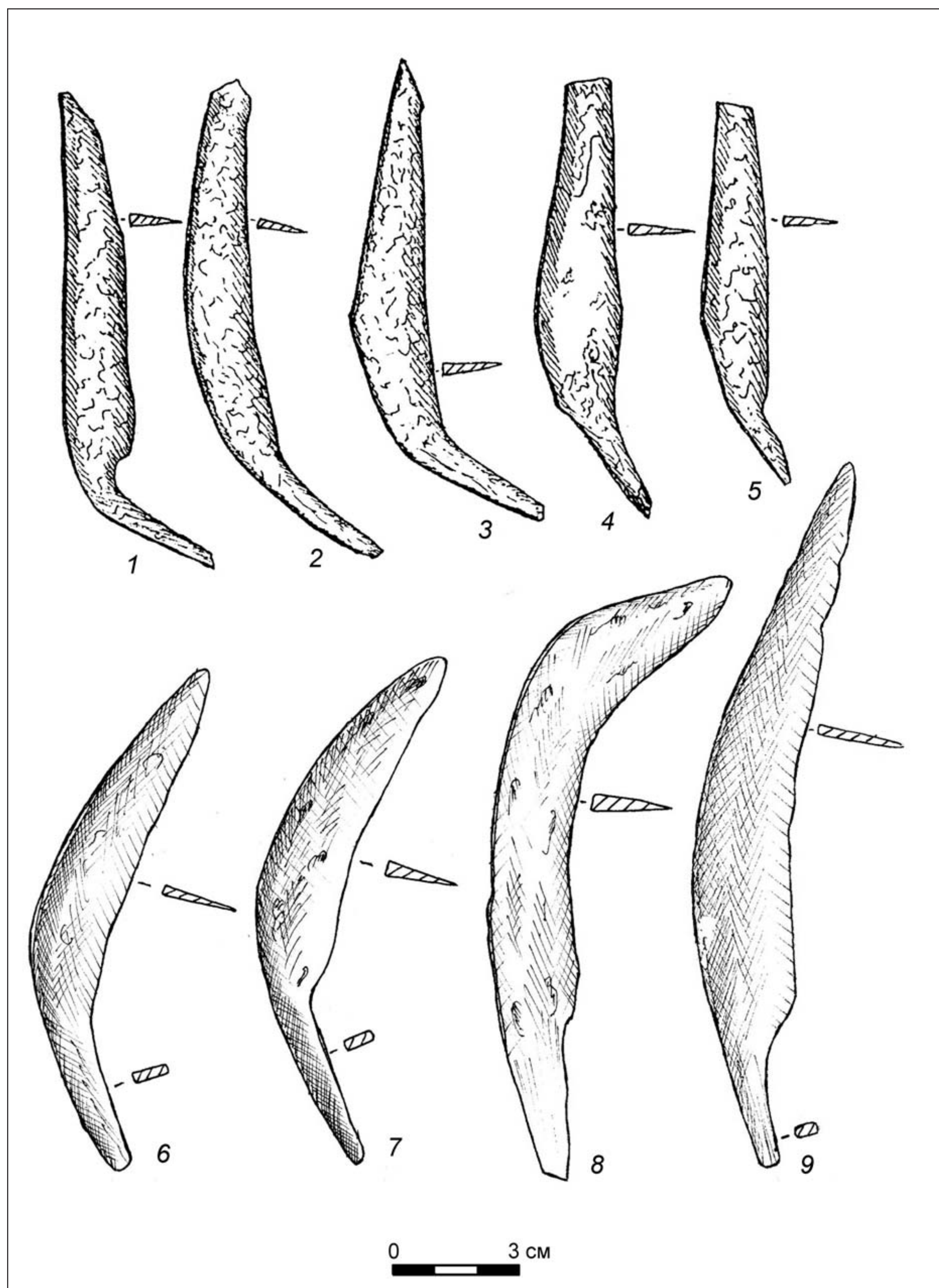


Таблица 46. Жатвенные ножи культуры поздней штрихованной керамики:
1 — Пятрашюнай; *2* — Горани; *3*, *4* — Наркунай; *5* — Мошкенай;
6, *7* — Ивань; *8* — Нурвяны; *9* — Кащеличи

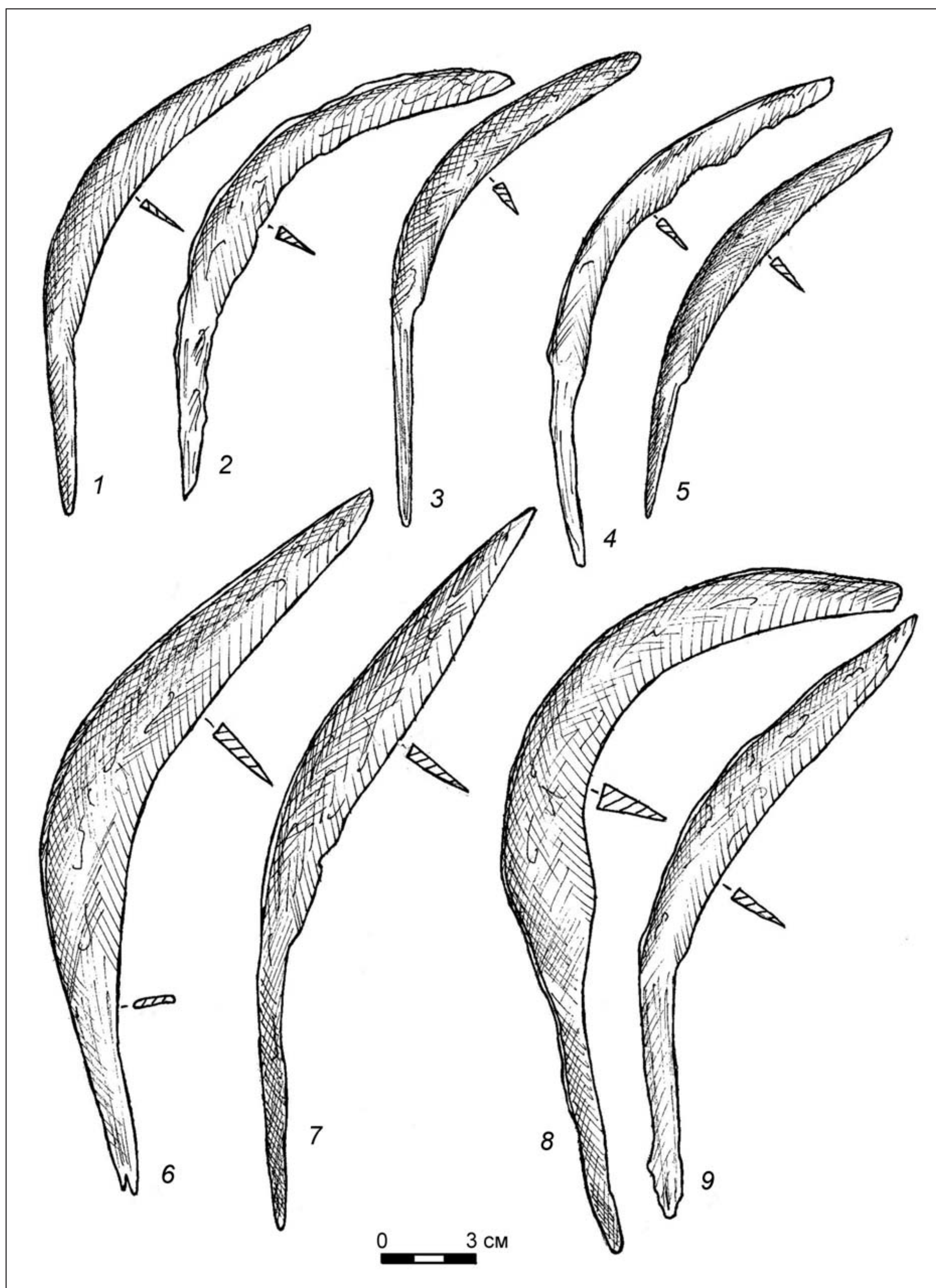


Таблица 47. Серпы культуры поздней штрихованной керамики:
1, 3, 5 — Мысли; *2, 9* — Ивань; *4* — Малышки; *6—8* — Лабенщина

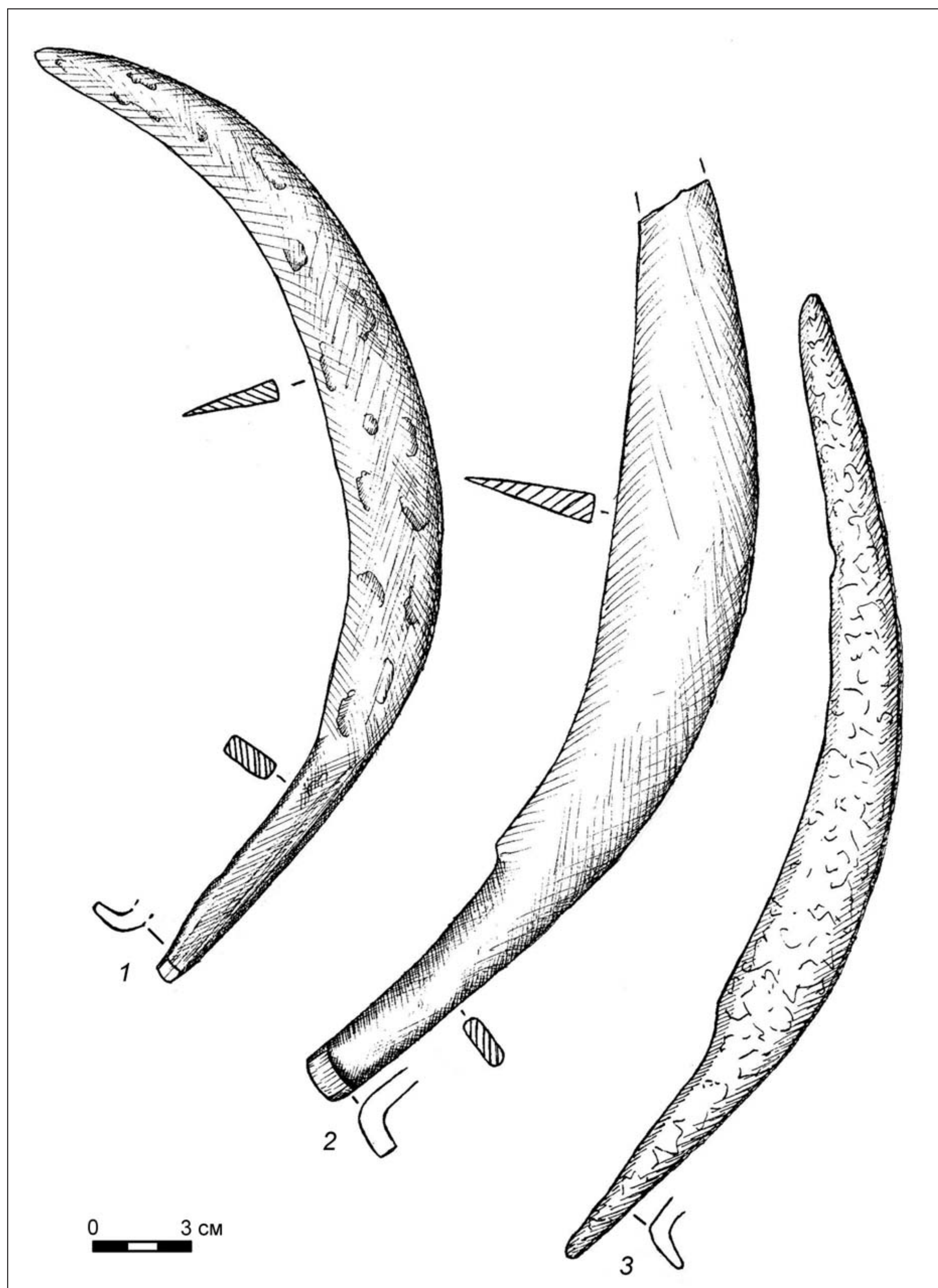


Таблица 48. Серпы с крючками на пятке культуры поздней штрихованной керамики: *1* — г. п. Городище Мядельского р-на; *2* — Аношки; *3* — Горани

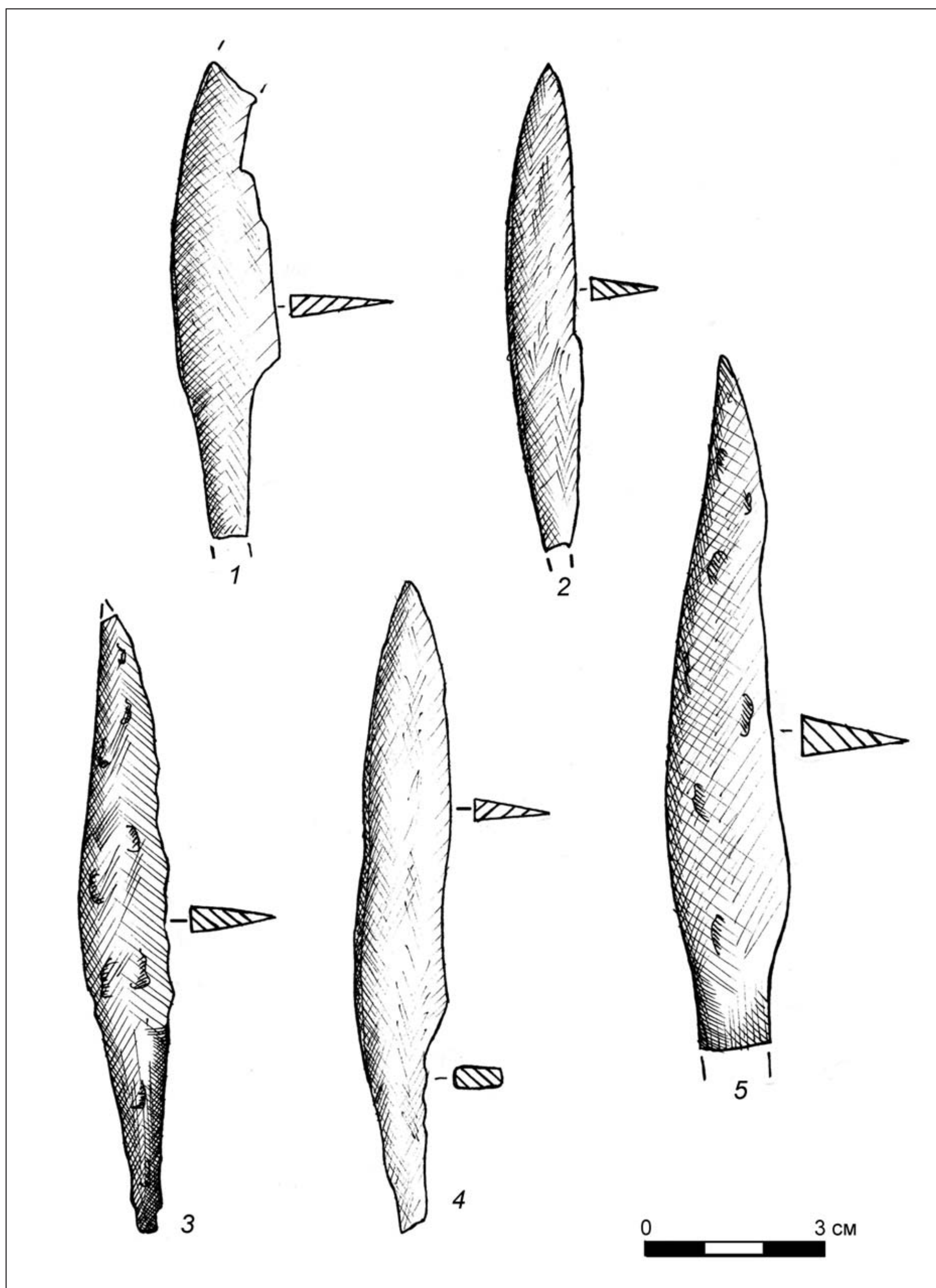


Таблица 49. Ножи с горбатой спинкой культуры поздней штрихованной керамики: *1* — Ивань, *2* — Малышки; *3* — Лабенщина; *4* — Качановичи; *5* — Кимия

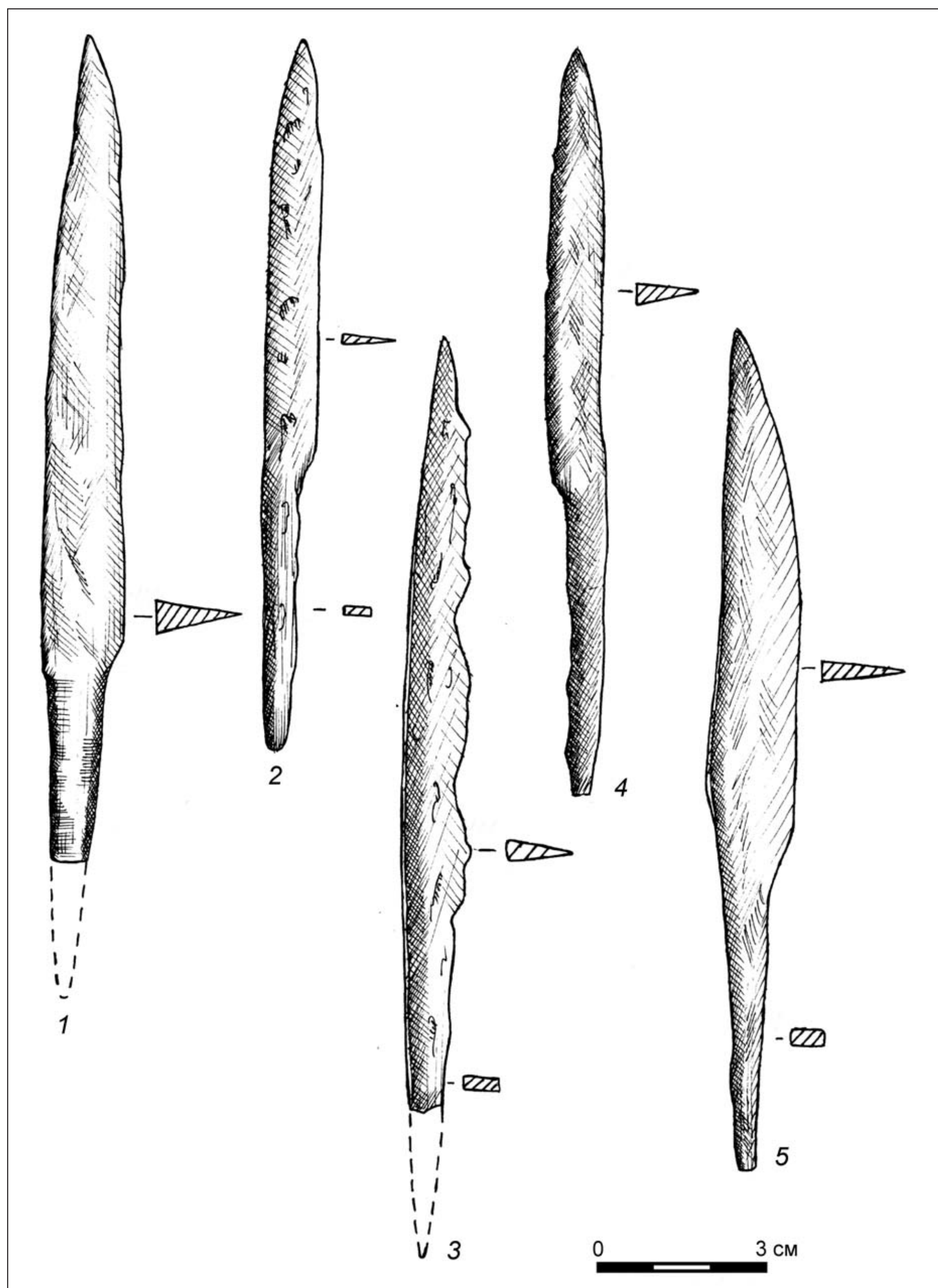


Таблица 50. Ножи с прямой спинкой культуры поздней штрихованной керамики: *1—4* — Ивань; *5* — Кащеличи

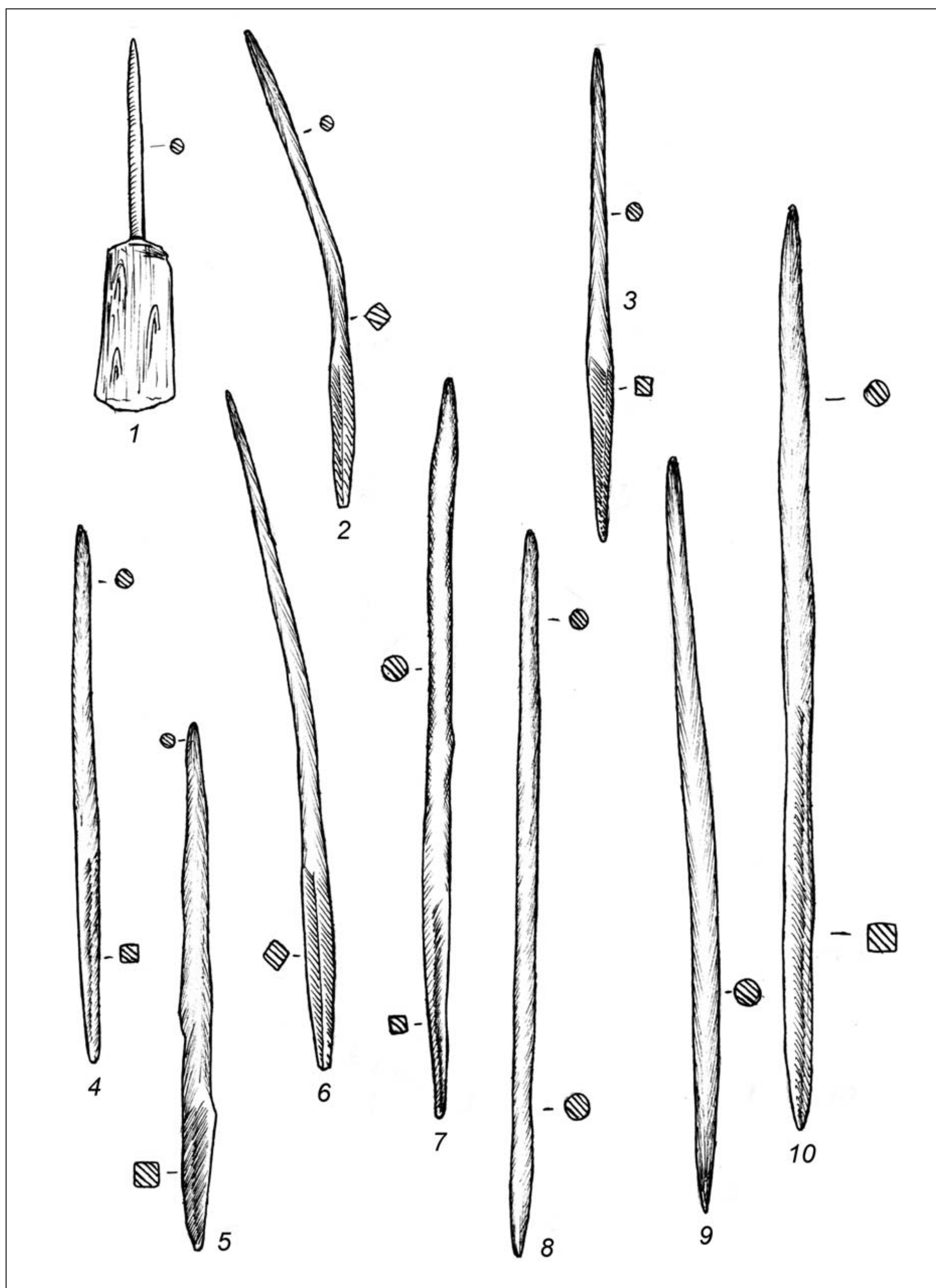


Таблица 51. Шилья культуры поздней штрихованной керамики:
1 — Малышки; *1—7, 10* — Мысли; *8, 10* — Ивань

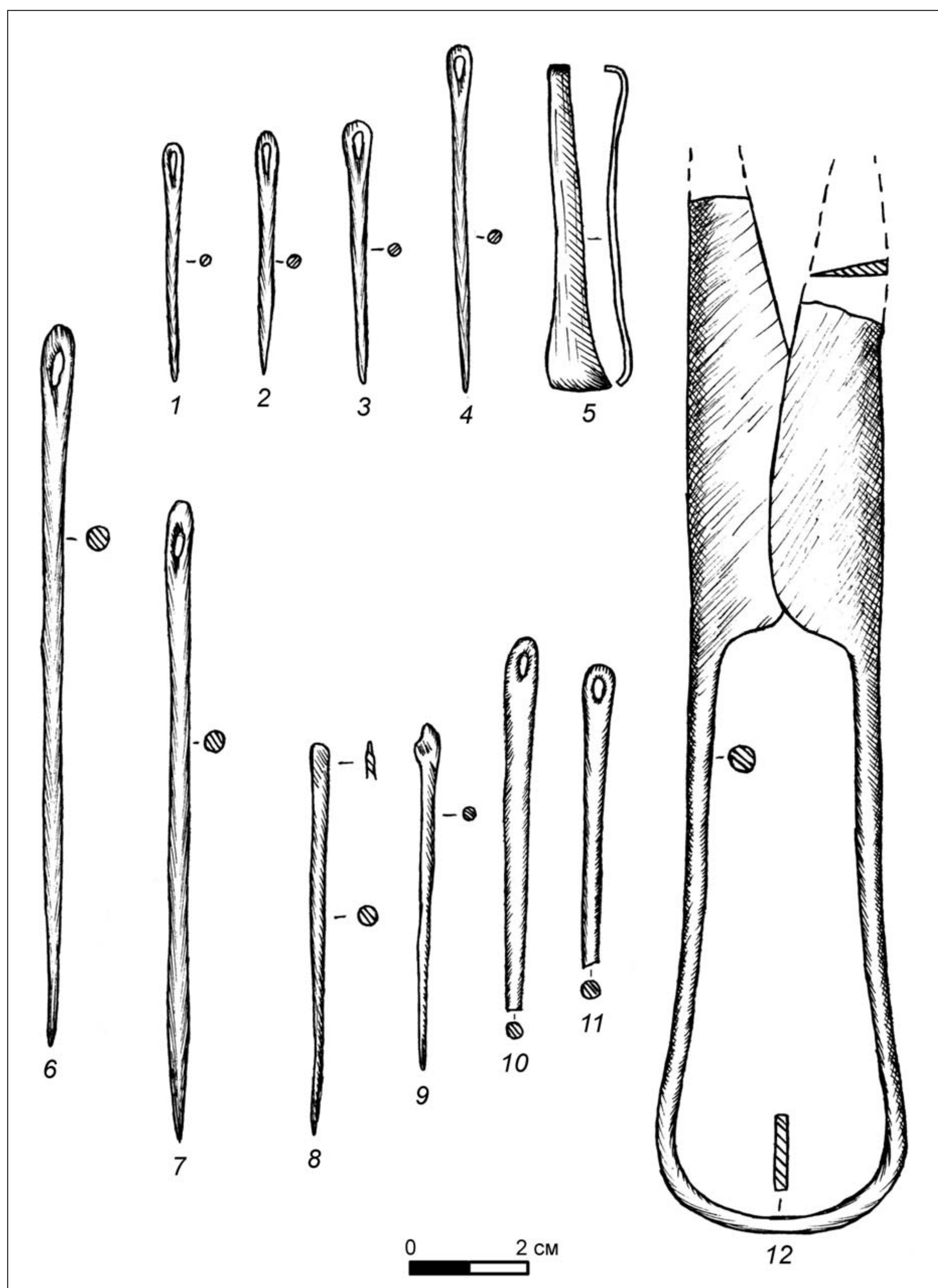


Таблица 52. Бытовой инструментарий культуры поздней штрихованной керамики (*1—4*, *6—11* — иглы; *5* — пинцет; *12* — ножницы): *1—5*, *12* — Мысли; *6*, *7* — Горани; *10*, *11* — Новоселки

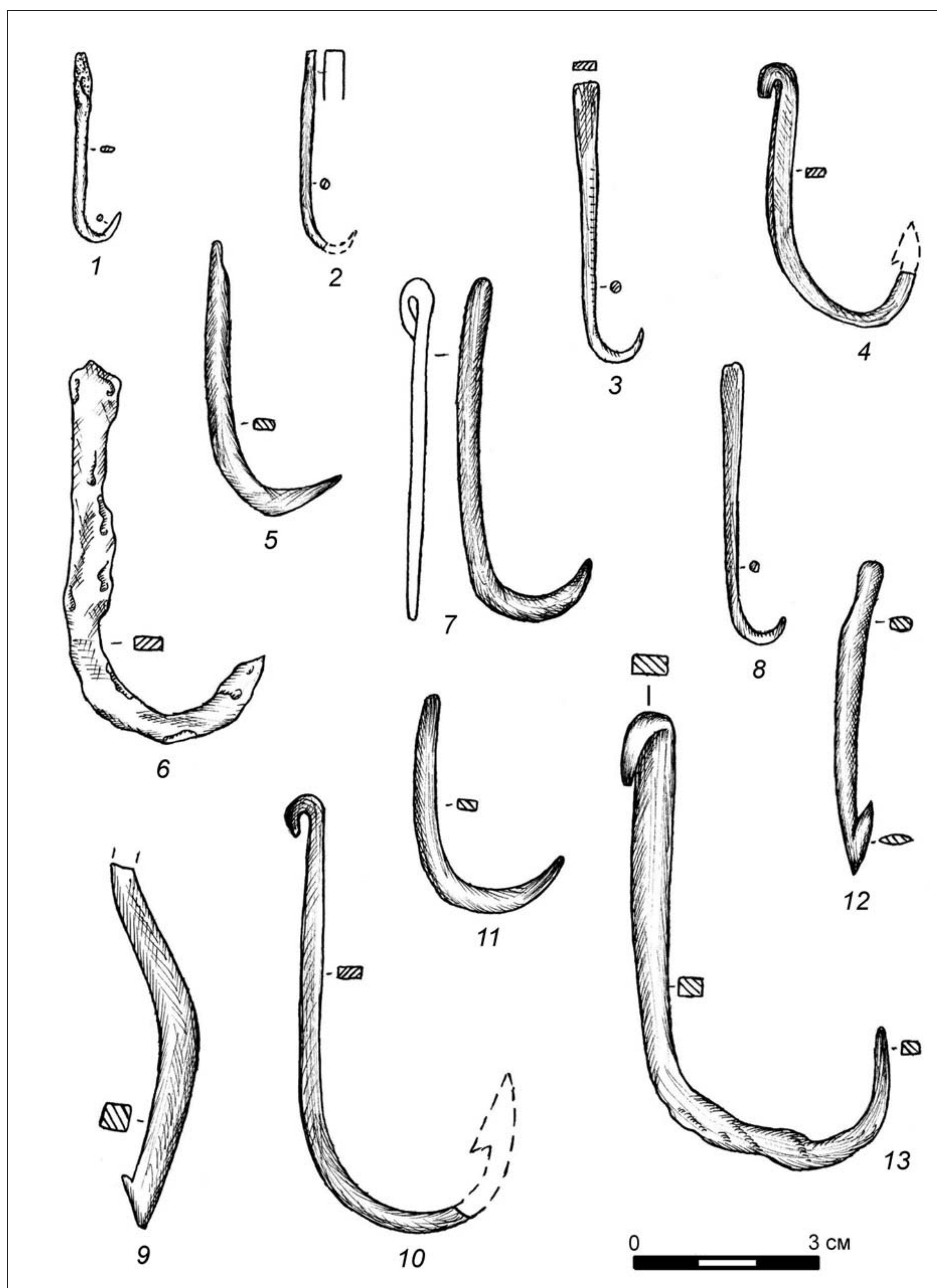


Таблица 53. Орудия индивидуальной рыбной ловли племен культуры поздней штрихованной керамики (*1—8, 10, 11, 13* — крючки; *9, 12* — остроги): *1* — ратюнки; *2—4, 8—10* — Горани; *5, 11* — Мошкенай; *6* — Ивань; *7* — Пятрашюнай; *12, 13* — Няверишке

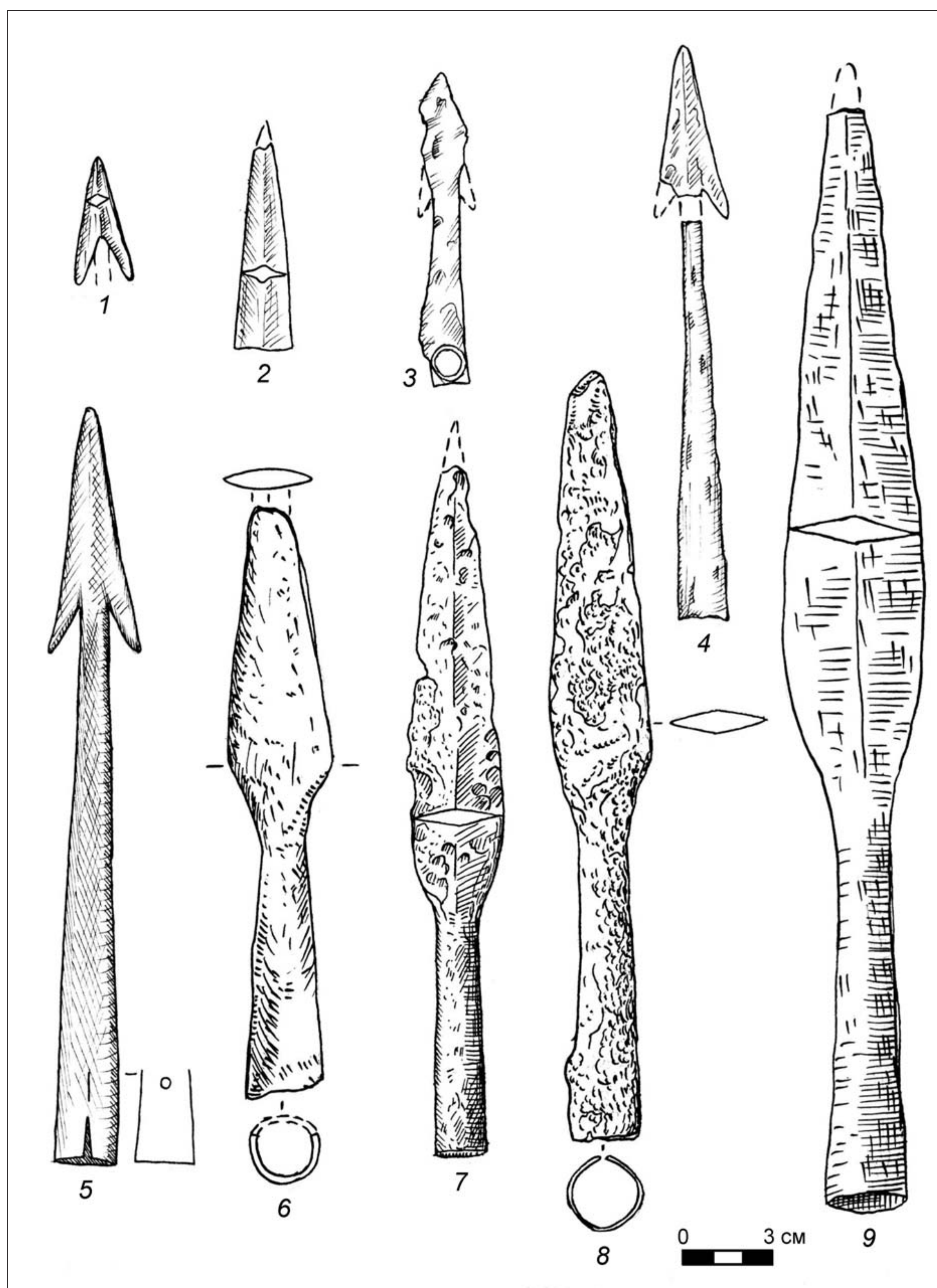


Таблица 54. Оружие ближнего боя племен культуры поздней штрихованной керамики: *1, 3, 7* — Малышки; *2, 4* — Лабенщина; *5* — Банцеровщина; *6* — Кащеличи; *8* — Ивань; *9* — Аздятичи

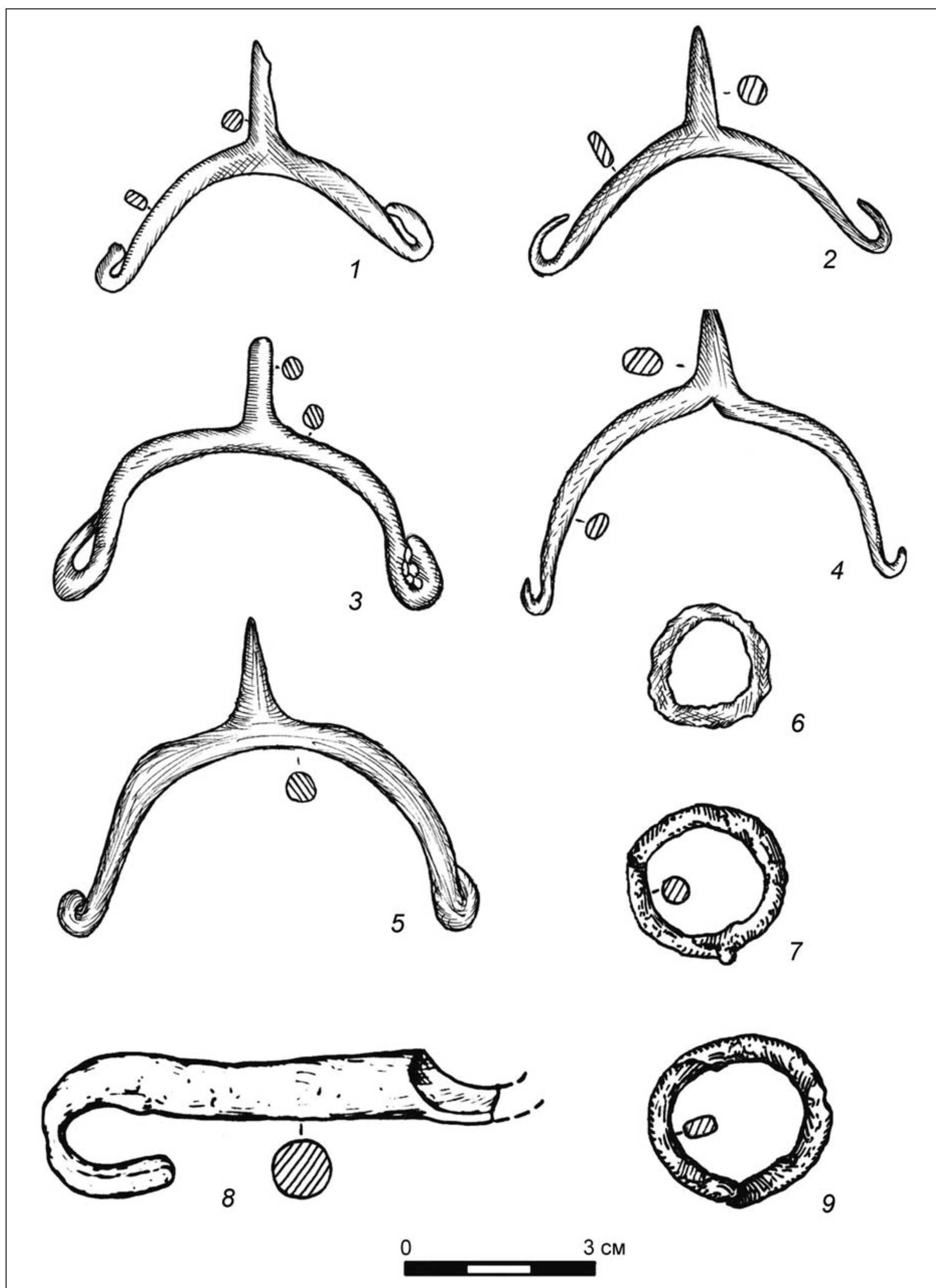


Таблица 55. Снаряжение всадника и верхового коня племен культуры поздней штрихованной керамики: *1* — Городище Мядельского р-на; *2* — Ворончa; *3*, *7*—*9* — Ивань; *4* — Аношки; *5* — Лабенщина; *6* — Кащеличи

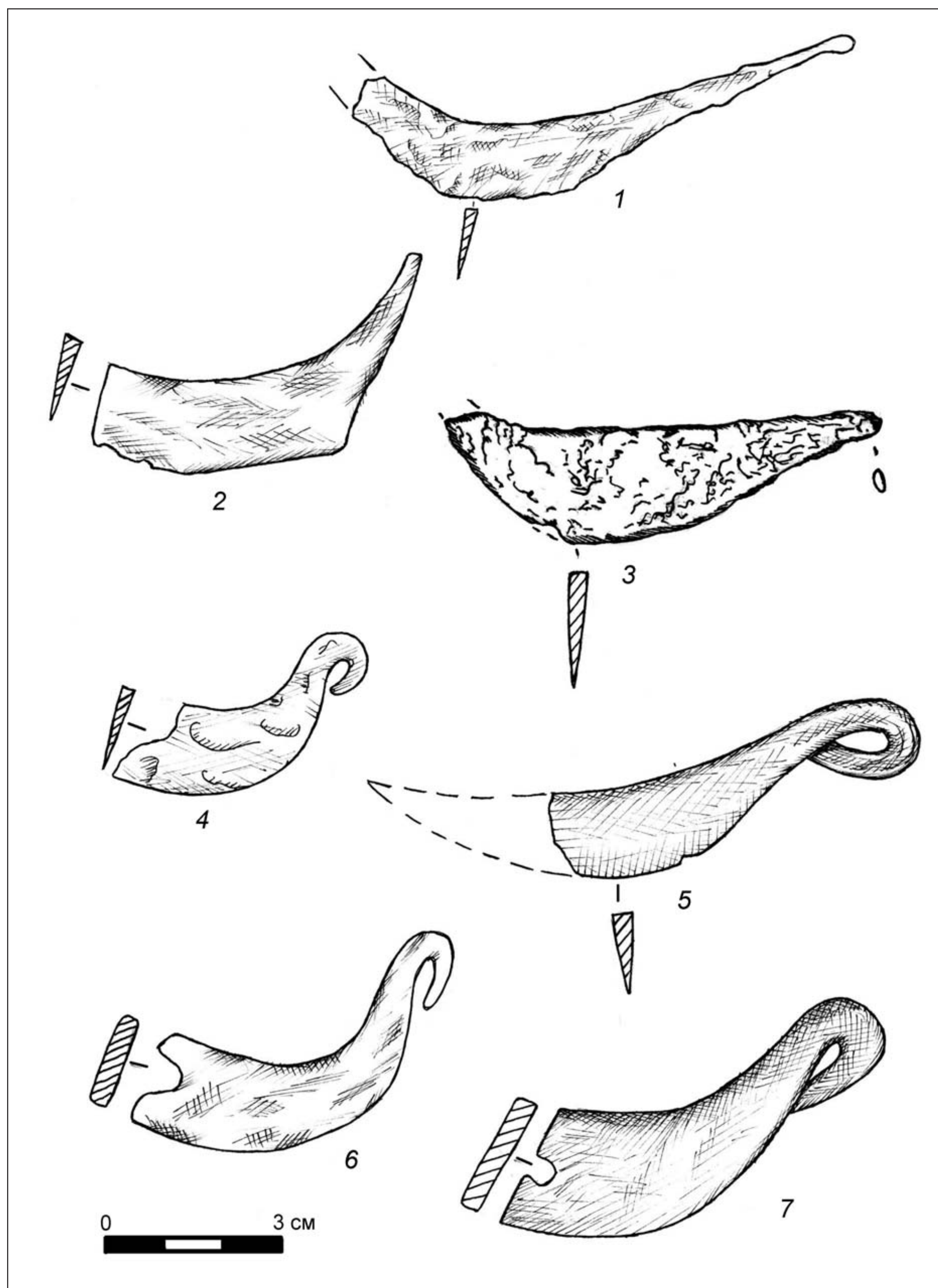


Таблица 56. Бритвы (*1—5*) и кресала (*6, 7*) носителей культуры штрихованной керамики:
1 — Лабенщина; *2* — Няверишке; *3* — Ратюнки; *4, 6* — Ивань;
5 — Банцеровщина; *7* — Воронча

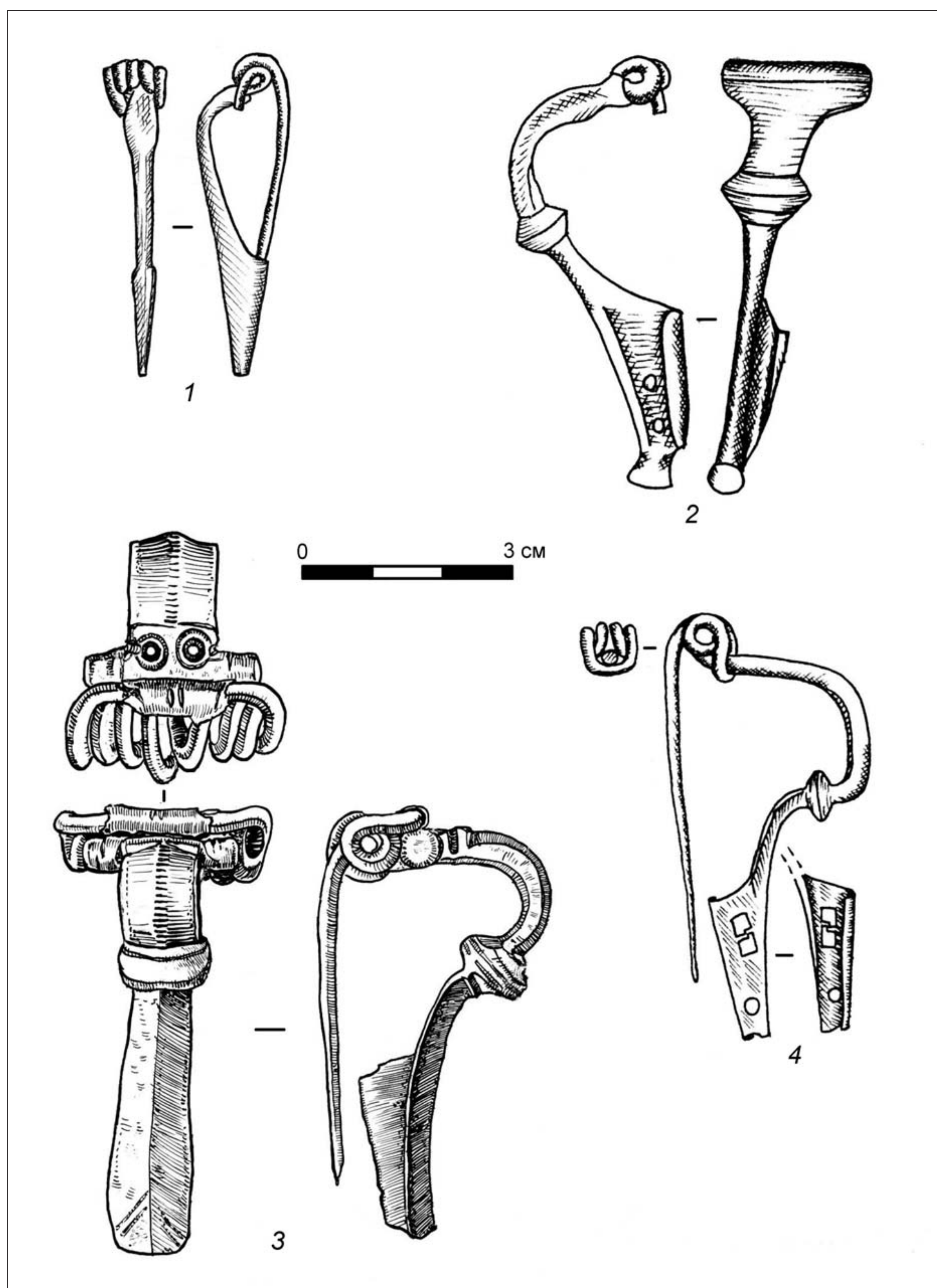


Таблица 57. Фибулы культуры поздней штрихованной керамики:
1 — Малышки; *2* — Кащеличи; *3* — Ивань; *4* — Мысли

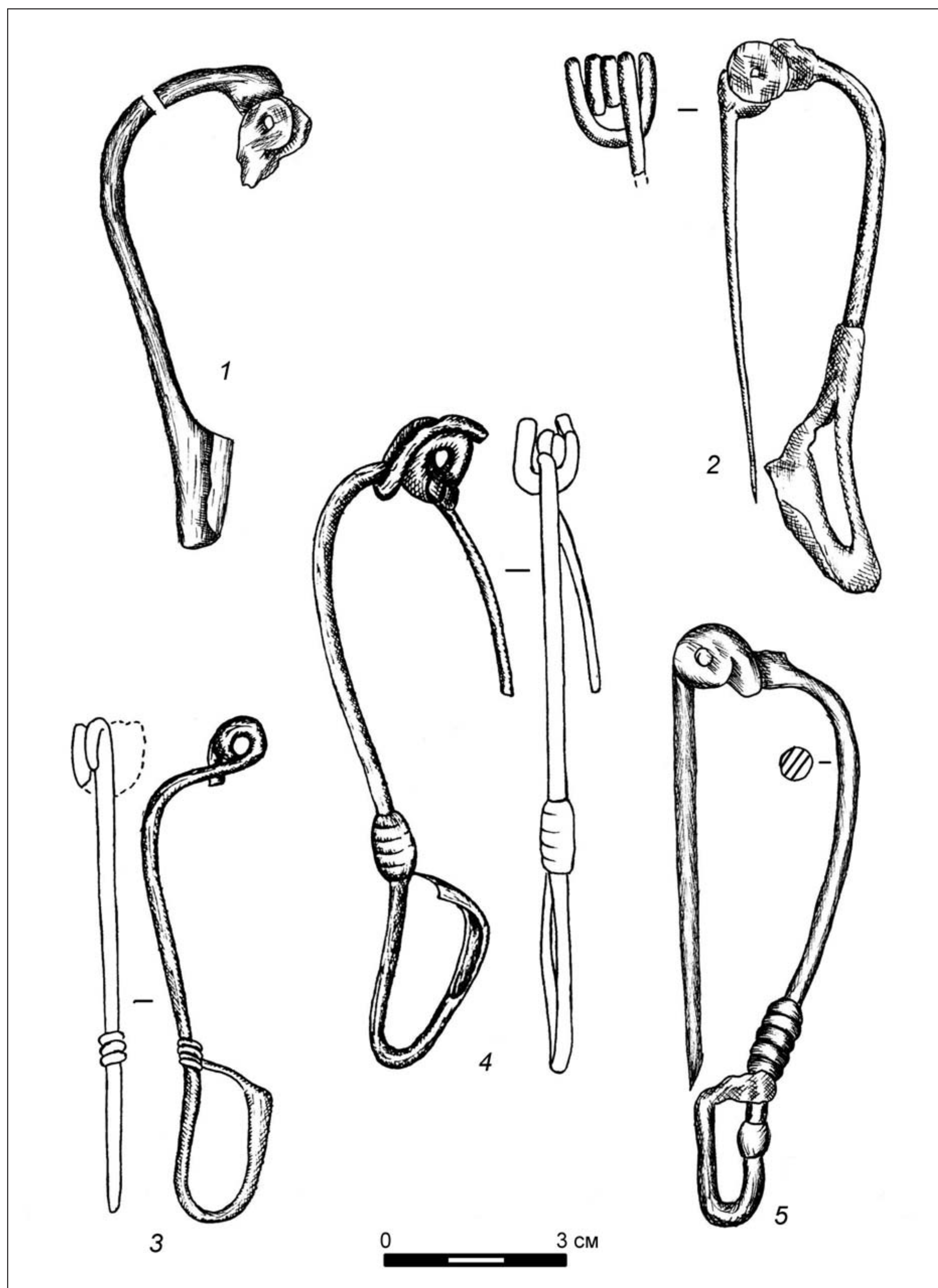


Таблица 58. Фибулы культуры поздней штрихованной керамики:
1, *5* — Петровичи; *2* — Мысли; *3* — Банцеровщина; *4* — Новоселки

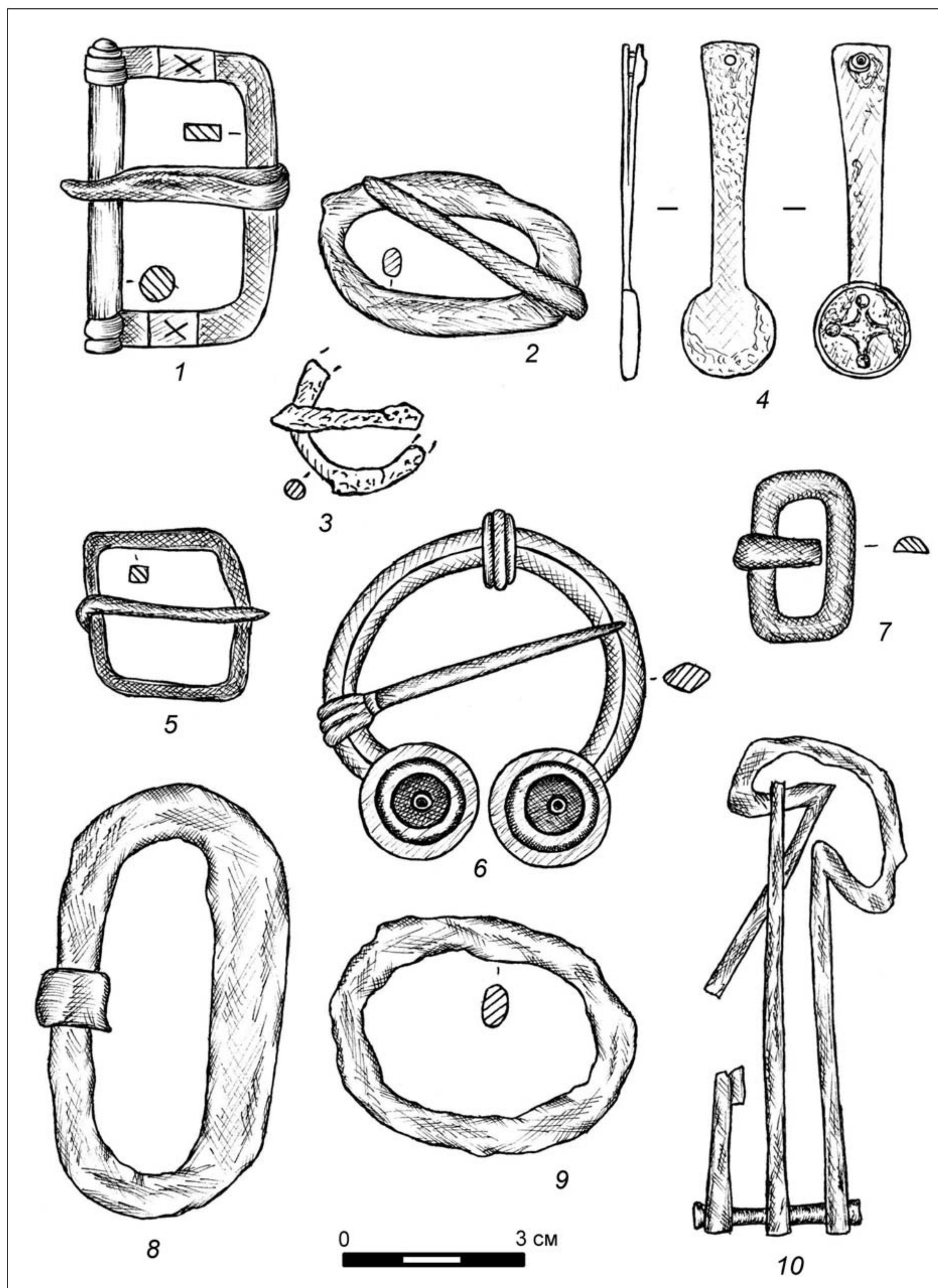


Таблица 59. Пряжки (*1—3*, *5*, *7—10*), наконечник пояса (*4*) и подковообразная фибула культуры поздней штрихованной керамики: *1*, *5* — Лабенцина; *2*, *6*, *10* — Малышки; *3* — Тарилово; *4* — Зазоны; *7* — Ратюнки; *8* — Городище Мядельского р-на; *9* — Кацеличи

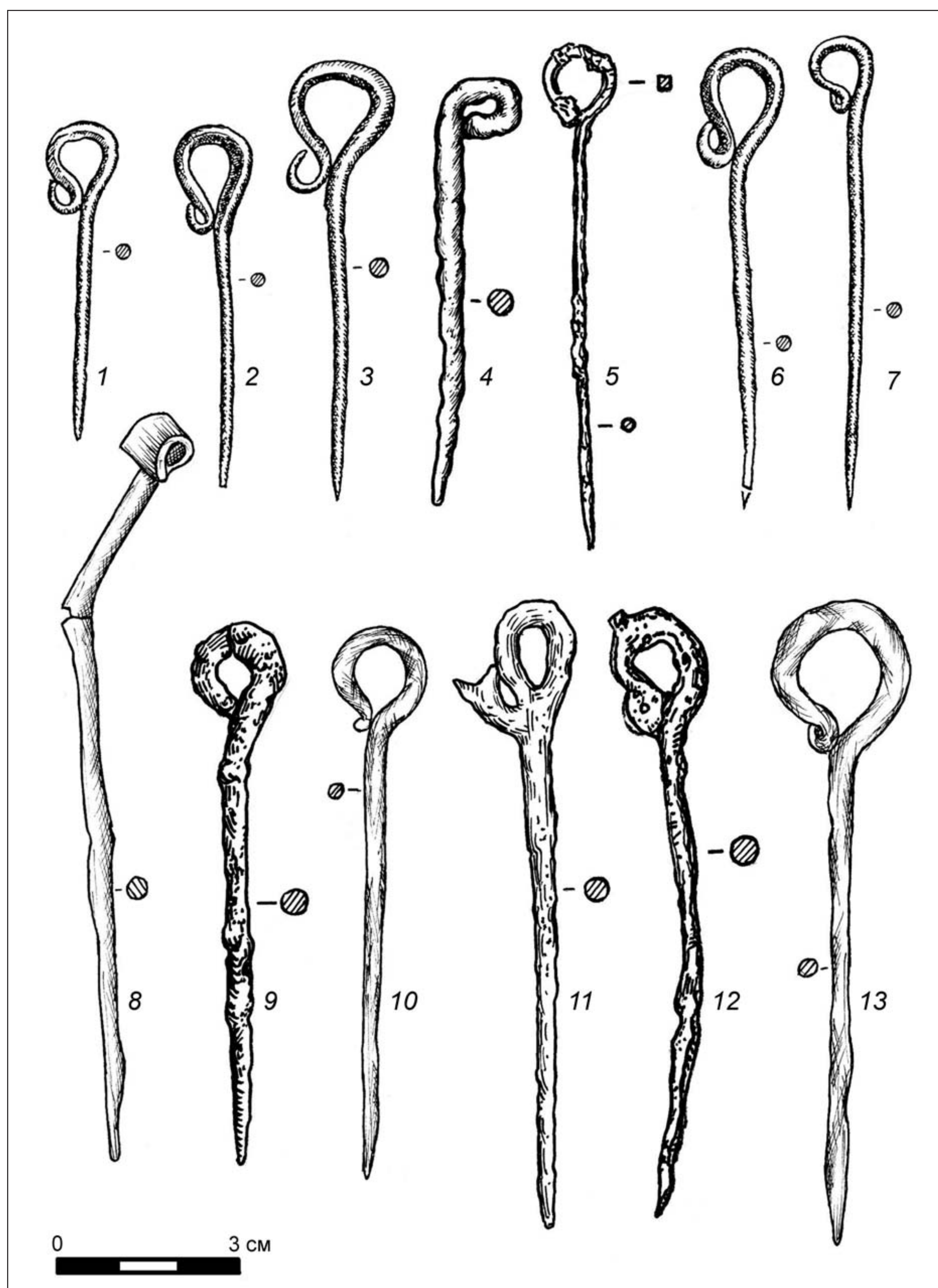


Таблица 60. Булавки с посоховидным (*1—3, 5—7, 10—13*) и кольцевидным (*4, 9*) навершием культуры поздней штрихованной керамики: *1—3, 6, 7* — Мысли; *4, 5, 9, 11, 12* — Ивань; *8* — Кяряляй; *10, 13* — Лабенщина

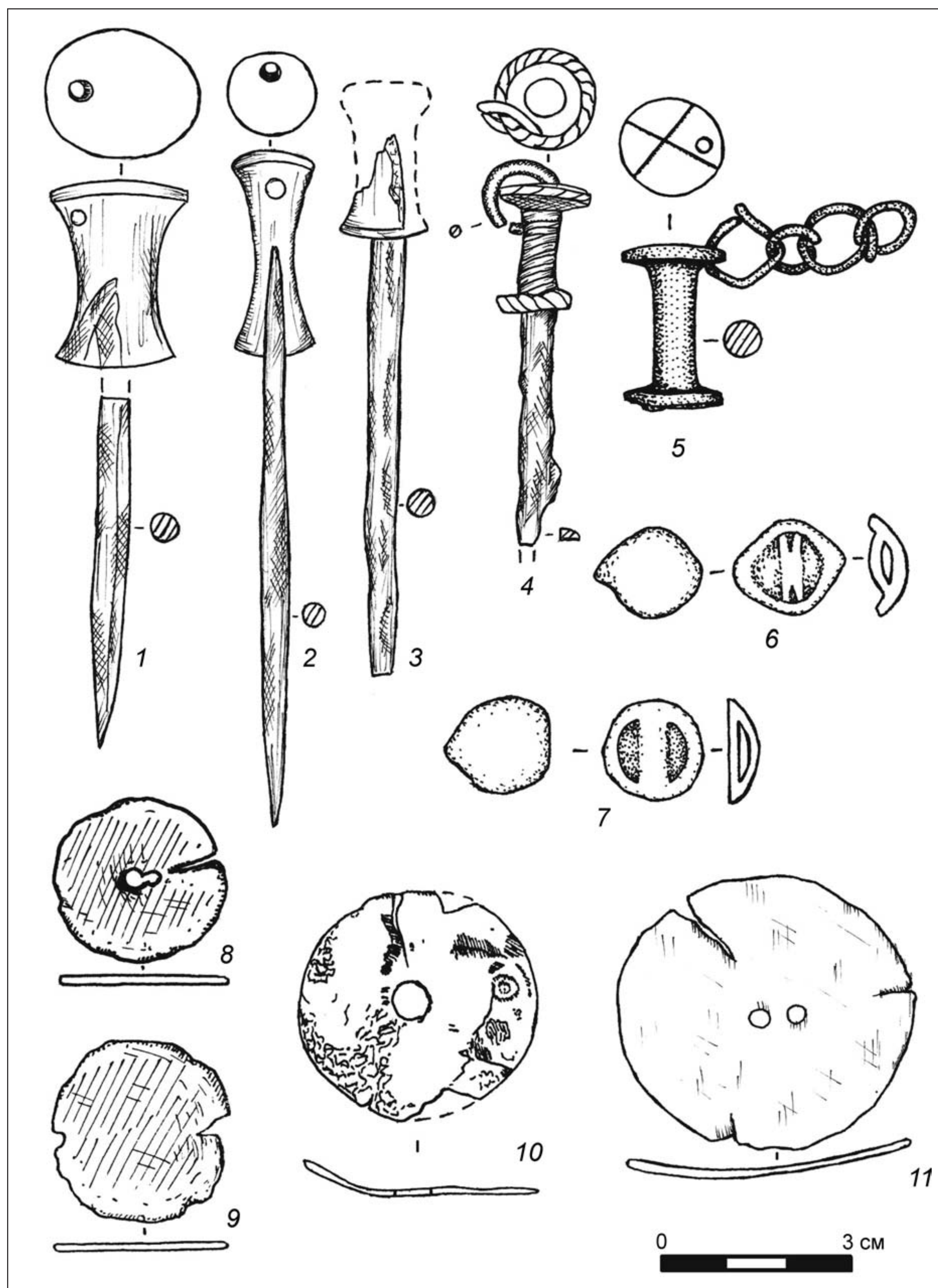


Таблица 61. Детали одежды культуры поздней штрихованной керамики (*1—5* — булавки; *6—11* — бляшки): *1—3* — Горани; *4* — Нурвяны; *5, 10* — Ратюнки; *6, 7* — Лабенщина; *8, 9* — Ивань; *11* — Городище Барановичского р-на

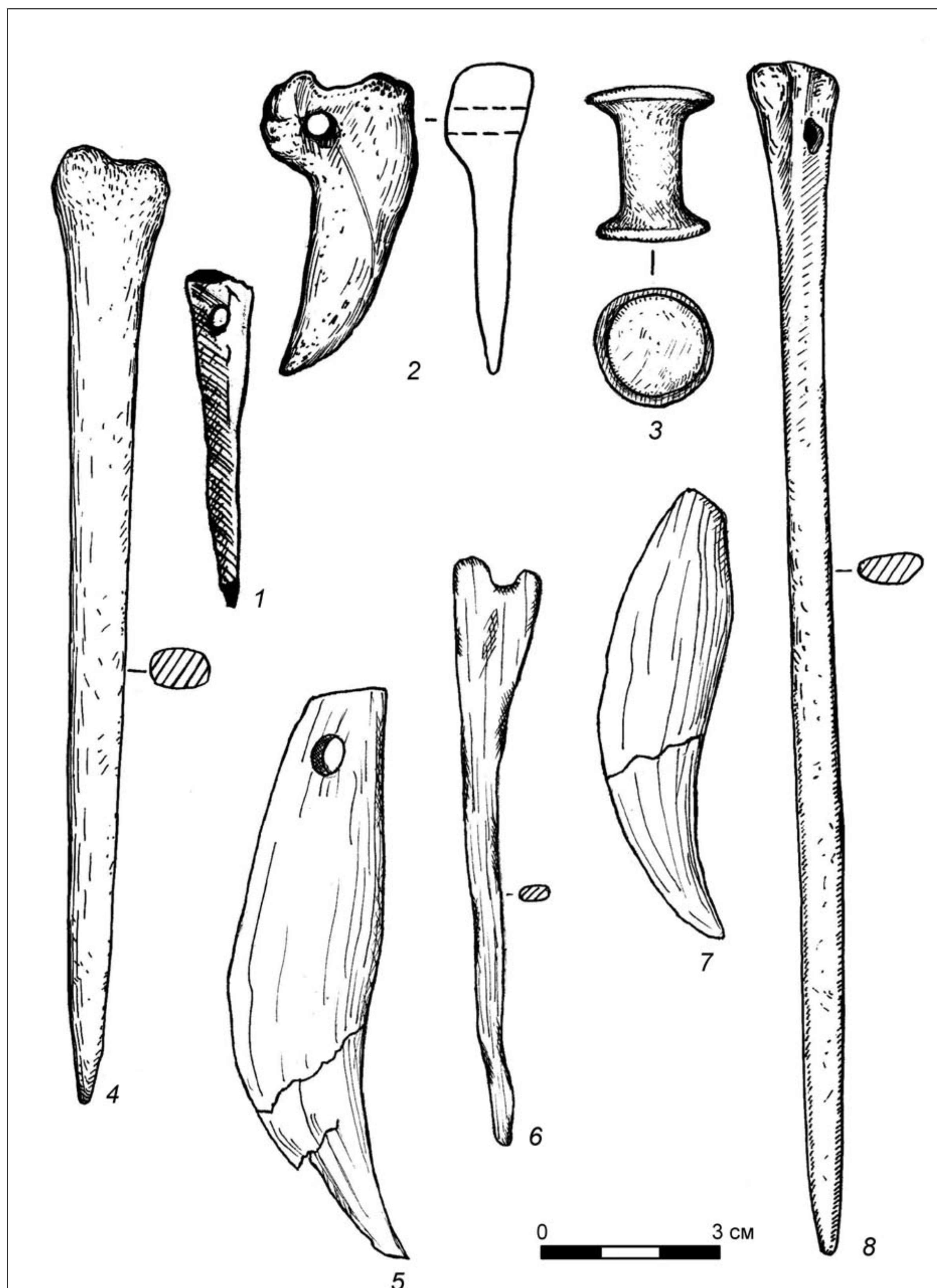


Таблица 62. Костяные детали одежды и амулеты культуры поздней штрихованной керамики: *1—3* — Ивань; *4, 8* — Кащеличи; *5* — Лабенщина; *6* — Качановичи; *7* — Вязынка

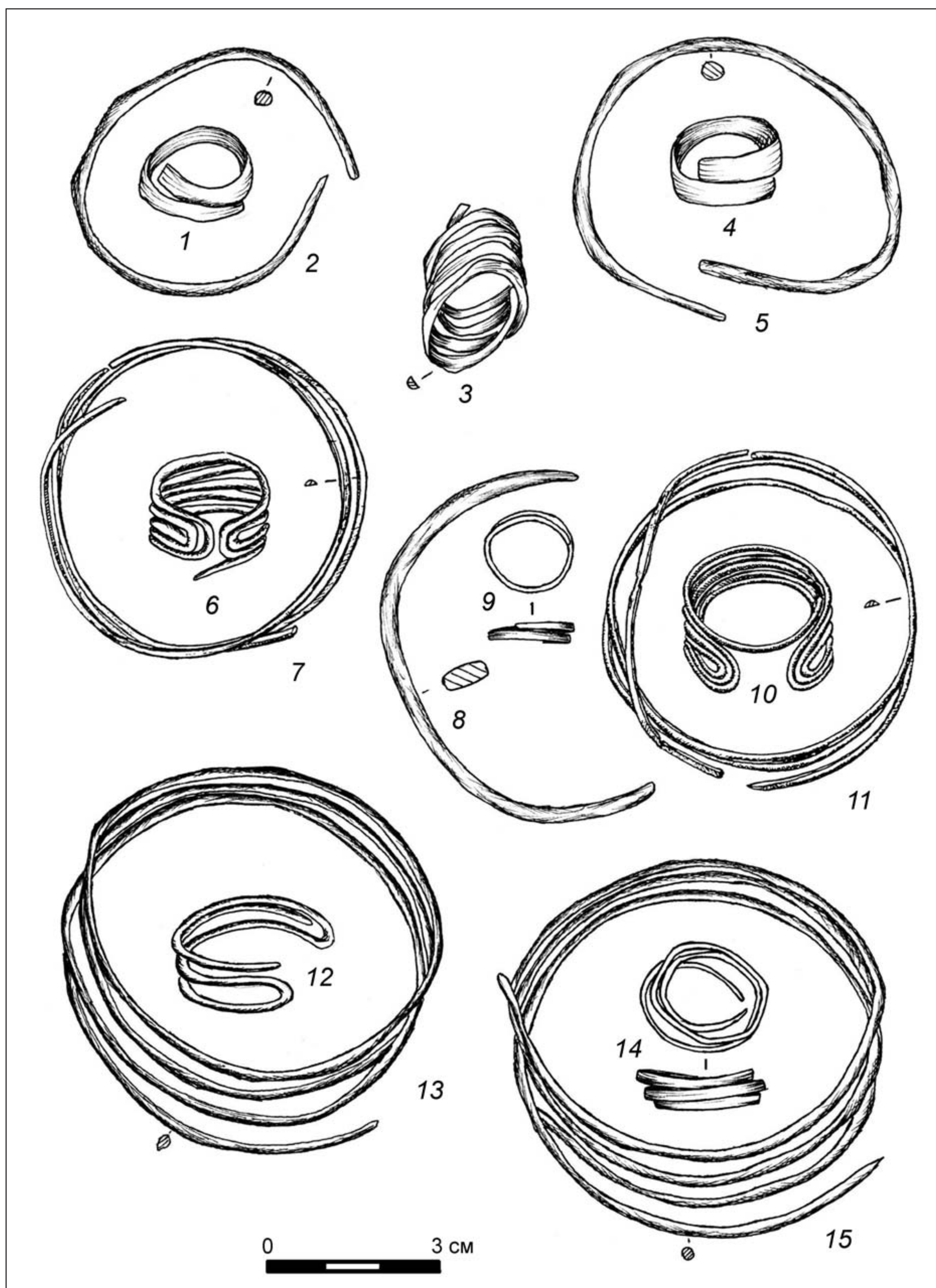


Таблица 63. Украшения носителей культуры поздней штрихованной керамики: *1, 5, 6, 8* — Лабенщина; *2, 13, 15* — Кащеличи; *3* — Няверишке; *4* — Новоселки; *7, 10, 11* — Мысли; *9, 14* — Ивань; *12* — Банцеровщина

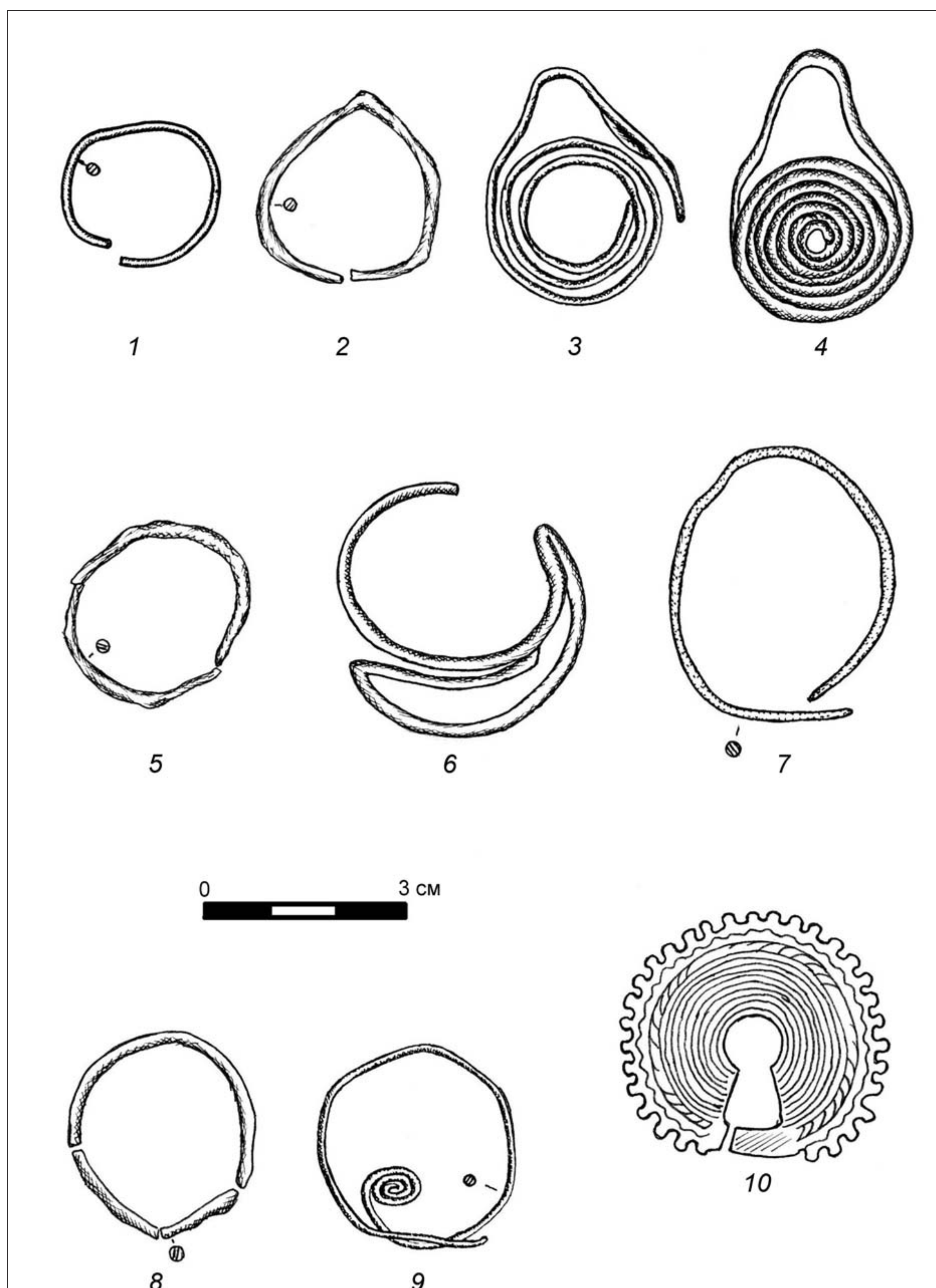


Таблица 64. Височные кольца культуры поздней штрихованной керамики:
1, 8 — Ивань; *2, 5, 6* — Лабенщина; *3* — Малышки; *4* — Ратюнки;
7 — Кащеличи; *9* — Мысли; *10* — Няменчине

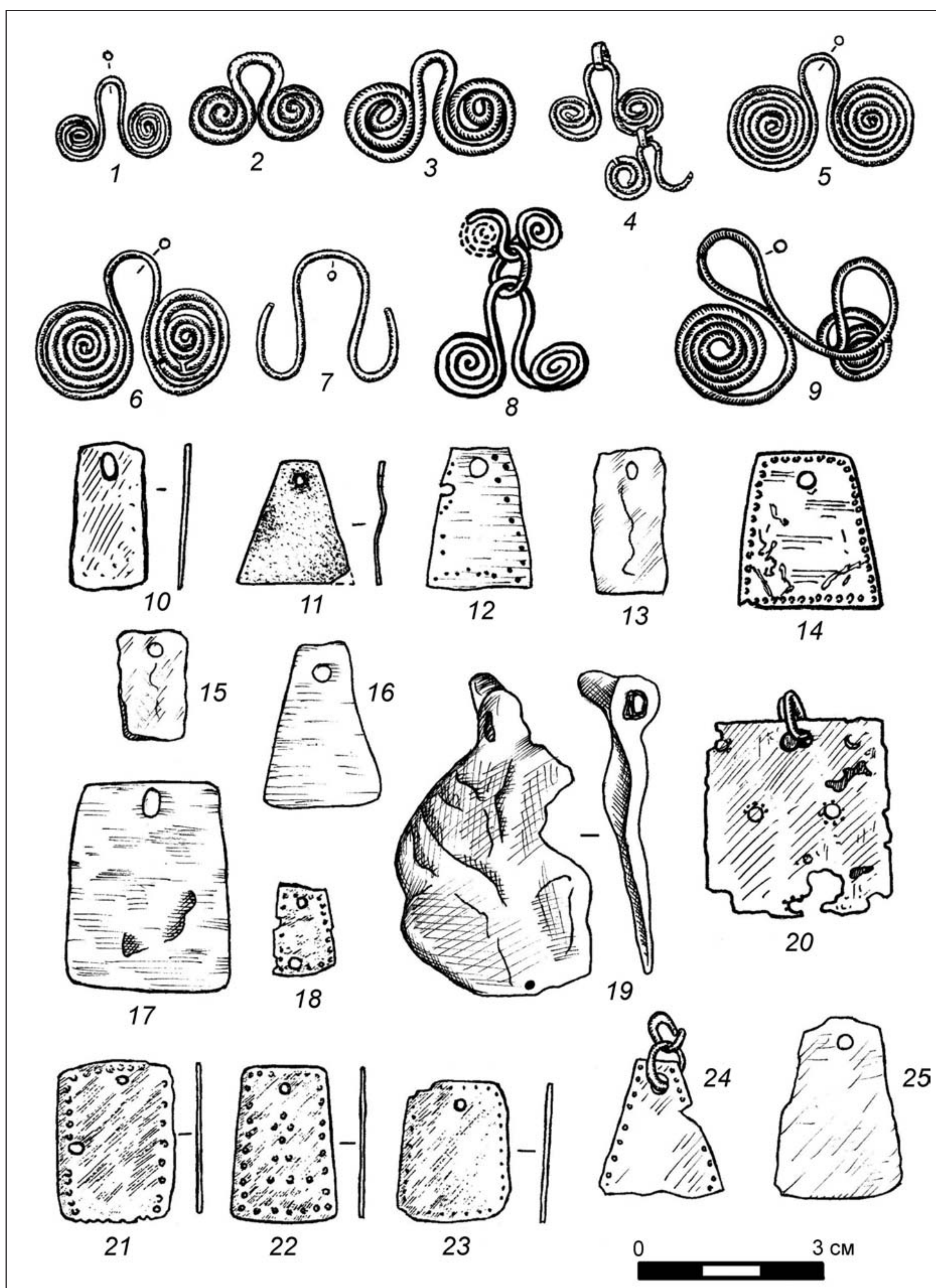


Таблица 65. Подвески носителей культуры поздней штрихованной керамики: *1*, *4—7*, *18*, *21—23* — мысли; *2*, *12*, *16* — Лабенщина; *3*, *8—10*, *13—15*, *17—20* — Ивань; *11* — Ратюнки; *24* — Тарилово; *25* — Малышки

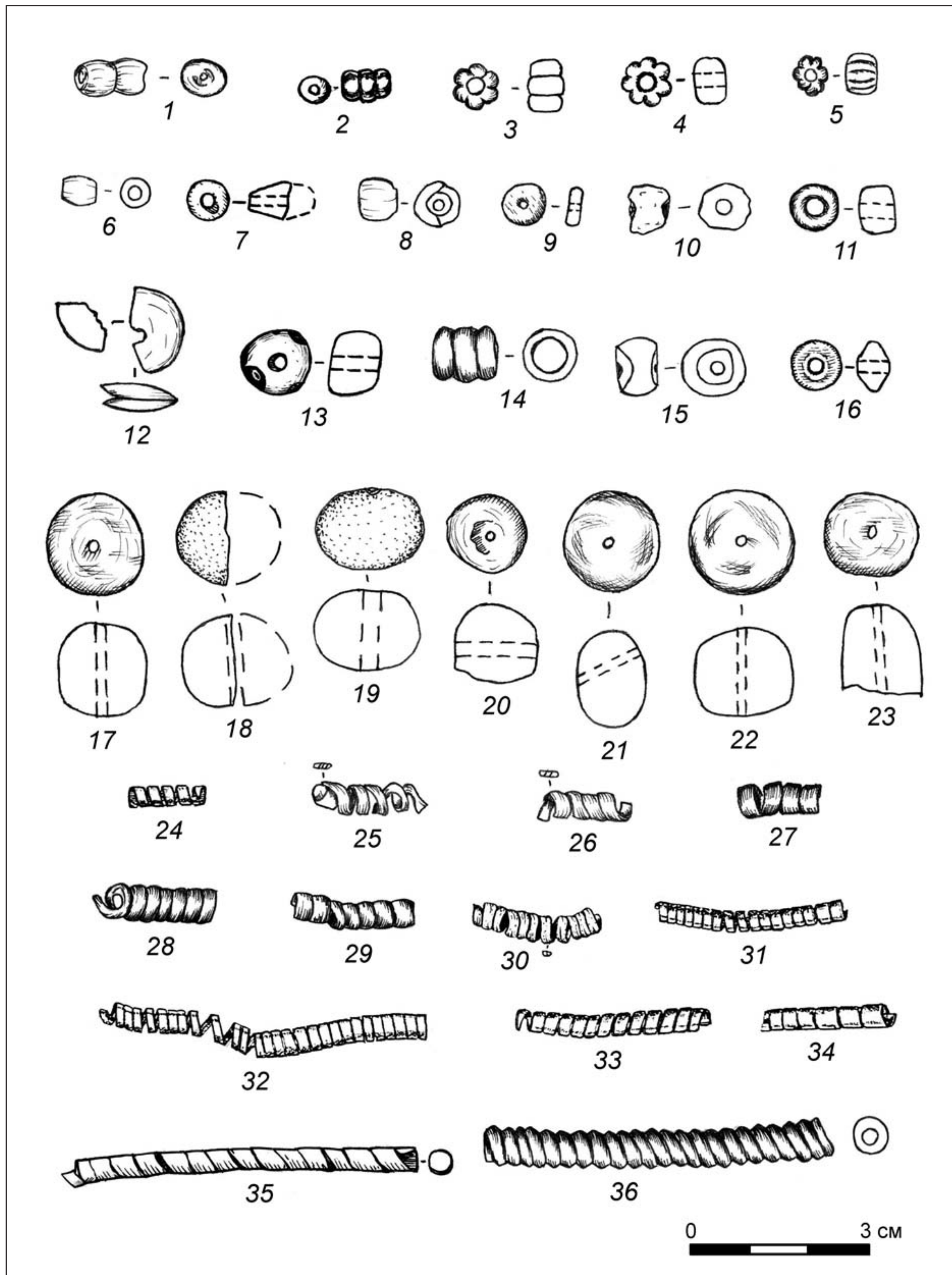


Таблица 66. Нагрудные украшения носителей культуры поздней штрихованной керамики (*1—23* — бусы; *24—36* — пронизки; *1—11, 13—16* — стекло; *12* — янтарь; *17—23* — глина; *24—36* — бронза): *1, 5, 24, 31—34* — Мысли; *2—4, 6—8, 10, 11, 13, 15, 16, 29, 35* — Ивань; *17, 21—23, 27* — Кащеличи; *18, 19* — Новоселки; *20* — Зазоны; *25, 26* — Няверишке; *28* — Збаровичи; *30* — Ратюнки; *36* — Сокишкяй

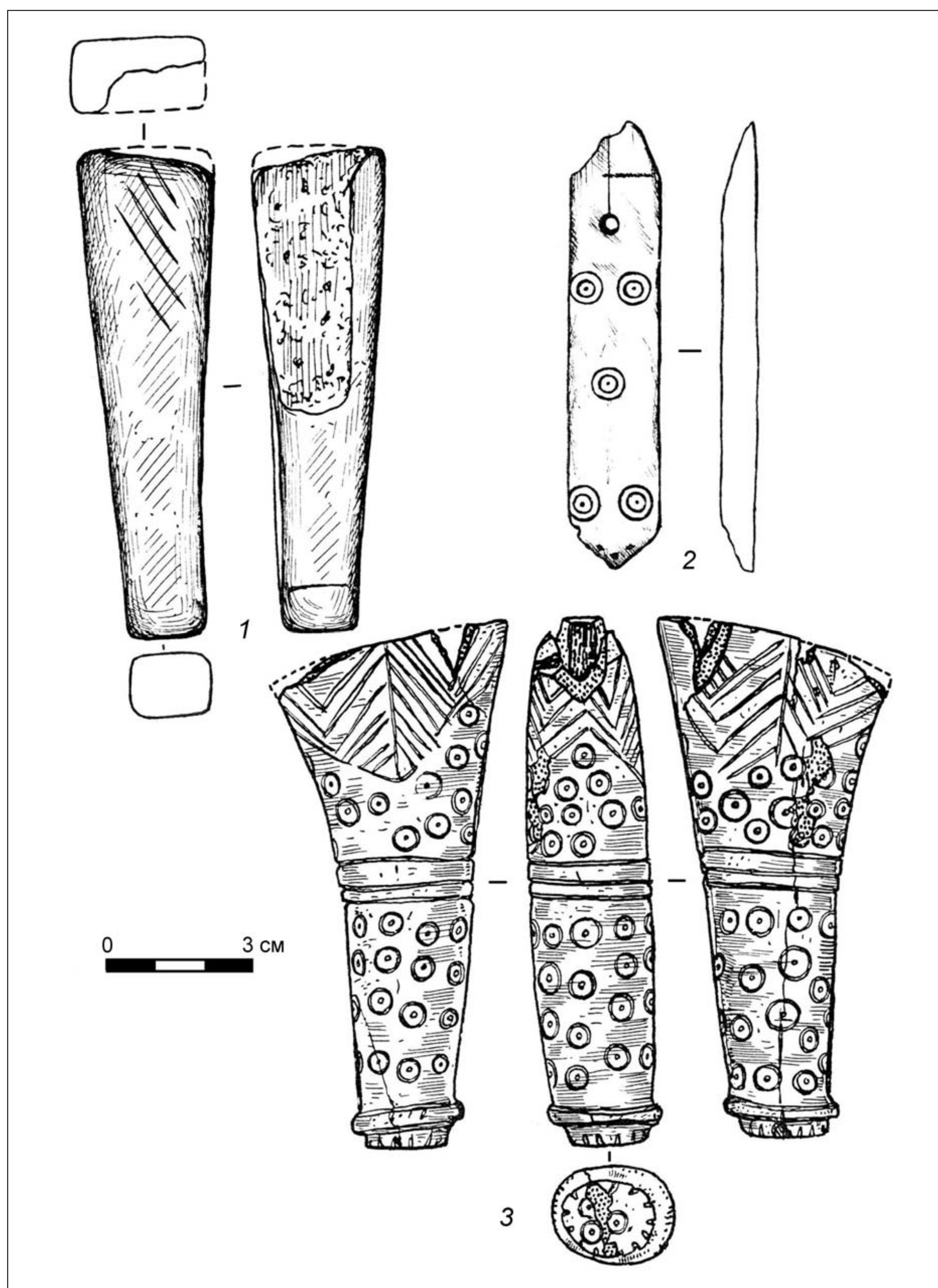


Таблица 67. Костяные рукояти (*1, 3*) и накладка (*2*) культуры поздней штрихованной керамики: *1, 3* — Ивань, *2* — Кащеличи

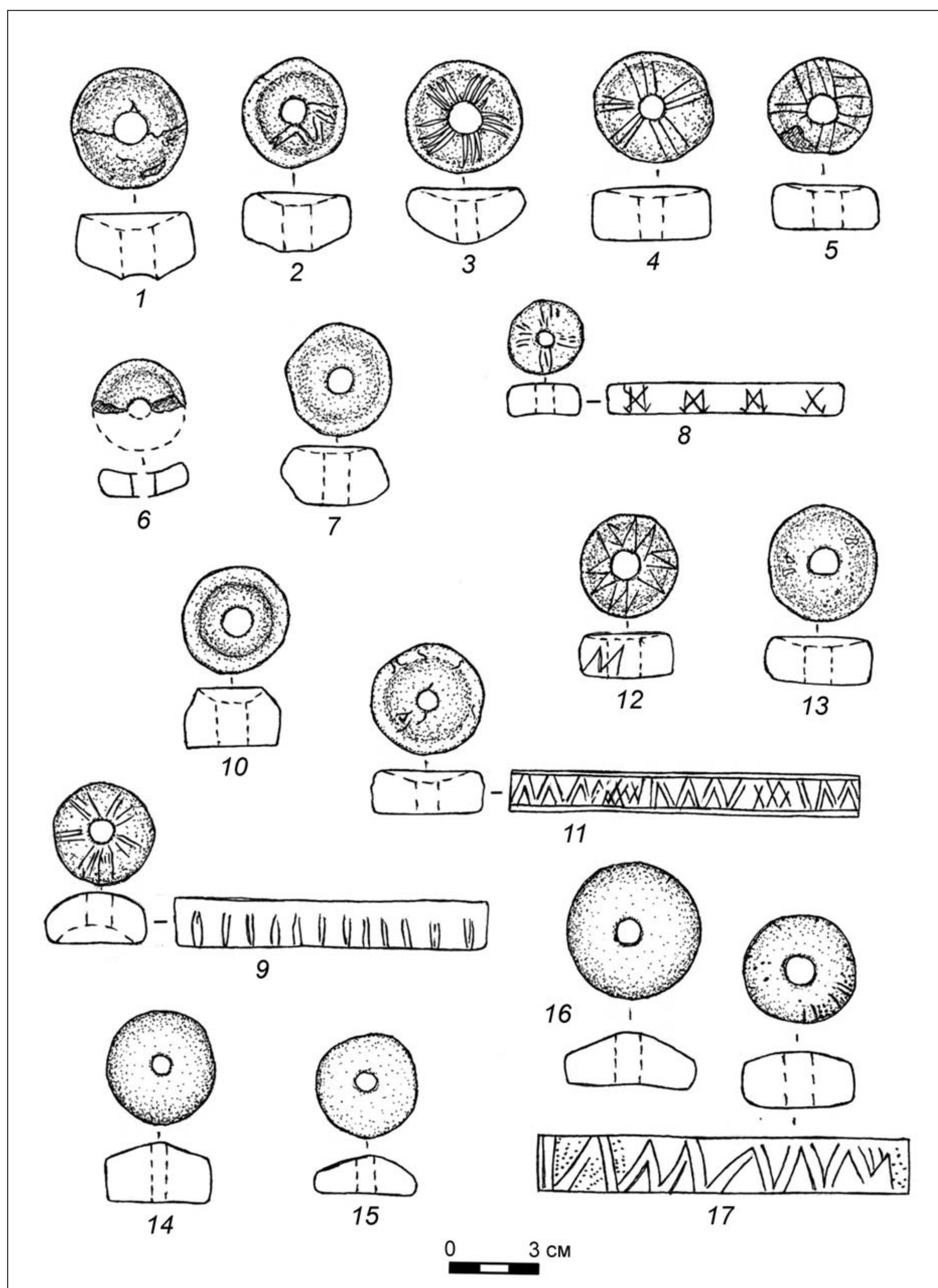


Таблица 68. Пряслица 1—3 типов культуры поздней штрихованной керамики (*1—3*, *6*, *7*, *9* — тип 1; *4*, *5*, *8*, *10—13* — тип 2; *14—17* — тип 3): *1*, *5—7*, *12*, *13*, *15* — Ивань; *2*, *8*, *9*, *11* — Мысли; *3*, *4* — Лабенщина; *10*, *14*, *16*, *17* — Кащеличи

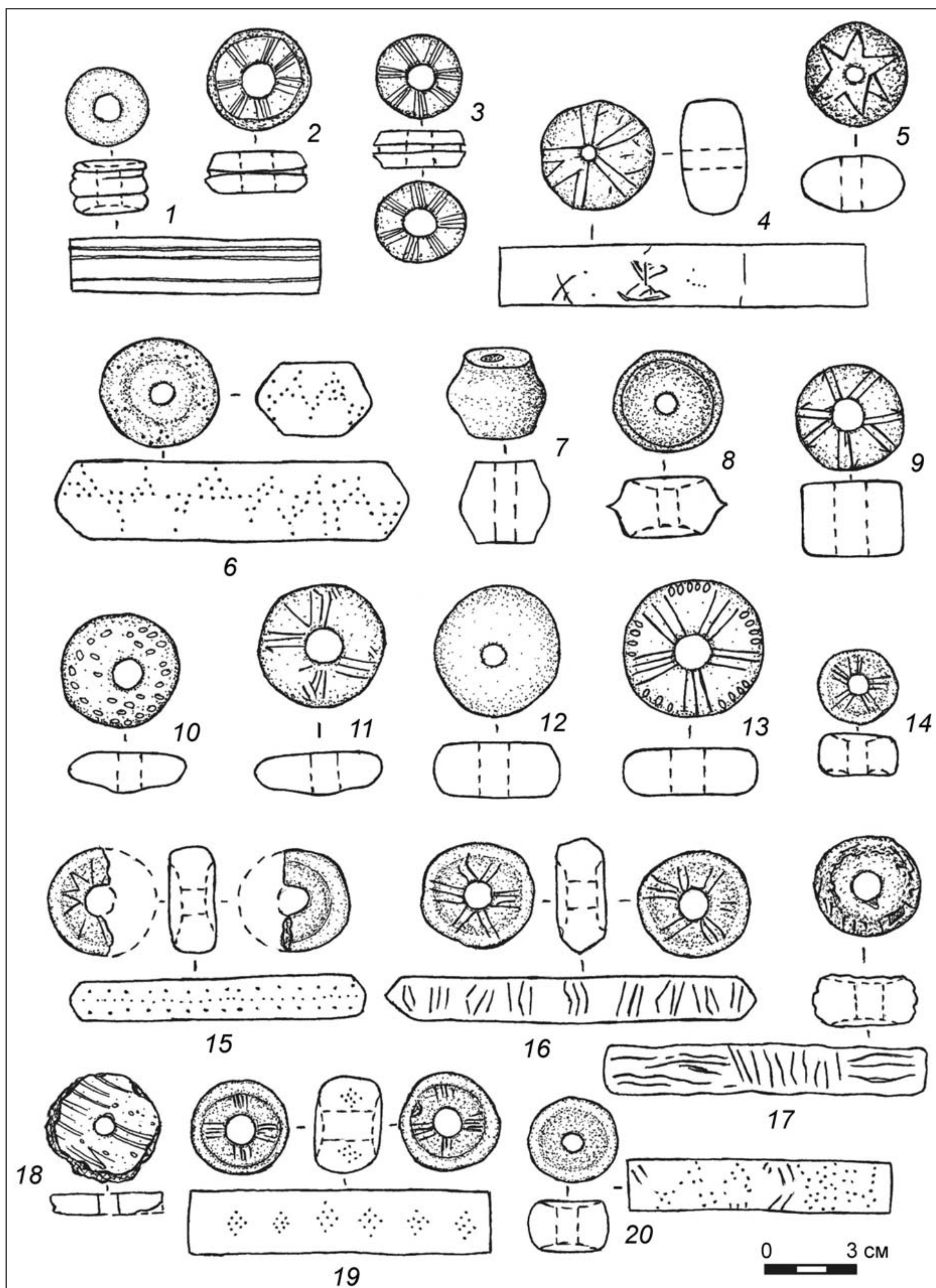


Таблица 69. Пряслица 4—6 типов культуры поздней штрихованной керамики (*1—7*, *9—13* — тип 4; *8*, *14—17*, *19*, *20* — тип 5; *18* — тип 6): *1*, *3*, *19* — Малышки; *2*, *10*, *11*, *13* — Лабенщина; *4* — Кащеличи; *5* — Мысли; *6*, *15* — Качановичи; *7* — Новоселки; *8* — Ворونча; *9*, *12*, *14*, *17*, *18* — Ивань; *16* — Збаровичи; *20* — Вязынка

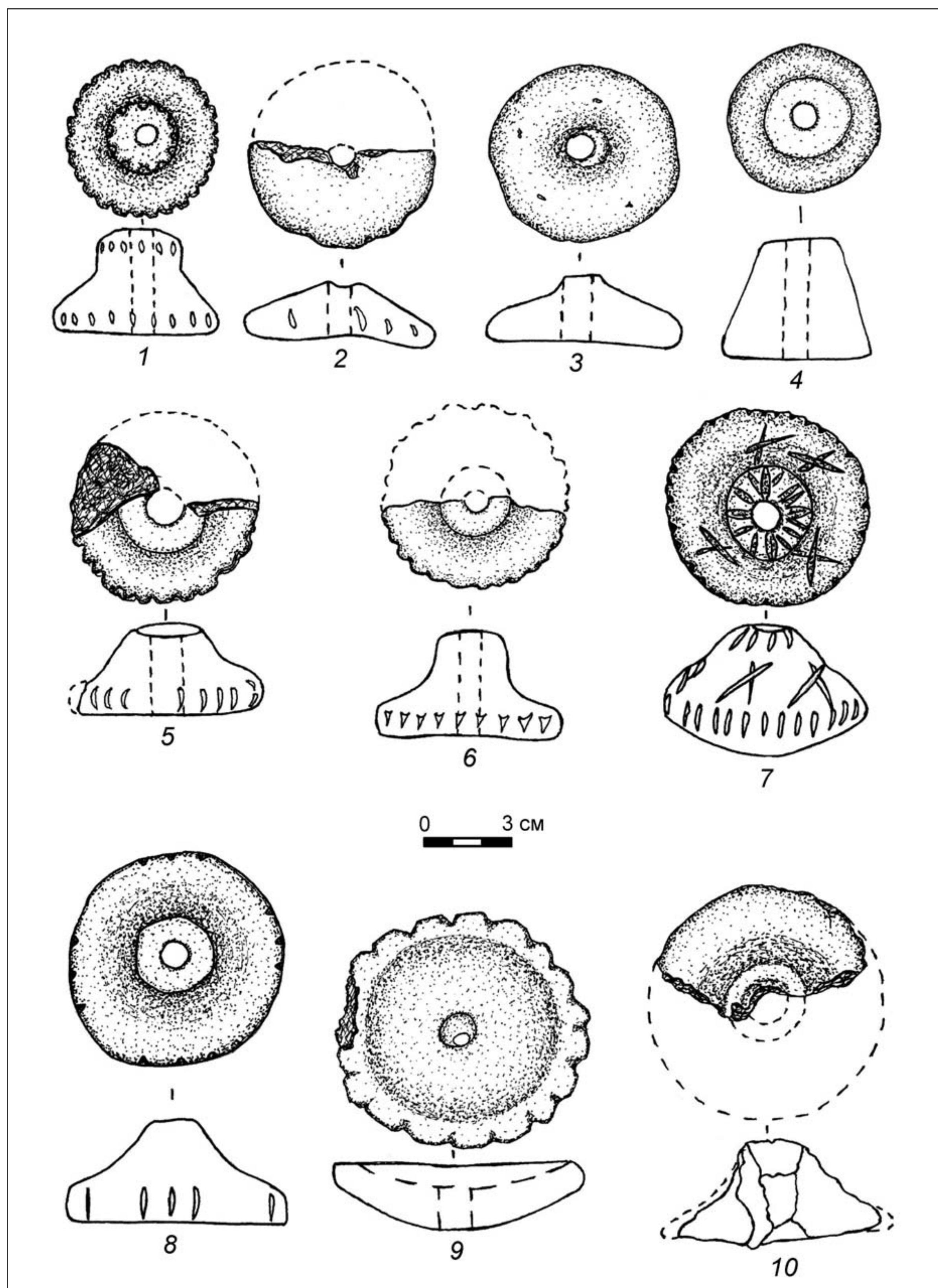


Таблица 70. Грузики дьякова типа культуры поздней штрихованной керамики (*5*, *8*, *10* — тип 1; *7* — тип 3а; *6* — тип 5а; *1* — тип 6; *4* — тип 10а; *9* — тип 14): *1*, *5* — Горани; *2*, *3*, *6* — Кащеличи; *4* — Малышки; *7*, *8* — Кярнаве; *9* — Кимия; *10* — Ивань

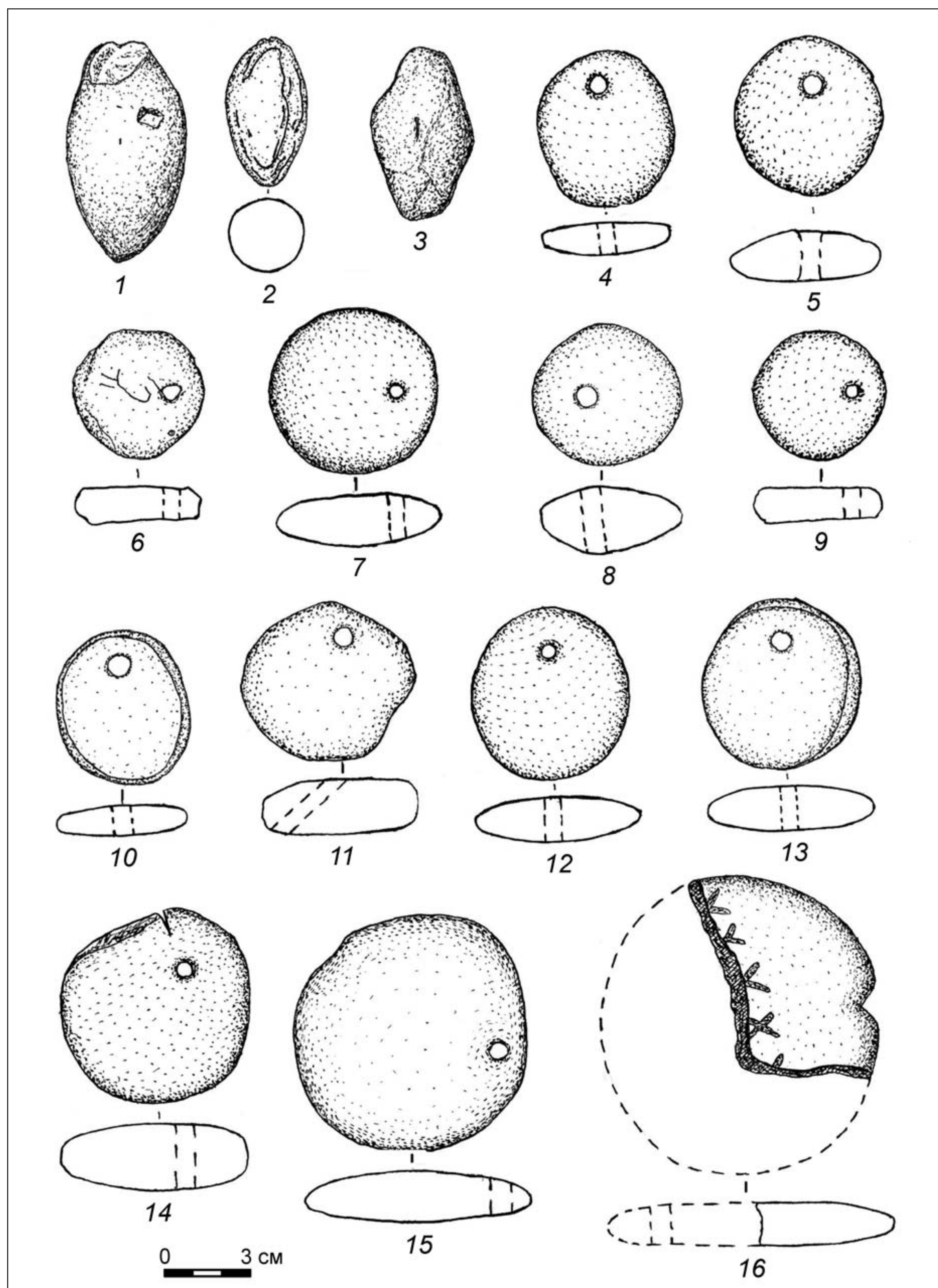


Таблица 71. Рыболовные грузила культуры поздней штрихованной керамики:
1, 3, 5, 6, 9 — Няверишке; *2, 4, 10, 12, 13* — Горани; *7, 8, 11, 14—16* — Малышки

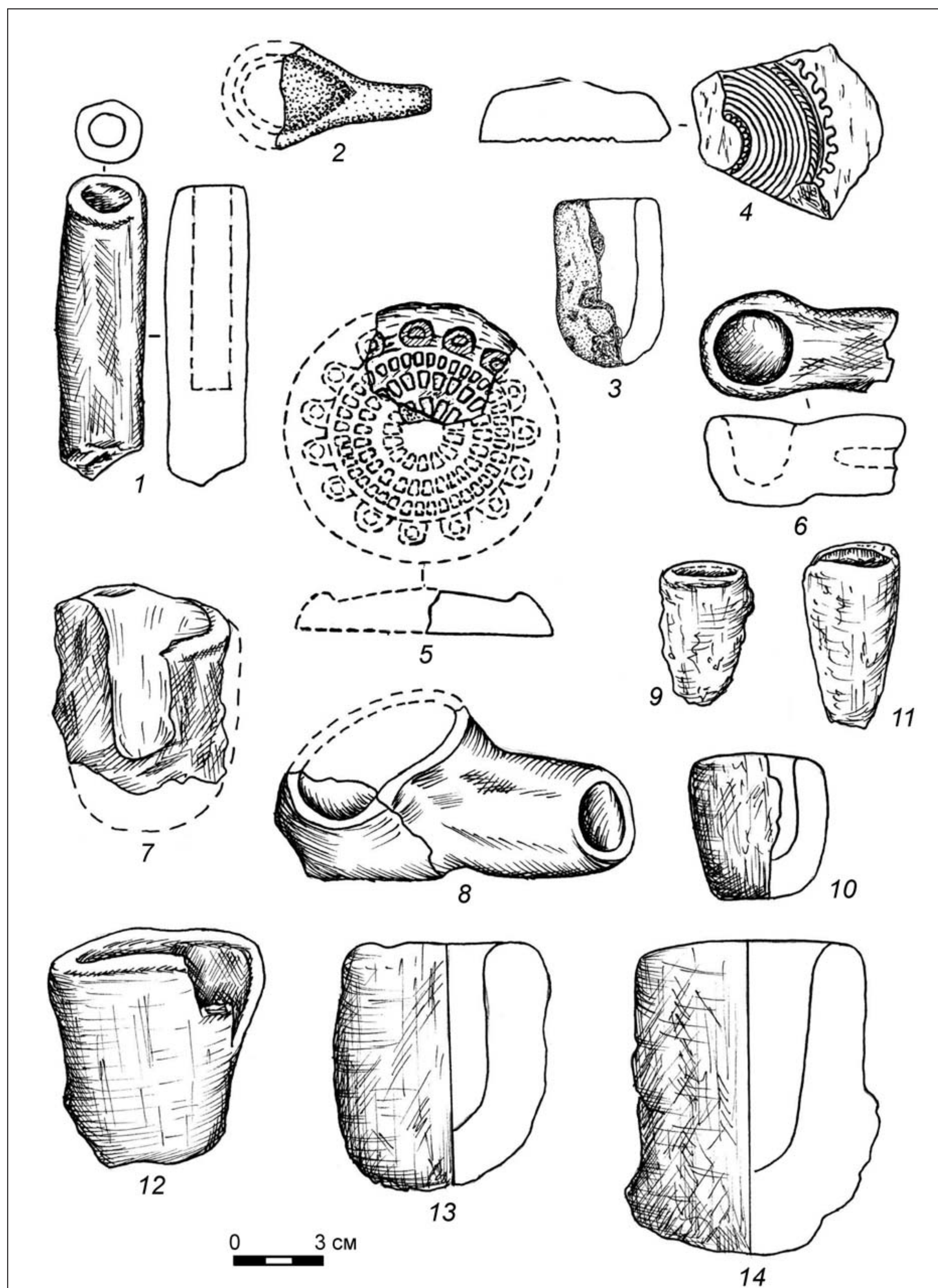


Таблица 72. Предметы бронзолитейного производства культуры штрихованной керамики: *1, 5* — Ивань; *2, 7, 12* — Лабенщина; *3* — Ратюнки; *4* — Кярнаве; *6* — Ворончa; *8* — Банцеровщина; *9, 11* — Малышки; *10, 13, 14* — Кащеличи

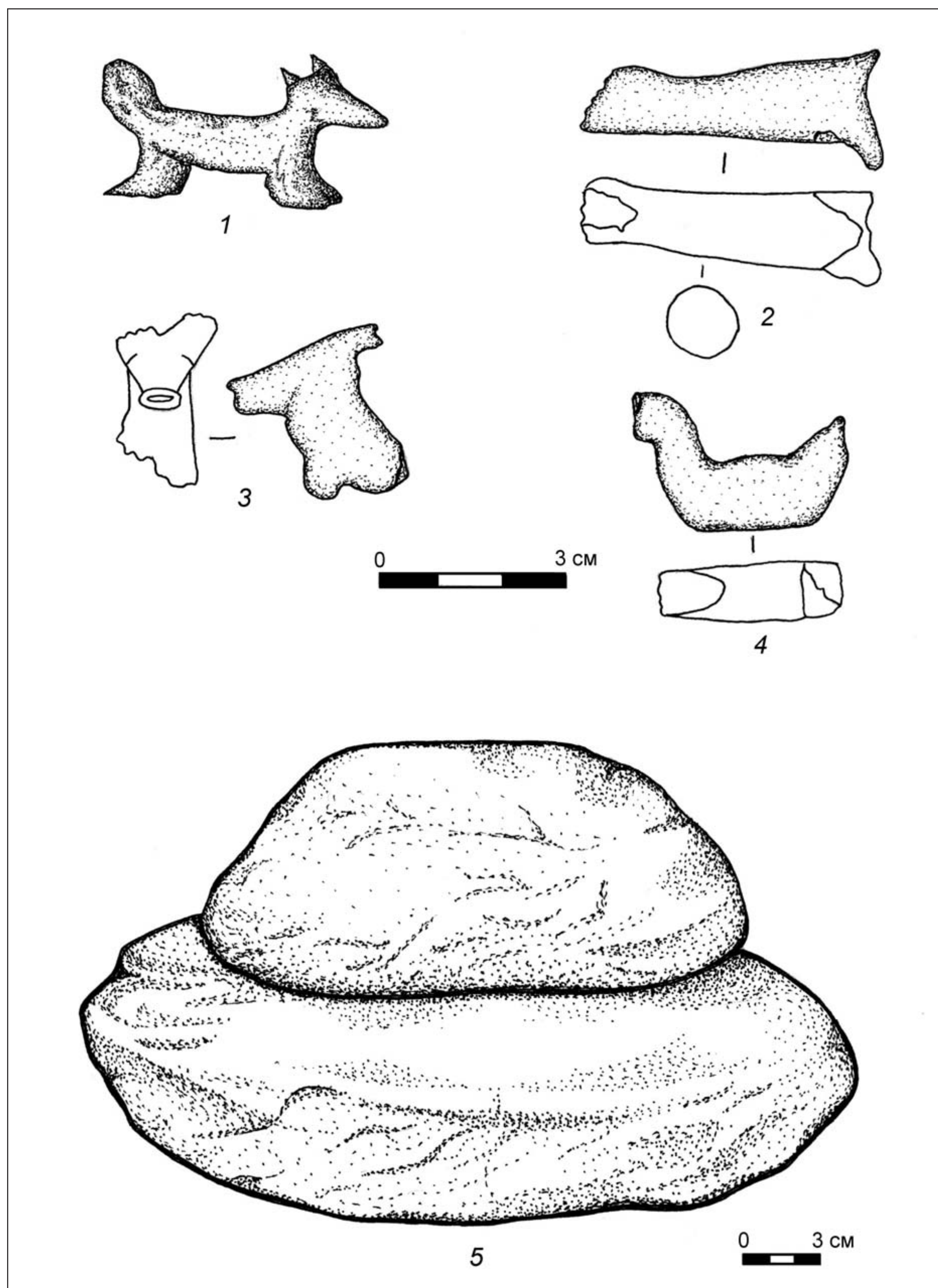


Таблица 73. Глиняные зооморфные фигурки (*1—4*) и каменная зернотерка (*5*) культуры штрихованной керамики: *1, 5* — Мысли; *2* — Аношки; *3* — Ворнча; *4* — Кащеличи

ОГЛАВЛЕНИЕ

На обложке:

городище Ратюнки
(*фото Г. А. Красковского, 2005 г.*)

Научное издание

Егорейченко Александр Андреевич

КУЛЬТУРЫ ШТРИХОВАННОЙ КЕРАМИКИ

В авторской редакции

Технический редактор *Г. М. Романчук*
Корректор *Л. Н. Масловская*
Компьютерная верстка *Т. В. Шестаковой*

Ответственный за выпуск *А. Г. Купцова*

Подписано в печать 04.05.2006.
Формат 60×84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Lazurski. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 24,18 + 0,47 цв. вкл.
Уч.-изд. л. 22,96 + 0,5 цв. вкл.
Тираж 200 экз. Зак. .

Белорусский государственный университет.
Лицензия на осуществление издательской деятельности
№ 02330/0056804 от 02.03.2004.
220050, Минск, проспект Независимости, 4.

Отпечатано с оригинала-макета заказчика.
Республиканское унитарное предприятие
«Издательский центр
Белорусского государственного университета».
Лицензия ЛП № 461 от 14.08.2001.
220030, Минск, ул. Красноармейская, 6.